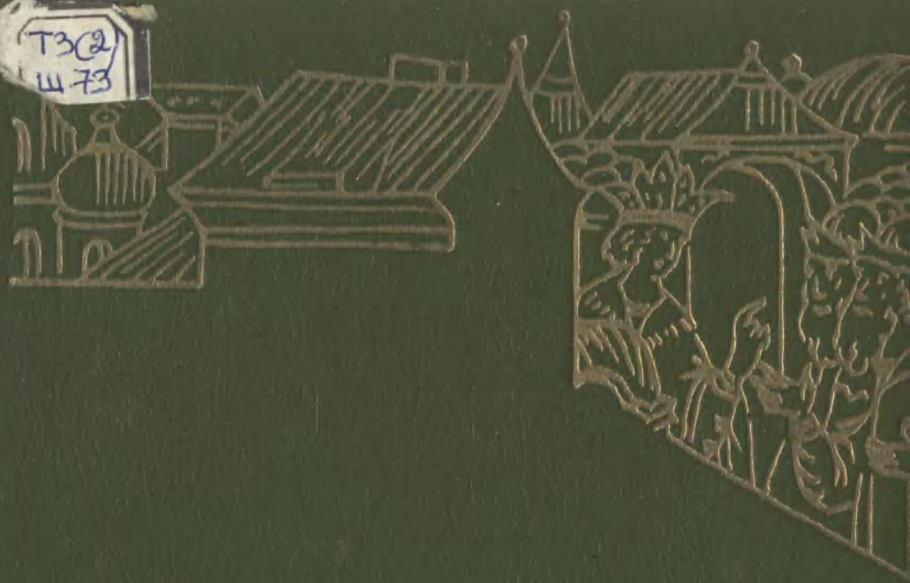


ТЗ(2)
Ш 73



С.О. ШМИДТ

СТАНОВЛЕНИЕ
РОССИЙСКОГО
САМОДЕРЖАВСТВА

Исследование
социально-политической
истории времени
Ивана Грозного



СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО САМОДЕРЖАВСТВА

Начало
Московского царства



Становление
земских соборов



Местничество и абсолютизм



Издательство
«Мысль»
Москва 1973

С.О. ШМИДТ

СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО САМОДЕРЖАВСТВА

Исследование
социально – политической
истории времени
Ивана Грозного



9 (С) 13
Ш 73

Главная редакция
социально-экономической
литературы

Ш $\frac{0164-018}{004(01)-73}$ 125—72

Введение

«Россия XVI века!» Как часто эти слова подменялись другими: «Россия Ивана Грозного». Фигура грозного царя, полвека занимавшего трон, как бы заслонила собой русское общество XVI в. Даже книги о Российском государстве XVI в. называли «Иван Грозный», хотя посвящены они были не биографии первого русского царя, а истории России в целом¹. Характерно название и содержание статьи видного советского историка С. В. Бахрушина, опубликованной 25 лет назад *, — «Иван Грозный в свете новейших исследований»². Это обзор исследований советских историков (напечатанных преимущественно в годы, непосредственно предшествовавшие выходу статьи) по истории России второй половины XVI в. Выбор темы статьи Бахрушина, казалось, должен был бы свидетельствовать не только об особом интересе к этому сюжету, но и о значительных достижениях в изучении проблем истории России XVI в. Между тем содержание обзора показывает, что советскими историками в этой области сделано было тогда еще сравнительно немного — Бахрушин не мог назвать ни одной напечатанной монографии, специально посвященной истории России XVI в.

В советской исторической науке к тому времени уже утвердилось представление о том, что по сравнению с государствен-

ным строем периода феодальной раздробленности централизованное монархическое государство было относительно прогрессивным и его образование способствовало хозяйственному и культурному развитию страны, сохранению ее государственной независимости и успешному отпору внешним врагам. Оценены были и заслуги государственных деятелей, которые боролись за осуществление централизации, этого, по словам Ф. Энгельса, «могущественнейшего политического средства быстрого развития всякой страны»³.

Вместе с тем иногда недостаточно подчеркивалось, что государство в обществе, разделенном на враждебные классы, а значит, и феодальное централизованное государство прежде всего было аппаратом подчинения большинства меньшинству. Иван III и Иван IV изображались в качестве создателей централизованного государства, как бы воплощавших в себе все положительное в процессе государственного строительства. Особенно обнаруживалась такая тенденция в произведениях художественной литературы и изобразительного искусства⁴. Склонны были подчас распространять на Россию и XVI в. относящееся ко времени Петра I известное определение В. И. Ленина о варварских средствах борьбы против варварства⁵; при этом не учитывались значительные пе-

* В том же 1947 г. была напечатана и статья И. У. Будовнича «Иван Грозный в русской исторической лите-

ратуре»⁵, в основном характеризующая дореволюционную литературу.

ремены, происшедшие в жизни нашей страны к началу XVIII в.

К настоящему времени положение существенно изменилось. Опубликованы монографии, статьи, авторефераты диссертаций по социально-политической истории России XVI в.⁷, свидетельствующие о больших достижениях в области исследования конкретно-исторических явлений и осмысления исторического процесса во всей его сложности, о более глубоком овладении неисчерпаемым богатством марксистско-ленинской методологии.

Можно отметить несколько черт, характерных для изучения истории России XVI в. в последние десятилетия. Прежде всего наблюдается расширение тематики исследований и стремление теоретически объяснить изучаемые события. При этом явления рассматриваются в широкой исторической перспективе, во взаимосвязи с предшествовавшим и последующим временем. Ученые стараются выявить исторические корни изменений в социально-экономических отношениях, предпосылки государственных преобразований, активизации внешней политики и подъема общественной мысли и культуры середины XVI в. В XVI в. можно обнаружить и социально-экономические и государственно-политические предпосылки нового периода русской истории⁸, начало которого датируется примерно XVII в., и условия, приведшие к грандиозным народным движениям в первые годы XVII в. События политической истории и истории общественной мысли и культуры изучаются во взаимосвязи с социально-экономической историей.

Все больше обращается внимание и на сравнительное изу-

чение фактов отечественной и зарубежной истории, на выявление общего и особенного в русской истории, на определение всемирно-исторического значения событий отечественной истории.

Круг ученых, исследующих историю России XVI в., расширился. Рука об руку с учеными, работы которых получили признание еще накануне Великой Отечественной войны или в первые послевоенные годы, в изучении этого периода успешно участвуют и совсем молодые исследователи. Историей России XVI в. занимаются и представители смежных общественных наук — литературоведы, юристы, экономисты, искусствоведы, филологи. В свою очередь и историки принимают более действенное участие в разработке вопросов, которые ранее изучались только специалистами этих наук. Таким путем определяются проблемы, находящиеся на стыке наук, и возможности взаимобогащения научной методики приемами, испытанными в смежных науках.

Уважение к традициям исторической науки, особый интерес к вопросам историографии — еще одна характерная черта исследований последних десятилетий. Советские исследователи используют достижения и зарубежной науки. Возрастает и интерес зарубежных ученых к проблемам истории России периода феодализма и к творчеству советских историков — их труды переводятся, реферируются, рецензируются. Постоянной стала практика совместных научных конференций советских и зарубежных ученых, и проблемам истории России XVI в. там отводится обычно немалое место. Выводы и наблюдения со-

ветских ученых, опирающиеся на всестороннее изучение многообразных фактов, служат в то же время наилучшим аргументом и в споре с теми, кто за рубежом — вольно или невольно — искажает историю нашей страны и пропагандирует неправильные представления о ходе исторического процесса.

Создается более разносторонняя источниковая основа для исследований. За последние годы сделано многое в области описаний, публикации и специального изучения источников XVI в. Важно отметить, что публикация многих исторических памятников сопровождается (или даже предваряется) их специальным источниковедческим и собственно историческим (или литературоведческим) изучением (в сравнении с другими источниками). Наряду с трудами монографического характера (книги, статьи, диссертации советских ученых), посвященными реформам конца 1540-х — 1550-х годов и опрличине, организации центрального и местного управления, имунитетной политике в отношении владений церковных феодалов, отражению событий политической истории в памятниках общественной мысли, появились работы, рассматривающие отдельные виды источников (разрядные документы, разновидности актов, хозяйственные книги, летописи и другие памятники публицистики, миниатюры лицевых рукописей, исторические песни и устные исторические предания и др.). Это также стимулирует дальнейшее развитие исследований по истории России XVI в. Вместе с тем состояние источниковой базы в значительной мере объясняет и такую отличительную черту новейших трудов по истории России

XVI в., как гипотетичность многих построений.

При ознакомлении с новейшими фундаментальными исследованиями по политической истории и истории государственных учреждений России XVI в. обнаруживается, однако, и другая любопытная особенность, отражившаяся даже в названиях некоторых из таких трудов, — большинство из них имеет очерковый характер и не все стороны затронутой проблематики изучены в равной мере детально и глубоко. Сейчас еще пора монографического исследования отдельных, недостаточно изученных вопросов истории России XVI в. Это — обязательное предварительное условие создания в близком будущем научно обобщающих трудов по истории Российского централизованного государства XVI в.

Предлагаемая вниманию читателей книга тоже имеет очерковый характер. Книга посвящена в основном политической организации общества времени становления Российского «самодержавства» — слово «самодержавство» (или «самодержжество») употреблялось тогда и для характеристики власти государя, и как обозначение суверенности государства.

Политическая организация общества, содержание и методы деятельности феодального государства определялись характером взаимоотношений между классами-антагонистами и между различными группами внутри господствовавшего класса. В книге исследуются лишь некоторые, недостаточно изученные стороны этого многообразного комплекса проблем. Начальный раздел книги посвящен истории «смятения» в Москве в первый год «Московского царства» и отражению

событий июня 1547 г. в публицистике. Становление земских соборов, характеристика их исторического значения — тема второго раздела книги. Третий раздел посвящен практике и идеологии местничества*.

Это — исследование социально-политической истории России времени Ивана Грозного, воздействие которого на современные ему события несомненно, и Иван Грозный, естественно, как бы присутствует во всех разделах книги. Однако цель автора показать не деяния первого русского царя, а русское общество того времени, его политическую организацию. Автор не ограничился рассмотрением событий только 1540-х—1580-х годов и попытался охарактеризовать явления социально-политической жизни в развитии, уделяя особое внимание (говоря словами Ф. Энгельса) «общему взаимодействию между возникновением и исчезновением, между прогрессивными изменениями и изменениями регрессивными»⁹. Это облегчает, можно полагать, понимание развития политической организации русского общества и последующих столетий, понимание истоков российского абсолютизма.

Отдельные части работы представляют собой самостоятельные исследования; специальное место в них отведено

историографии изучаемых вопросов. Это побудило отказаться от особой вводной историографической главы.

В современной науке (как справедливо отметил недавно В. В. Дорошенко)¹⁰ «в ходе исследования сплошь и рядом стирается грань, отделяющая «добычу» материала от его «обработки». И в настоящей книге собственно историко-ведческая тематика занимает не меньшее место, чем собственно историческая.

Прежде чем формулировать выводы и наблюдения исторического характера, нужно было определить состояние источниковой базы исследования (сравнивая при этом и сведения источников, недавно попавших в поле зрения ученых, с данными, ранее уже опубликованными, а зачастую и изученными), изучить, насколько типичны и в какой степени сопоставимы известные нам факты, в какой мере обосновано обращение именно к тем, а не иным методическим приемам историко-ведческого исследования.

Это сделать было тем более необходимо, что документов по политической и социально-экономической истории начала Московского царства сохранилось сравнительно немного. В наиболее ранних из дошедших до нас описей главных государственных архивов (Царского

* Автор счел возможным специально не останавливаться на некоторых, даже важных для тематики работы, вопросах (о связи событий в Москве в июне 1547 г. и волнений в других городах и в деревне, об образовании первых государственных при-

казов и т. п.) в тех случаях, когда эти сюжеты были предметом детального рассмотрения в сравнительно недавно вышедших трудах и положения исследований казались автору достаточно обоснованными.

архива 1570-х годов, архива Посольского приказа 1614 г.) упоминаются документы, значительная часть которых известна только по названиям; уцелели лишь остатки массивов приказной документации, а многие нарративные (повествовательные) источники, особенно памятники публицистики (в том числе сочинения Ивана Пересветова, Ивана Грозного, Курбского), известны лишь в поздних списках.

Архивы правительственных учреждений сильно пострадали во время пожаров 1547 г. (когда полностью выгорели Кремль и большая часть Москвы) и 1571 г. («в приход крымского царя»). В 1571 г., по словам современника-иностранца, сгорели «все челобитья, судные списки и расписки»; после пожара был принят «государев приказ» — «всем бояром, и дворяном, и всяким людем, у кого государевы жаловальные грамоты, и доходные списки, и всякие крепости погорели, и они б являли и записывали»¹¹. Многие документы погибли в Москве в годы польской интервенции начала XVII в. Наконец, особенно пагубным для историков оказался пожар 1626 г., когда «во многих приказах многие государевы дела и многая государева казна погорела». Еще в середине XVII в. пожар 1626 г. служил вехой для приказов — в Соборном Уложении 1649 г. разделяли дела, которые «вершены до Московского большого пожару...» и «после пожару вершены»¹². «Громадное количество актов в московских архивах, существовавших еще до пожара 1626 г., переживших занятие Кремля поляками, сгорело в 1626 г., и 1626 год сделался своего рода памятной датой. Всякие акты, неизданные и да-

тированные до 1626 г., как правило, редкость»¹³, — писал выдающийся знаток и исследователь отечественной истории М. Н. Тихомиров.

Таким образом, как это ни парадоксально, мы имеем больше материалов делопроизводства местных учреждений XVI в., чем центральных учреждений, а документы, выданные в Москве (и, безусловно, хранившиеся в XVI в. там в архивах), дошли до нас, как правило, в экземплярах, находившихся в архивах адресатов (монастырских канцелярий, дьячих изб городов и пр.).

Зачастую документы погибали от небрежного хранения. Судьба документальных материалов во многом зависела и от реорганизации управления, перемен в постановке делопроизводства. Наконец, документы внутренней политики сравнительно быстро утрачивали ценность (поэтому-то в поздних описях XVI—XVII вв. их описывали иногда суммарно)¹⁴, использовались в качестве черновиков или просто уничтожались за ненадобностью.

Особенно мало уцелело документов из архивов частных лиц. Прерывались родственные связи, менялись владения, и не было нужды сохранять документы каждой новой жизни, не отвечавшие потребностям сегодняшнего дня. Документальные материалы светских лиц отложились от XVI в. лишь в фондах некоторых монастырей, куда их передавали на хранение вместе с проданным, заложенным, пожертвованным имуществом¹⁵.

При попытках определить историческую ценность источника необходим, конечно, прежде всего классовый анализ. Надо учитывать также и особенности государственной, нацио-

нальной, культурной принадлежности создателя источника, характерные черты эпохи. Эти положения давно уже стали для советских историков само собой разумеющимися. Однако следует иметь в виду и то, что может изменяться во времени и смысловая и эмоциональная нагрузка источника. Проблематика, связанная с особенностями отражения в источниках исторической действительности и ее восприятия, находится на стыке не только с социологией, но и с психологией (психологией творчества и психологией восприятия — массового и индивидуального)¹⁶. Историк-вед призван освоить современные источнику системы коммуникации, попытаться расшифровать и оценить источник с точки зрения его современников и в то же время «прочитать» его «свежими и нынешними очами». Историки постепенно овладевают навыками более проникновенного «прочтения» исторического источника. В этом в первую очередь, а не только во введении в научный оборот историков ранее неизвестных источников обнаруживается прогрессивное развитие исторического научного мышления¹⁷.

Известно, что историку в отличие от естествоиспытателя не дано экспериментальным путем восстановить изучаемые им факты. Но он обязан стремиться дать правильное объективное представление об исторических фактах. Историк, не имея возможности экспериментальным путем воссоздать историческое явление, а следовательно, проверить абсолютную точность его определения и описания и не обладая обычно знанием всех фактов, относящихся к этому явлению, а лишь фрагментами таких знаний, вы-

нужден прибегать к приему исторической реконструкции, чтобы «дорисовать» затененные стороны и вскрыть взаимосвязи изучаемых им явлений¹⁸.

Неполнота источниковой базы, недостаточное еще овладение приемами понимания «языка» источников далекого прошлого, слабая пока изученность существенных явлений истории России XVI в. (таких, как история города, история социальных прослоек общества и их взаимоотношений, характерные особенности социальной психологии людей XVI в., история государственных учреждений второй половины XVI столетия и др.) заставляет удерживаться от однозначных решений; излишне поспешные выводы, так сказать, «глобального характера» могли бы оказаться схематичными, поверхностными. Но это же обязывает ставить вопросы и формулировать, когда это допустимо, и предварительные ответы на них. В книге больше предположений, чем утверждений. Здесь отражены и результаты научных поисков и предпринята попытка определить спорные вопросы, а также направления и возможные перспективы дальнейших исследований.

Работа основана на изучении специальной литературы и разнообразных источников — рукописных и печатных. Использованы документальные материалы Центрального государственного архива древних актов, Рукописного отдела Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, Отдела рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея, Рукописного отдела Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, Рукописного отдела Библиотеки Академии

наук СССР, Архива Ленинградского отделения Института истории СССР Академии наук СССР, Архива Академии наук СССР и его Ленинградского отделения, Центрального государственного исторического архива УССР в Киеве, Государственного архива Архангельской области, Государственного архива Ярославской области.

В основе некоторых разделов книги — ранее опубликованные труды автора ¹⁹ (во все эти работы внесены более или менее существенные добавления и изменения), доклады и сообщения на заседаниях сектора отечественной истории периода феодализма Института истории АН СССР, сектора отечественной истории периода феодализма Ленинградского отделения Института истории, Археографической комиссии, группы по изучению древнерусской литературы Института мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР, кафедр Московского государственного историко-архивного института, кафедры

истории славянских стран Сорбонны, на конференциях-встречах советских и французских историков в Париже, советских и итальянских историков в Москве и в Риме, на XIII Международном конгрессе исторических наук в Москве.

Автор очень многим обязан советам своего покойного учителя Михаила Николаевича Тихомирова. Большую помощь оказали работники архивов и библиотек, коллеги и ученики. Очень ценными оказались замечания рецензента рукописи С. М. Каштанова. Подготовке этой книги к печати многим содействовали Л. Н. Растопчина, а также В. Ю. Афиани и К. И. Безродная.

Труд свой автор посвящает памяти родителей — первых наставников на избранном им пути. Достойные преклонения широта и многообразие их интересов, творческая одержимость и душевная щедрость навсегда останутся для автора побудителем творчества.

Начало Московского царства



В начале 1547 г. великого князя Ивана IV торжественно провозгласили царем. Москва сделалась царствующим градом. Страну стали официально называть царством. В представлении современников понятия «государство» и «царство» становятся как бы тождественными. При этом одновременно пользовались наименованиями «Московское царство» и «Московское государство», «Российское царство» (даже «Русское царство») и «Российское государство» *. Словоупотребление «Московское царство» прочно вошло в обиход современников, а затем публицистов и ученых ** позднейшего времени. Выражение «в эпоху московского царства» встречаем у В. И. Ленина ¹.

События 1547 г. — венчанию на царство, «великому пожару» в июне и последовавшим затем волнениям — историки придавали большое значение, связывая с ними изменения в правительственной деятельности и перемены в характере молодого царя Ивана. Широко известен афоризм Н. М. Карамзина: «Для исправления Иоаннова надлежало сгореть Москве» ².

Историки-марксисты при изучении событий 1547 г. уделили особое внимание волнениям в Москве в июне 1547 г. О «народном бунте 1547 года», объединившем в один огромный взрыв мелкие «сопротивления властям», писал М. Н. Покровский, подчеркивавший политические причины движения и то, что оно «не было местным, московским» ³. В середине 1930-х годов И. И. Смирнов изучал Московское восстание 1547 г. в связи с другими восстаниями в годы малолетства Ивана IV и на основании этого предпринял попытку определить этапы классовой борьбы в Российском государстве в первой половине XVI в. ⁴ В плане истории борьбы посадских людей с феодальной верхушкой писал о Московском восстании 1547 г. П. П. Смирнов ⁵. С. В. Бахрушин связывал именно с восстанием 1547 г. реформы последующих лет. «К реформам 1550-х годов... Ивана IV в последнюю минуту побудило Московское восстание 1547 г., направленное против злоупотреблений феодалов, и волна челобитчиков», — читаем

* Предстоит еще выяснить элементы различия в подобном словоупотреблении.

** «Московское царство» — так назвал в 1918 г. свой общий

очерк о России XV—XVII вв. один из самых выдающихся историков ее прошлого — А. Е. Пресняков.

в статье С. В. Бахрушина *. «Москва — центр, объединяющий русский народ»⁶. Впоследствии в специальной работе «Классовая борьба в русских городах XVI — начала XVII вв.»⁷ Бахрушин рассматривал Московское восстание на фоне классовой борьбы в других русских городах. Сведения о Московском восстании 1547 г. прочно вошли в учебные пособия и в научно-популярные труды. О характере и последствиях волнений в Москве в 1547 г. писал и автор настоящей работы⁸. В 1950-е годы углубленно изучали историю восстания июня 1547 г. И. И. Смирнов⁹ и А. А. Зимин¹⁰. Зимин привел интересные наблюдения о связи городских восстаний середины XVI в. с волнениями в деревне.

Московское восстание рассматривается как крупнейшее событие политической истории России XVI столетия, во многом определившее дальнейшее развитие общественно-политической жизни в стране. Однако и до сих пор еще история восстания 1547 г. исследована не полностью. Это является следствием прежде всего состояния источниковой базы.

Критический обзор известий о восстании 1547 г.

Известно, что в результате «отсеивающего процесса» времени огромная масса исторических источников не дошла до исследователя. Изучение истории народных движений в России середины XVI в. затруднено из-за малого количества источников, в которых встречаются сведения об этих событиях. К тому же сохранившиеся источники откровенно тенденциозны и отличаются фактической неполнотой. Если от середины XVII в. сохранились разнообразные документальные материалы, и в том числе — что особенно важно — непосредственно отражающие настроения и интересы участников восстаний (челобитные, «роспросные речи»), а также описания сторонних наблюдателей (сочинения иностранцев), то для середины

* Еще ранее С. В. Бахрушин отмечал это в научно-популярной работе «Иван Грозный»¹¹, в основе которой гла-

ва вузовского учебника «История СССР», вышедшего из печати в 1939 г.

XVI в. вся документация такого рода исчезла, если вообще когда-либо существовала.

«Роспросные» и «пытошные» речи участников восстания не названы и в описи Царского архива середины 1570-х годов (нет уверенности в том, что участники событий июня 1547 г. вообще подвергались расспросам); правда, опись дошла не в полном виде, а на уцелевших ее листах многие документы, важные для изучения как раз внутренней политики и классовой борьбы, описаны суммарно. Дела о лицах, подозреваемых в поджоге Москвы в апреле 1547 г. (если такие документы вообще были), вероятнее всего, погибли во время июньского пожара. Это — документы текущего делопроизводства, и их могли не успеть еще присоединить к делам «старых лет», хранившимся в каменных подпольях. Не дошел и актовый материал о понесенных во время пожара потерях — числе сгоревших людей, зданий, оценке погибшего имущества, а также о царских выдачах пострадавшим.

Основными источниками по истории событий 1547 г. являются летописи, сочинения Ивана Грозного, Курбского и другие памятники публицистики. Однако содержащиеся в этих источниках сведения о событиях 1547 г. скупы и разноречивы. Большинство нарративных источников позднейшего происхождения, а в таких источниках (даже у современников описываемых явлений) первоначальные представления — под воздействием последующих событий и с накоплением новых фактических данных или, напротив, с утратой первичных сведений — обычно деформируются.

Сказывался и процесс «изнашивания» исторических фактов — отбирали для памяти только то, что считалось наиболее значительным, да и записывали обычно не сразу (муза истории Клио, как мы знаем, начинает говорить лишь о том, что уже перестало существовать!) и часть данных (сознательно или по забывчивости) не включали в описание.

Известен афоризм В. О. Ключевского: «Торжество исторической критики — из того, что говорят люди известного времени, подслушать то, о чем они умалчивают»¹². Но для историка, изучающего Россию времени феодализма, пушкинские слова «народ безмолвствует» приобретают буквальный смысл — и грамотой владели недостаточно, и выражать письменно недовольство редко кто

решался. Письменные источники соответственно имеют и «стабильные пробелы», в частности, в антагонистическом классовом обществе¹³ они не отражают полностью каждодневную жизнь и классовую борьбу трудящихся. Более того, это отражено, как правило, в источниках, вышедших из иной классовой среды, и прямое воспроизведение данных таких источников чревато искажением исторической правды¹⁴.

Необходимо, наконец, различать в источниках недостоверные факты (по определению К. Маркса, «ложь в передаче фактов, ложь в материальном смысле слова») от ложных взглядов на достоверные факты («ложь в духовном смысле»¹⁵) и степень (и причины) отступления в источниках от правды фактов.

Летописи

Более или менее детальные сведения о событиях 1547 г. обнаруживаются при изучении летописных материалов — обработанных пространных летописей, самостоятельных летописных сказаний или фрагментов их, кратких летописцев. О московских событиях июня 1547 г. (7055 г. *) сообщают «Летописец начала царства», Никоновская и Львовская летописи (в описании восстания текстуально совпадающие с «Летописцем начала царства»), Царственная книга и Александро-Невская летопись, Хронографическая летопись, Четвертая Новгородская летопись, Постниковский летописец, сборник, содержащий летописные статьи о московских пожарах, повесть о юродивом Василии Блаженном, Степенная книга, краткие летописцы и другие летописные источники.

Основные черты и особенности русских летописей XVI в. — «памятных книг времени»¹⁶ (как называли их современники) — неоднократно характеризовались и в обобщающих трудах недавних лет¹⁷, и в специальных исследованиях советских историков и литературоведов. В данной работе нет нужды подробно на этом останавливаться, и можно ограничиться немногими замечаниями, преимущественно методического порядка.

* Как известно, по летосчислению, принятому тогда в России, 1-й год н. э. соответству-

ет 5508 г. от так называемого сотворения мира, а новый год начинался 1 сентября.

При использовании летописных сведений приходится учитывать, что летописи, являясь памятниками публицистики (это наблюдение — правда, в меньшей мере — относится также к кратким летописцам), одновременно зачастую имеют сходные черты и с мемуарами: иногда, как, например, в Постниковском или Пискаревском летописцах, это обнаруживается очень явственно.

«Имея дело с летописью, — замечает Б. А. Рыбаков, — мы всегда должны помнить, что изображаемая летописцем картина не адекватна реальной действительности, а является отражением (вольным или невольным) его взглядов, вкусов, его кругозора и степени осведомленности, его симпатий и антипатий. Эта картина именно такова, какой он *хочет* ее нарисовать»¹⁸. Эти замечания о летописях древней Руси можно в значительной мере отнести и к летописям XVI столетия.

В летописях отражаются и ограниченность восприятия явлений, и особенности человеческой памяти. Летописец не всегда способен выделить в историческом явлении наиболее значительное (или даже наиболее любопытное). Если он сам оказывался непосредственным участником или свидетелем описываемых событий, то основное внимание уделял тому, что произвело на него субъективно наибольшее впечатление, или тем сторонам явлений, о которых был лучше осведомлен. Если летописец получал сведения от других лиц, то понятно, что он находился в зависимости от восприятия этими лицами описываемых событий, от того, что они запомнили или более ярко воспроизвели в своих рассказах. Очень многое зависело от источников информации составителя летописи, от возможностей проверки летописцем имеющихся у него сведений.

Когда летописец описывал историческое явление не по свежим следам, то, естественно, он учитывал последствия и результаты описываемых событий и рассматривал действия участников событий и их политические требования уже в свете этих последствий, хотя на самом деле события иногда принимали неожиданный для их участников оборот и участники событий могли и не иметь ясную программу действий и не способны были предвидеть, как обернется дело.

В том случае, если летописец характеризовал события по прошествии уже достаточно длительного времени, то,

конечно, отнюдь не все в равной степени сохранялось у него в памяти, зачастую нарушалось представление даже о последовательности событий, в лучшем случае оставалась верная картина в самом общем виде.

В творчестве летописцев не могли не отразиться и общепринятые (а также и субъективные) историко-философские, и прежде всего историко-религиозные, представления, согласно которым исторические события укладывались в определенную схему, зачастую априори воспринятую от предшественников. Традиционность — характерная черта средневекового мышления, проникнутого религиозными понятиями и библейскими ассоциациями.

Успехи и бедствия страны в соответствии со средневековым мировоззрением объяснялись чаще всего «божественным промыслом» и рассматривались с точки зрения провиденциализма. Для характеристики исторических явлений использовались привычные заимствования из Библии и других памятников церковной литературы, заимствования иногда даже бессознательные — перо само писало когда-то заученную фразу¹⁹. Летописи и публицистические сочинения рассматривались их авторами и воспринимались читателями прежде всего как «учительная» литература, из которой следовало извлечь историко-философские и политические уроки²⁰.

Летописям, как памятникам исторической мысли (во всяком случае пространным летописям), присущи черты, типичные для средневековой историографии. Задачей писателя было, замечает Е. А. Косминский, не точное установление фактов и причинной связи между ними, а стремление прежде всего истолковать описываемые факты в духе определенной религиозно-этической или политической схемы²¹.

Имело значение и выработавшееся понятие о форме изложения определенных исторических фактов, о соответствующих литературных трафаретах, что сказывалось не только в литературном оформлении летописи (стилистика, использование традиционных формул — «клише»*, словарный состав), но и в отборе «достойного» такой литературы фактического исторического материала.

* Это характерно и для византийской литературы²², к памятникам которой обраща-

лись древнерусские книжники.

Летописец обязан был следовать сложившимся нормам литературного этикета, «обряда». Литературный этикет слагался, по определению Д. С. Лихачева, из представлений о том, как должен совершаться тот или иной ход событий (этикет миропорядка), как должно вести себя действующее лицо сообразно своему общественному положению (этикет поведения), какими словами писатель должен описывать совершающееся (этикет словесный)²³.

В XVI в. наблюдается и большая близость летописного изложения с делопроизводственной документацией, широко использовавшейся составителями летописей (особенно официальных).

Летописцы находились в плену определенных историко-политических концепций идеологов класса феодалов; летописи — памятники феодальной идеологии. Основное внимание в летописи уделялось личности государей, событиям государственной жизни, войнам, т. е. фактам политической истории, особенно таким, которые достойны «чести» и «славы» и, следовательно, должны сохраняться «в память предыдущим родам». Изображение людей строго соответствовало вассальной иерархии феодального общества, и для описания жизни тех, кто стоял вне этой иерархии, т. е. трудящихся, не находилось места. В исторических сочинениях старались отразить мифы политического мышления — официальный идеал народа, типичными чертами которого пытались представить покорность, преданность государю.

Краткость летописцев в описании народных движений прежде всего обусловлена классовой тенденцией. К народным восстаниям и составители и редакторы (и заказчики) летописей относились обычно резко отрицательно. Еще Н. А. Добролюбов отмечал, что в летописях выражались интересы только представителей господствовавших классов, принимавших участие в их составлении, и указывал при этом, что «истории народа по данным летописным составить было невозможно, если человек не умел, как говорится, читать между строк»²⁴. В этом замечании подчеркивается и классовый смысл молчания летописей о народной жизни и формулируется задача научно-исследовательского характера: попытаться обнаружить утаиваемые факты из истории народа, прочесть их «между строк».

Наконец, нельзя упускать из виду, что летописец выражал и определенные тенденции внутриклассовой борьбы, столкновений в среде самих феодалов; противоречия различных политических группировок* и события классовой борьбы рассматривались чаще всего в плане борьбы политических группировок внутри этого класса.

Конечно, необходимо собрать воедино все сведения о восстании 1547 г. в Москве — это обязательное предварительное условие исследования; однако механически дополнять картину, нарисованную в одном из источников, деталями из других — путь ошибочный. Дополнения (даже разночтения) в различных публицистических памятниках, сообщающих об одном и том же событии, обычно не являются случайными приписками более памятливого или осведомленного автора, а чаще всего отражают определенную тенденцию в описании и истолковании события. Поэтому ко всем таким отличиям следует относиться сугубо осторожно и стараться понять причины появления дополнений (или поновлений) в одном летописном тексте и невключения таких данных в другой текст, упоминаящий о том же событии. Умолчание источников или сознательное искажение в них фактов иногда тоже многое может разъяснить исследователю. Глубокое ленинское наблюдение о том, что «мы можем иногда по дыму полицейской лжи догадываться об огне народного возмущения»²⁵, помогает историкам и при изучении источников, относящихся отнюдь не только к периоду империализма.

К. Маркс и Ф. Энгельс предупреждали о том, что не следует верить «на слово каждой эпохе, что бы та о себе ни говорила и ни воображала»²⁶. Необходимо иметь в виду и то, что в письменных памятниках отражено как бы две идеологии царизма по отношению к бунтующему населению (это недавно подчеркнула М. В. Нечкина). Одной, «секретной», «про себя» руководствовались в борьбе с массовыми волнениями, и этой идеологии был присущ реализм. «Вторая «идеология» — показная — пускалась в ход для публичных объяснений»²⁷. (Такая

* Именно это в значительной степени и предопределило тот отмеченный М. Н. Тихомировым «аромат русских летописных известий с их про-

тиворечивой оценкой деятелей и событий, который так характерен для средневековых сочинений»²⁸.

«показная» идеология особенно явственно обнаруживается в памятниках публицистики и в законодательных актах.)

Однако во всяком источнике совмещается и переплетается намеренная информация с произвольным свидетельством о времени, которое в нем отразилось²⁹. Надо «стараться, — об этом специально писал Н. М. Дружинин, — отделить историческую правду от намеренной лжи, замаскированных умолчаний и неосознанных ошибок»³⁰.

Все эти особенности источниковедческого подхода к летописям и к другим памятникам публицистики существенно усложняют труд исследователя, поставившего перед собою задачу выявить объективные данные о событиях политической истории периода феодализма, и особенно по истории классовой борьбы.

Изучая июньское восстание в Москве, надо иметь в виду и то, что неизвестны источники, специально посвященные только описанию восстания. Во всех сохранившихся источниках сведения о восстании помещены вместе со сведениями о других событиях того времени, и прежде всего о московских пожарах 1547 г. (при этом пожары обычно описаны подробнее, чем восстание), и история восстания изображается в теснейшей взаимосвязи с этими событиями. Историки, следовавшие за нарративными источниками, также описывали вместе и пожар и восстание. Это отразилось и в «Хронологических выписках» К. Маркса, основанных на изучении «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина и других сочинений историков. «*Большой пожар и восстание в Москве*»³¹, — подчеркивает К. Маркс.

Раскрывая содержание исследуемых памятников, автор пользовался приемами (ставшими уже традиционными) так называемой внутренней критики источников, обращаясь прежде всего к методам логического, текстологического и сравнительного изучения³².

Источники о восстании 1547 г. в Москве целесообразно рассматривать в хронологической последовательности, т. е. прежде те источники, которые были составлены вскоре после восстания. При этом очевидно, что, изучая волнения в Москве, приходится исследовать весь комплекс событий июня 1547 г.

«Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича» охватывает события первых 20 лет правления Ивана IV (1533—1553 гг.). Это — официальная летопись, составленная в 1550-е годы* и дошедшая в рукописях третьей четверти XVI в. Составителем или редактором ее был в конце 1550-х годов руководитель правительства А. Ф. Адашев³³. Но есть основания полагать, что использовались и летописные материалы, подготовленные прежде в окружении митрополита Макария и, возможно, им отредактированные³⁴. Участие виднейших правительственных деятелей в подготовке этих летописных материалов убеждает в том, что именно такова была официальная точка зрения на события 1547 г. в ближайшее к ним десятилетие.

В «Летописце начала царства» выделены заглавия летописных статей (примем это условное обозначение частей летописного материала), повествующих о событиях апреля — ноября 1547 г. Вслед за описанием венчания на царство и свадьбы Ивана IV помещена статья «О пожаре в граде» (о пожаре 12 апреля), затем последовательно статьи «О пожаре за Яузою» (о пожаре 20 апреля), «О колоколе» (о падении колокола 3 июня), «О великом пожаре» (о пожаре, начавшемся 21 июня), «О убийстве князя Юрья Глинского» (26 июня), «Свадьба княже Юрьева» (о свадьбе брата царя, состоявшейся 3 ноября), «О побеге князя Михаила Глинского да Турунтая» (в Литву, 5 ноября), «О походе царском на Казань» (ноябрь — декабрь 1547 г.).

В официальной летописи пожары (особенно июньский) описаны подробно и красочно; восстанию же уделено несколько строк в летописной статье «О убийстве князя Юрья Глинского»**. Далее в этой же летописной статье сообщается о туче над Москвой 30 июля: «И бысть град силен и велик, с яблоко с лесное, ово кругло, ово грановито».

* «Летописец начала царства», по мнению Н. Ф. Лаврова, составлен в 1553—1555 гг. А. А. Зимин полагает, что текст этот был позднее (около 1558 г.) заново отредакти-

рован и в такой редакции вошел в состав Никоновской летописи³⁵.

** Текст официальной летописи приведен на стр. 46—47.

Перед описанием убийства Глинского летописец, заканчивая описание июньского пожара, формулирует в типичном для средневековой назидательной литературы стиле причины бедствий: «Сия все наведе на ны бог грех ради наших, понеже множество согрешихом и беззаконвахом, бог же праведным своим судом приводя нас на покаяние, ово убо пожаром, ово убо голодом, ово же убо ратных нахождением, ово убо мором».

Для составителя «Летописца начала царства» восстание июня 1547 г. — «безумие» черных людей, «всколебавшихся», подобно юродивым, «от великия скорби пожарная»³⁶. В описании восстания летописец нарочито краток: черные люди пришли в Кремль, где убили камнями Ю. Глинского и многих детей боярских, людей Глинского побили «безчислено» и имущество Глинских «розбиша» (в другом списке «разграбиша»), говоря, «безумием своим, яко вашим зажиганием дворы наши и животы погореша». Иван IV велел этих людей поймать и казнить, но они разбежались «по иным градом, видяще вину свою, яко безумием своим сие сотвориша»³⁷.

Основной задачей «Летописца начала царства», посвященного по преимуществу лично Ивану Грозному³⁸, было прославление деятельности первого русского царя. Описание июньских событий 1547 г. меньше всего могло бы способствовать возвеличению Грозного: в июне 1547 г. проявилось массовое недовольство деятельностью Ивана IV и его ближайших советников, и сам он, страшно испуганный всем происходившим, не сразу обнаружил способности к самостоятельным мерам, могущим успокоить волнение.

Текстуально схожи с описанием восстания 1547 г. в «Летописце начала царства» описания этого события в опубликованных текстах Никоновской и Львовской летописей, первоначальном варианте Царственной книги, а также в летописях сложного состава (включающих события XVII в.), восходящих в некоторых частях к официальной летописи, — в Пискаревском летописце, в Соловецком летописце³⁹.

В другой официальной летописи — Степенной книге, составленной в начале 1560-х годов, 9-я глава 17-й степени (степень эта посвящена времени Ивана Грозного) озаглавлена: «О страшных и сугубейших пожарах и блаженном Василии уродивом и о явлении пречистыя бого-

родиницы и о образе ея чудо и о покаянии людьстем». В главе этой о восстании вовсе ничего не написано, зато упомянуто о «покаянии людьстем», в описании которого можно предполагать картину первого из «соборов примирения»*. В начале главы пожары объясняются божьим наказанием («милостивно наказати нас хотяй бог и попусти неправедному богатству огнем истребитися»), описываются пожары апреля и особенно подробно «великий пожар» июня 1547 г. Основное место отведено «чудесам», и прежде всего Василию Блаженному, который накануне пожара (20 июня) «умную молитву действуя и плачася неутешно»⁴⁰. Таким образом, составители этого реакционно-клерикального сочинения, вышедшего из круга митрополита Макария и рассчитанного на более или менее широкое распространение, постарались умолчать о восстании. Современникам, конечно, были еще памятны трагические события июня 1547 г. и особенно запечатлелся в сознании, видимо, грандиозный пожар, истребивший почти всю Москву и погубивший множество народа. На описании пожара и сосредоточили внимание составители Степенной книги, украсив это изложение рассказами о религиозных чудесах.

До нас дошли и особые сказания о событиях 1547 г., видимо использованные составителями пространных летописей. Сказания о московских пожарах — «О великом московском пожаре» (12 апреля) и «О другом великом пожаре, о московском» (21 июня) — известны по сборнику ЦГАДА** конца XVI — начала XVII в., подробно

* См. стр. 149—152.

** Текстуально очень близкое описание событий и в сборнике XVI в. ГПБ⁴¹: «О Московском великом пожаре. В лето 7055-го апреля после велика дни во вторник на святой недели бысть пожар на Москве. Загореся в ряду в москотинном на девятом часуу дни, и панской двор загорес внутрь города Китая, и на низу все дворы выгореша от стены соляной двор, от солянова двора торгы все погорели и дворы до Николы до Старова и

Оустретенскую оулицу, а возле стеноу до тюрем, и монастырь Богоявленской згоре, и в церкви иконы и кузнь. Церкви же кирпичная и церквеи же много погорело древяных, иконы и кузнь и товароу в торгоу // и по гостиним двором много погорело: 2000 дворов згорело и людеи много погорело. Того ж месяца, после того пожару минув три дни, бысть пожар на Москве. Загорелося на болшом посаде на Болвановые: згорело 1000 и 700 дворов, и церквей

описанному С. М. Каштановым ⁴³ и М. Н. Тихомировым ⁴⁴, и опубликованы И. А. Жарковым ⁴⁵. Это наиболее подробные из известных описаний пожаров 1547 г., содержащие сведения о числе пострадавших, о сгоревших зданиях, приезде царя на пепелище и его обращении к князьям, боярам и «мужем москвичем», о молебне в Успенском соборе, посещении царем митрополита Макария и о «духовном наказании» царя митрополитом и др.

Наличие этих любопытных подробностей (в целом подтверждаемых и другими источниками) позволяет полагать, что сказания составлены вскоре после пожаров, еще под впечатлением поразивших современников событий и, возможно, даже на основании и каких-то официальных данных о потерях, местах распространения пожара (не фрагмент ли это митрополичьего летописания?).

Близость фактических сведений сказаний и «Летописца начала царства», а также некоторое литературное сходство этих памятников побуждают предположить, что содержание сказаний могло быть использовано при подготовке «Летописца начала царства». Известно, что основой официальной летописи, так же как и других пространных летописей, были самостоятельно составленные сказания об отдельных значительных исторических событиях. Такие сказания вместе с другими подготовительными к летописи материалами редактировались и объединялись уже в единый летописный текст. Некоторые из летописных сказаний сравнительно широко распространялись, получали самостоятельное название и воспринимались переписчиками и читателями уже вне текста пространной летописи. Длительную литературную жизнь обычно имели сказания, посвященные событиям, продолжавшим привлекать внимание потомков ⁴⁶.

Безусловным источником упоминавшейся главы Степенной книги является опубликованное А. А. Зиминым

много погорело, иконы и коузынь и торг болвановской выгорел, и товару много погорело в торгу и оу житейских людей, и по двором люди горели. В то же время того дни в Кожевниках за рекою Москвою згорело

500 дворов и церкви горели. В то же время и в иных местах до многих на Москве загорелось. Сие зло случися // за оумножение грех наших; бе бо тогда засуха велика» ⁴² (написанное киноварью выделено курсивом).

по рукописи начала XVII в. сказание «О великом и сугубом пожаре и о милостивом защищении, иже на воздухе заступлением пречистыя богородицы». Сказание, или повесть, как называет это сочинение Зимин, составлено около 1550-х годов, видимо, по поручению Макария. Содержание сказания сходствует с соответствующим текстом Степенной книги, однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что в сказании имеются резкие замечания о своекорыстной политике боярских временщиков (которые «навыкли господоубийственному совету») в годы, предшествовавшие пожарам⁴⁷. Места эти опущены редакторами Степенной книги.

Очень интересен для исследователя событий 1547 г. так называемый Постниковский летописец, опубликованный и изученный М. Н. Тихомировым. Это своеобразные мемуары, изложенные в традиционной летописной форме. Летописец составлен человеком, близким к правительственным кругам, хорошо знавшим дворцовые новости. Летописец, по мнению Тихомирова, написан типичным деловым языком XVI в.⁴⁸ Летописец обрывается на известии о московском пожаре июня 1547 г. О событиях весны 1547 г. автор сообщает интереснейшие подробности: о казни лиц, обвинявшихся в поджогах в апреле 1547 г., о появлении накануне пожара июня 1547 г. «сердечников», которые «выимали из людей сердца», о приезде после июньского пожара к митрополиту в Новинский монастырь Ивана IV и всех бояр «на думу»⁴⁹. Тихомиров полагает, главным образом на основании упоминания в летописце о посольской деятельности дьяка Постника Губина, что дьяк этот и был автором летописных записей 1533—1547 гг. Постник Губин (Федор Никитич Моклоков) — сын приближенного к государю дьяка и сам близкий ко двору человек * — был еще жив в 1558 г. «Может быть, — пишет Тихомиров, — и весь летописец приводился в порядок уже после 1547 г. и автор не успел его закончить. Во всяком случае, дошедшая до нас рукопись летописца очень близка по времени к описанным в ней событиям»⁵⁰.

М. Н. Тихомиров сопоставил известия летописца с Первым посланием Ивана IV Курбскому и пришел к вы-

* Важно и то, что брат его Яков Губин Моклоков был

как раз в июне 1547 г. московским тиуном⁵¹.

воду, что царь приводит факты, которые подтверждаются именно этим летописцем, в частности слухи о том, что «чяродейством Москву попалили», потому что «сердца человеческая выимали»⁵². Интересно и то, что среди приписок Царственной книги (сделанных не без участия Ивана Грозного) имеются приписки о Постнике Губине. В рассказе об отправлении послов к королю Сигизмунду в 1542 г. подле имени Постника Губина уточнено⁵³: «сына Моклокова» *. Быть может, Иван Грозный был знаком с летописцем Губина ** (в 1550-е годы Постник Губин был среди приближенных дьяков, участвовавших в почетных царских приемах) или близким к нему по содержанию и оттуда черпал некоторые фактические сведения?

В начале третьей четверти XVI в. написан был и список так называемой Хронографической летописи***, содержащий очень важные подробности о событиях июня 1547 г. Вслед за описанием московских пожаров**** (сравнительно кратким) летописец отмечает: «И после

* Любопытно и то, что в другом месте Царственной книги добавлено при описании событий 1546 г. о приезде из Казани в Коломну к Ивану IV боярина кн. Д. Ф. Бельского. «да с ним боярин Дмитрий Федорович Палетцкой да дьяк Посник Губин»⁵⁴. В Постниковском летописце отмечено лишь то, что бояре «пришли (из Казани. — С. III.) к великому князю на Коломну августа в 4 день»⁵⁵. Следует отметить, что и в Постниковском летописце под 7054 г., и в Царственной книге под 7054 г. кн. Д. Ф. Палецкий назван уже боярином (5 октября и декабрь 1545 г., 7 апреля 1546 г.⁵⁶). А. А. Зимин датирует первое упоминание о его боярстве 1547 г.⁵⁷ Видимо, накануне июньского восстания 1547 г. в Думе заседали уже не 15 бояр, как пишет Зимин⁵⁸, а по крайней мере 16 (впрочем, старик М. В. Тучков, веро-

ятно, уже не принимал участия в деятельности Боярской думы)⁵⁹.

** Возможно, что летописчик оказался в руках царя после ареста сына Постника Губина — Богдана, которого обвиняли в попытке бежать в Литву вместе с кн. И. Д. Бельским в январе 1562 г. Богдана Постникова Губина велено было «казнить торговою казнию, бити кнутием по торгу» и сослать «в заточение в Галич»⁶⁰.

*** На эту рукопись впервые обратил внимание М. Н. Тихомиров, приведший из нее выдержку о Московском восстании 1547 г.⁶¹ О рукописи и ее датировке см. введение к публикации «Продолжение Хронографа редакции 1512 года»⁶².

**** О пожаре июня написано: «Таков пожар не бы-

того пожару москвичи черные люди возволновались, что будтося Москву зажигали Глиньских люди, и от тое коромолы князь Михайло Глиньской с жалования со Ржовы хоронился по монастырем, а москвичи черные люди, собрався вечьем, убили боярина князя Юрья Васильевича Глиньского в Пречистой в соборной церкви на обедне на иже-херувимской песни. А царь и великий князь того лета жил с великою княгинею в Острове, а после пожару жил в Воробьеве»⁶⁵. Хронографическая летопись — первостепенного значения источник по истории России середины XVI в. (именно в ней обнаружены данные о соборе 1549 г.!). Указание на московское вече* — столь редкое в памятниках XVI в. — существенным образом меняет наши представления о ходе и характере восстания.

Московские события июня 1547 г. привлекли внимание и составителей современных местных летописей в Пскове и Новгороде. Летописи были составлены людьми, неблагосклонно относившимися к централизаторским тенденциям московского правительства и не имевшими желания скрывать явления, неблагоприятные для царя. Помимо того, в Новгороде и Пскове составители летописей привыкли к описанию событий на посаде, столкновений посадских людей с властями и друг с другом.

Очень много дает исследователю Московского восстания изучение Четвертой Новгородской летописи по списку Н. К. Никольского. Из этой летописи узнаем важные детали об убийстве Ю. В. Глинского, о том, что, по слухам, Глинские поджигали Москву, «норовя приходу иноплеменных» («тогда пришел с многою силою царь крымской»). Особенно ценны данные о «смятении людем московским»: «многие люди черные» вооруженные («якоже к боеви обычаи имаху») пошли по кличу палача к Во-

вал, как и Москва стала». Сходная характеристика — со ссылкой на летопись — дана и московскому пожару 28 июля 1493 г.: «...а в летописце старые люди сказывают, как Москва стала, таков пожар на Москве не бывал»⁶³. В сборнике ЦГАДА, статьи которого опубликовал И. А. Жар-

ков, тоже встречаем схожие выражения: «А летописец и старые люди сказывают: таков пожар на Москве не бывал»⁶⁴.

* В опубликованном в XXII томе ПСРЛ «Продолжении Хронографа редакции 1512 года» по списку рубежа XVII — XVIII вв. вместо «вечьем» было неправильно написано «вечером»⁶⁶.

робьеву, где укрывался царь; и испуганный Иван IV, «узрев множество людей», «не учини им в том опалы, и положи ту опалу на повелевших кликати». Вслед за этим летописец сообщает о волнениях «того же лета» в Опочке⁶⁷.

Новгородский летописец внимательно относился к своей работе: первоначальный текст он исправлял (хотя и не везде: так, отчество Ю. Глинского написано неправильно — «Михайлович») *, опираясь, видимо, на какую-то дополнительную информацию о ходе восстания. До нас дошел не окончательный вариант переписанной летописи, а черновик, поэтому удастся установить, какие сведения сразу же проникли в Новгород, насколько они были точны и о чем новгородцы узнали уже позднее **. Так, приписаны были подробности о казни Ю. В. Глинского: добавили, что в казни (а следовательно, и в восстании) участвовали помимо «черных людей» еще и «большие люди», что Глинского извлекли из церкви едва живого, и «скончаша злою смертию», «извлекоша из града (т. е. Кремля. — С. Ш.), привязана ужем»; добавили также, что, по слухам, Москву поджигали не только сами Глинские, но и «сердечники о них же» ***; первоначальный текст о том, что Иван IV во время казни находился «туто же в церкви», исправили на другой — «в Воробье-ве».

В этой летописи восстание описано с большими подробностями, чем июньский пожар. Из московских пожаров отмечен только июньский ****, краткому описанию которого предшествует рассуждение о том, что пожар — наказание божье за умножение грехов *****; при этом

* Возможно, ошибка произошла потому, что в Новгороде знали хорошо о Михаиле Львовиче Глинском⁶⁸ и ничего не было известно о его брате Василии.

** Эти данные важны и в методическом плане в поисках ответа на вопрос: в какой мере допустимо доверять сведениям местных летописцев о событиях в столице государства?

*** Любопытно употребление

одного и того же слова «сердечники» в Постниковском летописце и в Новгородской летописи.

**** Правда, очень вероятно, что часть рукописи, посвященная описанию событий весны 1547 г., не сохранилась. Текст о пожаре июня 1547 г. явно следует после какого-то обрыва.

***** Приводится даже такое рассуждение: «...бысть же сей пожар толми гро-

типичная для средневековой литературы мысль конкретизирована характеристикой боярского произвола («наипаче же в царствующем граде Москве!») в годы малолетства Ивана IV.

Список летописи был составлен, судя по палеографическим особенностям, во второй половине XVI в.⁷⁰ На листах рукописи редкий водяной знак, похожий на отмеченный у Брике под 1545 г. (№ 12817) *. Все это позволяет признать рукопись близкой по времени к интересующим нас событиям.

В Первой Псковской летописи упоминается о пожарах 12 апреля («пожар велик и страшен зело») и 21 июня («вся Москва погорела») ⁷¹. На этой фразе обрывается летопись. В Третьей Псковской летописи (летопись игумена Корнилия) составитель (крайне неблагоприятно настроенный по отношению к Ивану Грозному) ⁷² ограничился сведениями о пожарах, правда сведениями более конкретными и подробными, чем в Первой летописи: он сообщил, что 12 апреля погорели весь Китай-город и «Торг», а 21 июня «погоре вся Москва-город и посады все, церкви и Торг, и другия, и дворы, толко за Москвой посад цел» ⁷³.

Иван Грозный о восстании

О том, что произошло в Москве в июне 1547 г., писал и Иван Грозный. Царь напомнил об этом в «Писании» Стоглавому собору начала 1551 г. «Писание» царя, пожалуй, самый ранний из точно датируемых памятников, сообщающих о событиях 1547 г. Описывая годы своей юности, царь особо подчеркивает страшные последствия боярских междоусобиц и самовластия: «...мне сиротствующу, а царству вдовствующу. И тако бояре наши улучиша себе время; сами владеша всем царством самовластно, никому же возбраняющу им от всякого неудобнаго начинания. И... мнози межусобною бедою потреблени быша злей». В боярском поведении и в отсутствии

зен, иже в мимошедших
прежних летех в писании
обретаемым трусу и буре
и запаленна огнем небес-
ным, подобен же и сей
пожар тому же: мнети

же мнозем людем, яко не
просто быти, но акы запале-
ние огня небеснаго» ⁶⁹.

* Этими палеографическими
сведениями я обязан любез-
ности С. М. Каштанова.

родительского надзора Иван IV пытался найти оправдание и своим дурным поступкам (умолчать о которых было невозможно), «и навыкох их (т. е. бояр. — С. Ш.) злокозненные обычаи и таяжде мудрѣствовах якоже и они».

Различные беды — вражеские нашествия, кровопролития, пожары, потопы, пленения и др. — рассматриваются как божье наказание за грехи (формулировки напоминают о летописном тексте и едва ли не подсказаны митрополитом Макарием). Страшнейшим из наказаний были «тяжкия и великия пожары», когда «прародительское благословение огонь пояде» — сгорели церкви и святыни, погибли «многое безчисленное народа людска; и от сего убо, — восклицает Иван IV, — вниде страх в душу мою и трепет в кости моа» *.

О восстании царь здесь ничего не пишет, но можно полагать, что «страх» и «трепет» были вызваны не только пожаром, но и самыми «ужасными» его последствиями — волнениями 26 июня, убийством дяди царя Юрия Васильевича Глинского, приходом вооруженных людей в Воробьево 29 июня, грозной обличительной речью Сильвестра. Иначе остается не вполне понятным, зачем Ивану IV было просить прощения у окружающих, о чем упоминается в последующих строках «Писания» Стоглавому собору⁷⁴. Очевидно, царь напоминал о соборе 1547 г. — первом из соборов «примирения» конца 1540-х — начала 1550-х годов. Отрывок, посвященный описанию детства и юности царя, многими чертами, как справедливо замечает Я. С. Лурье, напоминает соответствующее место из Первого послания Ивана Грозного Курбскому⁷⁵.

В Первом послании Курбскому Иван Грозный уже специально останавливается на характеристике Москов-

* Эти выражения, очевидно, традиционны. В летописной «Повести о Тимир-Аксаке» (посвященной «чудесному спасению Москвы от нашествия среднеазиатского завоевателя Тимура) читаем: «В который день принесена бысть икона пречистая Богородица из Володимеря в Мо-

скову, в той день Тимур-Аксак царь убояся и устраися и ужасеся и смятеся и нападе на нь страх и трепет, и вниде страх в сердце его и ужас в душу его, вниде трепет в кости его, и скоро отвержеся и охабися воевати Русьския земли»⁷⁶.

ского восстания. В полной (или пространной) редакции послания находим четкое указание на причины восстания и очень определенное объяснение событий: восстание возникло по вине изменников-бояр, возмущивших народ против Глинских. Распустив слухи о поджоге Глинскими Москвы, изменники-бояре пытались поднять народ и против самого царя: «Наши изменные бояре... аки время благополучно своей изменной злобе улучиша, наустиша народ художайших умов *, будто ... Москву попалили»; «Тех изменников научением... Юрья Васильевича Глинсково, воскричав, народ... убиша» **; «Те изменники наустили были народ и нас убить» ***. «И тако ли доброхотно подобает нашим боляром и воеводам нам служить, еже такими собраниями собацкими ****, без нашего ведома, бояр наших побивати, да еще и в черте кровной нам? И тако ли душу свою за нас полагают, еже нашу душу от мира сего желаящи на всяк чяс во он век препустити?» ⁷⁷ — заключает Грозный. Время господства Глинских Иван Грозный считал уже временем своего самостоятельного правления («сами яхомся строити свое царство» ⁷⁸) и «недружбу» к Глинским рассматривал как проявление «недружбы» к себе: «Прочто убо нам самим царству своему запалителем быти?» ⁷⁹.

Особенно любопытны для рассматриваемой темы подробности, которые Грозный не сумел или даже не хотел утаить. Подробности эти во многом напоминают то, что уже известно по другим источникам. В Москве ходили слухи о том, что бабка царя Анна Глинская «с своими

* По другому списку: «...наустиша скудожайших умов народ» ⁸⁰.

** По другому списку: «...изменников наших наущением, множество народа неистовых» ⁸¹.

*** По другому списку: «...да те же наши изменники возмутили народ, яко бы и нас убить» ⁸². Эта же мысль ясно обнаруживается и в сочинении Ивана Пересветова, где история византийского монарха представляет собой, по определению А. А. Зимина, «лишь историзованный рассказ о

малолетстве Ивана IV». «Когда устами «философов» и «докторов» Пересветов «предсказывает» (задним числом) «охулу» царя «от своего царства, от мала и от велика», то речь идет тоже о бурных событиях народных движений конца 40-х годов XVI в.» ⁸³.

**** Любопытно, что это же выражение «собацкое собрание» употребляет царь Иван в том же послании для характеристики Избранной рады ⁸⁴.

детьми и людьми сердца человеческия выимали и таким чародейством Москву попалили» и будто царь «тот совет ведал». При этом царь по существу не отрицает возможности действий чародеев, он лишь недоуменно восклицает: «Хто же безумен или яр, таков обрящется, разгневався на рабы, да свое стяжание погубити? И он бы их и палил, а себя бы уберег. Како же на такую высоту, еже Иван святой водою кропити?»⁸⁵ Царь оставался сыном XVI в., — века суеверий и колдовских процессов*. Слухи о чародействе явились одним из поводов убийства Юрия Глинского, совершенного в Успенском соборе. Глинского обнаружили в приделе Дмитрия Солунского, выволокли оттуда и убили «против митрополничья места», окровавив церковный помост. Затем его уже мертвого извлекли «в передние двери церковныя и положища на торжище, яко осуженника». Царь находился в это время в своем селе Воробьева, и туда ринулся народ, грозивший, по словам Ивана, убить его за то, что он скрывает («хоронит») там мать и брата казненного боярина (Анну и Михаила Глинских)⁸⁶. В послании, как и в официальной летописи, подчеркивается «безумие» восставших⁸⁷.

Рассказ о Московском восстании в полной редакции Первого послания Ивана Грозного Курбскому подвергся авторской правке. Подробно вопрос рассмотрен П. В. Вилькошевским, опиравшимся на издание в 1914 г. этого памятника Г. З. Кунцевичем и частично использовавшим его подготовительные материалы (правда, не проверив, видимо, их *de visu*)⁸⁸. В 1951 г. вышло новое издание «Посланий Ивана Грозного», основанное на вдумчивом предварительном изучении рукописных памятников. Я. С. Лурье обосновал иную, чем у Г. З. Кунцевича, схему (т. е. схему генеалогических взаимоотношений)⁸⁹ дошедших до нас списков послания и группировку имеющихся материалов⁹⁰. Однако известные пока рукописи не восходят ко времени ранее середины XVII в. и разнятся

* Современники не сомневались в том, что Иван IV верил «волхвам». В связи с труднообъяснимым поступком царя — посадением на царский престол Симеона Бекбулатовича — «говорили нецыи, что для того сажал,

что волхви ему сказали, что в том году будет пременение: московскому царю смерть»⁹¹. К волхвам, по сообщению Горсея, царь обращался в последние дни своей жизни⁹².

(иногда существенно) между собой. Протограф полной редакции Первого послания Курбскому восстановить еще не удалось, и материалы Г. З. Кунцевича не были использованы для такой работы*. Поэтому наблюдения П. В. Вилькошевского сохраняют свое значение.

П. В. Вилькошевский проследил историю возникновения вариантов полной редакции послания Курбскому и предположил, что первый вариант послания царь завершил ко 2 июля 1564 г.; послание было, однако, почти сразу же переделано; ему был придан еще более полемический вид. Второй вариант (или вторая редакция) был закончен 5 июля 1564 г. В таком виде послание и было отправлено Курбскому⁹³. Наибольшее распространение послание имело во второй редакции, но оно сохранилось и в первой редакции, дойдя до нас в трех списках, в частности в составе хронографа Толстовского собрания**, отрывки из которого (разночтения) приведены в сносках в т. XXXI «Русской исторической библиотеки» (и в издании «Послания Ивана Грозного»). Сличая первый и второй варианты полной редакции послания, обнаруживаем, на что обратил особое внимание Иван IV, переделывая его, прежде чем отослать к Курбскому. Окажется, что наибольшей переделке сравнительно с другими местами подвергся именно рассказ о Московском восстании 1547 г., что свидетельствует о том, какое большое значение придавали толкованию этого события и Иван IV и Курбский. Выявляются различия в расположении слов и даже целых предложений и — что самое главное — наличие отдельных важных и неслучайных дополнений. Из добавлений особенно интересны следующие: вместо «народа» (убившего по наущению бояр

* В архиве ЛОИИ хранятся гранки неизданного второго тома «Сочинений князя Курбского», подготовленного к печати Г. З. Кунцевичем для «Русской исторической библиотеки» с археографическим описанием использованных им рукописей⁹⁴. Материалы эти, очевидно, остались неизвестными при подготовке издания «Послания Ивана

Грозного» в серии «Литературные памятники». Эта работа Г. З. Кунцевича указана была мною Ю. Д. Рыкову и К. А. Уварову, исследующим рукописи «Истории о великом князе Московском» Курбского.

** При подготовке к публикации «Посланий Ивана Грозного» был выявлен четвертый список⁹⁵.

Юрия Глинского) читаем: «Множество народа неистовых»⁹⁶ — и вместо слов: «И сие во церкви убийство всем ведомо» — читаем: «И сие во церкви святой убийство его всем ведомо»⁹⁷, т. е. подчеркиваются моменты массовости народного возмущения и осквернения «святыни» убийством Глинского.

Смысл выделения этих моментов становится ясным при ознакомлении с посланием Курбского, ответом на которое и было послание, написанное царем. Курбский писал Грозному о том, что царь проливал кровь бояр в церкви во время торжественной митрополичьей службы («во владыческих торжествах») и «мученическими их кровьми праги церковные обагрил еси»⁹⁸. Это обвинение Курбский считал особенно тяжким и именно его поставил на первое место в перечне «зол и гонений»⁹⁹, претерпеваемых от царя боярами. Иван Грозный стремился опровергнуть это и показать, что не он, а бояре проливали в церкви кровь невинных¹⁰⁰. «И сие (т. е. Глинского. — С. Ш.) убийство во церкви всем ведомо, а не яко ты, собака, лжеши!»¹⁰¹ — яростно восклицал Грозный, ссылаясь на общественное мнение. В ответ на обличения Курбского Грозный обвинял бояр в том, что они не только сами причиняли ему зло, но и пытались настроить («наустиша») против царя народ, также подчеркивая: «Сие убо безумие явьственно»¹⁰². Таким образом, восстание 1547 г. изображалось царем как продолжение боярских «межусобных браней»¹⁰³, растлевающих царство.

Обосновывая преследования бояр, называемых Курбским мучениками («наши изменные бояре, от тебе же нарицаемая мученики»¹⁰⁴), Иван Грозный старался показать связь Курбского с ними, общность их «изменнической» деятельности («во всем ваша собачья измена обличаетца») ¹⁰⁵.

Эту тенденцию уловили читатели послания, и именно такая трактовка восстания, как «смятения боярского», проникла из послания Грозного в исторические сочинения начала XVII в. В Степенной книге особого состава — «Летописце князя Ивана Федоровича Хворостинина» — встречаем очень любопытную отсылку к Первому посланию Ивана Грозного Курбскому. После изложения событий 1547 г. там написано: «А пространнее о сем пишет о пожарах и о смятении боярском в государеве царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси грамоте,

что писал в Литву ко князю Ондрею Курбьскому против его отписки»¹⁰⁶.

В краткой редакции послания Ивана Грозного Курбскому сведения о восстании 1547 г. отсутствуют. И вряд ли случайно. Объяснение, думается, следует искать в том, что послание полной редакции предназначалось прежде всего для зарубежного читателя¹⁰⁷, знакомого с посланием Курбского царю и следившего за событиями в Российском государстве. Опираясь на теоретическое положение о том, что «изменником везде казнь живет»¹⁰⁸, послание Грозного должно было, по мысли автора его, обличать «измены» Курбского. Краткая редакция послания существенно отличается от пространной и имеет совсем иной характер. Текст краткой редакции содержит изложение доктрины «самодержавства» и сведения об «изменах» Курбского и его родственников, зато он лишен многих исторических подробностей (о внутренней политике Российского государства и лично о царе) и характерных для полной редакции обращений к международному общественному мнению. Другими словами, в списках краткой редакции оставлено только то, что следовало, по мнению Грозного, знать во «всем его Российском царстве» о волновавшей его жителей * измене «Курбского с товарищи».

Курбский о событиях лета 1547 г.

Противник Ивана Грозного князь Андрей Михайлович Курбский в «Истории о великом князе Московском» (далее — «История»), конечно, не прошел мимо событий лета 1547 г. Придавая им исключительное значение, он связывал с этими событиями изменения и в правительственной деятельности Российского государства, и в образе жизни Ивана IV.

* Об отношении к предательству Курбского в конце XVI — начале XVII в. свидетельствует гневное упоминание об его измене в «Повести о прихождении литовского короля Степана с ве-

ликим и гордым воинством на великий и славный град Псков»¹⁰⁹ и характерное исправление текста известного «Слова Даниила Заточника»¹¹⁰.

В дошедшем до нас виде «История» сохранилась в списках не ранее середины XVII в.¹¹¹ Сочинение составлено в 1570-е годы*, очевидно, в связи с «элекцией» — выборами нового короля и обсуждением русской кандидатуры на польский престол. Это направленный против Ивана Грозного памфлет, искусно облеченный в форму исторической биографии. Одновременно это и историко-прагматическое сочинение (в том смысле, как понимали подобный характер изложения в средние века¹¹²), описывающее исторические события в определенной причинной связи и последовательности с целью преподать известное поучение**.

«История» Курбского (так же как и полная редакция Первого послания к нему Ивана Грозного) адресовалась прежде всего читателям Речи Посполитой и якобы являлась ответом на неоднократные вопросы «многих светлых мужей» (т. е. панов): «Откуда сия приключишася, так прежде доброму и нарочитому царю?..» Курбский рассчитывал, однако, и на бóльший международный резонанс — на определенную реакцию и в России***, и, возможно, даже при дворе германского императора¹¹³, и в среде высшего православного духовенства юго-востока Европы****.

* Исследователи датируют «Историю» различно — от 1572 до 1578 г.¹¹⁴

** Курбский сам так определял свою задачу: «...сие краткое сего ради произволихом написати, да не отнюдь в забвение приидут, ибо того ради славныя и нарочитыя исправления великих мужей от мудрых человеков историями описашася, да ревнуют им грядущие роды; а презлых и лукавых пагубные и скверные дела того ради пописани, иже бы стреглись и соблюдались от них человецы, яко от смертоносных ядов или поветрия, не токмо телеснаго, но и душевнаго»¹¹⁵.

*** В России интересовались

сочинениями, появившимися в Речи Посполитой в связи с элекционным вопросом, и могли определить место «Истории» Курбского среди этих сочинений.

**** Обнаружено прямое свидетельство обращения эмигранта Курбского в 1567 г. к константинопольскому патриарху и особого интереса к этому со стороны московского правительства. В описи архива Посольского приказа 1626 г.: «Грамота греческая писана к царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси цареградцкого патриарха Митрофана о милостыни; на ней подписано руским

«История» Курбского основана и на личных впечатлениях (и в этом плане может рассматриваться как один из первых в России опытов мемуарной литературы¹¹⁷), и на рассказах очевидцев (сочинение и начинается словами: «История о великом князе Московском, еже слышахом у достоверных и еще видехом очима нашими»¹¹⁸), и на знакомстве с письменными источниками, в том числе с летописными.

Курбский не раз ссылается на русские летописи, мотивируя этим даже краткость изложения отдельных событий. Вероятнее всего, что под «летописной Руской книгой» подразумевается один из списков официальной летописи¹¹⁹ (полная текстуальная близость описания событий июня 1547 г. во всех этих списках отмечалась выше). Не исключено, что копия русской летописи могла находиться и в Польско-Литовском государстве*. Составляя «Историю», Курбский имел в виду возможность знакомства его читателей с данными русских летописей, и поэтому — с целью придания большей достоверности своему сочинению — ему следовало быть осторожно осмотрительным при изложении описанных в летописи фактов.

В то же время сочинение Курбского должно было явиться ответом и на безусловно известное в Польско-Литовском государстве Первое послание, отправленное к нему Иваном Грозным. В «Истории» Курбский не только преследовал цель противопоставить трактовке Грозным основных событий политической истории России XVI в. иную трактовку, но и опровергнуть конкретные выпады и замечания (и прежде всего против него), имевшиеся в Первом послании царя. Эти же задачи стояли перед Курбским и при написании его ответных посланий Ивану Грозному, особенно пространного Второго послания (1577 г.), во многом (даже текстуально) близкого «Истории».

писмом: лета 7075-го февраля в 26 день сю грамоту дал Генак, а что речью Генак говорил про Курбского человека присылку к патриарху, и то подклеено под переводом, а переводу под него нет; рука и печать у грамоты патриарха Митрофана»¹¹⁶.

* Во всяком случае в России в Царском архиве (опись которого как раз современна «Истории» Курбского) хранились и «перевод с Летописца польского» (характерно, что он «отдан» был Ивану Грозному), и «Летописец литовских князей»¹²⁰.

В «Истории» Курбский пишет о «презельном и во- истинну зело страшном» пожаре¹²¹, оговаривая: «Аще бы по ряду писати, могла бы повесть целая быти або кни- жица»*. Пожар он рассматривает как «явственный гнев божий» за «лютость» молодого Ивана IV и его «человеко- угодников», «пустошащих и воюющих нещадно отече- ство»**. В описании событий общественно-политической истории июня 1547 г. Курбский сознательно немногосло- вен, и позиция его своеобразна: основное внимание акцен- тируется на обличении молодого царя священником Сильвестром. С проповедью Сильвестра Курбский свя- зывает духовное перерождение Ивана IV¹²² и начало деятельности новых советников, так называемой Избран- ной рады¹²³ (выражение Курбского); руководителями Избранной рады Курбский и Иван Грозный признавали Сильвестра и Адашева.

Курбский придавал исключительное значение «совете»¹²⁴ (особенно развивается им эта мысль в «Отвеща- нии» на Второе послание царя)***. Государь должен, по его мнению, быть «любосоветным»¹²⁵, прислушиваться к возражениям («встрече»); государю надлежит «управля- тись советом и разсуждением»¹²⁶. По советникам судят о государе, советниками силен и славен государь****. И. И. Смирнов верно подметил, что события политиче- ской истории времени правления Ивана IV «излагаются

* Вполне возможно, что Курб- ский — тогда девятнадца- тилетний юноша — был не- посредственным свиде- телем многих событий июня 1547 г.

** Это «сближает Историю» с памятником публицистики, известным под названием «Выпись из государевой гра- моты, что прислана к вели- кому князю Василию Ивано- вичу, о сочетании второго брака и о разлучении пер- вого брака чадородия ра- ди»¹²⁷ (далее — «Выпись»). В «Компилятивной» редак- ции «Истории» Курбского (датируемой концом XVII— XVIII в.) начальный текст «Истории» заменен перера-

ботанным текстом «Выпи- си»¹²⁸.

*** Идеал государственного управления, по Курбско- му, — «избранные и препод- обные мужи», правду глаголющие «не стыдя- ся»¹²⁹.

**** Эти мысли Курбского близко напоминают рас- суждения в дидактическом сочинении Максима Грека «Главы поучительны на- чальствующим правове- рно», написанном им в 1548 г. для Ивана IV¹³⁰. Представления эти доста- точно широки и отнюдь не укладываются в схему обязательного совета имен- но с Боярской думой.

и освещаются Курбским именно с позиций теории о «мудрых советниках»»¹³¹.

Из немногих слов Курбского о восстании можно понять, что имело место сильное возмущение «всего народа», угрожавшее царю и его приближенным и заставившее Ивана IV бежать из Москвы («бысть возмущение велико всему народу, яко и самому царю утеши от града со своим двором»). Курбский отмечает, что Ю. В. Глинский был убит «от всего народа», а дом его разграбили; Михаил же Глинский *, «всему злему начальник», и «другие человекоугодницы, сущие с ним», скрылись.

Можно заметить, что автор учел сведения о событиях июня 1547 г., содержащиеся в «Летописце начала царства» и в послании к нему Ивана IV. В послании царя настойчиво проводилась мысль о том, что подстрекателями восставшего народа и главными виновниками восстания были «изменные бояре» — единомышленники Курбского, что это был прежде всего боярский мятеж. Курбский прямо не опровергает это обвинение, но старается подчеркнуть массовость восстания («возмущение велико *всему* народу») (выделено мною. — С. III.) и что основной причиной восстания было «зло», чинимое Глинскими и их приспешниками. Вопрос о роли бояр в июньских событиях 1547 г. Курбский обходит **, зато выпячивается эпизод с Сильвестром.

В описании Курбским событий июня 1547 г. заметна достаточно неприкрытая полемика с Первым посланием к нему царя. Иван Грозный в своем послании, желая подчеркнуть реакционность политических настроений московского боярства еще с конца XV в.¹³², в качестве примера ссылается на деятельность именно предков Курбского (и Курбских и Тучковых — родственников Курбского со стороны матери), пытаясь показать преемствен-

* И Юрий и Михаил Глинские названы в списках «Истории» «вои»: «вои его (т. е. Ивана IV. — С. III.) князь Юрий Глинский»; «Другие же вои его князь Михаил Глинский»¹³³. Очевидно, это испорченное написание слова «уй» («оуй»), т. е. дяди со стороны матери.

** Не рассматривал ли он и истолкование Иваном Грозным событий июня 1547 г. тоже как «неистовых баб басни», (о чем писал в «Кратком отвещании» царю)?¹³⁴

ность их постоянно враждебного отношения к роду царя: «Понеже убо извыкосте от прародителей своих измену чинити... и понеже еси порождение изчядья ехиднова, посему такой яд отрыгаеши»¹³⁵.

Курбский также пишет (в форме обобщения) и об «издревле кровопийственном роде» московских князей, и о влиянии «жен... злых и чародеиц»¹³⁶ на последних московских государей, т. е. современников тех родственников Курбского, которые упоминаются в послании Грозного. От «законопреступного» брака Василия III с Еленой Глинской, заключает Курбский, «зачался» Иван IV, «и родилася в законопреступлении и во сладострастию лютость»*. Вполне понятно, что братья «жены злой»¹³⁷ изображались как «всему злему» начальники.

Одной из главных задач сочинения Курбского было очернить деятельность Ивана Грозного, принизить значение его личности. (И Пушкин верно охарактеризовал «Историю» Курбского как «озлобленную летопись»¹³⁸.) Для достижения этой цели Курбский не только особым способом подбирал и толковал исторические факты (не останавливаясь, как и Иван Грозный, перед их сознательным искажением), но также использовал и особые художественно-изобразительные приемы, в частности свойственную писателям той поры** склонность к рито-

* Здесь особенно обнаруживается близость «Истории» Курбского с «Выписью»¹³⁹.

** Послания Ивана Грозного и Курбского, как и «История» Курбского, привлекающие обычно внимание историков прежде всего своей исторической информативностью, являлись для современных им читателей памятниками литературы. Н. И. Конрад сформулировал положение об изменении понимания как самого термина «литература», так и ее «материального состава»: «Однозначного для всех эпох и народов представления — что такое литература и что к ней относится — нет». Сочинения Ивана

Грозного и Курбского относились, в представлении современников, к литературе и воспринимались именно как образцы определенного литературно-художественного жанра. Такие произведения призваны были не просто «рассказать» о чем-то, но чему-то «научить», и «научить с помощью эстетического, т. е. художественного, эффекта»¹⁴⁰. Художественный элемент им присущ не в меньшей мере, чем общественно-публицистический, более того, эти элементы трудноотделимы (и отделимы ли вообще?) один от другого, ибо литература есть искусство слова!

рическим эффектам и к изображениям нравоучительного характера.

В изображении Курбского Сильвестр предстает как исцелитель души царя, исправляющий его «развращенный ум» и тем «наставляюще на стезю правую»¹⁴¹. Рассказ Курбского о поучении Сильвестра едва ли не навеян библейским образом пророка Нафана, обличающего царя Давида¹⁴². (Библейские и вообще историко-церковные ассоциации приобретали в ту пору большую политическую актуальность и широко использовались и в изобразительном искусстве, и в литературе.) Переписка Курбского и Ивана Грозного — убедительный тому пример. Изображение Сильвестра по образу библейского пророка понадобилось Курбскому как зачин в тенденциозном описании деятельности Избранной рады.

Царственная книга (вставки, миниатюры)

Особенно много подробностей о событиях июня 1547 г., притом подробностей явно тенденциозно подобранных, содержится в Царственной книге.

Царственная книга — официальная летопись времени Ивана Грозного, излагающая события 1533—1553 гг. Рукопись в лист, украшена многочисленными миниатюрами — «лицами»¹⁴³. Составлена эта лицевая рукопись была в третьей четверти XVI столетия¹⁴⁴, вероятнее всего, как выяснил еще Н. П. Лихачев (поддержанный А. А. Шахматовым и А. Е. Пресняковым), в конце 1570-х — начале 1580-х годов*. (Некоторые исследователи — Д. Н. Альшиц, Н. Е. Андреев, А. А. Зимин, О. И. Подобедова, Р. Г. Скрынников — придерживаются мнения, что Царственная книга составлена в 1560-е годы¹⁴⁵.)

Рукопись сохранилась не полностью; отдельные листы ее пропали, среди них, можно полагать, и некоторые (дополнительные) листы, посвященные событиям в Москве в июне 1547 г. Летописный текст Царственной книги напечатан во второй части XIII тома «Полного собрания русских летописей». Из миниатюр изданы лишь немногие.

* Обоснованию этой датировки посвящена специальная работа

та автора о лицевых летописях¹⁴⁶.

Работа над Царственной книгой, видимо, не была завершена: в тексте сохранились многочисленные редакторские поправки и добавления, сделанные скорописью на полях и между строк, некоторые миниатюры намечены лишь прорисью.

В основу текста Царственной книги был положен текст Синодального списка Никоновской летописи с миниатюрами (так называемая Никоновская с рисунками, или Синодальная¹⁴⁷), ибо при составлении Царственной книги учитывались редакторские замечания, сделанные в этой лицевой рукописи. Замечания эти на соответствующих листах Царственной книги переписаны начисто полууставом и иллюстрированы. Почерк основного текста (полуустав) и бумага обеих рукописей сходны. Поправки внесены в обе рукописи, как установил А. Е. Пресняков, одним почерком¹⁴⁸.

Так как в Синодальном списке нет листов, посвященных событиям 1547 г.¹⁴⁹, тем больший интерес представляют иллюстрирующие эти события миниатюры Царственной книги. В лицевых рукописях миниатюры имеют не меньшее значение, чем текст, и являются ценным историческим источником¹⁵⁰.

Средневековые миниатюры — это не буквальные зарисовки, а условные схемы, живущие своей книжной жизнью. В миниатюрах XVI столетия, как отмечал еще Ф. И. Буслаев, отсутствуют единство времени и особенно единство места. На одной и той же миниатюре нередко изображен ряд последовательных эпизодов, в совокупности составляющих одно событие, причем в этих эпизодах одно и то же лицо может появляться «в различных позах, окруженное различными обстоятельствами»¹⁵¹. Для миниатюр лицевых летописей характерны медлительность действия, повторения, постоянные условные изображения, заставляющие вспомнить постоянные эпитеты в древнерусской письменности и фольклоре¹⁵². В миниатюрах летописей отразились политическая эмблематика и символика того времени. Условность миниатюр не уменьшает, однако, их исторического интереса.

Чрезвычайно интересную и многообещающую методику изучения русских миниатюр применяет А. В. Арциховский, исследовавший миниатюры летописей (Кёнигсбергской, Синодальной) и некоторых житий. Миниатюры Царственной книги были им использованы только в от-

дельных случаях для сличения их с миниатюрами Синодальной летописи.

На основании тщательного изучения множества миниатюр А. В. Арциховский пришел к выводу, что миниатюристы, как правило, следовали тексту настолько точно, что даже почти все мелкие аксессуары соответствуют тем или иным словам летописца. Однако летописные сведения в рисунках иногда существенно дополнены, иногда своеобразно истолкованы, и в отдельных случаях миниатюры представляют собой более исчерпывающий источник, чем летописный текст¹⁵³.

«Летописные миниатюры, — пишет Арциховский, — при первом впечатлении кажутся своеобразными окнами, сквозь которые можно смотреть на исчезнувший мир древней Руси, стоит только усвоить тогдашнее восприятие формы и пространства. В окнах этих перед нами мелькают изображения, преломленные и искаженные классовой идеологией. Но это не уменьшает, а увеличивает интерес миниатюр. Идеологий, собственно говоря, две. Одна из них принадлежит заказчикам, другая — мастерам. Переплетение получается довольно причудливое»¹⁵⁴. Это наблюдение исследователя, специально изучавшего русские миниатюры XVI в., следует учесть, приступая к рассмотрению миниатюр Царственной книги.

Составители лицевых летописей признавали за миниатюрами серьезное политическое значение. Поэтому строгий редактор Царственной книги подверг основательному редактированию не только ее текст, но и миниатюры. Об этом встречаем указания в тексте Царственной книги, большая часть которых приведена в исследовании А. Е. Преснякова. Например, на л. 470 по поводу рисунка к известию о гонце из Тулы замечено: «Тут написать у государя стол без доспехов, да стол велик»; на л. 652 о рисунке, посвященном внесению мощей, написано: «То не надобе, что царь сам носит»¹⁵⁵ — и т. д.

Поправки, вносимые редактором в текст и в миниатюры Царственной книги, строго учитывались: старые листы заменялись новыми, причем в зависимости от изменения текста изменялось и содержание миниатюр.

Процесс обновления текста и рисунков Царственной книги в соответствии с замечаниями редактора можно отчетливо наблюдать. Рукопись была, по-видимому, впервые переплетена лишь во второй половине XVIII в. по

указанию М. М. Щербатова; поэтому в ней сохранились и первоначальные листы с замечаниями редактора (ско-рописью на полях и между строк), и некоторые новые листы, текст и миниатюры которых изменены соответ-ственно его указаниям.

Прежде других, можно полагать, обновили л. 273, 305, 305 об., на которых рукой редактора сделаны были замечания, полностью изменяющие смысл первоначаль-ного текста. Заново сделанные листы — это те листы ру-кописи, на которых излагаются убийство дьяка Федора Мишурина (1538 г.) и волнение в Москве 26 июня 1547 г. Видимо, из многочисленных замечаний редактора в пер-вую очередь были учтены поправки, касающиеся именно этих событий* (толковавшихся редактором как боярские «мятежи»). Это показывает, какое большое значение придавал редактор Царственной книги описанию Москов-ского восстания 1547 г. в нужном ему духе. (Сравнитель-ное изучение первоначальных и новых миниатюр важно и для создания более полного представления о методах работы художников-миниатюристов и об их обществен-ном сознании.)

Московское восстание 1547 г. послужило сюжетом пяти миниатюр Царственной книги: трех миниатюр пер-воначального текста (л. 305, 305 об., 306) и двух миниа-тур обновленного текста (л. 683, 683 об.). Все миниатюры представляют собой карандашные рисунки, обведенные тушью или чернилами.

Первоначальный текст л. 305—306, написанный полу-уставом, дословно совпадает с текстом Никоновской ле-тописи¹⁵⁶.

На л. 305 под заголовком «О убиении князя Юрья Глиньскаго» помещен текст: «Того же месяца в 26 день, в неделю, на пятый день после великого пожару, черные люди града Москвы от великие скорби пожарные воско-лебашася, яко юроди; и пришедше во град, и на площади убиша камением царева великаго князя боярина князя Юрья Васильевичя Глинского, и детей боярских многих побиша».

Над текстом в верхнем левом углу помещена миниа-

* Впрочем, другие листы офи-циальной летописи, переде-ланные соответственно заме-

чаниям редактора, могли и не сохраниться.

тюра. Она, как и большинство других миниатюр Царственной книги, изображает не один, а несколько моментов иллюстрируемого текста. Это достигается разделением поля рисунка наискось изображением Кремлевской и Китайгородской стен и рва.

В левой нижней части рисунка — сцена подготовки восстания («восколебашася, яко юроди»): совещание у городской стены, видимо Китайгородской. Несколько человек возбужденно обсуждают что-то. Возбуждение передано характерным для миниатюр приемом — движением рук. Древнерусская живопись обычно выражения лиц не передавала. Настроения людей чаще всего отображали жесты ¹⁵⁷.

В верхнем левом углу — группа людей возле окна какого-то здания в Кремле, вероятнее всего дворца, архитектура которого передана условно. Ясно нарисована голова человека с длинной бородой, возможно Юрия Глинского.

Большую часть рисунка занимает изображение убийства Юрия Глинского. Толпа восставших «черных людей» проникла в Кремль на Соборную площадь («пришедше во град»). На переднем плане двое безбородых людей. В поднятых руках они держат камни («убиша камением»). Правее и ниже «черных людей», подле открытых дверей Успенского собора, — несколько бородатых людей («детей боярских»). Среди них выделяется боярин Юрий Глинский. Таким образом, в миниатюре запечатлен момент, непосредственно предшествовавший убийству. Интересно отметить, что в иллюстрируемом тексте ничего не сказано о том, что убийство произошло в Успенском соборе, где пытался Глинский укрыться от обезумевших, «яко юроди», черных людей. Однако художник, по-видимому, знал об этом, и именно Успенский собор изобразил особенно четко.

Массовость сцены передана также характерным для миниатюристов приемом — нарисовано, более или менее ясно, несколько лиц, а дальше много шапок. Причем показано, что много было и участников восстания, и жертв его: «Детей боярских *многих* побиша» (выделено мною. — С. Ш.). Различие в социальном положении подчеркнуто художником при изображении бороды и головных уборов.

Художникам свойственно было изображать безборо-

дыми людей низкого социального положения («черных людей»), а также мужчин до 30 лет, безотносительно к реальности портретов¹⁵⁸. (Социальный термин «молодые люди» одного корня со словом «молодой».) На миниатюре в сцене убийства Глинского «черные люди» изображены безбородыми, а «дети боярские» — с бородой; самая длинная борода у боярина Глинского. Безбороды и двое из трех ясно нарисованных участников совещания у городской стены.

Все персонажи миниатюры — в русских шапках с косым отворотом. Ю. В. Глинский в отличие от других — в сферической мягкой шапке с меховой опушкой. Это типичное для миниатюр изображение княжеской шапки. В таких шапках изображались великие и некоторые удельные князья времени феодальной раздробленности. В Синодальной лицевой рукописи в традиционной княжеской шапке рисовали только Ивана IV (до венчания на царство) и последнего носителя удельных традиций кн. Владимира Андреевича Старицкого¹⁵⁹. Того же порядка миниатюрист придерживался в Царственной книге. Изображение Ю. В. Глинского в княжеской шапке является исключением из правил. Объясняется это, видимо, тем, что Ю. В. Глинский был дядей царя, и художник таким приемом хотел подчеркнуть это обстоятельство, не отмеченное в непосредственно иллюстрируемом тексте. Тем самым подчеркивалось, что восставшие осмелились поднять руку на представителя царской семьи.

На л. 305 об. текст: «А людей княж Юрьевых безчислено побиша, и живот князей розграбиша, ркуще безумием своим, яко «вашим зажиганием дворы наши и животы погореша»».

В верхнем правом углу листа — небольшая миниатюра. Расположение, размер миниатюры и расположение текста такие же, как и на другой стороне листа.

На этом рисунке также отображено несколько эпизодов. Содержание миниатюры точно соответствует тексту и дополнено бытовыми подробностями.

В верхнем левом углу миниатюры — Кремль. Ясно видны часть стены с башней и главы Успенского собора. Основное действие происходит под городской стеной — Кремлевской или Китайгородской. Двор Ю. В. Глинского, вероятнее всего, находился на территории Кремля, и действие происходит внутри «града», т. е. Кремля.

Изображение Кремля в левом верхнем углу миниатюры характерно для условной композиции миниатюр, где наружность здания (или города) и внутренность его изображались рядом, как бы в одной плоскости¹⁶⁰.

На рисунке запечатлены оба действия, отмеченные в тексте. В нижней части рисунка показано «побиение» «людей» Глинского («людей княж Юрьевых безчисленно побиша»); в верхней правой части — разграбление имущества Глинского («живот княжей розграбиша»).

Сцена «побиения» представлена трафаретно, как и в других миниатюрах близкого содержания; люди Глинских лежа взывают о милосердии. Это передано характерным для миниатюр жестом: протянутые с мольбой руки. «Черные люди» стоят с поднятыми мечами, приготовившись совершить казнь. Изображение множества шапок показывает и массовость народного движения и иллюстрирует слова: «Людей княж Юрьевых безчисленно побиша» (выделено мною. — С. Ш.).

В сцене разграбления «живота» Глинского тоже две группы: люди Глинского возле большого ларя с деньгами (характерная для миниатюр условность — ларь открыт, но крышки не видно); левее — удаляющиеся «черные люди» с мешками награбленного за плечами.

Люди Глинских («дети боярские») изображены с бородой, «черные люди» (поднявшие мечи и уносящие награбленную казну) — все безбородые. Этим признаком, как и в ранее рассмотренной миниатюре, видимо, подчеркивается социальное различие персонажей рисунка.

Оканчивается описание восстания на л. 306: «Царь же и великий князь повеле тех людей имати и казнити. Оних * же мнози разбегошася по иным градом, видя свои вину, яко безумием своим сие сотвориша».

Миниатюра, помещенная над этим текстом, занимает большую часть листа — самая большая из трех миниатюр, посвященных восстанию. Рисунок также изображает несколько эпизодов.

Волнения в Москве

26 июня 1547 г.

Царственная книга, л. 305

* С. Ф. Платонов, подготовлявший к печати Царственную

книгу, напечатал вместо слова «оних» слово «они», от-



Cia

(Faint handwritten text, likely bleed-through from the reverse side of the page)

Наверху на фоне Кремлевской стены с башней, ограничивающей сверху рисунок, царь Иван IV отдает распоряжение придворным наказать участников восстания («царь... повеле...»). Царь молодой, безбородый (ему тогда было 17 лет). На голове Ивана IV царский венец. Царь сидит, придворные стоят. Перед государями в миниатюрах всегда стоят, сидят только тогда, когда это требуется текстом¹⁶². У Ивана IV типичный для миниатюр повелевающий жест. У первого придворного также типичный для миниатюр жест понимания, готовности выполнить распоряжение. Иван IV во время пожара покинул Кремль и, согласно летописному тексту, находился в это время в пригородном селе Воробьево. Там он и отдал распоряжение наказать участников восстания. Однако художник, следуя традиции миниатюр, нарисовал его не в Воробьево, а в Кремле*.

В центре миниатюры показано, как было осуществлено повеление царя «тех людей имати и казнити». Бунтовщику рубят голову. Изображение трафаретное, напоминающее изображение на л. 305 об.

Нижняя часть миниатюры иллюстрирует слова: «Оних же мнози разбегошася по иным градом...» Слева толпа бунтовщиков движется, устремляясь от городской стены, условно изображенной наверху этой сцены. Волнение людей передано жестами, типичными для миниатюр (ср. с жестикуляцией толпы на рисунке л. 305).

В правой нижней части рисунка восставшие нарисованы уже в «иных градах». «Иные грады» условно показаны городской стеной с башнями. Крепостная стена в миниатюрах обычно означала слово «город», даже в тех случаях, когда и не упоминалось о городских укреплениях. «Города прочно ассоциировались тогда с их сте-

Волнения в Москве

26 июня 1547 г.

Царственная книга, л. 305 об.

метив в сноске написание подлинника как описку¹⁶¹. Думается, что С. Ф. Платонов не прав, и слово «оних» можно понимать как «оных»: [из] оных многие разбежались...

* Не исключено, впрочем, что такое распоряжение могло быть Иваном IV действительно отдано в Кремле — уже по прошествии определенного времени после восстания.

нами»¹⁶³, — пишет А. В. Арциховский. У человека, стоящего в городских воротах, приглашающий жест — показатель того, что города открыли ворота покинувшим Москву участникам восстания.

Первоначальный текст л. 305—305 об., написанный полууставом, был решительно изменен. Текст л. 305 редактор или кто-то по его указанию дважды перечеркнул и составил на полях того же листа новое описание Московского восстания, значительно более пространное, чем прежнее.

Редактор или кто-то под его диктовку писал мелкой скорописью. Однако ему не хватило одной стороны листа, и он продолжал писать на обороте. Это новое описание восстания было целиком составлено в одно время: чернила местами смазаны и отдельные слова и буквы отпечатались на обороте л. 304. Составлялось описание очень быстро, по ходу мысли составителя. Отдельные слова и выражения сразу же показались составителю недостаточно убедительными или точными, они тотчас же зачеркивались и заменялись новыми.

Текст этой скорописной вставки существенно отличается от первоначального текста: и в объяснении причин и характера восстания, и многими дополнительными подробностями.

«И после пожару на 2 день приехал царь и великий князь навещати Макария митро[по]лита на Новое и (и вражиим наветом нача) * и бояре с ним. И вражиим наветом начаша глаголати, яко вълхванием сердца человеческия вымаша и в воде мочиша, и тою водою кропиша, (от) и от того вся Москва погоре; начаша же словеса сия глаголати духовник царя и великого князя протопоп благовещенской Федор, да боярин князь Федор Скопин Шуйской, да Иван Петров Федоров. И царь и великий князь велел того бояром сыскати. И того же месяца 26 день, в неделю, на (н) пятый день после великого

*Волнения в Москве
26 июня 1547 г.
Царственная книга, л. 306*

* В круглых скобках помещены слова, зачеркнутые в рукописи, в прямых скобках — бук-

вы, пропущенные в скорописном тексте.



Црь же и пелі і ікнъ . поелъ тѣхъ
 людеи и мати и казнятъ . онихъ же
 мнѣхъ разбѣгоша елпои нѣ градомъ
 пидѣше по юшнѣ . іако безъ
 мѣмъ спонмѣ
 іісѣопѣ
 рн
 ша

пожару, бояре приехаша к Пречистой к соборной на площадь и собраша черных людей и начаша въпрашати: (чт) хто зажигал Москву? Они же начаша глаголати, яко княгини Анна Глинская з своими детми и с людьми вълхвовала: вымала сердца человеческия, да клала в воду, да тою водою, ездячи по Москве, да кропила, и от того Москва выгорела. А сие глаголаху [того] чернии людие того ради, что в те поры Глинские у государя в приближение и в жалование, а от людей их черным людем насилство и грабеж, они же их от того не унимаху. А князь Михайло Глинской тогда бяше и с материю* на огосударском жалование на Ржеве; а князь Юрьи Глинской тогда приеха[ш] тутю же, и, как услыша про мать и про себя такие неподобные речи, и пошел в церковь в Пречистую. Бояре же, по своей (к не) к Глинским недружбе, наустиша черни; они же взяша князя Юрья в церкви и убиша его в церкви, извлекоша передними дверми на площадь и за город, и положиша перед того кол, идеже казнят. Быша же в со ||л. 305 об.|| вете сем: протопоп благовещенской Федор Бармин, князь Федор Шуйской, князь Юрьи Темкин, Иван Петров Федоров, Григорей Юрьевич Захарьин, Федор Нагой и инии мнози».

Далее оставлен был неизменным полууставный текст л. 305 об. и следовало добавление: «(А мать твоя кнгн) (а мати твоя княгиня Анна сорокою летала да зажигала, да из люде) много же и детей боярских незнакомых побиша из Северы, называючи их Глинского людьми. А после того (на) убийства на третей день приходиша многия люди чернь скопом ко государю в Воробьево, глаголюще нелепая, что буд (им государь) то государь хоронит у себя княгиню Анну и князя Михаила, и он бы их выдал им»**.

Текст этой вставки близок по содержанию и стилистически к тексту Первого послания Ивана Грозного Курбскому¹⁶⁴. Во вставке и в послании ясно проводится одна и та же мысль о том, что бояре сами возмутили народ против Глинских и царя. «Бояре же, по своей к Глинским недружбе, наустиша черни», — читаем во вставке. Сходные слова находим и в послании Курбскому: «Изменные

* «И с материю» надписано над строкой.

** Этот текст (с незначительными разночтениями) вклю-

чен в Александро-Невскую летопись, известную в списке XVII в.¹⁶⁶

бояре... наустиша народ художайших умов»¹⁶⁵. Московское восстание 1547 г. рассматривается и в летописной вставке, и в послании Ивана Грозного как продолжение боярских «смут и мятежей», «межусобных браней»¹⁶⁷ времени малолетства царя.

В новом тексте Царственной книги находим, однако, некоторые, и притом существенные, отличия от текста послания Курбскому. В летописной вставке отмечается факт злоупотребления Глинских и их приближенных своею властью («а от людей их черным людем насилство и грабеж, они же их от того не унимаху»)*, т. е. тем самым признается, что «черные люди» имели основание для недовольства действиями Глинских.

В то же время в летописной вставке отсутствует характерная для послания Грозного мысль о том, что Глинские — столь близкие родственники Ивана IV, что выступление против них, так же как и выдвигаемые против них обвинения, является по существу выступлением против самого царя. Более того, о Глинских написано так, как вообще принято было писать в летописи о «временниках» («в те поры Глинские у государя в приближение и в жалование»); таким языком писали и о фаворе Шуйских, Бельских и Воронцовых.

В летописной вставке отмечено, что начали говорить о колдовстве как о причине пожара, а также о виновности Глинских на заседании Боярской думы у Макария на второй день после пожара; во вставке упомянуты имена лиц (сначала троих, а затем шести), передававших слух о поджоге Москвы Глинскими и «наутивших» на них чернь. В послании же Курбскому только обещано было назвать имена «изменных бояр»: «Их же имена волею премену»¹⁶⁸. Важно отметить, что боярин Иван Петрович Федоров (названный дважды) был еще жив в момент написания царем Первого послания Курбскому (Федорова казнили в 1567 г.)¹⁶⁹.

В то же время во вставке само убийство Ю. В. Глинского описывается менее подробно, чем в послании Курб-

* По предположению И. И. Смирнова¹⁷⁰, в летописной вставке говорится о том, что бояре не унимали «чёрных людей» от обвинений по адресу Глинских. А. А. Зимин¹⁷¹

не согласен с И. И. Смирновым и придерживается прежнего истолкования текста (принятого еще С. Ф. Платоновым).

скому, и сохранено лишь особо важное для Ивана IV указание на то, что Глинского убили «в церкви» *.

Во вставке с еще большей четкостью обнаруживается политико-философская концепция, согласно которой возмущение, да и вообще все политические акты «черных людей» являлись результатом воздействия на них представителей правящей верхушки. Эта концепция особенно ясно выражена в другой вставке (под 1546 г.) в Царственную книгу о столкновении царя с новгородскими пищальниками: «Без науку сему быти не мощно» (Иван IV повелел выяснить, «по чьему науку бысть сие съпротивство») ¹⁷³.

Понятно, что с изменением текста рукописи должны были измениться и миниатюры. Последний лист Царственной книги в ее нынешнем виде — л. 683—683 об. — как раз и представляет собой переписанные полууставом и иллюстрированные новыми рисунками несколько фраз из второй части скорописной вставки.

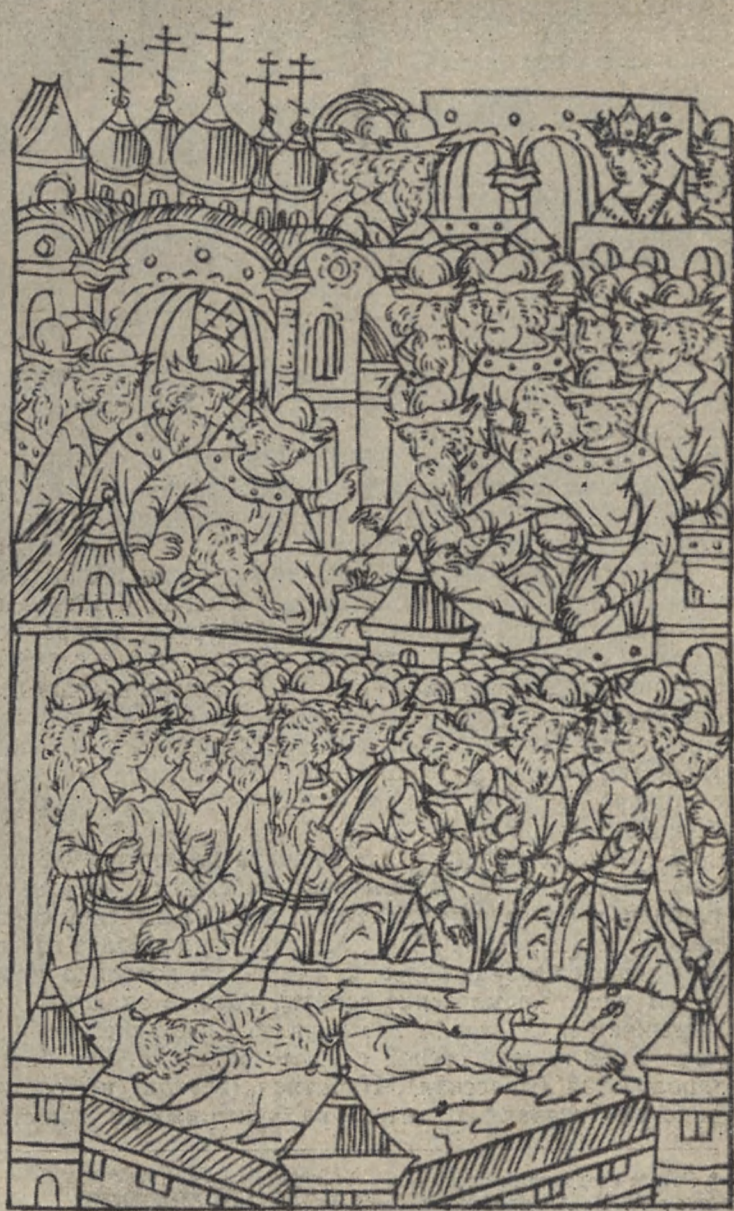
Можно полагать поэтому, что существовали и чистовые листы с предшествующим, а может быть, и с последующим текстом и миниатюрами. (Ко времени, когда М. М. Щербатов велел переплести рукопись, листы эти были, видимо, уже утрачены). И последний лист Царственной книги — лишь случайно уцелевшая часть переписанного и иллюстрированного заново текста рукописи о Московском восстании 1547 г.

Старые и новые миниатюры, вероятно, рисовали художники одной школы, но различие в таланте бросается в глаза. Миниатюры л. 683—683 об. выразительнее, богаче подробностями, сложнее и реалистичнее по композиции сравнительно с миниатюрами л. 305—306. В новых миниатюрах меньше схематизма в изображении человека. Перед нами значительное произведение русского изобразительного искусства XVI столетия. Недаром такой

*Волнения в Москве
26 июня 1547 г. (расправа
с Юрием Глинским).
Царственная книга, л. 683*

* Д. Н. Альшиц полагает, что Иван IV в послании Курбскому отошел от действительности, вспоминая об этом получившем широкую оглас-

ку события, и рассказ Царственной книги проще и правдивее, в нем опущены яркие (но, видимо, недостоверные) подробности ¹⁷².



проникновенный знаток древнерусского искусства, как Ф. И. Буслаев, именно миниатюру л. 683 опубликовал для ознакомления читателя с художественными достоинствами Царственной книги¹⁷⁴.

Рисунок л. 683 иллюстрирует текст: «И извлекоша передними дверми на площадь и за город, и положиша перед того кол, идеже казнят».

На миниатюре (как и на прежде рассмотренных) иллюстрируется несколько последовательных событий. Основное внимание художник уделил двум массовым сценам. Содержание верхней массовой сцены — убийство Глинского; содержание нижней массовой сцены — издевательство над трупом.

Верхнюю часть рисунка ограничивает снизу Кремлевская стена, нижнюю — другая стена, Китайгородская. Эти две стены с башнями по краям и в середине и купола Успенского собора в верхнем левом углу, так же как и четко очерченное условное дворцовое здание наверху справа, придают миниатюре особую законченность и художественную выразительность.

В правом верхнем углу изображен Иван IV, видимо, у окна дворцового здания. Царь молодой, безбородый, в царском венце, с царским жезлом в руке, в парадном одеянии с меховым воротником. Подле царя и с другой стороны дворцового окна — бояре (государь обычно изображался в миниатюрах окруженный боярами-«думцами»). Изображение царя можно объяснить тем, что в миниатюре показано исполнение его повеления «сыскать» о пожаре Москвы: «И царь и великий князь велел того бояром сыскати».

Верхняя, основная часть рисунка иллюстрирует первую часть текста: «Извлекоша передними дверми на площадь». На заднем плане ясно виден Успенский собор, причем его передние двери. Некоторые, наиболее известные здания изображались, как правило, довольно точно, в том числе кремлевские соборы, хорошо знакомые художникам и читателям летописи¹⁷⁵. Снизу сцена обрамлена Кремлевской стеной с тремя башнями. Это башни Фроловская (Спасская), Набатная (глухая) и Константино-Еленинская*. Архитектура башен изображена стан-

* Этими сведениями автор обязан А. В. Арциховскому.

дартно, но и это изображение позволяет увидеть малоизвестный облик кремлевских башен до постройки украсивших их в XVII в. вышек.

Все пространство между Кремлевской стеной и Успенским собором заполнено человеческими фигурами, среди которых выделяются несколько бояр. В центре рисунка — Ю. В. Глинский. Глинского волочат, стаскивая с него одежды, «за город», т. е. за Кремлевскую стену.

Судя по рисунку, Глинский еще жив. Глинский с обнаженной головой — вероятно, потому, что нападение на Глинского произошло в церкви, а художники в церкви изображали людей без шапок. Борода у Глинского очень длинная. Это признак знатности* или возраста или того и другого вместе. С длинной бородой изображен Глинский и на миниатюре л. 305.

Все участники сцены — в русских шапках с косым отворотом, но одежда (корзно) бояр заметно отличается от одежды «черных людей». Корзно в миниатюрах Царственной книги — обычно боярская одежда. Именно в такой одежде изображены бояре и мальчик Иван IV, в ужасе выглядывающий из-за двери, в сцене избиения Федора Воронцова (миниатюры л. 249 Царственной книги). Таким образом, из знакомых ему типов одежды художник выбрал два, чтобы подчеркнуть социальное различие участников сцены.

Нижняя часть рисунка иллюстрирует вторую часть текста: «И положиша перед того кол, идеже казнят».

Этот рисунок тоже ограничивает снизу стена, но уже Китайгородская, с более низкими башнями и многочисленными стрельницами.

В центре композиции труп полуобнаженного длиннобородого человека — Ю. В. Глинского. Труп извлечен через Кремлевские ворота (ворота двух башен отчетливо видны) на площадь перед Кремлевской стеной, где обычно совершались казни преступников. Труп волочат веревками за руки и за ноги**. Рядом — бревно, на которое клали во время казни голову осужденного («кол, идеже

* Ю. В. Глинский не был еще пожилым человеком.

** Рисунок заставляет вспо-

мнить текст цитированной ранее Новгородской Четвертой летописи¹⁷⁶.

казнят») *. Эта часть миниатюры подробно показывает, как и где происходили казни в Москве середины XVI столетия.

Вокруг трупа все пространство вплоть до Кремлевской стены (ров не показан) заполнено человеческими фигурами («наустиша черни»). Ясно очерчены только 12 лиц, дальше нарисовано более 50 шапок. Большинство шапок характерно для простонародья, так же как и одежды. В середине — человек с длинной бородой в боярской одежде (корзно), но без шапки, явно руководящий действиями остальных.

Миниатюра л. 683 об. должна была бы иллюстрировать текст: «Быша ж в совете сем протопоп благовещенской Федор Бармин, князь Федор Шюйской, князь Юрьи Темкин, Иван Петров Федоров, Григорей Юрьевичь Захарьин, Федор Нагой и инии мнози».

Однако содержание рисунка гораздо разнообразнее и богаче иллюстрируемого им текста. На миниатюре

* Переписанный полууставом отрывок текста и особенно миниатюра позволяют уточнить понимание скорописной вставки и исправить ошибку в издании текста вставки во второй части т. XIII ПСРЛ. В полууставном тексте л. 683 написано: «Положиша перед того кол, идеже казнят». Так напечатано это место и на последней (532-й) странице второй части т. XIII ПСРЛ. Кол изображен и на рисунке. Значит, переписчик текста вставки и художник именно так поняли это место. Между тем С. Ф. Платонов, приготовивший к печати рукопись, прочел это место вставки иначе: «Перед торгом...»¹⁷⁷ (Так же поняли это место летописного текста и составители или переписчики Александро-Невской летописи¹⁷⁸.) Наблюдение над почерком, которым написана вставка, убеждает в ошибке Платонова. Приведенные слова на-

писаны крайне нечетко в нижней строке вставки: чернила смазались и слова читаются с трудом. Платонов увидел в неясном значке над буквой «г» слова «того» выносную букву «р», так называемое «рцы лежачее», игнорируя явно лишнюю при таком чтении текста букву «ъ». Однако «рцы лежачее» писавший вставку выводил по-другому: головка буквы слева, хвостик слева направо. Именно такое «рцы лежачее» отчетливо видно в следующих словах той же вставки на л. 305: «Федор» (11-я и 12-я строки сверху справа), «черные» (7-я строка снизу слева), «черным» (6-я строка снизу слева). Так и принято было писать «рцы лежачее» в XVI столетии¹⁷⁹. В значке же, принятом Платоновым за «рцы лежачее», головка справа, а хвостик идет справа налево.

изображены не только лица, бывшие «в совете сем», но и царь с боярами, труп Глинского, народ и бояре подле трупа. Причем эти сцены повторяют или дополняют содержание миниатюры л. 683.

Объясняется это тем, что иллюстрируемые слова как бы разрывают связный рассказ о ходе восстания и в значительной степени повторяют прежде написанное. В начале вставки уже были названы имена лиц, говоривших о поджоге Москвы Глинскими (протопоп Федор Бармин, боярин Федор Скопин-Шуйский, Иван Петрович Федоров). В данном месте снова названы эти имена (и еще три имени), видимо, как имена лиц, которым царь приказал «сыскати» о пожаре и которые, приехав на Соборную площадь в Кремле, «наустиша чернь» на Глинских. Таким образом, художник вынужден снова изобразить тех бояр, которые явились, по словам вставки, зачинщиками восстания, и, главное, изобразить их поступки, уже прежде изображенные.

Миниатюра л. 683 об. также вмещает несколько сцен. Подобно миниатюре л. 683, она обрамлена снизу Китайгородской стеной, сверху — главами кремлевских соборов и верхами дворцовых зданий. Каждая сцена отделена от другой архитектурным оформлением, в которое удачно вставлены группы людей. Это придает миниатюре в целом большую выразительность и композиционную четкость и завершенность.

В правом верхнем углу — царь в венце и парадной одежде с меховым воротником. Он отдает распоряжение боярам, видимо повелевает им расследовать причины пожара. Царь сидит, бояре стоят. Придворные окружают царя. Бояр много (нарисовано много шапок): у Макария в селе Новом, где начали разговор о поджоге Москвы Глинскими, была вся Боярская дума. По тексту вставки Царственной книги об этом можно только догадываться. Однако в Постниковском летописце уже прямо написано, что митрополит Макарий переехал после пожара в Новинский монастырь, и туда «князь великий и со всеми бояры к нему на думу приезжали»¹⁸⁰.

Хотя царь, по тексту, отдавал приказание боярам в митрополичьих покоях, изображен царь в условном здании дворцового типа. Видны переходы здания и парадное крыльцо. Вероятно, и здесь, как на миниатюре л. 306, по традиции изображен знакомый художнику Кремлевский

дворец, тем более что эта сцена, как и рисунок левее, обрамлены снизу общей для обеих частей рисунка Кремлевской стеной.

Слева главная сцена миниатюры — «совет» зачинщиков восстания. Во главе «совета» протопоп в характерном головном уборе. Ясно видно шесть лиц — попа и пяти светских людей (из них двое в корзно). Именно шесть человек и поименованы в иллюстрируемом тексте. Шапками обозначены «инии мнози». Совещание передано изображением типичной для миниатюр жестикуляции. Совещание происходило, видимо, на Соборной площади при выходе из дворца. Вдали видна церковная глава.

Нижняя часть рисунка повторяет и в какой-то мере продолжает тему нижней части миниатюры л. 683, но на рисунке л. 683 об. показано завершение действия, начатого на рисунке л. 683. Полуобнаженный труп Глинского уже лежит на площади между Кремлевской и Китайгородской стенами. Веревок не видно. Руки вытянуты вдоль тела. Голова трупа на бревне («кол, идеже казнят»), однако бревно массивнее и большей длины, чем на рисунке л. 683.

Над трупом две группы людей, видимо выходящих из двух открытых ворот Кремля. На переднем плане левой группы — бояре в корзно (один из них — крайний слева — совсем юный). Бородатый боярин повелевающе указывает рукой. Человек без головного убора, в простой одежде на переднем плане правой группы в ответ как бы разводит руками. Быть может, это иллюстрирует слова: «Ркуще безумием своим»? Миниатюры, таким образом, позволяют детальнее понять летописный текст, а следовательно, отчетливее и подробнее «наблюдать» ход Московского восстания 1547 г. Изучение миниатюр л. 305—306, 683—683 об. Царственной книги помогает глубже уяснить, как представляли себе восстание современники и их отношение к восстанию.

Понятно, что выбор сюжетов миниатюр Царственной книги и восприятие их в значительной степени были обусловлены летописным текстом и социально-политическими воззрениями, обязательными для правительственных

*Волнения в Москве
26 июня 1547 г. (расправа
с Юрием Глинским).
Царственная книга, л. 683 об.*

летописцев и художников. Это находило воплощение в определенных литературно-художественных трафаретах. Тем интереснее отступления от этих трафаретов и от иллюстрируемого текста.

В первоначальных миниатюрах (л. 305, 305 об., 306) самостоятельная роль народа в восстании выявлена достаточно откровенно.

В этих миниатюрах «черные люди» в типичной для простонародья одежде — главные действующие лица. Численность «черных людей» показана приемом изображения множества голов — шапок. В миниатюре л. 306 показана поддержка жителями «иных городов» восставших москвичей, перед которыми гостеприимно открывали городские ворота. Такое истолкование художником летописного текста, возможно, обнаруживает и его сочувствие восставшим.

Сложнее было положение художника, рисовавшего миниатюры л. 683—683 об., так как во вставке в Царственную книгу настойчиво подчеркивалось прежде всего руководство бояр восстанием: бояре подстрекали к убийству Глинского или даже совершили его. Думается, что именно так можно понимать слова вставки: «*Они же* взяша князя Юрья в церкви и *убиша* его в церкви (выделено мною. — С. Ш.)», так как следующее действие — «извлекоша» — непосредственно продолжает предыдущее и совершается одними и теми же людьми. От начала до конца бояре остаются руководителями восстания.

Понятно, что основная идея вставки не могла не отразиться в миниатюрах, ее иллюстрировавших.

В верхней массовой сцене рисунка л. 683 бояре изображены на переднем плане: трое в типичных боярских одеждах в левой части рисунка, четверо — в правой. Двое из бояр тащат труп Глинского к Кремлевским воротам («и извлекоша... на площадь»). Характерен для символики миниатюр показ движения пальцев рук двух бояр на фоне церкви в свободном от изображения голов пространстве (над трупом). Это повелевающий и одновременно негодующий жест руководителя. Такое же движение пальцев у царя Ивана IV, повелевающего «имати и казнити» участников восстания, на миниатюре л. 306.

В нижней массовой сцене рисунка на л. 683 тоже подчеркнута руководящая роль бояр. Бояре продолжают

издевательство над трупом («положиша перед того кол, идеже казнят»). Это действие совершается теми же людьми, что и предыдущее. Боярин в корзно, но с обнаженной головой, изображенный в центре толпы, руководит действиями остальных людей и сам держит в руках веревку, с помощью которой «черные люди» тянут труп Глинского. Именно этот боярин указывает рукой на кол, «идеже казнят».

На миниатюре л. 683 об. центр всей композиции «совет» бояр — зачинщиков восстания. Нижняя часть рисунка тематически продолжает нижнюю часть рисунка л. 683, в котором так четко выявлена руководящая роль бояр в «убиении» князя Глинского.

Таким образом, в миниатюрах л. 683—683 об. — соответственно тенденции вставки — народу отведена пассивная роль исполнителя боярских замыслов.

Художник, однако, знал (хотя бы по первоначальному тексту Царственной книги) о значительнейшей роли «черных людей» в восстании. Да и в самой вставке было написано, что «многия люди чернь скопом» пришли к царю в Воробьево. Остался и летописный текст о том, что многие («мнози») из участников волнений в Москве нашли себе позже пристанище и, можно полагать даже, поддержку в «иных градах». Сопоставление подробностей рисунка с содержанием Новгородской Четвертой летописи (сохранившей дополнительные сведения о восстании) и других источников свидетельствует о большой осведомленности художника об июньских событиях 1547 г.

И если художник (стоявший, можно думать, ближе к народу, чем заказчик) вынужден был затушевывать самостоятельную роль народа в восстании, то скрыть массовость движения он не сумел или даже не хотел.

Показ массовости восстания, деятельного участия в нем народа («многия люди чернь») достигается художником опять при помощи характерного для миниатюр приема — изображения множества голов. Человеческие фигуры, точнее, головы тесно заполняют все пространство и верхней и нижней части миниатюр л. 683. В других рисунках Царственной книги, даже в изображении битв, нет такого количества людей. Это действительно массовые сцены. Массовая сцена изображена и на л. 683 об. Следовательно, художник хотя и изобразил в миниатюрах л. 683—683 об., как ему подсказывал иллю-

стрируемый текст, руководящую роль бояр в восстании, но одновременно сумел выявить и массовость движения. А художник был близким современником, если не очевидцем восстания.

Поздние известия

Известия о московских событиях 1547 г. встречаются и в письменных источниках конца XVI — начала XVII в. и более позднего времени. Данные эти также очень любопытны, так как позволяют ознакомиться с представлениями об этих событиях, бытовавшими у последующих поколений, и, следовательно, помогают определить, что же именно особенно крепко сохранилось в памяти потомков.

В опубликованном О. А. Яковлевой так называемом Пискаревском летописце (составлен в первой четверти XVII в.¹⁸¹) сведения о событиях 1547 г. совпадают текстуально с официальными летописными известиями. Но интересно отметить, что в текст летописного повествования между известиями об упавшем колоколе (3 июня 1547 г.) и «великом пожаре» 21 июня 1547 г. вставлен рассказ о возвышении А. Ф. Адашева и деятельности А. Ф. Адашева и Сильвестра*. На самом деле Адашев был хорошо известен Ивану IV прежде июня 1547 г.: Адашев и его жена названы среди самых близких лиц к царю в «чине» царской свадьбы февраля 1547 г.¹⁸² Но уже у ближайших современников приближение Адашева к царю и его возвышение связывалось с событиями июня 1547 г. (близкая аналогия в рассказе Курбского о возвышении Сильвестра). Известие об Адашеве, как полагал М. Н. Тихомиров, основано на устных преданиях¹⁸³, восходящих, возможно, к современникам событий.

К 1547 г. отнесено возвышение Адашева и в Степенной книге А. Ф. Хрущова** (следовательно, и в сознании интерполятора позднейшего времени события 1547 г. запечатлелись как особенно значительные)***. В другой Степенной книге (принадлежавшей в XVIII в. барону

* Вставка начинается с упоминания о пребывании А. Ф. Адашева при дворе султана (конец 1530-х годов).

** Возможно, не без влияния «Истории» Курбского.

*** См. стр. 170—178.

И. А. Черкасову) известие о восстании основано на фактическом материале официальной летописи. Однако материал этот своеобразно истолкован: восстание представлено как антибоярское выступление народа («Московская чернь, — читаем в Степенной книге, — возмутилась на бояр и вельмож московских») и убийство Ю. Глинского рассматривается как убийство «ближнего» из царских бояр. Отмечается и тот факт, что многие участники восстания сумели спастись «бегством» *.

Упоминают о событиях 1547 г., прежде всего о пожарах, и летописи XVII в. (в частности, так называемый Мазуринский летописец¹⁸⁴, и особенно краткие летописцы). Краткие летописцы (или «летописцы вкратце») были широко распространены в XVI—XVII вв. Они составлялись путем извлечения сведений о событиях прошлых лет из более пространных (или пространной) летописей с добавлением новых данных¹⁸⁵, чаще всего о местной истории. (Известия местного характера нередко уникальны.) Это своеобразные конспекты более пространных летописей. Содержание кратких летописцев любопытно и в том отношении, что в них можно найти данные из недошедших рукописей более полного состава.

Интересные данные, заставляющие вспомнить Хронографическую летопись (где упоминается о «вече» москвичей), содержатся в кратком летописце, озаглавленном «Летописец написан из старых летописцов, что учинялось[ся] в Московском государстве и во всей Русской земле». О событиях 1547 г. там написано: «Лета 7055-го ноября в 26 день был мятеж великой на Москве — убили миром боярина Юрья Васильевича Глинского»¹⁸⁶. Слово «мир», не часто встречающееся в источниках той поры, в таком смысле употреблялось только по отношению к массовым и достаточно организованным действиям на-

* «И месяца того ж, в 26 день, после того великого пожара на пятый день московская чернь возмутилась на бояр и вельмож московских, аки бы они были причины таковым пожаром и разорению. И похитивше ближнего царева боярина князь Юрья Васильевича Глинского, на площади побиша камением, с

ним же и многих детей боярских и дома их разграбиша. Царь же бунтовщиков тех повеле, переимав, казнити смертию, а мнози от них бегством спасошася»¹⁸⁸. По копии ГПБ эту рукопись цитирует Д. Н. Альшиц, сопроводивший цитату интересным комментарием¹⁸⁹.

рода. Большое значение для историка имеет и определение «мятеж великой». Сведения эти, первоначально выявленные по одному списку, были уже введены в научный оборот¹⁸⁷. В настоящее время известно уже семь списков этого краткого летописца: все списки XVII в. Краткий летописец, изложение событий в котором доведено до 1660-х годов, примерно тогда же и был окончательно составлен (в Троице-Сергиевом монастыре). Летописец состоит из нескольких частей, причем в основу первой части, излагающей события до конца XVI в., был положен какой-то летописчик XVI в.* (возможно, что уже именно в нем восстание ошибочно отнесено не к июню, а ноябрю 1547 г.).

Характерно, что в этом кратком летописце, очень лаконично сообщаемом о важнейших (с точки зрения составителя) исторических событиях, ничего не написано о московских пожарах, а выделен именно факт массового восстания. Не казалось ли это событие особенно знаменательным для очевидцев восстаний «бунташного» XVII столетия?!

В некоторых списках этого краткого летописца¹⁹⁰ изложение событий кончается 1547 г. — убийством Юрия Глинского. Известием о московском пожаре 1547 г. завершается текст и другого краткого летописца¹⁹¹ («Роскый летописец вкратце»), дошедшего в сборнике рубежа XVI—XVII вв.¹⁹² На изложении событий 1547 г. обрывается и Постниковский летописец. Случайно ли это? Быть может, события 1547 г. старались выделить как своеобразный рубеж?

* *
*

Обозрение данных письменных источников о московских событиях июня 1547 г. убеждает в том, что события эти произвели сильное впечатление на современников. Особенно глубокий след оставили они в памяти тех, кто был в Москве в июньские дни 1547 г.; но и в других районах Российского государства многое знали и о пожаре,

* Краткий летописец в настоящее время готовится к печати в очередном томе ПСРЛ. Во введении к публикации раз-

бирается вопрос о составе летописца и времени составления его частей.

и о Московском восстании. Хотя достоверные сведения постепенно смешались с полулегендарными и даже легендарными, для современников было ясно, что события эти имели большое историческое значение, а потомки писали о них в исторических сочинениях, составлявшихся и много десятилетий спустя.

Так как события 1547 г. воспринимались (согласно исторической традиции) как особенно значительные, описание этих событий и даже упоминание о них тенденциозно использовались публицистами для обоснования, подтверждения и популяризации тех или иных политических или историко-философских взглядов. Иван Грозный обратился к этим историческим фактам, характеризуя их как пример антицаристских действий боярства, натравившего «чернь» на государя и его семью. Курбский акцентировал внимание на проповеди Сильвестра, стараясь этим описанием подкрепить свою теорию о «мудрых советниках». Церковные писатели, особо выделяя «свидетельства» о зловещих предзнаменованиях и чудесных предвидениях, настойчиво напоминали о деятельности митрополита Макария и о роли церкви в умиротворении и москвичей и царя. В то же время составитель официального «Летописца начала царства», понимая, что изложение этих событий не может способствовать возвеличению самодержца, постарался изобразить их нарочито кратко и нечетко. Он действовал соответственно представлениям писателей того времени, склонных обожествлять своего властелина: «Сего ради неправедно о царюющем худым многословити, ниже без муки, иже аще, что порочно, лепотнее бо есть царьское безобразие жития молчанием покрыти, якоже ризю» (слова Ивана Тимофеева) ¹⁹³.

Всем этим публицистам, как и другим выразителям феодальной идеологии, свойственно полное небрежение к мнению самого народа, который лишен в их представлении исторической самостоятельности и способен действовать только по указке вождей или наущению знати, либо как слепое орудие божественного промысла. И восстание трактовалось, в соответствии с подобными общеполитическими воззрениями, прежде всего как эпизод политической борьбы в среде господствовавшего класса. Основное внимание уделялось царю и боярству, Глинским и оппозиционно к ним настроенным боярам и выс-

шему духовенству: поджигали они или не поджигали город, побуждали чернь к бунту или не побуждали?

Для всех этих публицистов — и в особенно обнаженной форме для церковных писателей — характерно и типично средневековое представление о подобных событиях как о возмездии бога за грехи. Так объясняли не только причины народных волнений, но и нашествий внешних врагов, военных поражений, пожаров, голода, эпидемий. Можно вспомнить и современные Ивану Грозному летописи и другие памятники публицистики (в частности, указывающие причины разорения Москвы татарами в 1382 г., падения Константинополя в 1453 г. и т. д.) и даже летописи древней Руси¹⁹⁴. Свидетельства письменных источников о событиях 1547 г. — интересный пример различного политического толкования исторических фактов авторами при близости их историко-философского мировоззрения.

Все это очень затрудняет возможность выявления в письменных источниках подлинных фактов из истории классовой борьбы, вынуждает исследователя ограничиваться более или менее предположительными выводами, прибегать достаточно широко к историческим аналогиям.

О размахе и пугающей власти силе восстания можно судить, следовательно, на основании лишь высказываний, исходивших из среды, враждебно настроенной по отношению к «черным людям», а также, конечно, по правительственным мероприятиям последующего времени.

Еще меньше можно узнать о требованиях восставших, об их умонастроении, об их психологии*, о той, употребляя выражение В. И. Ленина, «подземной работе, которая совершалась в глубинах народного сознания»¹⁹⁵.

* Еще не проделана применительно к истории России XVI в. работа по выявлению в письменных источниках и в памятниках фольклора следов социально-утопических идей, стихийно возникавших в народной среде, хотя результативность подобных исследований после книги К. В. Чистова о русских народно-утопических социальных легендах XVII—XIX

вв.¹⁹⁶ очевидна. При изучении истории России XVI в. научно-перспективным представляется и использование разработанных Р. Мандру (при исследовании истории Франции XVI—XVII вв.¹⁹⁷) приемов извлечения из источников данных о психологии людей, умонастроении, характерных чертах общественного сознания.

Как отмечалось уже, источники, непосредственно запечатлевшие суждения народа о московских волнениях и об их предпосылках, неизвестны *. Можно лишь догадываться о том, что существовали письменные источники, в какой-то мере выражавшие умонастроения и «черных людей», памятники «народной публицистики» (выражение В. П. Адриановой-Перетц¹⁹⁸) — челобитные, «сказания», подметные письма (как в XVII в.), тайные записи разговоров, которые вели в рядах московского торгового (как в последующие десятилетия, когда по заданию царя посылали «слушать в торг у всяких людей всяких речей и писати тайно» и, ознакомившись однажды со «списком речей мирских», Иван IV «удивишася мирскому волнению»¹⁹⁹).

Не сохранилось даже изложения взглядов «черни» в 1547 г. в источниках, вышедших из враждебного ей стана (подобных сочинениям Зиновия Отенского, в пересказе которого узнаем о «рабьем учении» Феодосия Косого²⁰⁰). Мы знаем о содержании некоторых проповедей митрополита, придворного духовенства, «молений» царя. Но ничего не известно о содержании проповедей, произносившихся обычными священниками в немногих уцелевших после пожара московских церквях. А ведь такие священники были близки и по образу жизни, и по образу мыслей к своим прихожанам. Нет у нас фактов и о деятельности «еретиков» (некоторых из них называли лживыми пророками) именно в это время, хотя предположение А. А. Зимина о том, что Феодосий Косой и его сподвижники покинули Москву в связи с июньским восстанием 1547 г.²⁰¹, и кажется очень заманчивым.

В XVI в. «одной из отдушин народного недовольства и возмущения», отмечает И. У. Будовниц, было юродство²⁰². По словам Флетчера (посла английской короле-

* Еще И. Е. Забелин — замечательный знаток бытовой истории русского средневековья — задавал себе (в записной книжке 1861 г.²⁰³) вопрос: «Отчего для XVI и XVII вв. у нас так мало документов о борьбе лиц и партий подземных, внутренних?» «Думаю, — отвечал он, — от того, что рты были запеча-

таны страхом. Безграмотность тех людей, которые были героями. Официальная нравственность Домостроя. Лицемерная, которая подземное, подклетное все упрятывала далеко. А жизнь была такая же. Гласности никакой, самая строгая цензура обычаев и нравов»²⁰⁴.

вы Елизаветы в 1588—1589 гг.), некоторые юродивые, «подобно пасквилям, указывают на недостатки знатных», о которых другие не осмеливаются говорить. В Москве обитало немало юродивых (в частности, «нагоносцев») или прикидывавшихся таковыми; иные из них, пишет тот же Флетчер, «уже слишком смело поносили правление царя» Ивана IV* и от них «тайно отделились»²⁰⁵. В источниках, дошедших до нас, выпячивается роль одного из юродивых — современника волнений 1547 г. Это древний уже годами «нагоносец» Василий Блаженный (скончался в 1557 г. в возрасте 88 или даже 94 лет)²⁰⁶. О поведении в это время других юродивых умалчивается. Быть может, имелись особые причины подобного умолчания?

Народное общественное самосознание в то время в значительной степени выражали скоморохи²⁰⁷. Скоморохи — «веселые люди», артисты, обладавшие обычно многообразными талантами (мимы и фокусники, акробаты, певцы и музыканты, куплетисты и рассказчики). Скоморохи же были и сочинителями песен, сказок, пословиц, выражавших, по словам В. П. Адриановой-Перетц, «народную оценку событий»²⁰⁸. Скоморохи заостряли социальный смысл народной сатиры. Они были распространителями и истолкователями общественно-политических новостей, возбуждателями общественных настроений, формировавших общественное мнение**. Они

* Ведь именно в уста юродивого во враждебном царю псковском предании о походе против Новгорода в 1570 г. вложены слова обличения жестокости Грозного: при въезде царя в Псков юродивый Миколка будто бы закричал: «Ивашка, Ивашка, ешь хлеб-соль, а не человечесью кровь!», а затем угостил его сырым мясом, приговаривая: «Ты хуже собаки, собака не станет есть живого человеческого мяса, а ты ешь»²⁰⁹. Рассказ этот — в несколько ином, правда, варианте — передает и Флетчер: юродивый в ответ на подарок, присланный царем, от-

правил к нему кусок сырого мяса, хотя в это время был пост. Когда удивленный царь напомнил ему об этом, юродивый сказал: «Да разве Ивашка думает, что съесть постом кусок мяса какого-нибудь животного грешно, а нет греха есть столько людского мяса, сколько он уже съел?»

** Скоморохи не были однородны по своей социальной природе²¹⁰. Некоторые из них (прежде всего «оседлые», жившие «за боярином») выполняли, так сказать, в основном развлекательную функцию. Демократическая, чисто народная

являлись как бы живой связью между различными районами страны, а также между различными слоями населения.

Во время скоморошских представлений, как и во время народных празднеств (типа западноевропейских карнавалов), как бы устранялись иерархические преграды, забывались сословные запреты и обязательства²¹². Народным празднествам — в отличие от церковно-канонических — присущи были элементы стихийности и импровизации — «мятежа». («Противоскомороший» указ царя Алексея Михайловича 1648 г. называл народный праздник «мятежным действием»²¹³.) Острое слово и актерское мастерство («бесовские песни», «смехотворение») скоморохов, хранителей и распространителей народных сатирических произведений, отмечает В. П. Адрианова-Перетц, подрывали авторитет властей и побуждали к восстанию против них²¹⁴.

И не случайно против скоморохов (которые признавались обязательными участниками народных празднеств, а в будничной каждодневной быт вносили опасную необычность) так ополчились на Стоглавом соборе 1551 г. (церковное запрещение скоморошества). И в уставных грамотах середины века грозили всяческими карами за покровительство скоморохам*. Скоморохов подвергали

и оппозиционная в отношении верхов общества тенденция скоморошья творчества противостояла, замечает Е. Кузнецов, прислужнической, угоднической в отношении бояр и князей, купцов и богатеев²¹¹. (Впрочем, и здесь следует выделять «шутов»-острословцев, игравших благодаря своим личным качествам заметную роль в общественной жизни при дворе феодала.)

* Скоморохов, однако, невозможно было в XVI в. истребить. Они оставались органической частью (и потребностью) русской жизни. Общественное положение («профессия») скомороха признавалось и официально,

что отражено в писцовых, переписных и таможенных книгах (эти данные обобщены В. И. Петуховым²¹⁵). Скоморохи часто выступали при дворе. Их искусство любил Иван Грозный, сам принимавший участие в скоморошеских представлениях²¹⁶. Официально исчезают скоморохи со второй половины XVII в., хотя лубочная литература и лубочные изображения свидетельствуют о деятельности скоморохов и в последующее время. Причины официального исчезновения скоморошества можно искать не только в официальном запрещении его, но и в том, что с конца XVII в. происходят изменения в про-

преследованию наряду с «волхвами» и «ворожеями»; за укрывательство скоморохов взымали такой же штраф, как за укрывательство «татей» и «разбойников». Характерно, что волну суровых репрессий против скоморохов наблюдаем и в середине XVII в. и именно в период обострения классовой борьбы в городе и в деревне²¹⁷. (Вряд ли случайно, что со второй половины XVII в. начинается и преследование «лжеюродивых»²¹⁸.)

Факты отражения событий 1547 г. в памятниках фольклора не обнаружены. Искусство скоморохов (в словесной своей форме) — это именно устное народное творчество, притом творчество обычно злободневное, а следовательно, и «мимошественное». Вряд ли следует надеяться на обнаружение прямых свидетельств о 1547 г. и в таких разновидностях памятников фольклора, как исторические песни и предания. Массовые народные движения в Москве в XVII в. не могли не перекрыть в сознании воспоминания о событиях середины XVI в. Первоначальные варианты преданий, сатирических рассказов, сказок, песен, пословиц, созданных по свежим следам восстания 1547 г. (даже если они и имели место), не могли (ко времени их записи учеными) существеннейшим образом не измениться под впечатлением более значительных массовых восстаний последующего времени.

Таким образом, сохранившиеся источники очень неполно и крайне односторонне, враждебно отражают данные о московских волнениях июня 1547 г. Тем не менее

фессionalmente искусстве (появление театра и других «зрелищ», новых музыкальных инструментов, новой музыки и т. д.). С распространением бюрократического начала уменьшается еще более степень демократичности общества и наблюдается все большее отдаление верхов его от низов, становятся все менее допустимыми развлечения, равно интересные различным общественным слоям; все заметнее и различия в культуре и даже в разговорном языке дворянства и остального населения. Нако-

нец, уменьшается и общественно-политическое значение скоморошества: появляются газеты и другие способы распространения новостей с помощью письменности, расширяются возможности общения различных областей страны. В результате всего этого, так сказать, информативные функции скоморошества постепенно ослабевают (хотя именно скоморохи, вероятнее всего, оставались хранителями и творцами традиционных жанров народного искусства).

историк обязан попытаться и на основании этих свидетельств определить поводы, ход, характер и последствия восстания.

«Смятение» в Москве.
Июнь 1547 г.

Предпосылки восстания следует искать в событиях предшествовавших лет, и прежде всего зимы 1546/47 г. и весны 1547 г. В годы малолетства Ивана IV (конец 1530-х — начало 1540-х годов) Москву лихорадило от боярских «нестроений» и «мятежей»*, а кормленщики — ставленники «временников» бесчинствовали на местах. К 15 годам примерно Иван IV, по его словам, сам начал царство свое строити**. К этому времени можно отнести, видимо, и начало особого возвышения ближайших родственников Ивана — князей Глинских: бабки его Анны и братьев матери Михаила и Юрия Васильевичей. Но борьба за власть и влияние в придворной среде не прекращалась²¹⁹. Время возвышения Глинских — это время расправы с вельможами, особо влиятельными в предшествовавшие годы (князьями Кубенскими, Шуйскими, Горбатым, боярами Воронцовыми и др.). На протяжении полутора лет опалы сменялись милостями, приближение снова опалой, пока наконец 21 июля 1546 г. Иван IV внезапно не приказал немедленно казнить Ивана Кубенского и двух Воронцовых (боярам не разрешили даже причаститься перед смертью) и отправить в ссылку некоторых других бояр²²⁰ — одно из первых зафиксированных в источниках упоминаний о проявлении безудержной ярости Ивана Грозного.

* Бояре «ретащеся друг пред другом»²²¹, — писал позднее даже такой убежденный защитник боярских привилегий, как князь Курбский.

** Согласно официальной летописи, Василий III, умирая, «приказывал» великой княгине Елене «дръжавствовати скипетр великиа Русиа до възмужання сына своего»²²². По Псковской летописи, Василий III нарек

Ивана IV «великим князем и приказа его беречи до 15 лет своим бояром немногим»²²³. «Нам же пятагонадесят лета возраста преходящим, и тако сами яхомся строити свое царство, и по божии милости благо было начялося строити...»²²⁴ — писал впоследствии сам царь Иван Курбскому. Впрочем, уже в 1543 г. в наказе Бор. Ив. Сукину, послу к

С середины 1540-х годов в правительственной деятельности обнаруживаются приметы политики централизации * последующего десятилетия (и в то же время возрождение централизаторских тенденций времени Василия III **) и определяется основное направление последующей активной внешней политики (начало «Казанской войны» ²²⁶, завершившейся падением Казанского ханства). Между тем современники горькими словами характеризовали *весь* первый период правления Ивана IV (до событий лета 1547 г.) ²²⁷. Схожие слова о боярских междоусобицах и вторжениях иноземцев, злоупотреблениях властей и росте налогов, нищете и голоде находим в Степенной книге, в новгородских и псковских летописях, в кратких летописчиках, Стоглаве, сочинениях Максима Грека, Ермолая Еразма, Ивана Пересветова, Ивана Грозного (в том числе в его обращениях, включенных в летописные тексты — покаянные речи 1547 г., речи на соборе февраля 1549 г., послание из Александровой слободы накануне опричнины и др.), Курбского, в «Казанской истории».

16 января 1547 г. Иван IV первым из московских государей венчается царским венцом***; 2 февраля отпраздновали свадьбу его с Анастасией Романовной Захарьиной (из старинного московского боярского рода). Это явственные внешние показатели официально провозглашенной самостоятельности молодого государя.

Столь торжественное утверждение единодержавия на всей территории Российского государства подрывало поч-

польскому королю Сигизмунду I, отмечалось: «Государь наш, великий государь Иван божией милостию, з мужеский возраст входит, а ростом совершенного человека уже есть, а з божьею волею помышляет ужь брачный закон принять. . .» ²²⁵

* Образуется даже — небольшое войско, выполнявшее функции и личной охраны Ивана IV ²²⁸.

** Эти тенденции охарактеризованы в новейшей моногра-

фии А. А. Зимина «Россия на пороге нового времени. Очерки политической истории России первой трети XVI в.», опубликованной, когда настоящая работа находилась уже в издательстве.

*** Краткий летописчик второй половины XVI в. (Волоколамского монастыря) величает Ивана IV «первый на Москве нареченный царь. . .» ²²⁹

ву для притязаний крупных феодалов на соучастие в управлении государством и для притязаний отдельных областей государства на политическую обособленность. Поэтому венчание на царство можно оценивать как важнейший акт в направлении дальнейшей централизации государства.

Значение венчания на царство состояло также и в том, что оно укрепляло международное положение государства и определяло характер и направление дальнейшей внешней политики. Актом венчания на царство московский государь приравнивал себя к государям так называемых великих держав и тем самым подрывал почву и для притязаний иностранных государей на установление какой бы то ни было степени зависимости от них Российского государства ²³⁰.

В феврале 1547 г. в Москве собрался и церковный собор, на котором было постановлено признавать общерусскими «святыми» некоторых местнопочитавшихся «святых» (в том числе патронов бывших удельных княжеств) и собирать сведения о ранее известных и новоявленных «святых». До этого времени, по словам одного жития, «каждая страна своих блажила». Так началась предпринятая митрополитом Макарием работа по объединению местных «святых» в единый государственный пантеон ²³¹. Это тоже способствовало уничтожению местных особенностей отдельных областей государства, объединению земель и росту международного престижа Российского государства (среди новоявленных «святых» были и «святые», почитаемые в балканских странах). Этими актами укреплялось положение Москвы как центра православия — «Третьего Рима». Одновременно подчинение контролю Москвы местных церковных преданий, известная унификация их в сильной степени содействовали и усилению власти митрополита.

Царская свадьба была обычно поводом для сосредоточения в столице виднейших представителей господствующего класса — и светских и церковных феодалов. Сопровождалась она и свадьбами лиц из окружения государя*.

* Итальянец Павел Иовий (Поло Джовно), со слов русского переводчика Дмитрия

Герасимова, отмечал, что после выбора государем невесты «остальные из девиц, со-

Первые недели 1547 г. были, однако, не только временем торжеств венчания на царство, свадеб и церковного собора, но и публичной казни (по словам современника²³³, «повелением князя Михаила Глиньского и матери его княгини Анны») лиц из ближайшего окружения молодого Ивана IV* — юных княжичей Федора Ивановича Овчинина-Оболенского (его посадили на кол против Кремля) и Ивана Ивановича Дорогобужского** (ему голову «ссекли на льду»²³⁴). Казнь княжичей являлась как бы продолжением казней вельмож в июле 1546 г. Это было время и напряженнейшей внешнеполитической обстановки (продолжавшейся «Казанской войны», немирных отношений с мусульманскими «юртами» и с Польско-Литовским государством), начавшегося голода (вследствие повсеместного неурожая) и нового повышения налогов (вызванного, возможно, в какой-то мере и большими расходами на торжества в январе — феврале 1547 г.***).

«Во всех городех Московские земли и в Новгороде хлеба было скудно». Несмотря на это, велено было «имати дань с сох по 12 рублей и от того хрестияном тягота

стязавшиеся в первенстве, в красоте, целомудрии и нравственности, часто в тот же день, в угоду государям, выходят замуж за вельмож и воинов»²³².

* Курбский писал, характеризуя «лютость» Ивана IV накануне событий июня 1547 г.: «Егда начал всякими безчисленными злостями превосходить...»²³⁵ В XVIII в. начало нового периода в истории государственного Ивана IV и в его личной жизни связывали с актом венчания на царство. В поздней Степенной книге (И. А. Черкасова) читаем: «От сего убо времени нововенчанный царь Иоанн начат от всех детских своих обычаев на мужеский некий со жестокостью растворенный нрав претворитися. Ближним же и вельможам

своим, прежним царства правителем, броды правления царственного востязати...»²³⁶

** Возможно, что тогда же казнили и пятнадцатилетнего князя Богдана Трубецкого (об этой казни пишет Курбский)²³⁷.

*** М. Н. Тихомиров заметил в не завершенной им работе, посвященной биографии Ивана Грозного: «Венчание на царствование и женитьба царя Ивана IV, столь торжественно отмеченные в летописи, по-видимому, не так дешево обошлись для московского населения, которое, естественно, в первую очередь привлекалось для оплачивания дорогих событий в царской семье»²³⁸.

была велика»²³⁹. Пришла засуха *, начинался голод²⁴⁰. Наконец, весна 1547 г. была ознаменована большими пожарами в городах. В апреле летописец трижды упоминает о пожарах в Новгороде²⁴¹. Несколько пожаров было в Москве. Особенно запомнились апрельские пожары, отмеченные не только в московских, но и в новгородских, псковских и иных летописях²⁴².

12 апреля пожар уничтожил большую часть Китай-города, в том числе около 2000 дворов на Гостином дворе и Соляной двор, «и людей много погорело»²⁴³. Летописи этот пожар (как и пожар июня 1547 г.) называли «великим московским пожаром» **. Через несколько дней (по летописному отрывку — 15 апреля) вспыхнул пожар в Замоскворечье, точнее, в Заяузье: на Болвановке сгорело 1700 дворов, в Кожевниках — 500²⁴⁴. По другим источникам, пожар случился 20 апреля, и «выгореша мало не все Заяузье»²⁴⁵. Отмечается, что «в то же время и в иных местах во многих на Москве загорелось»²⁴⁶. Царь с семьей находился тогда в Воробьеве. Не уехал ли он туда, спасаясь от пожара?

Самое главное, пожалуй, то, что жертвами апрельских пожаров оказались прежде всего ремесленники и торговые люди. Огонь поразил ремесленные кварталы города²⁴⁷. Сгорели и лавки гостей, суконников и «всех торговых людей» (не пострадали, правда, житницы с хлебом)²⁴⁸.

Сразу же поползли слухи, что виной пожара «зажигальники»²⁴⁹. «Многих зажигальников» (выделено мною. — С. Ш.) «имали и пытали», заставив, видимо, на пытке оговорить себя («на пытке они сами на себя гово-

* «Бе бо тогда засуха велика»²⁵⁰, — читаем в рукописном сборнике XVI в. вслед за описанием апрельских пожаров в Москве. Из Хронографической летописи узнаем, что «тое же весны хотел царь великий князь ити х Казани в судех, и пришла засуха великая и вода в одну неделю спала, а суды великого князя на Москве реке обсушило»²⁵¹.

** «Бысть на Москве пожар велик и страшен зело: пого-

рел город Китай да и торги все», — сообщает Псковский летописец. (В рукописи киноварный заголовок «О Московском великом пожаре»²⁵².) Почти дословное совпадение обнаруживаем в так называемом Соловецком летописце второй половины XVI в.: «...апреля в 12 день бысть на Москве пожар велик и страшен зело, погорел город Китай и торги все»²⁵³.

рили, что они зажигали»), а затем «казнили смертною казнью: глав им секли и на колье их сажали и в огонь их в те же пожары метали» *. «Зажигалнику» по Судебнику 1497 г. (ст. 9) полагалась смертная казнь (так же как позднее и по Судебнику 1550 г., ст. 62); преступление его приравнивалось к убийству и воровству («татьбе») **.

И. И. Смирнов ошибочно полагает ²⁵⁴, что в Постниковском летописце написано о казнях «зажигальников» после пожаров 12 апреля и 21 июня***. На самом деле речь идет о пожарах апрельских — «про оба пожара»: в Китай-городе и в Заяузье. Очевидно, правительство Глинских поддержало версию о «зажигальниках» (а быть может, и инспирировало эти слухи) ****. Публичной казнью «зажигальников» надеялись как-то успокоить «посажан» (термин «посажане» обозначал в середине XVI в. жителей посада *****) и предотвратить народное выступление.

Все это свидетельствует и о сильном общественном

* И позднее, в начале XVII в., после разрушительного пожара 15 мая 1608 г. «псковичи же народ, чернь и стрельцы... рекоша сице: боляре и гости город зажгоша, и начаша в самой пожар с каменнем гонити их...» ²⁵⁵.

** «Зажигальщиков», т. е. тех, кто пожар «учинил нарочным делом», надлежало и по Соборному Уложению 1649 г. «казнити эжечь» (гл. X, ст. 228). Статья о сожжении «безо всякого милосердия» тех, «кто умышлением и изменою город зазжет или дворы», включена и во вторую главу Уложения «О государственной чести, и как его государское здоровье оберегать» (ст. 4).

*** Вообще в описании московских пожаров апреля и июня 1547 г. слишком много сходного. Возможно, это следствие того, что летописи составлялись не сра-

зу, а по памяти (часто без привлечения поденных записей) и события могли сместиться в сознании современников.

**** Не исключено, впрочем, что враги Глинских действительно наняли поджигателей. Любопытно, что в Китай-городе уцелел двор Ивана Петровича Федорова ²⁵⁶. П. П. Смирнов допускал предположение, что начавшиеся с весны 1547 г. пожары, возможно, были «результатом поджогов, так как они начались непосредственно после женитьбы молодого царя на Анастасии Романовне, столь непопулярной среди титулованных княжат» ²⁵⁷.

***** Именно в таком значении слово это приводится в царской грамоте 1555 г. жителям Тотмы ²⁵⁸.

возбуждении, и о смятении в правительственной среде уже в апреле 1547 г. Так начиналось самостоятельное правление первого русского царя, охарактеризованное в посольском документе словами: «Занже ныне землю Русскую владеет государь наш один»²⁵⁹.

Не успели погорельцы восстановить свои жилища или даже только еще приступить к их восстановлению, как случился «второй великий пожар Московской»²⁶⁰ — пожар 21 июня. Ему предшествовало тягостное предзнаменование (отмеченное в разных летописях), взволновавшее суеверных москвичей: 3 июня упал большой колокол * «с колоколницы благовестной» (с деревянной колокольни Благовещенского собора в Кремле). Церковник — составитель сказаний о великих московских пожарах пишет о падении колокола: «Се како чюдно и дивли сполнено...» ** Отмечая, что колокол был поставлен «при великом князе Василье Ивановиче, руском самодержьце», летописец подчеркивает: «Глас его был богу угоден. Таков колокол прежь того не бывал на Москве». Молодой царь был в это время в сельце Острове (Островке) (к югу от Москвы), где к нему обратилось 70 челобитчиков из Пскова, посланных с жалобой на наместника Турунта-Пронского. Царь, по сообщению Псковской летописи, «ополелся» на псковичей, «бесчествовал» их, «обливаяючи вином горячим, палил бороди и волосы да свечью зажигал, и повелел их покласти нагих на земли». Только известие о падении колокола остановило эти истязания, и Иван IV «жалобьщиков не истеря»²⁶¹ (т. е. не погубил).

* Падение колокола признавалось в XVI в. очень дурной приметой; так и в 1598 г., когда «нарекли на царство» Бориса Годунова и «почали звонити в большой колокол, и в те поры выпал язык из колокола, и в то время люди учали говорити: «Не благо»»²⁶².

** Любопытно, что в сборниках, содержащих особую повесть о московских пожарах, сразу же после описания апрельских пожаров приведено известие о землетрясении в 1542 г. (в сборнике Софийской библиотеки

выделен киноварью заголовок «О трясеньи»): «Лета 7050-го. На святой недели, со вторника на среду, был троус на Роуси: в полоунощи земля тряслася; толико же тряслася, яко же и церквам и храминам поколебание велико»²⁶³. Землетрясение тоже считалось недобрим предзнаменованием. Так, в 1445 г. москвичи восприняли, по словам М. Н. Тихомирова, небольшое землетрясение как «предвещение бедствий и были «во мнозе скорби»»²⁶⁴.

Вспоминали, что в самый канун пожара было еще одно настораживающее предзнаменование. Самый популярный в городе юродивый Василий Блаженный, к поведению которого с особым вниманием присматривались суеверные москвичи, предвозвестил о грядущей беде, плача 20 июня у стен Воздвиженского монастыря, где на следующий день загорелась деревянная церковь и распространение огня стало причиной такого пожара, что железо рдело, как в горниле, а расплавленная медь текла по земле (об этом узнаем из его жития и Степенной книги) ²⁶⁵.

Пожар 21 июня 1547 г. подробно описан исследователями ²⁶⁶. Пожар уничтожил множество зданий в Кремле, в Китай-городе * и в других районах Москвы. Погибли и документы государственных, церковных и частных архивов **. Сгорели, можно полагать, и уцелевшие во время

* В летописце начала XVII в. (так называемом Беляевском) читаем: «Також и в другом граде (т. е. в Китай-городе. — С. Ш.) все лавки и дворы и церкви божия от стены и до стены все стало поле, что не единого древа во граде не оста — все полиза огонь» ²⁶⁷. В так называемом Мазурином летописце (последней четверти XVII в.) схожие выражения: «...и в другом граде храмы и лавки и дворы и все от стены до стены бысть аки поле. . .» ²⁶⁸

** В приговоре 18 января 1555 г. о разбойных делах особенно выделены среди заключенных в тюрьме лица, документация о которых погибла во время пожара. («Сидят в тюрьмах многие люди, и дела их в пожар погорели, сыскать про них нечем».) Комментаторы полагают, что в этой статье имелся в виду пожар 1547 г. (Правда, ошибочно месяцем пожара назван май — пожары в Москве были в апреле и в июне 1547 г. ²⁶⁹) В правой грамоте 1551 г. Ивана IV

троицкому Калязину монастырю на приказчика села Ольявидово, принадлежавшего И. Ф. Воронцову, отмечено, что «черная грамота» «згорела в большей пожар» ²⁷⁰. В жалованной грамоте троицкому Белопесоцкому монастырю от 15 февраля 1548 г. (указанной автору С. М. Каштановым) читаем: «...была у них наша жалованная грамота, да згорела в городе на Москве, коли торг горел» ²⁷¹. Сохранились указания и на восстановление погибших документов. Так, боярину кн. Мих. Ив. Кубенскому в ноябре 1547 г. была дана взамен меновой, сгоревшей в «болшей пожар», «новая грамота жалованная» на село Куликово с деревнями и пустошами Дмитровского уезда, пожалованное ему «в вотчину против его вотчины» села Бобарыкина с деревнями и починками ²⁷². (О том, что 21 июня 1547 г. сгорел двор Кубенского, упоминается в летописном известии ²⁷³.)

апрельского пожара хлебные житницы. После неурожайного года дважды пострадавшие от пожара москвичи оказались и перед угрозой голода.

Сгорело и задохнулось, видимо, несколько тысяч человек. (Бедствия пожара запечатлены в миниатюрах Царственной книги.) Митрополит Макарий едва спасся из Кремля («опалеста ему очи от огня»²⁷⁴), и он сильно расшибся, сорвавшись с веревок, когда его спускали с кремлевской стены, а сопровождавшие его лица погибли *. Составители летописей единодушно замечают, что «прежде убо сих времен памятные книги времени пишут: таков пожар не бывал на Москве, как и Москва стала именоваться», а старики не запомнили другого столь страшного пожара²⁷⁵: «Мнети же мнозем людем, яко не просто быти, но аки запаление огня небеснаго»²⁷⁶.

Это ужасное бедствие явилось непосредственным поводом «смятения». Поддержанные правительством в апреле 1547 г. слухи о «зажигальниках» ** возникли вновь. На этот раз молва была особенно опасной для правителей Глинских. Глинских и их слуг называли виновниками катастрофы. Глинских обвиняли и в государственной измене, объясняя, что делали они зло, «норовя приходу иноплеменных; бе же тогда пришел с многою силою царь крымской и стоял в полях»²⁷⁷. (Глинские были в родстве и с татарскими владетелями²⁷⁸.)

Слухи о Глинских казались обезумевшим «от великия скорби пожарная» москвичам основательными и потому, в частности, что дворы Глинских и их людей каким-то образом уцелели от огня (так же как и некоторые кремлевские соборы). Глинских — даже по признанию официальной летописи — «черные люди» обвиняли в волшебстве «того ради, что в те поры Глинские у государя в приближение и в жалование, а от людей их черным людем на-

* Макарий позднее, в предсмертном «списке», вспоминал, что в годы его пребывания митрополитом «многия скорби постигоша мя, ово от великаго пожару, ово же от различных болезней»²⁷⁹.

** Еще в начале XVII в. можно было слышать рассказы о «предательствах» в Мо-

ске при Иване Грозном, о том, что Москву «неоднократно поджигали так, что однажды осталось всего 50 церквей». Эти слова привел голландец Исаак Масса рядом с вынесенными из основного текста заголовками «Измена в Москве», «Великий пожар»²⁸⁰.

силство и грабеж»²⁸¹. Обвинение в ведовстве именно бабки царя, видимо, тянет еще к давним традициям, когда «лучшие жены» считались виновницами неурожая, голода и других несчастий. И обвинения такого рода носили характер социального протеста²⁸². Обвинения в колдовстве, в способности становиться оборотнем именно женщин — характерное явление XVI и даже XVII веков, времени диких преследований «колдуний»²⁸³.

Пожары — и в середине XVI в., и ранее, и позднее — становились поводом народных выступлений*. Не раз они и сопровождали такие выступления — недовольные пускали «красного петуха».

При подобных обстоятельствах нередко сразу же начинались грабежи и разбои. В ближайшее к изучаемому время схожие явления наблюдаются в Пскове: в 1538 г. в Пскове «пожар... бысть тяжек вельми от иных пожаров, животам грабежу было много»²⁸⁴. Во время пожара в марте 1550 г. псковичи «меншия люди начаша грабити богатых людей животы, а гасить не учали»²⁸⁵. Слухи о поджоге городов правителями распространялись и позднее — в Москве в 1591 г. (о Борисе Годунове и Нагих)²⁸⁶, в 1648 г. (о Б. И. Морозове)²⁸⁷. Во время сильных пожаров не раз грабили уцелевшее имущество богачей, оскверняли трупы, ища драгоценности**, сводили личные счета***. Все это еще больше волновало посажан и усиливало общественное возбуждение.

* Интересные наблюдения в плане истории классовой борьбы о социальной опасности поджигателей для господствующих классов, о том, что поджоги были и одним «из путей проявления социального протеста городской бедноты», приведены в книге Л. В. Черепнина²⁸⁸. Думается, что есть серьезные основания для распространения этих выводов (основанных на изучении материалов XIV—XV вв.) и на русский город XVI в.²⁸⁹

** В Новгороде в 1508 г. «страшен был пожар зело, и никогда же таков бе в Ве-

ликом Новеграде, ни в летописцах такову пожару не обретается... сгорело 3315 человек, а утопших несть числа. Иных же зли и немилостива человецы тогда мертвых обгорелых грабиша, ища злата и сребра, а иных еще дышущих давиша и ужем, мониста и протчая взимаху и богатяхуся. И бысть тогда скорбь велия людей»²⁹⁰. То же произошло в Москве в 1606—1607 гг.²⁹¹, в Пскове в 1608 г.²⁹²

*** Вполне вероятно, что именно таким преступлением было и убийство кн. Ни-

«И после того пожару москвичи черные люди взволновались»²⁹⁴, — сообщает Хронографическая летопись. «Бысть возмущение велико всему народу, яко и самому царю утещи от града со своим двором»²⁹⁵ — пишет Курбский.

Еще больше подробностей узнаем из летописного сказания о пожарах. Иван IV, находившийся во время пожара вместе с братом Юрием «в Острове» (куда, очевидно, снова возвратился), приехал с боярами «в той же день из Острова на пожар». Согласно этому сказанию, царь «прослезився» и обратился к «князям и бояром и мужем» со словами *: «Не скорбите, князи и боляре мои и народи. Господ бог дал, господь взял. Буди имя господне благословенно отныне и до века. Киждо люде мои ставите хоромы по своих местех. А яз вас жаловати ради лготу дати»²⁹⁶. Нет уверенности в том, что царь действительно произнес какую-то речь, но можно полагать, что пострадавшим была сразу же обещана материальная помощь **.

На следующее утро Иван IV отправился в Успенский собор в Кремле «и много моления соверши и слезы доволны излия». (Важно отметить, что день 23 июня — это день сретения владимирской иконы божьей матери, т. е. день, когда обычно совершались в Успенском соборе торжественные богослужения.) Оттуда царь поехал к митрополиту Макарию в Новое, где они «беседовали» о «великом пожаре»²⁹⁷. Это и есть совещание царя и митрополита с Боярской думой, известное нам и по другим источ-

киты Петр. Шуйского во время московского пожара 1571 г., когда он въехал в ворота на Живой мост «и стал пробиваться в тесноте вон, и тут его Татев человек ножом проколол, и он тотчас и преставился»²⁹³.

* По официальной летописи, царь с семьей и боярами «после пожару стоял... в своем селе в Воробьева; а церквни и полаты на своем дворе велел поделывати, что от огня розпалося, и хоромы деревянные ставити». Вряд ли случайно, что в одном из ранних

списков летописи (так называемом списке Оболенского) именно вслед за этими словами характерная приписка: «И от того царь и великий князь приде во умиление и нача многие благие дела строити». (В некоторых других списках приписка эта вошла в текст²⁹⁸.)

** Вообще погорельцам (судя по царскому приговору после пожара 7068 г.) в середине XVI в. давались льготы — в течение пяти лет с них не правили долги²⁹⁹.

никам (Иван IV «со всеми бояры к нему (Макарию. — С. Ш.) на думу приезжали»³⁰⁰). В опубликованном сказании о пожарах читаем: «И много и словесы духовными митрополит тешаше царя государя и великого князя, поучая его на всякую добродетель, елико подобает царем православным быти. Царь же и государь слушая его духовная словеса и наказание. Поминаше же великому князю о опальных и повинных людех. Царь же и государь, слушая митрополита, во всем опальных и повинных пожаловал» и просил митрополита молиться богу «и всем святым его угодником»³⁰¹.

Свидетельство это очень интересно и многое нам объясняет из того, что сознательно нечетко передано и в ранней официальной летописи, и во вставке в Царственную книгу, и в «Истории» Курбского. Становится ясным, что в митрополичьих покоях Ивана IV увещали, поучая, «елико подобает царям православным быти». Поведение Ивана IV, скакавшего со свитой из города в город, грабившего казну храмов и монастырей, разорявшего местное население, безрассудно казнившего своих приближенных, издевавшегося над челобитчиками, вызывало нарекания, становилось предметом обсуждения и поводом общественного недовольства. Василию Блаженному приписывалось чудо обличения молодого Ивана IV за то, что тот, присутствуя в Успенском соборе на богослужении, во время молитвы кощунственно размышлял о строительстве своего нового Воробьевского дворца³⁰². В обществе (во всяком случае в кругах боярства и духовенства) ходили зловещие слухи о предсказании вселенских патриархов, что сын Василия III от второго (беззаконного!) брака будет тираном и насильником и рождение его принесет несчастье русской земле*. Поведение молодого царя, казалось, подтверждало прозорливость предсказателей!

* Примерно к этому времени, как отметил еще М. Н. Тихомиров³⁰³, относится, можно полагать, остро публицистический памятник-памфлет — так называемая Выпись о втором браке Василия III, исторические реалии которого точно конкретизируются в

сравнительно узких хронологических рамках середины 1546 — начала 1547 г. (Существует мнение, в последнее время обосновываемое Н. А. Казаковой, и о более позднем происхождении этого сочинения³⁰⁴.)

Очень вероятно, что поучал царя не столько старик Макарий (едва ли уже достаточно оправившийся), сколько Сильвестр, что запечатлено и в «Истории» Курбского, и в Первом послании Ивана Грозного Курбскому³⁰⁵. То, что царь не отрицал впоследствии самого факта обращения Сильвестра к «детским страшилам» (а царь был еще очень юн — ему не исполнилось и 17 лет!), показывает как будто, что при этом были использованы и средства психологического (и едва ли не гипнотического даже) воздействия. Фанатически настроенный, страшный в своих откровениях, Сильвестр мог сыграть определенную роль в перевоспитании такого впечатлительного и нервного человека, каким был Иван IV, хотя нам известны и узкий духовный кругозор Сильвестра, и «пресность» его письменных поучений. Не исключено, что проповедь Сильвестра³⁰⁶ была публичной и что именно это способствовало росту влияния Сильвестра на окружающих царя*.

Еще важнее упоминание в «Сказании о пожарах» о том, что царь пожаловал «всех опальных и повинных». Таким путем рассчитывали, очевидно, привлечь на свою сторону и оппозиционно настроенных по отношению к Глинским вельмож и ослабить недовольство посажан, простив им все «вины»**.

В Царственной книге именно в описании этого совещания, удачно названного И. И. Смирновым «чрезвычайным заседанием Боярской думы»³⁰⁷, появляется версия о поджоге Москвы Глинскими. С толкованием текста вставки в Царственную книгу некоторыми исследователями³⁰⁸ трудно, однако, согласиться: из вставки, составленной с откровенной целью очернить упомянутых там

* Передавая впоследствии содержание проповеди Сильвестра, Курбский опирался, возможно, не только на воспоминания о проповеди, произнесенной сразу после московского пожара (если проповедь была публичной, Курбский, даже если и не слышал ее сам, мог знать об этом от очевидцев), но и на текст послания Сильвестра царю (написанного уже после июня 1547 г.³⁰⁹).

** Это могла быть и амнистия, которую, как правило, объявляли почти одновременно с венчанием на царство (так было и в 1584 г. при воцарении Федора Ивановича, и в 1598 г. при воцарении Бориса Годунова). Однако Иван IV официально венчался на царство в начале 1547 г. Здесь же прошло уже более пяти месяцев после 16 января.

вельмож и священника Федора Бармина, вовсе не обязательно следует, что эти лица сами обвиняли Глинских в колдовстве и поджигательстве и что именно эти лица были инициаторами распространения такой версии (хотя и вероятно, что некоторые вельможные противники Глинских поддерживали подобные слухи или даже провоцировали в какой-то мере их возникновение). Извлекая фактический материал из летописи, нельзя не учитывать того обстоятельства, что составители летописей изображали народные мятежи как результат воздействия и подстрекательства тех или иных видных государственных деятелей. («А без науку сему быти не мощно»³¹⁰, — утверждал тот же составитель вставки, описывая движение новгородских пищальников 1546 г.)

Во вставке в Царственную книгу при описании совещания у Макария упомянутые там Бармин, Скопин-Шуйский и Федоров передают слухи, возникшие в Москве. Понятно, что на совещании, где говорили именно о пожаре и о народных волнениях («о великом пожаре беседовавшим»³¹¹), не могли не пересказать слухи о причинах пожара, распространявшиеся в городе. И в этой связи совершенно естественна фраза, составленная в духе типичной деловой письменности: «И царь и великий князь велел того бояром сыскати»³¹², т. е. выяснить не столько степень основательности этих слухов, сколько происхождение их и сферу распространения.

Другое дело, что политическая судьба Глинских была по существу решена на этом совещании, но решена в том смысле, что политическая роль их должна была уменьшиться. И Михаил Глинский — наиболее влиятельный представитель семьи Глинских — понял это, поспешив вместе с матерью уехать из Москвы (или — если он действительно находился тогда вместе с матерью «на огосударском жаловании на Ржеве» — не торопиться с возвращением в столицу). Предположение И. И. Смирнова³¹³, будто Михаил Глинский покинул Москву лишь после совещания у Макария*, находит подтверждение и в словах Курбского, и в тексте вставки в Царственную книгу и кажется достаточно обоснованным. На совещании у Макария, однако, речь, видимо, не шла еще о полной

* С. В. Бахрушин тоже полагал, что Михаил Глинский и

его мать «успели своевременно бежать во Ржев»³¹⁴,

опале Глинских, иначе вряд ли бы Юрий Глинский оказался в Кремле 26 июня.

В падении Глинских по тем или иным соображениям было заинтересовано большинство лиц из окружения Ивана IV. Княжат — потомков Всеволода Большое Гнездо выезжане Глинские утесняли на местнической лестнице, старались ущемить их фамильные привилегии. Старые бояре Василия III (и титулованные и нетитулованные) чувствовали себя отодвинутыми от власти «временниками» — родственниками царя³¹⁵. Новые родственники царя Захарьины сами претендовали на положение «временников». Некоторые вельможи могли быть недовольны проводившейся в годы влияния Глинских политикой дальнейшей централизации страны, самым значительным актом которой было венчание Ивана IV царским венцом, официальное провозглашение его «самодержавцем». Показателем резкого обострения отношений между Глинскими и другими вельможами являются казни и опалы июля 1546 и начала 1547 г. Глинские ущемляли и интересы Макария, настойчиво стремясь к ограничению митрополичьей юрисдикции³¹⁶.

Временные союзы вчерашних недругов и кровавые столкновения вчерашних соратников, нечеткость политических позиций различных группировок боярства в 1530—1550 гг. объясняются отсутствием сплоченности у крупных феодалов, неясностью их политической программы. Детальное исследование политической истории России в 1530—1540 гг. (предпринятое в работах С. В. Бахрушина*, И. И. Смирнова, А. А. Зимина, Н. Е. Носова, С. М. Каштанова и др.) убеждает в том, что боярские распри в малолетство Ивана IV ослабили не только центральную власть, но и само боярство. Возможность солидарных действий боярства в целом была исключена; более того, отдельные бояре поддерживали мероприятия центральной власти и дворянства в их борьбе против привилегий боярства в целом. Не может не броситься в глаза, что именно княжата хотели предотвратить сепаратистские тенденции братьев Василия III; что Шуйские,

* Накануне Великой Отечественной войны специально исследовал эту проблематику Г. А. Метленков. Написанное под руководством С. В.

Бахрушина его дипломное сочинение «Борьба боярских группировок в первой половине XVI века» осталось не напечатанным³¹⁷.

активные сторонники сохранения княжеских привилегий, оказываются в союзе с митрополитом Макарием, который, как убежденный иосифлянин, не мог поддерживать эти удельные традиции; что выезжане Глинские находятся то в одной группировке с исконными московскими боярами Захарьиными, то во враждебной им группировке; что знатный рюрикович и богатейший вотчинник кн. И. И. Кубенский поддерживал то Шуйских, то Бельских, враждовал с Воронцовыми и наконец был казнен в один день с ними по общему «изменному делу». Подобная непоследовательность в действиях феодальной аристократии вообще характерна для данной стадии централизации государства. Крупные феодалы и не склонны были уступать свои наследственные привилегии и в то же время, опасаясь возвышения какой-либо другой боярской группировки, готовы были ради ослабления ее поддержать в известный момент идею централизаторского преобразования. (Вообще бояре, как правило, не стремились к реставрации порядков феодальной раздробленности, они были сторонниками обязательного соправительства аристократии с государем.)

Вовсе не всегда можно найти какие-то четкие линии в этом клубке политических противоречий и личного соперничества, взаимной зависти и корыстолюбия, византийской хитрости и воинственного задора. Нельзя не учитывать и того, что среди соперничавших между собой придворных деятелей XVI в. значительное место занимали, так сказать, нейтральные, которые, примыкая к тем или иным группировкам, определяли подчас их политический вес. Постановка вопроса об основной политической тенденции в деятельности той или иной группировки — заслуга советских историков. Но вряд ли стоит преувеличивать степень последовательности в проведении этой тенденции и уровень политической сознательности примкнувших к лидерам группировок придворных деятелей. В XVI в. более или менее ясный взгляд на характер государственного управления и пути его изменений имели лишь особо выдающиеся государственные деятели и публицисты. Поэтому усилия составить представление о политической программе тех или иных государственных деятелей на основании фактов их участия в борьбе придворных группировок и в так называемых придворных мятежах являются по существу модернизацией событий

истории XVI в., попыткой приписать этим деятелям такую определенность мышления, какой они не могли обладать³¹⁸.

Характеристикам деятельности отдельных лиц во вставках в Царственную книгу доверять нельзя³¹⁹. Но в том, что эти лица принимали какое-то участие в описываемых событиях, сомневаться нет оснований. Можно с уверенностью полагать, что и эти лица, и все остальные участники совещания у Макария были по-настоящему взволнованы тем, что происходило в Москве, были напуганы неожиданным для них и крайне опасным разворотом событий.

Возбуждение москвичей все усиливалось. Напрасно митрополит «соборне» совершал молебны о царе, царице и «о князех и боярех и о всем православном христианстве» и повелел москвичам «каяти отцем своим духовным о грех своих и причащатися христовым таинам»³²⁰. (Вероятно, больной Макарий служил молебны все-таки не в Успенском соборе, хотя не исключена и такая возможность.) Эти меры не помогали, и общественная атмосфера продолжала накаляться. Не случайно Иван IV счел за благо отсиживаться в загородном селе Воробьеве; там же, по мнению москвичей, скрывались и Михаил и Анна Глинские.

Летописи сообщают далее о событиях, происшедших 26 июня, т. е. через пять дней после начала пожара: в этот день москвичи, собравшись «вечем» или «миром», убили Ю. В. Глинского. Но можно полагать, что собрания москвичей имели место и прежде 26 июня, и именно эти-то собрания и вынудили бояр явиться для уговоров (а может быть, и объяснений) на кремлевскую площадь.

Упомянутые в источниках слова «вече» (в Хронографической летописи XVI в.) и «мир» (в кратком летописце по рукописи XVII в.), редко употреблявшиеся в памятниках той поры, говорят о многом. Термины эти представляли собой достаточно устойчивые понятия на протяжении нескольких веков (в Москве во всяком случае с XIV по XVII в.).

«Вече» — это организованное собрание, созывавшееся колоколом, и притом зачастую так назывались собрания, повторявшиеся не один раз. В летописной повести о Тохтамышевом нашествии 1382 г. читаем: «Сътвориша вече, позвониша въ все колоколы и сташа суймом народи»³²¹

(слово «суйм» М. Н. Тихомиров³²² объясняет как сейм, сходка *). В Пскове в 1534 г., во время событий, связанных с раскрытием заговора кн. Михаила Львовича Глинского, «чорнии люди», по словам московских выходцев из Пскова в Литву, «часто ся сходят у вече, чого ж им наместники и дьяки боронят и на торгу кажутъ, ижбы ся у вече не сходили: бо не ведают, што думают»³²³. Позднее в том же Пскове во время восстания 1610 г. «черные люди... свирепо распыхахуся, яко лвы, собрашася среде града и позвониша на вич»³²⁴. Любопытно, что в другой псковской летописной повести**, описывающей также события 1608—1612 гг., читаем: «Великое волнение в мире»³²⁵.

Значение слова «мир» менее определенное. Так именovali (еще в древней Руси³²⁶) светских людей — «мирян» в отличие от духовенства*** (выражение «мирские интересы» уцелело и в языке последующего времени). Так называли вообще общество — в городе и в деревне. Соответственно «миром» называли и мирской сход, в частности в московских слободах XVII в.³²⁷ Отсюда и выражение «стоять миром». «В миру» читали царские и митрополичьи грамоты и другие документы****. «Мир»

* В Никоновской летописи под 1305 г. отмечено, что в Нижнем Новгороде «избиша черныя люди бояр», а кн. Михаил Александрович, возвратившись из Орды, «изби всех вечьников, иже избиша бояр» — следовательно, казнь бояр произошла на вечевом собрании. Вслед за цитированными летописными словами приведена сентенция, характерная для миропонимания человека средневековья: «И ту же чашу испиша: им же бо судом судите судят вам, и в ню же меру мерите взмерится вам»³²⁸.

** Знаменательно, что в той же летописной повести («О бедах и скорбех и напастьех, иже бысть в велицей Росии») «междуусобие» в Пскове охарактеризовано

как «смердов самовластие»³²⁹.

*** Так, на похоронах юродивого Иоанна Большого Колпака в 1589 г. «по государеву приказу много было белых священников и дьяконов много же было, а миру было несметно»³³⁰. Здесь «миряне» как бы противопоставляются духовенству.

**** Видимо, именно «в миру» (в церковном здании или на паперти) читали «велегласно» и «соборные писания» митрополитов. Макарий, отправляя в 1557 г. грамоту в Новгород с наставлением усилить молитвы по поводу общественных бедствий, наказал архиепископу Пимену: «И как тебе ся наша грамота придет, и

считался значительной общественной силой *, и эти представления отразились и в фольклоре: «Коли все миром вздохнут, и до царя слухи дойдут»; «Как мир вздохнет, и временщик издохнет»; «Мир с ума сойдет — на цепь не посадишь»; «Мир зинет — камень треснет»³³². Слово «мир» не раз встречается в документах о московских восстаниях 1648³³³ и 1662 гг.³³⁴

В XVI — начале XVII в. мирской сход, именовавшийся «миром», играл большую роль в политической жизни Москвы; и источники сохранили об этом неоднократные указания. Так, в разрядных записях 1605 г., времени, когда Лжедмитрий I приближался к Москве, читаем: «И на Лобном месте Богдан Белской учал *говорит в мир* (здесь и далее выделено мною. — С. Ш.): яз за царя

ты б, сыну, велел по монастырем сзывать архимандриты и игумены и весь священный собор и велел звонити в неделный день, и царя и великого князя наместником и князем и бояром и всему христоименитому людству, гостем и градским людем велел быти в соборная церкви... и сию нашу грамоту соборнаго писания и нашего моления велел чести архидакону на анбоне велегласно во слышание всем»³³¹. Быть может, этойто хорошо известной современникам картинной чте́ния «в миру», «соборных писаний и молений» и навеяно столь реалистическое изображение Андреем Рублевым сцены «Страшного суда» («Шествие праведных в рай») во владимирском Успенском соборе?

* Например, «Повесть о чудесном видении протопопы Терентия» — произведение агитационного характера, распространявшееся правительством и церковными властями, — читали во время восстания Болотникова в мос-

ковском Успенском соборе «вслух на весь народ, а миру собрание было велико»³³⁵. К «миру» обращались с грамотами и в так называемое смутное время, и в последующие годы. Так, в 1614 г. в Астрахани «вор Ивашко Заруцкий и Маринка (т. е. Марина Мнишек. — С. Ш.) выслали с казаком с Тимошкою с Чюлковым в мир грамоту перед Николиным днем осенним, а велели деи к той грамоте всяких чинов людей руки прикладывать»³³⁶. Из расспросных речей 1621 г. узнаем, что «он, Ивашко, грамоту (жаловальную. — С. Ш.) отдал воеводе Сергию Собакину. И дозорщик Федор Матов да черниговец Алексей Костин у Сергея Собакина тою грамоту скупили, в мир ее не объявили»³³⁷. В челобитной 1665 г. писали: «...вели, государь, сию мою изветную явку принять Тарваского городка церковному старосте Дементью Силнну, принять и в миру прочесть и извет мой записать»³³⁸. Подобных примеров можно подыскать немало.

Иванову милость ублюл царевича Дмитрея, за то и терпел от царя Бориса. И услыша то, и досталь народ возмутился и учали Годуновых дворы грабить; а иные вору с миром пошли в город, и от дворян с ними были, и государевы хоромы и царицны пограбили»³³⁹. Из другой разрядной записи узнаем: «И того же дни в субботу миром, всем народом грабили на Москве многие дворы боярские, и дворянские, и дьячьи, а Сабуровых и Вельяминовых всех грабили»³⁴⁰. В описании того, как подчинили власти Василия Шуйского город Муром (в грамоте от 11 декабря 1611 г.), читаем: «...изменников наших...переимали миром и в тюрьму посажали»³⁴¹.

Характерно, что та же формула, что и в кратком летописце, сообщившем об убийстве миром Юрия Глинского, употреблена, как отметил И. И. Смирнов, и в так называемом Карамзинском хронографе при описании убийства Лжедмитрия I во время городского восстания 17 мая 1606 г.: «На Москве Гришку Розстригу убили миром всем»³⁴². В Новом летописце об этом же событии написано: «Возмается мир весь, придоша по дворам приступать»³⁴³. Двойственный смысл слова «мир», и в то же время также особое политическое значение «мира» как схода, заметно в описании Пискаревским летописцем царствования Василия IV Шуйского: «А житие его царское было на престоле царском всегда з бедами, и с кручины, и с волнением мирским, зачастые миром приходяще и глаголаше ему снити с царства, и за посох имаше и позориша его многажды»³⁴⁴.

Таким образом, в неофициальных летописях написано, вероятнее всего, об организованных собраниях (вечевых собраниях) посажан Москвы в июне 1547 г. И такой смысл и можно вкладывать в нарочито неясные и злобно пренебрежительные слова официального «Летописца начала царства» о «черных людях града Москвы»: «восколебашася яко юроди».

Вечевое собрание (или, что более вероятно, вечевые собрания) происходило, очевидно, вне Кремля (это, думается, отражено и в миниатюре л. 305 Царственной книги), и оттуда возбужденные участники «веча» и направились в Кремль. В это время в Успенском соборе Кремля шла торжественная служба. Назначенная на 26 июня торжественная служба в Успенском соборе справедливо рассматривается И. И. Смирновым как «политический

шаг, имевший целью не допустить взрыва народного возмущения, — своего рода противовес вечу черных людей»³⁴⁵. Смирнов прав, утверждая, что бояре — вопреки версии Царственной книги — не могли именно в часы церковной службы чинить «сыск» о виновниках «великого пожара»³⁴⁶, и можно с уверенностью считать, что и высшее духовенство, и думные люди находились во время службы в Успенском соборе.

К встрече с «черными людьми» бояре не стремились. К этой встрече бояр вынудили сами «черные люди», ворвавшиеся в Кремль. Руководящую роль во всем том, что произошло на площади Кремля, играли не бояре, а посажане³⁴⁷.

Для переговоров с восставшими вышли (вероятнее всего, из Успенского собора) правительственные деятели. Это обычное явление во время волнений «черни»*.

Пытаться успокоить народ должны были правительственные деятели, пользовавшиеся известностью, причем такие, словам которых в какой-то мере доверяли москвичи. Вполне возможно, что переговоры с восставшими пытались вести именно те лица, которые упомянуты во вставке в Царственную книгу. Выбор этих лиц вряд ли случаен — он должен был продемонстрировать единение правительственных деятелей, общность их усилий по установлению нарушенного общественного порядка. В Царственной книге названы дядя царицы старейший из Захарьиных Григорий Юрьевич Захарьин, брат боярина Михаила Юрьевича Захарьина, очень влиятельного в Москве в 1530-е годы³⁴⁸. Федор Михайлович Нагой был близок к Старицким. Боярин кн. Федор Иванович Скопин-Шуйский принадлежал к группировке Шуйских и, так же как и кн. Юрий Иванович Темкин-Ростовский, после казни Андрея Шуйского в 1543 г. был отправлен в ссылку. Иван Петрович Федоров, тесно связанный родством с исконным боярством и с князьями Овчиниными-Оболенскими³⁴⁹, менее года назад попал в опалу, а пасынка его казнили в январе 1547 г. В 1560-е годы о Федо-

* В мае 1584 г., когда «чернь московская» приступала к Фроловским воротам Кремля, правительству пришлось послать «ко всей черни» для уговоров думного дворянина

М. А. Безнина и дьяка А. Я. Шелкалова, которые «чернь уговорили и с мосту сослали», чем и водворили спокойствие в столице³⁵⁰.

рове говорили, что «он один имел обыкновение судить праведно, почему простой люд был к нему расположен»³⁵¹. Федор Бармин — духовник царя. Он участвовал в январе 1547 г. в торжественном публичном венчании Ивана IV царским венцом: нес царские регалии и шел впереди великого князя с крестом и святой водой. В связи с этим имя его, по мнению В. Ф. Миллера, было внесено в легенду и сказку о добывании царских регалий*. Вероятно, среди бояр, находившихся на площади, был и кн. Юрий Васильевич Глинский. Он, видимо, изображен и на первоначальной миниатюре Царственной книги (л. 268). Присутствие Глинского должно было бы еще в большей мере символизировать единодушие в правительственной среде. Таким образом, в поведении правительственных деятелей уже летом 1547 г. обнаруживаются некоторые элементы, характерные для политики компромисса последующих лет.

Уговоры, однако, не помогли. Можно полагать, что — как и позднее, в 1648 г., — не бояре спрашивали «чернь», а сами «черные люди» выкрикивали имена обидчиков. Пришедшие требовали расправы с теми, кого считали виновниками бедствий. Юрий Глинский рассчитывал найти спасение в Успенском соборе (если не находился там еще прежде). Но разъяренная толпа ворвалась в храм. Накал страстей был так силен, что религиозные москвичи пренебрегли даже церковными заповедями и решились на расправу с ненавистным боярином в церкви, да еще во время пения «Иже-херувимской», слова которой подразумевают отречение от мирских мыслей: «Всякое ныне житейское отложим попечение». (Новгородский летописец не преминул особо отметить этот момент! Поражен был этим обстоятельством и составитель Хронографической летописи³⁵².)

Вероятно, в храме Ю. Глинский был избит до крови, но убили его уже вне храма: по «Летописцу начала царства» убили камнями. Труп Глинского извлекли на площадь перед торговыми рядами, к месту публичных казней. Факты надругательства над трупами ненавистных лиц** известны и в предшествовавшие, и в последующие

* В. Ф. Миллер сближает Федора Бармина и героя сказки Федора Борму (или Барму)³⁵³.

** Так же как и случаи, когда обнаженные трупы несколько часов или даже дней оставались незахороненными.

столетия. За 400 лет до того, 19 сентября 1147 г., киевляне убили старшего из Ольговичей — Игоря. Бывший великий князь киевский, незадолго до этого постригшийся в монахи, был убит во дворе своей матери, где князя-инока увидели «на сенех, и текше разбиша сени, и совлекоша его с сеней, и убиша», затем «поцепивше его южемь (т. е. веревкой. — С. Ш.) на нозе, и влекоша его wskвозе Бабин торг, таже на великий торг пришедше ко мраморней церкви пречистыа Богородици, и возложиша его на кола, и везше на Подоліе поврѣгоша его нага на торговище»³⁵⁵. Совпадение деталей убийства Юрия Глинского и Игоря Ольговича поразительно! Очень интересно как раз для сравнения с волнениями 1547 г. и наблюдение Б. А. Рыбакова: «Убийство Игоря 19 сентября 1147 г. по приговору веча хотя и было инспирировано великокняжеской грамотой к киянам, но носило характер народного восстания...»³⁵⁶ А в начале XVII в. тело убитого в Москве Лжедмитрия I³⁵⁷ также «влечаху перед ряды на площадь, и ту бе ругаем чetyре дни»^{*}.

Кажется вполне основательным мнение, что находившиеся на кремлевской площади бояре не стали защищать Глинского. Да они, испуганные размахом движения, при сложившихся обстоятельствах и не имели возможности это сделать. Еще более вероятно, что бояре и не склонны были защищать Глинских, и хотели, направив гнев народа на Глинских, отвести его от себя. Но сама расправа с Глинскими была уже прежде предрешена восставшими.

ми: Андрея Боголюбского еще в 1174 г., Андрея Шуйского в декабре 1543 г. (то, что Шуйский «лежал наг в воротех (Курятных. — С. Ш.) два часа»³⁵⁴, вероятно, еще помнили москвичи в 1547 г.). Непогребенными оставались и трупы казненных в период опричнины.

* Любопытно в этом плане донесение воеводы о неистовстве над покойником в Городищенской волости Устюжского уезда в 1628 г. Крестьяне «выняли мертвого человека из гроба на погосте Гришку Курнишева, и того

мертвого били оне на правеже и зубы де у него выбрали, а говорили де тому мертвому: «Прочто де ты, Григорей, на крестьянх рост имал». Затем покойник был «из гроба выброшен вон середь трапезы и саван на нем изодран, и волосы оборваны, ноги и руки ломаны». Когда брат покойного пришел с людьми осмотреть труп, двое крестьян не дали ему это сделать, «а сами де говорят усмежаются: «Был де он повешен и ко грядке и по площади волочен и кольем бит»»³⁵⁸.

И нет серьезных данных для утверждения, будто бояре сами были инициаторами этой расправы, желали именно подобным путем избавиться от властолюбивых соперников и «использовали восставшие массы как орудие для устранения своих политических противников»*. Еще меньше оснований характеризовать названных во вставке в Царственную книгу бояр как «вожаков народного восстания в Москве»³⁵⁹. Такая точка зрения по существу является повторением версии Ивана Грозного и вставки в Царственную книгу о «наущении» боярами «черни» против царского родственника. Сомнение в том, что именно бояре «наущали» народ на Глинских, вовсе не означает отрицания того факта, что придворные группировки — по тем или иным соображениям — были заинтересованы в падении Глинских и, возможно, даже рассчитывали на то, что расправа с Глинскими и отречение боярства от ответственности за все дурное, что было в годы правления Глинских, утолит ярость восставших, отвратит гнев народа и от царя и от боярства в целом.

Но, как верно заметил Н. А. Добролюбов по поводу другого бунта — бунта стрельцов в 1682 г., «не может один — или даже несколько человек — произвести в массах волнение, к которому они не приготовлены, которое не бродит уже в умах их вследствие фактов прошедшей жизни»³⁶⁰.

Даже если стать на точку зрения исследователей, полагавших, что бояре сами выдали Ю. Глинского на расправу «черным людям», все равно становится ясным, что этой жертвой бояре откупиться не сумели. Вслед за убийством Глинского началась расправа с «людьми Глинских», среди которых были «дети боярские из Северы». (Возможно, что Глинские, подобно Б. Ф. Годунову в конце XVI в., получали доходы с Северской земли** и дети

* В то же время трудно не согласиться с наблюдением И. И. Смирнова по поводу того, что политический маневр, дающий возможность ценой принесения в жертву отдельных правительственных деятелей сохранить в неприкосновенности устои крепостнического государства, не раз применялся впослед-

ствии во время городских восстаний XVII в.³⁶¹

** О доходах Годунова с Северской земли писал, комментируя сочинение Флетчера, С. М. Середонин³⁶². И. И. Смирнов оспаривает это толкование и относит известие Флетчера к землям к северу от Москвы³⁶³.

боярские этого района входили в число их служилых людей.) Разграблены были имущество и Глинских, и их людей (следовательно, дворы этих лиц также не пострадали от пожара).

Москва, как пишет И. И. Смирнов, «в эти дни, очевидно, фактически находилась во власти черных людей и правительство было бессильно подавить восставших»³⁶⁴. А. А. Зимин считает даже, что можно говорить «о зачатках аппарата, создавшегося в ходе восстания»³⁶⁵. Возможно, что столкновение «черных людей» и вооруженных людей Глинских (которых «безчисленно побиша») длилось и не один день, и события эти схожи с известными нам многодневными кровавыми столкновениями в Москве в годы так называемого Смутного времени.

Положение господствующих верхов общества стало более опасным и потому, что Московский кремль вследствие пожара перестал удовлетворять их потребности в защите от народа, ибо в антагонистическом обществе крепость помимо внешней функции (защита от внешнего врага) призвана была выполнять и внутреннюю функцию — способствовать сдерживанию или подавлению возможных волнений горожан³⁶⁶.

Следующая дата, названная в источниках (в Новгородской летописи), — это 29 июня. 29 июня «бысть *смятение людем* (здесь и далее выделено мною. — С. Ш.) московским: поидоша *многие люди* черные к Воробьеву и с щиты и с сулицы, *яко к боеви обычаи имаху*, по кличу палача»³⁶⁷. Вероятнее всего, что «черные люди» вооружились еще в предыдущие дни, во время столкновений с детьми боярскими. Царственная книга кратко и менее определенно сообщает: «*Приходиша многие люди чернь скопом* ко государю в Воробьево»³⁶⁸. Слово «скоп» означало на языке XVI—XVII вв. «большую силу»*. Об этом походе восставших москвичей подробно и достаточно убедительно написано И. И. Смирновым. Он отмечает, что в Воробьево двинулась не толпа, а городское ополчение, призванное к оружию палачом, действовавшим от имени и по «велению» земских органов Москвы. Эта воля

* «Много злой их проклятой скоп побили»³⁶⁹, — читаем в грамоте патриарха Гермогена при описании сражения

под Тверью между правительственными войсками и войсками Болотникова.

московского посада, может быть, как полагает И. И. Смирнов, была вновь сформулирована на вече ³⁷⁰.

О цели похода в Воробьево читаем только в Первом послании Ивана Грозного Курбскому и в Царственной книге (близость — почти текстуальная — этих источников уже отмечалась). Новгородская летопись, сохранившая наиболее важные для нас подробности похода, прямо не сообщает об этом. Согласно версии Ивана Грозного и Царственной книги, единственной причиной похода в Воробьево было желание расправиться с остальными Глинскими (Михаилом и матерью его Анной), которых якобы царь скрывал у себя в загородном дворе; восставшие были готовы даже «убить царя» за это. (Зачинщиками похода царь, конечно, изобразил «изменников»-бояр, которые «наустили народ и нас убить» ³⁷¹.)

Уже отмечалось в литературе, что одним из поводов к восстанию были слухи о том, будто Глинские способствовали нашествию иноземцев ³⁷². А. А. Зимин полагает даже, что народ вооружился не только для того, чтобы покончить с Глинскими, но и для того, чтобы выдержать оборону от войск татарского хана, если бы подтвердились слухи о его приближении к Москве ³⁷³. Вторжения внешних врагов и раньше способствовали обострению классовой борьбы. Неумение воевод оборониться от врагов, защитить жителей от чужеземцев являлись и прежде поводом городских восстаний. В 1521 г., во время нашествия крымских и казанских орд, «мятеж учинал по всем городам велик и до Галеча» ³⁷⁴. Более подробные известия сохранились о восстании «мужиков гороховцев» зимой 1544/45 г., когда народному ополчению жителей Гороховца удалось отразить натиск большого отряда казанцев и пленить «голову их Аманака князя», а воеводы великого князя «не успе им (татарам) ничего». Возмущенные бездействием правительственных войск, «воеводу Фоку Воронцова с товарищи хотели гороховцы камением побить за то, что они с казаньскими людьми не делали бою, а их упустили» ³⁷⁵. В ту эпоху вообще идея классовой борьбы (замечает Б. Ф. Поршнев) казалась доступнее народу как идея борьбы против иноземных захватчиков, и в этой еще смутной форме в какой-то мере осознавалась массами ³⁷⁶.

То, что произошло затем в Воробьево, описывается и истолковывается в источниках совершенно по-разному.

В «Летописце начала царства» и в Царственной книге (где этот текст остался без изменений) сообщается о том, что царь «повеле тех людей имати и казнити. Они же мнози разбегошася по иным градом, видяще свою вину, яко безумием своим сие сотвориша»³⁷⁷. По Новгородской же летописи, Иван IV, «того не ведая, узрев множество людей, удивися и ужасеся, и, обыскав, яко по повелению придоша, и не учини им в том опалы и положи ту опалу на повелевших кликати»³⁷⁸. И. И. Смирнов показал, что «все преимущества в смысле достоверности находятся на стороне» Новгородской летописи³⁷⁹.

Приход вооруженных москвичей явился, видимо, неожиданностью для укрывавшегося в Воробьеве Ивана IV («удивися и ужасеся») и сильно испугал царя. «От сего убо вниде страх в душу мою и трепет в кости моя и смирился дух мой»³⁸⁰, — вспоминал (вероятнее всего, именно об этом эпизоде) Иван Грозный на Стоглавом соборе. Царь и его окружение вынуждены были маневрировать, чтобы не допустить повторения событий, имевших место в Московском кремле. Возможно, что царю даже пришлось вступить в какие-то переговоры с восставшими³⁸¹ (во время которых выяснилось, что москвичи «по повелению придоша»). Думается, что именно так следует понимать смысл выражения «обыскав»*. Во время переговоров с посажанами их, очевидно, убеждали в том, что Глинские не скрываются в Воробьеве, а вести о приближении крымских войск оказались неверными. Можно полагать, что посажанам посулили осуществление каких-то желаемых ими правительственных мероприятий. Обещано было и удаление от дел Михаила Глинского.

Высказывалось мнение, будто бы у царского стана восставшие были встречены вооруженными дворянами, обращены в бегство, а некоторые были пойманы и казнены, что в Москве затем начался строгий сыск, причастных к восстанию вылавливали и казнили, и участники восстания, в первую очередь его организаторы, не имея возможности скрыться в Москве — «так силен был террор», — прятались в других городах³⁸². Мнение это представляется недостаточно обоснованным. Данные источ-

* И. И. Смирнов³⁸³ толкует выражение «обыскав» Новгородской летописи как обеща-

ние произвести «сыск». А. А. Зимин³⁸⁴ пишет в этой связи о «тщательном розыске».

ников говорят об обратном. Царь и правительство не решились казнить участников восстания («не учини им в том опалы»). Видимо, опала «на повелевших кликати» коснулась немногих и, вернее всего, не была особенно жестокой: ведь даже в «Летописце начала царства» (и соответственно в официальной лицевой летописи) отмечается не только повеление царя схватить и казнить участников восстания, но и то, что многим из них удалось уйти в другие города. Политическая ситуация лета 1547 г. никак не подходила для совершения массовых казней.

То, что правительство Ивана IV и сам царь вынуждены были продолжать политику уступок и поблажек москвичам, начатую еще в первые дни после пожара, подтверждается как будто и некоторыми свидетельствами источников. По копии Львовской летописи, составленной В. Н. Татищевым³⁸⁵ (или для Татищева), среди дополнительных, так называемых татищевских известий читаем о том, что Иван IV после похода в Воробьево «людem же повеле раздавати казну свою по рублю и по два и по пяти, а по церкви каменные положи по 20 рублей»³⁸⁶. Еще Н. М. Карамзин отметил, что после восстания 1547 г. «государь изъявил попечительность о бедных*: взяли меры, чтобы никто из них не остался без крова»³⁸⁷. Возможно, как отмечалось уже, что имела место и амнистия наподобие данной Борисом Годуновым в 1598 г.³⁸⁸

Михаил Глинский был отстранен от власти. Упоминание его имени на первом месте в росписи похода Ивана IV июля 1547 г.³⁸⁹ в Коломну вовсе не говорит еще о том, что «Михаил Глинский пытался бороться за удержание своих позиций в окружении Ивана IV» (как полагает И. И. Смирнов)³⁹⁰. Поход к Коломне, видимо, не состоялся (в официальной летописи о нем нет упоминаний), и в разрядную книгу была включена роспись воевод лишь предполагавшегося похода. Составлена же эта роспись была, вероятнее всего, в связи со слухами о приближении крымских войск, т. е. еще тогда, когда Глинский был у власти. Да и трудно предположить, чтобы после всего,

* Быть может (подобно тому, как это сделали Генрих VIII и его советники в Англии после восстаний в Лондоне и в графстве Сеффок), сочли

за лучшее остановить восстание «не только силой, но и эффектным жестами милосердия, воздействием на психологию масс»³⁹¹.

что произошло, царь демонстративно поставил во главе войска человека, столь ненавистного только что бунтовавшему народу. В дошедшем до нас (в поздней копии) списке думных чинов отмечено под 1547 г.: «Отставлен боярин и конюший князь Михайло Васильевич Глинский»³⁹².

Массовые волнения продолжались примерно неделю и, видимо, сходятся (судя по дошедшим до нас немногим деталям) с восстаниями в Москве в середине XVII в. Правительство стремилось ослабить общественное возбуждение. Имело место во второй половине 1547 г. какое-то обращение царя к москвичам, напоминавшее соборы последующих лет. В начале ноября 1547 г. сочли возможным уже торжественно отпраздновать свадьбу младшего брата царя малоумного Юрия Васильевича* (женой его стала дочь боярина кн. Дм. Федор. Палецкого Ульяна).

Однако бабка и дядя царя — Анна и Михаил Глинские — чувствовали себя в это время еще очень неуверенно и именно в дни свадебного праздника решились бежать в Литву. Михаила Глинского признавали, очевидно, более влиятельным из братьев матери Ивана IV. Он имел высший чин конюшего, играл особенно заметную роль в торжественной сцене венчания своего племянника на царство в январе 1547 г.³⁹³ (хотя в военных разрядах лета 1544 г. Юрий Глинский назван прежде Михаила³⁹⁴, а в разрядах царской свадьбы в феврале 1547 г. жена Юрия Глинского названа прежде, т. е. «выше», жены Михаила Глинского³⁹⁵). В Хронографической летописи в описании событий конца июня 1547 г. сначала упоминается о том, что Михаил Глинский «хоронился по монастырем», а уже затем об убийстве его брата Юрия³⁹⁶. Вынужден ли был Михаил Глинский бежать из Москвы («утече» от «возмущения велико[го] всему народу», как писал Курбский³⁹⁹), случайно ли оказался именно в это

* По летописным известиям (причем известиям разных летописей), свадьба была 3 ноября 1547 г.³⁹⁷, по разрядной книге — в сентябре 1547 г.³⁹⁸ Небезлюбопытно, что свадьбу праздновали на великокняжеском дворе, и

Иван IV «велел» молодежи «жиги у себя на дворе». Можно полагать, следовательно, что к тому времени уже привели в порядок царский дворец, пострадавший во время пожара.

время в Ржеве на кормлении («на государском жаловании», как сообщают летописцы⁴⁰⁰) или в своих имениях, установить нелегко. Ясно, однако, что в июньские дни и Михаил Глинский, и его мать Анна Глинская имели основания таиться («хорониться по монастырем»), опасаясь и гнева народного, и ненависти боярства. Ясно и то, что и через четыре с половиной месяца после восстания М. Глинский не решался возвращаться в Москву. Быть может, в окружении царя продолжали требовать расправы с ним, ведь Курбский именно Михаила Глинского охарактеризовал впоследствии как «всему злему начальника». Все это гадательно. Но несомненно, что М. Глинского постигла опала, он лишился чина конюшего и предпринял (до этого или после этого?) попытку бежать за рубеж.

Сопутствовал ему в бегстве Турунтай-Пронский, и это вряд ли случайность. Турунтай, названный среди немногих участников свадьбы царя в феврале 1547 г.⁴⁰¹ и в феврале же получивший, как полагает А. А. Зимин⁴⁰², боярство*, был отставлен в том же 1547 г. с псковского наместничества. А перед этим в июне, т. е. совсем незадолго до Московского восстания, псковичи** послали в Москву 70 человек «жаловаться на наместника»⁴⁰³. В июне же вспыхнуло восстание в псковском пригороде Опочке. Поводом для него были злоупотребления сборщика пошлин и податей Сукина. Для подавления восстания направили из Новгорода «2000 вои»⁴⁰⁴, а следствие по делу о восстании вели в Москве: «разбойников свели к Москве же из Опочки»⁴⁰⁵. Таким образом, и М. Глинский и Турунтай летом 1547 г. оказались объектами особой ненависти — удаления их от дел и даже расправы с ними требовали местные жители⁴⁰⁶.

Бегство двух недавно еще приближенных бояр не могло не вызвать достаточно широкий общественный резонанс. Это заметно даже по сдержанной обычно в таких случаях официальной летописи. Весть о бегстве в Литву дошла до Москвы на третий день после свадьбы брата царя, т. е. 5 ноября, когда в Москве, видимо, еще нахо-

* По мнению С. Б. Веселовского, Турунтай-Пронский стал боярином в 1549 г.⁴⁰⁷

** По предположению А. А. Зи-

мина, «очевидно, так же, как и позднее в Москве, предварительно собравшись на вече»⁴⁰⁸.

дились и многие собравшиеся на праздник. «В погоню» послали кн. П. И. Шуйского* в сопровождении дворян царского двора. Беглецов обнаружили в «непроходных теснотах» под Ржевом, и они, «послышав за собою князя Петра погоню» и убедившись в том, что «уйти не возможно ис тех теснот», решили возвратиться с повинной в Москву. В летописи отмечено, что беглецы хотели въехать в Кремль тайно и бить челом Ивану IV, «что они не бегали, а поехали были молиться» в Ковецкий монастырь; Турунтай рассчитывал даже войти в Кремль вместе с попами («хотел войти в город с попы»). Беглецов проследили и «изымали» — Турунтай у Неглименских ворот Китай-города, а Глинского Петр Шуйский задержал «на посадe», на Никитской улице. 11 ноября беглецов привели в Кремль и царь велел обоим «посадити за сторожи» и «въспросити» о их побеге. «Они же биша им челом, что от страху княж Юрьева Глинского убийства поехали были молиться в Оковец к Пречистей и съехали в сторону, не зная дороги. И царь и великий князь после того вину их сыскал и для отца своего Макария митрополита их пожаловал, вину им отдал и велел их подавати на поруки, занеже от неразумия тот бег учинили были, обложася страхом княже Юрьева убийства Глинского»⁴⁰⁹. В этом летописном рассказе немало неясного, даже противоречивого. Но все-таки можно не сомневаться в том, что основной причиной бегства был страх «княже Юрьева Глинского убийства».

Значительно больше подробностей узнаем из Хронографической летописи: там сообщается, что «побежали в Литву» Турунтай «и со княгинею», а Глинский «с матерью и со княгинею». Выясняется и то, что кроме Петра Шуйского за ними послали в погоню кн. Вас. Семен. Серебряного да кн. Дм. Ив. Немого-Оболенского, «а с ними многих людей», а после вынужденного возвращения в Москву («и они слышали за собою погоню и воротились опять к великому князю») беглецы просили митрополита «печаловаться» за них царю, и «митрополит [о них царю и великому князю] поминал, чтобы их государь пожало-

* По мнению С. М. Каштанова, не случайно был послан именно П. Шуйский, так как Шуйские являлись главными политическими противниками

Глинских, и Глинские пытались нейтрализовать их влияние, поддерживая других крупных суздальских вотчинников⁴¹¹.

вал, казнь им отдал», и царь «для отца своего Макарья митрополита их пожаловал, казнь им отдал, а живот их вотчину велел взять на себя»⁴¹⁰.

Сопоставление известий официальной и неофициальной летописей позволяет полагать, что Глинский и Турунтай договорились о побеге заранее — вместе с ними оказались и их семьи* (и — что особенно важно — бабка царя!). Можно быть уверенным, что князей и их семьи сопровождали и какие-то отряды вооруженных слуг (быть может, и те «люди Глинских», упомянутые во вставке в Царственную книгу, которые сумели укрыться из Москвы во время восстания). Иначе не к чему было бы посылать «в погоню» «многих людей» во главе с несколькими видными воеводами. Неясно и то, что вынудило беглецов вернуться — невозможность скрыться от погони (такова официальная версия) или же были даны какие-то обещания? (Турунтай в приписке к Царственной книге под 1543 г. назван среди «советников» Шуйских⁴¹², и посылка «в погоню» именно П. Шуйского, быть может, тоже не случайна?) Если беглецы оказались загнанными в «непроходные тесноты», то почему же им удалось добраться до Москвы и посланные в погоню воеводы (а это были лица знатнейшего происхождения) не задержали их прежде? Почему в официальной летописи ничего не написано о возвращении бабки царя? Не привезли ли ее прежде 11 ноября в Кремль, и не могла ли она как-то повлиять на последующие действия царя в отношении беглецов, или, напротив, посланные воеводы должны были обеспечить ее охрану в каких-то дальних монастырях? Непонятно и то, почему обоим беглецам так хотелось проникнуть в Кремль тайно или даже смешавшись с попами, под защитой попов, кого они страшились: царя, бояр ли или москвичей? ** Глинскому и Турунтаю не по-

* О близости М. В. Глинского и Турунтая свидетельствуют и помета о том, что грамота Ивана IV от 16 декабря 1546 г., приглашавшая Турунтая на свадьбу великого князя, оказалась у М. В. Глинского, и то, что Турунтай был впоследствии (в 1559 г.) душеприказчиком Глинского⁴¹³.

** Таким образом, если бегство М. Глинского с матерью из Москвы заставляет историка вспомнить обстоятельства бегства боярина Б. И. Морозова в дни Московского восстания 1648 г., то организация преследования беглецов и сама форма возвращения напоминают гораздо более близ-

зволили осуществить их намерение и «изымали» их в пределах тогдашней «большой Москвы» — обнаружить их было в мало застроенном еще после пожара городе, видимо, и не так сложно.

Безусловно, о бегстве родственников царя и действиях, направленных к их возвращению, знали лица не только из ближайшего окружения Ивана IV. «Погоня», если отсчитывать от 5 ноября — дня, когда пришла весть о бегстве, — длилась шесть дней, и это не могло оставаться неизвестным в Москве, жители которой только начали еще оправляться от пережитых потрясений, связанных с пожарами апреля и июня и Московским восстанием.

Объяснение причин бегства (попавшее только в официальную летопись и восходящие к ней летописи) тем, что сбились с дороги во время «езда» по монастырям, и наивно, и едва ли не подсказано самим царем или митрополитом и противоречит тексту официальной же летописи (о «вине» их и «неразумии»). Тем не менее наказание беглецов было сравнительно мягким — конфискация вотчины и опала* (если она не имела место еще прежде, после событий конца июня).

Конфискация земель Турунтая подтверждается и актовым материалом: «княж Иванову Турунтаеву вотчину» село Кулибакино с деревнями (Рузского уезда) велено было «ведать на государя», т. е. ее приписали к дворцовым селам. Об этом узнаем из подлинной указной грамоты царя приказчику Вас. Чижову, написанной в Москве 1 января 1548 г.⁴¹⁵, в которой царь распорядился (согласно завещанию Турунтая-Пронского, составленному еще в 1541—1542 гг.)** отдать деревню Филимоново,

кий по времени к событиям 1547 г. эпизод «погони» за дядей Ивана IV по отцовской линии князем Андреем Старицким в 1537 г.⁴¹⁴

* 9 декабря 1547 г. датируется крестоцеловальная запись Турунтая на верность и неотъезд за рубеж (за подписью Макария). Среди поручителей лица, упомянутые во вставке в Царственную книгу (Ф. И. Шуйский, Ф. М. Нагой), а также

Д. Р. Юрьев, отец и шурин А. Ф. Адашева⁴¹⁶.

** В записи этой (также подлинной), датированной 7050 г., отмечено, что деревню Филимоново Турунтай купил у архимандрита Сиимонова монастыря Филофея за 70 руб. и завещает эту деревню в дом Пречистой на Сторожи на помни души его отца Ивана Дмитриевича и брата Семена⁴¹⁷.

приписанную к селу Кулибакино, Саввино-Сторожевскому монастырю *. В грамоте упоминается подьячий, который «отписывать ездил» вотчину Турунта, следовательно, описание конфискованных владений его происходило прежде этого времени, вероятно, сразу же после опалы Турунта **.

Знаменателен сам факт попытки бегства за рубеж князей Глинских и Пронских — свидетельство того, что общественное спокойствие к ноябрю 1547 г. отнюдь еще не было восстановлено ***.

* *
*

Нам больше известно не о самом восстании июня 1547 г., а о его последствиях, не столько о волнениях, сколько об отражении их (и притом неполном и тенденциозном) в публицистике и, главное, в последующей дея-

* В мае 1548 г. в Острове дворецкий Д. Р. Юрьев «по цареву и великого князя слову» написал грамоту в село Кулибакино посельскому Чижову, в которой снова предписывалось отдать Филимоново Сторожевскому монастырю ⁴¹⁸.

** А. А. Зимин ошибочно пишет о двух царских грамотах Вас. Чижову, отписавшему на царя село Кулибакино (или Колюбакино), датируя одну 1 января 1546 г., а другую 1 января 1548 г., и на основании этого приходит даже к выводу о вероятности опалы Турунта и после убийства Андрея Шуйского (в конце 1543 г.) ⁴¹⁹. В. Чижова А. А. Зимин неосновательно называет городовым приказчиком: в грамоте 1 января 1548 г. он назван просто «приказчиком», в грамоте 3 мая 1548 г. — «поселским» (Чижов был приказчиком дворцовых земель, потому-то

ему и адресована грамота дворецкого Д. Р. Юрьева в мае 1548 г.; за подписью того же дворецкого была выдана 20 ноября 1547 г. Саввино-Сторожевскому монастырю и жалованная грамота на монастырские рощи, запрещавшая рубить лес ⁴²⁰). Не заметил А. А. Зимин и того, что в январе 1546 г., т. е. прежде венчания Ивана IV на царство, нельзя было отписывать земли «на царя». На самом деле на л. 38 упоминаемой А. А. Зиминим копийной книги находится грамота от 1 января 1548 г.

*** Летом 1548 г. Михаила Глинского отправили годовать воеводой в далекое Поволжье ⁴²². Быть может, это объяснялось не столько изменением отношения царя к своему дяде, сколько опасением того, что пребывание Глинского в Москве станет снова поводом волнений.

тельности, в политической практике московского правительства. И, пытаясь охарактеризовать волнения 1547 г. в социально-политическом плане, невольно приходится ограничиваться предположениями, прибегая к аналогиям и из отечественной и из зарубежной истории. При этом следует учитывать и пределы возможного источниковедческого познания исторического факта, требующего от историка, особой конструктивной работы⁴²¹, и особенно самой системы нашего логического мышления. Можно отметить, однако, и то, что ведь и вероятностное суждение, и противопоставляемое ему достоверное суждение рассматриваются логиками в рубрике суждений, различающихся между собой лишь характером выраженного в суждении знания⁴²³.

Причины восстания следует искать в росте общественно-политического значения городов в XVI в. в целом и отдельных прослоек городского населения, в изменении характера русского города, в ухудшении положения городских низов*. История городов остается, однако, пожалуй, одним из наименее изученных вопросов русской истории XVI в.⁴²⁴ Между тем без изучения социально-экономических отношений в городе, без определения удельного веса городов в общественно-политической жизни страны и их роли в процессе образования централизованного государства, без выяснения особенностей развития русского города в разные периоды столетия нельзя решать коренные вопросы социально-экономической, политической и культурной истории XVI в. Многие интересные суждения об уровне экономического развития, специфике классовой борьбы, политической направленности государственных реформ, степени распространения гуманистически-реформационных идей остаются в значительной мере гипотетичными, пока не будут выяснены основные черты истории русского города тех лет. Без этого трудно (с должной степенью конкретности)

* Небезынтересно, что Н. Г. Чернышевский, дополнявший 11-й том «Всеобщей истории» Г. Вебера в основном по материалам работ Н. И. Костомарова о России XVI в., в отличие от Костомарова, счи-

тавшего поводом восстания в Москве слухи о колдовстве, наветы и т. п., признавал основной причиной восстания то, что народные массы были доведены до отчаянного положения⁴²⁶.

разглядеть завязь явлений, определяющих особенно-сти приближавшегося нового периода русской истории⁴²⁵.

Восстание июня 1547 г. было уже городским восстанием, т. е. восстанием горожан. И в этом отличие его от волнений января 1542 г., когда тоже (по словам летописи) «бысть мятеж велик... и государя в страховании учиниша». В 1542 г. основными участниками дворцового переворота, приведшего к «поиманию» главы правительства кн. Ивана Бельского и близких ему бояр и падению митрополита Иоасафа, были воины («княжата, и дворяне, и дети боярские многие»⁴²⁷), поддержавшие князей Шуйских. Особо заметную роль в «мятеже» 1542 г. играли новгородцы, которых, видимо, привели с собой Шуйские и их сторонники. О поддержке «мятежа» 1542 г. городским населением Москвы нет сведений; основной движущей силой его, по утверждению И. И. Смирнова, являлось дворянство⁴²⁸. Предположение того же исследователя об участии московского посада в событиях основывается только на произвольно-расширительном толковании летописного текста (при этом сам же И. И. Смирнов пишет о «расплывчатости формулы о «мятеже»»).

Состав участников восстания июня 1547 г. определить непросто. В официальных летописях и в сочинениях Ивана Грозного употреблены недостаточно определенные термины «черные люди», «чернь». Облегчает положение исследователя Новгородский летописец. Привыкший к столкновениям на посаде, он уточняет: в восстании участвовали и «большие люди», и «черные люди». Это восстание, очевидно, отличала социальная пестрота участников. «Большие люди» — это верхушка посада, гости и торговые люди, городской патрициат. Именно «большие люди» занимали обычно и руководящее положение в аппарате городского самоуправления. «Черные люди» Новгородского летописца — это, очевидно, остальные посажане. Безусловно, к числу «черных людей» принадлежали и ремесленники, дворы которых пострадали во время пожаров в апреле и июне 1547 г., и, видимо, деклассированные элементы.

Среди деклассированных элементов немалую роль могли играть и обедневшие дети боярские — из среды тех, против похолопления которых протестовал Пересветов. Иван IV жаловался через несколько лет Стоглавому со-

бору; «Дети боярские, и люди боярские, и всякие бражни зернью играют и пропиваются, службы не служат, ни промышляют, и от них всякое зло чинится, крадут и розбивают...»⁴²⁹ Особенно общественно опасной казалась челядь опальных бояр⁴³⁰. Таких холопов надлежало отпускать на свободу, и их запрещалось принимать в другие дома⁴³¹. В Москве после опал виднейших вельмож и их ставленников в 1546 — начале 1547 г., вероятно, было немало подобных голодных и воинственных челядинцев. Они считались «гулящими людьми» и оказывались в этом случае вместе с другими деклассированными элементами, стоявшими, как писал Ф. Энгельс, «совершенно вне феодальной структуры», т. е. вне общины, вне феодальной зависимости и цехового союза⁴³².

Среди участников восстания можно с уверенностью назвать холопов. А. А. Зимин полагает, что организованный побег Феодосия Косого и других холопов — его сподвижников был связан как раз с Московским восстанием (это предположение Зимина поддерживает и А. И. Клибанов)⁴³³.

Можно подозревать участие в восстании и немосквичей, в частности челобитчиков из других городов. В Москве, при узаконенной системе окончательного решения по многим делам именно в центральных правительственных учреждениях, находилось много челобитчиков. Так, когда в 1544 г. «промеж себя брань была велика во Пскове большим людем с меньшими», обе стороны обращались с жалобами к московским властям, отчего были «езды многие к Москве и денги многие травили»⁴³⁴. Челобитчикам обычно приходилось задерживаться надолго в столице*. Такие челобитчики имели серьезные основания быть недовольными деятельностью правительственных чиновников. Постоянно общаясь друг с другом, они находились в атмосфере оппозиционных настроений и питались сведениями о злоупотреблениях властей, взяточничестве, неразберихе в управлении в центре и на местах. Они же становились и переносчиками подобных новостей

* В одном из документов середины XVI в. (1558 г.) челобитчики, для разбора своего дела приехавшие из Подвинья в Москву, горько жа-

ловались: «...и по ся места на Москве за теми делы жили и проедались, и в волоките они одолжали и промыслу они отстали»⁴³⁶.

в свои города и села. Вполне возможно, что подобные иногородцы, обнищавшие и обиженные, также примкнули к восставшим. В Москве обычно было и немало иногородцев, пришедших в поисках заработка, — не следует забывать, что XVI век — это век особого развития бродяжничества. Москву отличало и множество нищих. О нищих и необходимости борьбы с ними писали и составители Стоглава 1551 г.⁴³⁵

Состав активных участников «смятения» был, видимо, неодинаковым в разные моменты восстания. Описывая события 26 июня, Новгородский летописец счел необходимым дополнить первоначальный текст указанием на то, что не только «черные люди», но и «большие люди» участвовали в расправе с Юрием Глинским. Об участии же «больших людей» в «смятении людем московским» 29 июня не написано: в Воробьево, согласно летописному тексту, пошли «многие люди черные»⁴³⁷. Если это отличие в описании летописцем событий 26 июня и 29 июня не случайно, то у нас имеются основания (подтверждаемые и другими косвенными доказательствами, и прежде всего реформами последующих лет) выделить два этапа восстания и соответственно два кульминационных момента социального напряжения.

Волнение продолжалось примерно неделю, начавшись сразу же после пожара (об этом говорили уже на второй день после пожара на совещании у Макария). На первом этапе, кульминационным моментом которого были события в Кремле 26 июня, во главе посажан стояли «большие люди», игравшие, можно полагать, ведущую роль и в вечевом собрании. На втором этапе, кульминационным моментом которого были события 29 июня, «большие люди», видимо, уже старались сдерживать остальных восставших.

Это изменение позиции «больших людей» могло произойти тогда, когда стало ясным, что восстание, начавшееся, как это нередко имело место, народным мятежом против придворных фаворитов*, перерастает в выступление вообще против власть имущих и богатых. (Первым актом такого выступления было ограбление имущества многих детей боярских в Москве после убийства Ю. Глин-

* В этом плане особенно интересны замечания К. Маркса о

восстаниях в средневековой Испании⁴³⁹.

ского.) «Большие люди», убедившись в том, что события получают развитие, опасное и для городского патрициата, постарались отколоться от остальных участников восстания (в этом же направлении могли на них воздействовать и правительственные верхи). 29 июня «большие люди», вероятно, уже способствовали в какой-то мере правительству в установлении более безопасных форм взаимоотношений с восставшими. Контакт и союз верхушки московского посада с боярством характерны для политической истории России XVI—XVII вв.⁴³⁸

Скудость и своеобразие сохранившихся свидетельств источников являются большим препятствием при попытках определить характер восстания, надежды и чувства мятежных посажан.

Ясно только, что восстание было массовым, — в этом плане данные всех источников сходятся. В той или иной степени восстание охватило всех посажан города Москвы. Очевидно и то, что общественное возбуждение в какой-то мере перекинулось и на другие районы страны*.

Конечно, правы исследователи, отмечая, что причиной восстания были крепостнический гнет, ухудшение положения посажан и крестьян. Но глубинные, действительные причины восстания не были ясны самим участникам восстания и современникам этого события. Более или менее ясны были им лишь ближайшие поводы к восстанию

* Сформулированная исследователями мысль о поддержке уже в июне 1547 г. выступления московских горожан в какой-то мере и деревней очень соблазнительна, и дальнейшие изыскания, можно верить, подтвердят ее правильность. Однако приводимый в подтверждение ее пример — грамота Ивана IV от 28 июня 1547 г. Троице-Сергиеву монастырю⁴⁴¹ — вряд ли имеет прямое отношение к теме нашего исследования. Грамота датирована 28 июня 1547 г. Волнения в Москве начались, видимо, не ранее 21 июня, а апогея своего достигли 26 июня. В грамоте говорится о селах не только

в Московском, но и в Звенигородском и Дмитровском уездах. Для того чтобы волна недовольства, вызванная непосредственно восстанием в Москве, докатилась до Звенигородского и Дмитровского уездов и сведения об этом «отклике» на восстание дошли до монастырских властей (в Москве или в Троице-Сергиевом монастыре), требовалось, по-видимому, больше времени. Поэтому упоминаемые в грамоте факты нарушения владельческих прав монастыря сомнительно признавать ответом местного населения именно на Московское восстание конца июня 1547 г.⁴⁴²

(что и нашло отражение в источниках). В лучшем случае некоторые из них сознавали причинную связь усилившегося произвола правителей и народного возмущения. Вот что пишет, например, Новгородский летописец: «Наипаче же в царствующем граде Москве умножившися неправде и по всей Росии от велможь, насилствующих к всему миру и неправо судящих, но по мзде, и дани тяжкыя... понеже в то время царю... уну сущу, князем же, и бояром, и всем властелем, в бесстрашии живущим»⁴⁴⁰. Схожие слова читаем в официальной летописи при описании казней бояр в июле 1546 г.: «...многие мзды в государстве его (т. е. Ивана IV. — С. Ш.) взимаху во многих государьских и земских делах»⁴⁴³. (Такое же объяснение находим в соборных речах царя конца 1540-х — начала 1550-х годов.)

Московское восстание представляло собой, как и другие подобного типа восстания в средние века, «примитивный бунт». А примитивные бунты были, по определению В. И. Ленина, «гораздо более проявлением отчаяния и мести, чем *борьбой*»⁴⁴⁴.

Побуждения большинства участников восстания были значительно мельче объективного содержания их борьбы. «Черные люди» боролись не столько «за», сколько «против»⁴⁴⁵. Большую роль играли «слепые силы» народного движения⁴⁴⁶. Проявлялась, употребляя выражение Маркса, «*дикая ярость низших классов народа, стонавшего под безудержным гнетом*»⁴⁴⁷. Смысл борьбы «черных людей» — облегчение существующих условий жизни и устранение тех лиц, которые особенно виновны или кажутся особенно виновными в тяжелом положении «черных людей». Можно полагать, что у «черных людей» не было определенной политической программы. Потому-то требования их, как показывают анализированные источники, сводились прежде всего к требованиям расправы с Глинскими и их советниками (олицетворявшими, в представлении восставших, произвол властей) и организации действенной защиты от внешнего врага. Потому-то «черные люди» легко могли оказаться на поводу у тех, кто сознательно распускал слухи о поджоге Москвы Глинскими и об изменнических переговорах Глинских с крымцами.

«Большие люди», вероятнее всего, имели уже более осознанные притязания, хотя и они не обладали еще, ко-

печно, достаточной политической зрелостью⁴⁴⁸. Об их позитивной «программе» в какой-то степени позволительно судить по содержанию правительственной политики последующих лет, и в первую очередь по проектам реформ и реформам конца 1540-х — 1550-х годов. В результате реформ верхам посада были предоставлены большие права в местном самоуправлении (а позже и право участия в земских соборах), были сокращены поборы кормленщикам, а потом вовсе уничтожена система кормлений. В Судебнике 1550 г. с большей точностью зафиксированы права различных категорий посадского населения. Статьей 26 гостям была определена плата за «бесчестье» (50 руб.) в 10 раз бóльшая, чем «средним» людям (5 руб.), и в 50 раз большая, чем за «бесчестье» «черным людям» (1 руб.) *. Судебник 1550 г., таким образом, четко разделил посадское население на три группы. Льготными для горожан оказывались и 43-я и 91-я статьи (ущемлявшие тарханные льготы монастырей в городах), и некоторые другие статьи Судебника 1550 г.

Не исключено, что эти льготы верхушке посада были обещаны еще в ходе Московского восстания, что неожиданное для правительства участие **всех** прослоек посажан в восстании побудило принять особые меры с целью привлечения на свою сторону верхов посада. Следовательно, определенные «политические выгоды» в итоге восстания извлекли не только «политические противники Глинских из враждебной им группировки»⁴⁴⁹, но и верхи посада.

Маркс и Энгельс не раз отмечали, что вражда внутри господствовавшего класса «сама собой отпадает при всякой практической коллизии, когда опасность угрожает самому классу...»⁴⁵⁰. Маркс конкретизирует это положение и примером из истории Франции XI столетия: когда крестьяне подняли восстание, враждовавшие доселе французские и нормандские рыцари «немедленно же забыли свои раздоры и объединились, чтобы раздавить крестьянское движение»⁴⁵¹. Энгельс, характеризуя взаимоотношения сословий в Германии начала XVI столетия,

* По мнению П. П. Смирнова, закон «подымал горожан в особый, «честный» чин и ставил его наряду и даже выше дворян и детей бояр-

ских городских, получавших бесчестье по своим небольшим окладам, т. е. 3, 4, 5 рублей»⁴⁵³.

пишет: «...раскол всей нации на два больших лагеря... был при тогдашних условиях просто невозможен; он мог бы лишь приблизительно наметиться только в том случае, если бы восстал низший, эксплуатируемый всеми остальными сословиями слой народа: крестьяне и плебеи»⁴⁵². Эти замечания многое объясняют и в истории России середины XVI в.

В России тогда имели место массовые волнения низшего слоя народа в городе и в деревне: в конце 1540-х годов были восстания не только в Москве, но и в других городах (особенно внушительным было восстание в Опочке, синхронное московскому), а осень 1547 г. снова выдалась неурожайной — «хлеб родился скудно»⁴⁵⁴. Повсеместно выявлялось широкое недовольство политикой правительства, отразившееся и в современной публицистике, где обостряется интерес к вопросу о введении «правды» в Российском государстве⁴⁵⁵.

В социальной и политической жизни Российского государства этого периода при внимательном рассмотрении можно обнаружить некоторые элементы тех явлений и процессов, которые в терминологии иной эпохи получили определение «революционной ситуации». Общеизвестно теоретическое положение В. И. Ленина о революционной ситуации и ее характерных чертах: общенациональный кризис, затрагивающий интересы всех общественных классов, и взаимосвязанные три условия — кризис верхов, обострение бедствий угнетенных классов, повышение активности народных масс*. Общеизвестно и положение о том, что правительственные реформы зачастую есть следствие революционной ситуации, не разрешившейся революцией. Применительно к истории России о революционной ситуации начинают обычно говорить конкретно, характеризуя лишь события второй половины XIX в. (рубеж 1850—1860 гг., рубеж 1870—1880 гг.). Думается, что в какой-то степени это общетеоретическое ленинское положение относится и к предшествовавшим эпохам, в частности к периодам крестьянских войн и массовых город-

* Три признака революционной ситуации сформулированы с предельным лаконизмом В. И. Лениным в 1915 г. в конспекте реферата «Первая мая и война»: «Революцион-

ные ситуации [:] (α) низы не хотят, верхи не могут (β) обострение бедствий (γ) экстраординарная активность»⁴⁵⁸.

ских восстаний, ведь Ленин не раз писал о революциях в докапиталистический период. Конечно, революционная ситуация, чреватая именно буржуазной революцией, могла иметь место в России не ранее XIX в., но некоторые моменты, характерные для такого общественного состояния, — кризис верхов и активизация деятельности народных масс, усиливавшееся угнетение низов (особенно тяжело ошутимое в годы войн, эпидемий, неурожаев). — заметны в отечественной истории и предшествовавшего времени⁴⁵⁶. В России XVI в. крепостнические отношения имели еще явную тенденцию к дальнейшему развитию, феодализм отнюдь еще не изжил себя — и разрозненные народные движения были подавлены, городская верхушка подкуплена и замирена, торжествующее самодержавие укрепилося.

Но «коллективный опыт и коллективный разум»⁴⁵⁷ правящих верхов побудил их, однако, несколько изменить тактику управления. Восстания низов заставили феодалов на время прекратить взаимную вражду и сплотиться для проведения политики, укрепляющей государственную власть. Сплоченные и достаточно решительные действия диктовались и потребностями обороны, в первую очередь необходимостью незамедлительной борьбы с форпостом вражеской агрессии — Казанским ханством, и стремлением удовлетворить внешнеполитические аппетиты господствовавшего класса⁴⁵⁹. Все это сделало возможным временную консолидацию всех прослоек класса феодалов (при поддержке, видимо, правительственных действий и верхами посада). «Верхи» не могли уже управлять по-старому.

Конец 1540-х годов изумляет обилием служебных назначений, выдвижением в «думцы» новых людей из различных феодальных группировок, сплотившихся «от страха князь Юрьева Глинского убийства». Однако до нас не дошло актов значительной конструктивной деятельности правительства за вторую половину 1547—1548 г. Первоначально старались принимать временные меры, способствующие ослаблению общественного напряжения и угрозы нового взрыва массового недовольства. В известной степени смягчению классовой борьбы служили выдачи иммунитетных грамот второй половины 1547—1548 г.⁴⁶⁰ Очень вероятно, что эту же цель преследовали, организуя утомительный поход царского войска

под Казань зимой 1547/48 г., — на победу в войне при сложившихся обстоятельствах тогда вряд ли рассчитывали, но таким путем можно было увести из Москвы наиболее воинственную группу недовольных (часть войска затем, видимо, оставили годовать в Поволжье). В то же время торжественное празднование свадьбы брата царя (в ноябре 1547 г.) и то обстоятельство, что сам царь направился во главе войска в Казань («и восхоте ити царская его держава сам»⁴⁶¹), должны были как бы все-народно демонстрировать единодушие в правительственной среде.

Лишь к началу 1549 г. постепенно образуется Избранная рада, являвшаяся фактическим правительством и осуществившая важнейшие государственные преобразования и внешнеполитические начинания конца 1540-х — 1550-х годов. Постепенно формулируется и публично декларируется демагогический идеал деятельности «правого царя», призванного заботиться обо всех подданных: представление это отражено в речах Ивана IV на соборах, в приговоре об отмене кормлений и на других листах «Летописца начала царства» (а позднее в известной вставке в Хрущовскую степенную книгу*). Одновременно принимаются все меры к пресечению возможностей «возмущения» народа публичными рассуждениями на опасные темы** (особенно жестоко преследуются «еретики»).

Характерные формы правительственной деятельности тех лет — деятельность Челобитного (или Челобитенного) приказа и первых земских соборов, противостоявших вечевым традициям 1547 г. Реформы эти были прежде всего обусловлены размахом классовой борьбы, наиболее значительным моментом которой явилось Московское

* См. стр. 170—178.

** Именно публичность выступления дьяка И. М. Висковатого об иконах в 1553 г. особенно возмутила Макария. «И ты о том всем мнел и говорил не гораздо посреде народа многим людем православным христианом на съблазн, — поучал митрополит дьяка. — И тебе

было о тех святых и честных иконах и прочих церковных вещах пригож прийти к *святий* соборной церкви и правителем церковным извещение положить о своем мнении, а народа православных христиан не возмущати»⁴⁶³ (выделено мною. — С. Ш.).

восстание июня 1547 г.* — предвестник городских восстаний XVII в.

Положение о том, что «реформы — побочный продукт революционной борьбы»⁴⁶², сформулировано было В. И. Лениным в 1911 г. Но разве оно не разъясняет сущности так называемых реформ, законодательных актов предшествовавших эпох? Достаточно вспомнить самые общеизвестные факты: «Правда Ярослава» (первые статьи древнейшей Русской правды) появилась в ответ на волнения середины 1010-х годов; статьи так называемой Правды Ярославичей в значительной мере предопределены были массовыми восстаниями конца 1060-х — начала 1070-х годов, Устав Владимира Мономаха — ответ на Киевское восстание 1113 г., Судебник 1550 г. и уставные грамоты середины XVI в. — результат массовых восстаний в городах и волнений в деревне в конце 1540-х годов. Земский собор и Соборное Уложение 1649 г. вызваны к жизни прежде всего повсеместными восстаниями 1648 г.⁴⁶⁵

Борьба различных и часто изменчивых группировок верхов общества, борьба внутри господствующего класса (особенно ярко и разнообразно отразившаяся в современных той эпохе исторических источниках) не должна заслонять в представлении историков межклассовую борьбу, которая неизменно, активно или пассивно, оказывала воздействие на процесс развития феодального государства того времени. Воздействие это было не всегда прямым (тем более оно не всегда осознавалось современниками и даже участниками борьбы), но оно в конечном счете определяло и взаимоотношения различных группировок господствующих классов, и характер и даже время проведения правительственных преобразований⁴⁶⁶.

* А. И. Заозерский еще в 1909 г. писал о Грозном: «Он должен был обратить внимание на состояние своего царства только под давлением

чрезвычайных происшествий, когда окружавшая мрачная действительность сама подошла с угрозой к царским чертогам»⁴⁶⁴.

Становление земских соборов

~



В годы царствования Ивана Грозного распространилась практика созыва сословных совещаний, называемых иногда «соборами» (позже, в XVII уже веке, — «земскими соборами»). Такие собрания созывались царем для обсуждения важнейших вопросов внутренней и внешней политики Российского государства, для принятия решений по делам, не терпящим отлагательства.

Выяснено, что основой «собора» был так называемый думный собор*, т. е. Боярская дума («думные люди», «думцы») и высшее духовенство («освященный собор», «священный собор»). Остальные участники соборов — представители различных групп господствовавшего класса феодалов (светских и церковных).

На соборе 1566 г. присутствовали купцы; и собор этот в большей мере, чем другие, напоминал земские соборы XVII в. Период в истории Российского государства с середины XVI в. до годов самостоятельного правления Петра I, т. е. почти до конца XVII в., часто характеризуют как период сословной или сословно-представительной монархии.

Истории земских соборов в дореволюционное время была посвящена довольно значительная (по числу названий и объему) литература, носившая, однако, в большей своей части публицистический характер. С. А. Авалиани, автор наиболее крупной историографической работы о земских соборах, вышедшей вторым, дополненным изданием в 1916 г., начинал свою книгу словами: «Ни один институт, ни один вопрос русской истории, можно сказать безошибочно, не вызывал такого глубоко жизненного интереса, как среди специалистов историков и юристов, так и среди широкой публики, как московские земские соборы». И далее писал: «Нигде также не сказывались с такой силой и выпуклостью политические и общественные идеалы, философское мировоззрение, как при разработке истории земских соборов. Поэтому научные изыскания над прошлым земских соборов не оставались достоянием ограниченного числа ученых-специалистов, они получали своеобразный общественный интерес. Земские соборы служили излюбленной темой изданий, рассчитанных всегда сообразно с моментом их появления в свет, на опре-

* Термин в источниках XVI в. обычно не употреблявшийся,

однако он достаточно прочно вошел в научный обиход.

деленный общественно-политический эффект»¹. Такое признание буржуазного ученого знаменательно*.

Пристальное внимание к истории земских соборов в значительной мере подогревалось политическими интересами, возбуждалось поисками идеалов государственного устройства, надеждами с помощью возрожденных сословно-представительных учреждений изменить (или, напротив, сохранить) самодержавный государственный строй, освободиться от всевластия чиновников.

Лозунг созыва земского собора или земской думы, т. е. какого-то представительного собрания, был очень популярен в России уже со времени первой революционной ситуации (конец 1850-х — начало 1860-х гг.), о чем свидетельствуют многие произведения общественно-политической мысли. Такие сочинения В. И. Ленин** характеризует в работе «Гонители земства и Аннибалы либерализма»². Лозунг этот, несмотря на его неопределенность, оставался долгое время лозунгом различных обществен-

* В то же время в книге С. А. Авалиани полностью обойдены труды представителей передовой общественной мысли, суждения которых, как это следует из замечаний, частично приведенных в работах С. С. Волка, В. Е. Иллерицкого, Н. М. Пирумовой, А. Н. Цамутали (об исторических взглядах декабристов и революционеров-демократов³) и в других трудах советских ученых, должны быть учтены историографами. В этой связи любопытно, например, мнение революционера-демократа И. А. Худякова, одного из первых русских мыслителей, уделявших особое внимание рассмотрению роли народных масс в истории. Худяков писал о соборах XVI в.: Иван IV «созывал нередко и земские соборы, т. е. выборных людей от разных сословий, для решения государственных дел; но выборные были по

преимуществу богатые и знатные люди; и притом никто не смел говорить откровенно с царем, казнившим за одно слово противоречия и в то же время спрашивавшим о народном мнении». О соборе 1566 г. И. А. Худяков заметил: «Желание Иоанна воевать было известно, и вот все сословия дали вполне единодушное мнение, до такой степени сходное в подробностях, что нельзя не видеть, что они считали себя не вправе «сметь свое суждение иметь»⁴.

** Особый интерес к земским соборам, к их роли в правительственной деятельности Российского государства В. И. Ленин обнаружил еще в начале 1890-х годов. Об этом свидетельствуют его пометы на страницах лекционного курса В. О. Ключевского по русской истории⁵.

ных групп, недовольных самодержавием. Созыв земского собора «из представителей всех граждан для выработки конституции» В. И. Ленин выдвигает одним из первоочередных требований в «Проекте программы» русской социал-демократической партии, написанном в 1895 г.⁶ Об этом же писал В. И. Ленин и в некоторых работах 1899—1901 гг.⁷

В 1905 г. вопрос о возможности участия в представительных учреждениях, о земском соборе стал предметом обсуждения и на III съезде РСДРП⁸, и в социал-демократической прессе.

В результате широкого размаха революционного движения царское правительство вынуждено было объявить о созыве первого парламента, хотя и «вело отчаянную борьбу против введения представительных учреждений в России»⁹. Стало ясно, писала большевистская газета «Вперед», что «правительство, сдавленное изнутри и снаружи, хочет опереться на «земский собор»». И «раз это так, — подчеркивалось в газете, — нам важно уяснить себе значение земского собора»¹⁰.

Статью В. С. * «Земский собор и наша политика», помещенную в 10-м номере газеты «Вперед», вышедшем в Женеве 15 (2) марта 1905 г., редактировал В. И. Ленин¹¹. В плане настоящей работы особенно интересна правка в историческом разделе статьи (тем более что этот раздел сокращениям не подвергся)¹²: там, где автор статьи писал, что на земских соборах были представители дворянства, купечества, посадских людей, даже крестьян, В. И. Ленин приписал слово «зажиточное» и в напечатанном тексте статьи «Вперед» читаем: «Даже зажиточное крестьянство». Это — существеннейшего значения поправка, ибо в буржуазной публицистике той поры нередко писали об участии в земских соборах вообще крестьян, изображая тем самым земские соборы как представительство всего населения.

Естественно, что особенно много работ буржуазных ученых о земских соборах появилось в 1905 г., в период обсуждения вопроса о созыве Государственной думы. Именно в это время виднейшие историки и юристы сочли необходимым выступить в печати с брошюрами и статья-

* «В. С.» (или «В. Северцев») — псевдоним участника

революции 1905 г. В. В. Филатова.

ми по истории земских соборов. При этом, трактуя вопросы далекого прошлого, нередко пытались прибегать к историческим аналогиям.

Авторы подобных работ (даже крупные ученые) большей частью не ставили перед собой научно-исследовательские цели. Это была своеобразная научная публицистика; и работы такого типа скорее могут рассматриваться как памятник общественных воззрений конца XIX — начала XX в., нежели как источник познания действительной истории земских соборов¹³ — в работах по истории земских соборов пропагандировались мысли о единении царя и народа *, о непосредственном общении царя с народом, о надклассовом характере самого государства, о совместной заботе всех групп господствовавшего класса о народном благе, о деятельном участии уже в XVI—XVII вв. предков русской буржуазии в управлении государством и серьезной заинтересованности посадских людей в этой деятельности **.

* В трудах таких ученых наша древность, по образному выражению Н. П. Павлова-Сильванского, была «мирной процессней венчанного царя с верноподданным народом»¹⁴.

** Небезлюбопытно, что именно широкое обсуждение вопроса о земских соборах стало поводом публикации первой печатной работы С. Б. Веселовского «О земском соборе» в газете «Русь» (№ 42 от 18 февраля (3 марта) 1905 г.). «В настоящее время, — писал он, — в обществе и в печати много говорят о Земских соборах, причем иногда высказываются очень странные мнения, которые обнаруживают глубокое невежество их авторов в русской истории и в вопросах государственного права и доказывают полное непонимание современного положения вещей». Отмечая, что вопрос о земских соборах

«в нашей исторической литературе, вследствие скудости материалов, разработан весьма недостаточно», Веселовский сообщил о содержании обнаруженных им в московских архивах документов, «освещающих отношение выборных к своему участию на Соборе». Изложение содержания челобитных посадских людей из Романова, Устюга и Холмогор, выбранных на собор 1648—1649 гг., Веселовский предваряет следующей фразой: «По нашему мнению, разбирая основы Земских соборов, можно прийти лишь к одному заключению: от них мы можем заимствовать только одно название будущего представительства, название «самобытное» и не страшное для лиц напуганных, но не наученных историей. Из прилагаемых документов видно, что участие в соборе было для населения

При подходе к теме «Земские соборы» даже виднейшие ученые, основывавшие свои выводы на изучении первоисточников, старались прежде всего выяснить такие вопросы, как сходство (или различие) с зарубежными сословно-представительными учреждениями, причем обычно уже с учреждениями, типичными для буржуазного парламентаризма нового времени, как сходство (или различие) с государственными учреждениями России последующих веков. Рассматривая проблему в этом плане, обычно мало внимания уделяли исследованию внутренней эволюции самих земских соборов на протяжении всего времени их существования, сравнительному изучению отдельных соборов — в воображении историков и юристов конструировался некий типический земский собор, для характеристики которого служили факты, относящиеся к истории различных соборов XVI—XVII вв.

По существу лишь с конца XIX в., начиная с книги В. Н. Латкина о земских соборах древней Руси, стали появляться отдельные работы собственно исследовательского характера о конкретных соборах, в том числе и о соборах XVI в.; но и эти работы, за редким исключением, не были лишены злободневной публицистической заостренности, и материал обычно — хотя и невольно — подгонялся под заранее данную политическую схему. Поэтому даже к фактологическим выводам дореволюционной историографии, несмотря на большие ее достижения в области исследования источников по истории земских соборов, следует относиться настороженно.

не правом, а обязанностью, что выборные тяготились своей службой, что они просили и получали от государя за свои труды привилегии и льготы». Далее указываются эти льготы: право «про свой домашний обиход вино и пиво держать», мыльню топить (в летнее время), стояльцев не ставить. Эта же мысль является и заключительной в статье: документы «с несомненностью показывают: 1, что для выборных участие в соборе по составлению Уложе-

ния было службой, равносильной тяжелой повинности по сбору таможенных и кабацких денег и другим земским повинностям, и 2, что их положение было, если можно так выразиться, страдательным. Они старались вознаградить себя за житье в Москве и за волокиту привилегиями, которые обычно выдавались за усердное несение выборных служб; о создании каких бы то ни было политических прав не может быть и речи».

В советские годы (особенно в 30—40-е годы) история земских соборов меньше привлекала исследователей. И если земским соборам XVII в. было посвящено несколько ценных статей и публикаций, то о земских соборах XVI в. вовсе не было напечатано специальных работ. Характеристику земских соборов XVI в. можно было встретить лишь в трудах общего характера, как собственно исторических, так и по истории права и государственных учреждений, и в монографических исследованиях, посвященных политической истории. Попытка С. В. Юшкова (в статье 1950 г.) обобщить представления о земских соборах и их исторической роли не может быть признана удачей этого большого ученого. Никаких новых фактов и документов Юшков в научный оборот не ввел; конкретное изучение вопроса оказалось подмененным не всегда обоснованными общен историческими схемами и аналогиями¹⁵. Классовое содержание деятельности земских соборов, классовая сущность этого типичного для России XVI—XVII вв. политического института долгое время по существу оставались без характеристики. Открытие темы «Земские соборы» заново — результат исследований последних десятилетий.

Именно в эти годы специально изучался первый период существования земских соборов — соборы XVI в. Особое значение в этом плане имеет статья М. Н. Тихомирова* «Сословно-представительные учреждения (земские соборы) в России XVI века»¹⁶. В статье содержится как общая постановка вопроса о земских соборах XVI в., так и важные замечания конкретно-исторического и источниковедческого характера об отдельных соборах, основанные на углубленном изучении и оригинальном толковании источников. Благодаря дальнейшим трудам советских ученых наши представления о соборах Российского государства XVI в., о возникновении, развитии и особенностях этих сословных учреждений продолжали расширяться. Выявлены ранее не известные соборы и совещания соборной формы, обнаружены дополнительные факты из истории тех соборов, которые уже прежде привлекали внимание исследователей¹⁷. Л. В. Черепниным пред-

* Этим же исследователем еще в 1930-е годы на примере Земского собора 1650 г. был

показан классовый характер деятельности земских соборов¹⁸.

принята удачная попытка обобщения основных данных о земских соборах XVI—XVII вв. и определения взаимосвязей истории земских соборов и утверждения абсолютизма в России¹⁸. Интересные соображения о роли и месте земских соборов в системе централизованного управления в России XVI в. высказаны Г. Б. Гальперным²⁰.

С 1949 г. стали публиковаться и работы автора настоящей книги, в той или иной мере посвященные земским соборам²¹. Работы эти нашли отклик в научной литературе и вызвали даже определенную дискуссию, которая в целом могла только способствовать возбуждению дальнейшего интереса к изучению этой проблематики.

Исследование собственно истории земских соборов продолжается; явление это рассматривается и в связи с другими историческими явлениями (особенно с историей классовой борьбы, абсолютизма, формирования буржуазии) как в России, так и в других странах. Однако и поныне еще остается немало спорных и слабо изученных вопросов, традиционных, но отнюдь не обоснованных представлений о земских соборах вообще и о соборах времени Ивана Грозного в частности. До сих пор еще представления о земских соборах XVII в. распространяются на земские соборы XVI в., представления о земских соборах конца XVI в. — на собрания середины этого века, представления о сословно-представительных учреждениях Западной Европы — на Россию XVI в. и т. п. От подобных аналогий не следует, конечно, отказываться. Но надо установить степень их допустимости, чтобы не оказалась скрытой за слишком широкими обобщениями конкретная картина отдельных соборов, изучать которые можно только в тесной связи с другими явлениями политической и социальной истории именно того времени.

История земских соборов — это прежде всего история внутреннего развития этого учреждения, отнюдь не сразу конституированного. Это также история формирования общественного отношения к нему, постепенного признания его значения. Моменты эти особенно важно подчеркнуть потому, что и сейчас еще наблюдаются попытки (в недавнее время в статье Н. И. Павленко)²² конструировать как бы типический земский собор на основании фактов, относящихся к истории соборов XVI—XVII вв., созданных при различных и отнюдь не схожих обстоятельствах. При этом исследователи иногда пытаются на-

вязать современникам свое представление о земском соборе (понимание, основанное на изучении многих сословно-представительных учреждений разных эпох и стран), даже подогнать устройство земских соборов под схему парламентских буржуазных учреждений, а затем уже решать, подходят ли, укладываются ли сохранившиеся данные о том или ином соборе под это определение (обязательным условием которого является, по их мнению, наличие четырех или хотя бы трех «чинов»). Поднимается вопрос о так называемых «правильно» организованных сословно-представительных собраниях и «неправильно» организованных, т. е., по верному определению М. Н. Тихомирова, подводится под схему XIX в. то, что было чуждо русскому средневековью²³.

В XVI в. земский собор лишь формировался как учреждение и первоначально не имел ни четкой структуры, ни четкой компетенции. Практика созыва и порядок заседаний, тем более состав собора, не были строго регламентированы и изменялись; постепенно формировалась и, так сказать, соборная терминология — установить четкие различия между собственно земскими соборами и более или менее широкими совещаниями соборной формы, т. е. совещаниями «думных людей» или думного собора (Боярской думы и освященного собора) с представителями отдельных групп феодалов или даже посадского населения, не всегда возможно. Отсюда споры о том, сколько соборов было в XVI в. На данном этапе наших конкретных знаний подобные споры в известной мере беспредметны, так как понятие «земский собор» и вообще «собор» для XVI в. (да, пожалуй, и позднее) слишком зыбко. Даже в XVII в., в годы царствования первого царя династии Романовых Михаила Федоровича (1613—1645 гг.), когда деятельность земских соборов была наиболее интенсивной, собирались как земские соборы, состоявшие из значительного числа выборных людей с мест («дети боярские всех городов», «из городов всякие выборные люди», «торговые люди всех городов» и т. д.), так и земские соборы только из представителей находившихся в Москве служилых людей (т. е. дворян-воинов) и московских посадских верхов. Следовательно, состав представительства на земских соборах даже тогда зависел от степени экстренности решаемых вопросов, а также и от самого характера этих вопросов.

Принятое учеными для подобных собраний наименование «земский собор» (независимо от того, к скольким соборам XVI в. его относить) имеет характер скорее научного обобщения. Вероятно, земскими соборами с четко определенными «чинами», с челобитьями, подписанными до соборных заседаний, с системой выбора участников можно было бы назвать лишь немногие собрания второго — четвертого десятилетий XVII в. Но элементы подобных собраний (выраженные в той или иной мере), заметны и в других собраниях — поэтому-то употребление общего термина, как бы покрывающего разновариантность конкретных собраний, допустимо *. (Это же характерно и для истории западноевропейских сословных учреждений — английского парламента, французских Генеральных штатов, испанских кортесов, особенно периода их становления ²⁴.)

Историю соборов можно изучать только в теснейшей связи с конкретно-историческими обстоятельствами. При этом желательно было бы в определенной мере отрешиться от представлений о заранее якобы известной модели земского собора, а также его дефиниции. Напротив, именно эту-то дефиницию (в том плане, что понимали современники под «земским собором» или вообще «собором») и следует искать; это — одна из задач исследования. Желательно было бы отрешиться и от попыток прямого перенесения на русские земские соборы понятий о современных им западных образцах, и от уверенности в том, что соборы обязательно эволюционировали от менее развитых форм к более развитым — для этой эволюции зигзаги могли быть не менее характерны, чем постепенность.

Серьезным препятствием в изучении истории земских соборов являются скудость источниковой базы и неравномерное распределение источников, особенно о соборах XVI в. Об одних соборах узнаем и из грамот — актов соборных решений, и из упоминаний в официальной летописи (даже изображений в летописных миниатюрах), и из иных источников (в том числе иностранных); о других

* И в данном случае, как и во многих других спорах о терминах, вспоминаются повторенные Пушкиным заме-

чительные слова Декарта: «Определяйте значение слов, и вы избавите свет от половины его заблуждений».

же соборах — лишь из случайных, не всегда понятных даже упоминаний, к тому же преимущественно в нарративных источниках позднейшего происхождения. Известия эти подчас настолько скудны и неясны, что о самом факте созыва отдельных соборов приходится говорить лишь предположительно. Самый ранний из соборов, о деятельности которого дошли до нас и приговорная грамота (с перечнем участников и подписями членов думного собора), и известие в официальной летописи, — собор 1566 г.

Это позволяет полагать, что соборам XVI в., т. е. периода оформления этого института, не придавали еще такого государственного, политического значения, как в XVII в., и соответственно заседания соборов отнюдь не всегда фиксировались в официальных летописях, а когда фиксировались, то отражались далеко не полностью.

Так, в официальной летописи середины XVI в. ничего не написано о соборах конца 1540-х — начала 1550-х годов, даже о церковных соборах 1547 г., 1549 г., знаменитом Стоглавом соборе 1551 г.* О церковно-земском соборе февраля 1549 г. узнаем из неофициальной Хронографической летописи (и из других источников). А Земский собор 1566 г. в официальной летописи охарактеризован неполно и односторонне — сообщается только об обсуждении вопросов внешней политики (продолжать ли войну с Польско-Литовским государством). О том, что некоторые участники собора пытались привлечь внимание и к делам внутренней политики, выступив с протестом против опричнины, узнаем из позднего (и тоже неофициального) Пискаревского летописца. Важно отметить и то, что слово «собор» при описании собрания 28 июня 1566 г. не названо ни в летописном известии, ни в приговорной грамоте.

Степень сопоставимости данных об отдельных соборах ограничена, и этих данных не всегда достаточно для выводов обобщающего характера о соборах Российского государства XVI в.

Исследование истории соборов XVI в. усложняется также и тем обстоятельством, что современная им терминология была неустойчивой и еще не вполне определен-

* Зато о Стоглавом соборе сообщает так называемый Ма-

зуринский летописец XVII столетия²⁵.

ной. Слова «собор» и «земский» относятся к тем терминам XVI в., буквальный смысл которых не всегда для нас понятен. Это отмечено уже в словаре И. И. Срезневского, основанном на изучении памятников преимущественно до XVI в. Данные об употреблении слова «собор» в XVI в. (в том числе зафиксированные в картотеках, хранящихся в Институте русского языка АН СССР) еще не обобщены. Однако сразу же обнаруживается, что слово это в XVI и даже в XVII в. имело несколько значений.

Под «собором» подразумевалось и всякое собрание вообще, в том числе и совещание бояр — «собор боярский»²⁶, и собрание только какой-то группы духовенства* (например, всех архиереев государства, городского духовенства, монахов одного из монастырей и т. д.), и собрание, созванное государем для обсуждения каких-либо вопросов, и т. д. Причем употребление именно термина «собор» к таким собраниям признавалось не обязательным и могло заменяться иным (даже не однозначным в буквальном смысле слова).

В обиход уже вошли в XVI в. слова «соборовать» (т. е. собраться собором)²⁷ или «соборный список» (протокол и другая документация «соборов»)²⁸. Принятые на каком-либо сравнительно широком собрании решения считались принятыми «соборне».

Слово «земский» могло обозначать и «общегосудар-

* Не вполне четким в представлениях современников было и определение «освященный собор»²⁹. Так называли и собор русской церкви, — так называемый поместный собор, состоявший главным образом из иерархов и напоминавший по составу Синод последующих времен. Так называли и состав городского духовенства. Например, в грамотах (в посланиях нижегородцев в Вологду, ярославцев в Вологду, костромичей в Казань), рассылавшихся с благословения патриарха Гермогена в начале XVII в. по городам, читаем обращение: «Господам преосвященному

архиепископу, архимандритам и игуменам и всему освященному собору»³⁰. То же выражение встречается и в окружающих посланиях первоиерарха русской церкви всему православному духовенству, которые обычно заключали в себе выражение: «И сию грамоту велети прочести в Соборной апостольской церкви пред архимандриты, и игумены, и пред всем освященным собором»³¹. Наконец, так именовали лиц духовного звания вообще. В крестоцеловальных записях под именем «освященный собор» разумелись свидетели и поручители духовного звания³².

ственный» (т. е. дело «всей земли»), и «государственный» в противоположность «государеву», «государьскому» * (т. е. лично касающемуся государя), и «общегражданский», «народный» даже («земский обычай», «земские люди»), и «светский» (в противоположность церковному), и, так сказать, «штатский» (в противоположность ратному) и т. п. Термин «земский собор» в XVI в., вероятно, еще не употреблялся³³.

Строго критического подхода требуют и иностранные известия о соборах XVI в. Нельзя забывать, в частности, что иностранные авторы для характеристики русской действительности использовали привычные им зарубежные понятия и термины и, не зная по-настоящему России, применяли их нередко к явлениям, в лучшем случае лишь внешне сходным с явлениями зарубежной жизни. Так, в сочинении англичанина Флетчера о России второй половины XVI в. встречается слово «парламент». Некоторые историки на этом основании полагали, что Флетчер описывает земский собор. Между тем, как убедительно показано еще С. М. Середониным (в исследовании, специально посвященном сочинению Флетчера), слово «парламент» применено Флетчером для характеристики так называемого думного собора³⁴.

Состояние источниковой базы по истории соборов XVI в. предопределяет потребность поисков новых свидетельств о соборах того времени как в печатных (в том числе и уже использованных в этом плане) материалах, так и в архивных источниках.

Необходимо выявить все свидетельства источников, которые могут хоть что-либо дать по истории соборов XVI в., и, лишь сопоставив все эти данные, пытаться делать обобщающие выводы.

В настоящей работе приводятся данные, в том числе и самые предположительные, по истории слабоизученных или вовсе малоизвестных соборов времени становления этого государственного учреждения, т. е. того периода царствования Ивана Грозного, который предшествовал 1566 г., когда было создано собрание, безусловно признаваемое всеми исследователями земским собором. Приво-

* В официальной летописи (под 1540 г. и в других случаях) противопоставляются «госу-

дарьские дела» и «земские дела».

дятся и отдельные наблюдения обобщающего характера, касающиеся некоторых вопросов истории соборов XVI в.; они рассматриваются во взаимосвязи с фактами политической и социальной истории того времени.

*Соборы конца 1540-х —
начала 1550-х годов*

Накопившиеся наблюдения по истории России середины XVI в. позволяют уже определить направление поисков ответа на некоторые спорные вопросы истории соборов этих лет.

Долгое время оставалось неясным, сколько было соборов в середине XVI в., каковы причины и поводы их созыва; не были определены время деятельности соборов, содержание их работ, состав участников соборов, не было уточнено, в какой мере напоминали эти соборы или некоторые из них собственно земские соборы.

Это прежде всего следствие не только недостаточного количества источников, привлекаемых обычно при изучении вопроса и позднейшего происхождения отдельных источников (вставка в так называемую Хрущовскую степенную книгу), но и неясности формулировок и конкретно-исторического содержания большинства источников — как все памятники публицистики тех лет, они не вполне достоверны в деталях и в то же время крайне тенденциозны в оценке исторических явлений.

Наиболее изучена деятельность церковного собора 1551 г., так называемого Стоглавого собора, на котором рассматривались и вопросы «о всяких земских строениях»³⁵.

Известно, что Стоглавому собору предшествовал еще какой-то собор, часто называемый в литературе, вслед за И. Н. Ждановым, «собором примирения» («примирения» царя с боярами, или представителей различных прослоек класса феодалов между собой, или всех феодалов с тяглым населением?).

Источниками, которыми пользовались исследователи, писавшие о «соборе примирения», являлись материалы Стоглавого собора, Первое послание Ивана Грозного Курбскому, «История о великом князе Московском» Курбского, речи Ивана IV с Лобного места, переданные

в так называемой Хрущовской степенной книге *, приговоры о местничестве и — с 1920-х годов — «Продолжение Хронографа редакции 1512 года» (т. е. Хронографическая летопись).

В источниках, известных уже исследователям XIX в., дату «собора примирения» можно было найти только в Стоглаве и в Хрущовской степенной книге.

В Стоглаве (или Стоглавнике) в главе 4 помещена речь Ивана IV Стоглавому собору («Царь глаголет к собору») ³⁶, в которой и находим указание на «собор примирения». В своем обращении Иван IV напоминает участникам собора о каком-то собрании, имевшем место «в преидушее лето», т. е., очевидно, в 7058 г. (сентябрь 1549 — август 1550 г.). На этом собрании царь и бояре винулись перед освященным собором (собором духовенства) в согрешениях; царь, получив прощение, «заповедал» боярам «со всеми христианы... помиритися на срок»; и бояре, приказные люди и кормленщики «со всеми землями помирились во всяких делех». Иван IV получил благословение и на «исправление» Судебника. С этим событием он связывал и «устройство по всем землям» старост, целовальников, сотских и пятидесятских ³⁷.

По Хрущовской степенной книге, Иван IV, видя государство «в велицей тузе и печали от насилия сильных и от неправд, умысли смирить всех в любовь». Посоветовавшись с митрополитом Макарием, царь велел «собрать свое государство из городов всякого чину». В один из воскресных дней, совершив молебен, Иван IV обратился с Лобного места к митрополиту с покаянной речью о прегрешениях, совершенных «юности ради» его и «пустоты» самовластными «боярами и вельможами», и просил митрополита стать «помощником и любви поборником». Затем Иван IV обратился к остальным присутствовавшим, говорил им о притеснениях и «неправдах» «бояр и властей» в годы его юности, призывая оставить взаимные «вражды и тяготы», и обещал сам вершить суд («сам буду судия и оборона и неправды разоряти и хищения возвращати»). В тот же день царь пожаловал в околь-

* Степенная книга в рукописи второй половины XVII в., названная так по имени последнего владельца — А. Ф. Хру-

щова («конфидента» А. П. Волинского, казенного вместе с Волинским в 1740 г.).

иные А. Ф. Адашева, поручил ему «челобитныя приимати у бедных и обидимых» и «назирати» их с «разсмотрением» и произнес в присутствии бояр назидательную речь («с прещением»): «и оттоле», читаем в заключении этого рассказа, Иван IV «нача и сам судити многие суды и разыскивати праведно». Собрание (или собрания) имели место на 20-м году жизни Ивана IV («егда же бысть в возрасте 20 году») ³⁸. Однако известия об этом помещены в рукописи между описаниями событий 1547 г. — венчания на царство и женитьбы Ивана IV (январь — февраль 1547 г.) и московских пожаров апреля и июня 1547 г.

Из сочинений же Ивана Грозного и Курбского и из остальных данных можно было лишь понять, что «собор примирения» имел место после московского пожара июня 1547 г. и находился с ним в какой-то связи.

Такое состояние источников давно породило в исторической литературе споры о времени созыва «собора примирения». Уже Н. М. Карамзин, первым опубликовавший известие Хрущовской степенной книги, допускал две возможные даты собора — 1547 и 1548 гг. ³⁹ Исследователи XIX в. относили время созыва этого собора и к 1547, и к 1548, и к 1549, и к 1550 гг. * И. Н. Жданов, полагавший (как и С. М. Соловьев), что собор состоялся в самом начале 7058 г., т. е. между 1 сентября и 23 ноября 1549 г., связывал его деятельность с приговором о местничестве ноября 1549 г. ⁴⁰

В 1900 г. появилась статья С. Ф. Платонова, установившего, что листы Хрущовской степенной книги с известиями о соборе 1550 г. — позднейшая вставка в рукописный текст. Дальнейшие исследования ученика Платонова П. Г. Васенко подтвердили и уточнили этот вывод. В результате С. Ф. Платонов стал вовсе отрицать сам факт созыва «собора примирения» накануне Стоглавого собора ⁴¹.

Это мнение, однако, не было поддержано историками. В. О. Ключевский, готовивший в 1905—1907 гг. к печати свой прославленный курс русской истории ⁴², продолжал считать первым земским собором собор 1550 г. «Каково

* Сводка мнений исследователей приведена В. Н. Латки-

ным ⁴³. Сам он отстаивал дату 1550 г.

бы ни было происхождение соборной царской речи, трудно заподозрить само событие», — утверждал Ключевский, ссылаясь при этом на речь Ивана IV Стоглавому собору⁴⁴. М. Н. Покровский в работе 1905 г. характеризовал вывод Платонова как «чересчур смелый»⁴⁵. Писавшие после опубликования статьи Платонова Ю. В. Готье, Н. П. Павлов-Сильванский, В. Ф. Ржига, А. И. Заозерский, М. К. Любавский, К. Штелин также по-прежнему датировали созыв «первого земского собора» 1550 г.⁴⁶, а такой глубокий знаток архивного материала, как С. А. Белокуров, 1550 г. датировал «раннейшее упоминание о Челобитной избе»⁴⁷.

М. А. Дьяконов, оставляя совершенно в стороне показания Хрущовской степенной книги, по речам Грозного на Стоглавом соборе и другим источникам (как и И. Н. Жданов) относил «собор примирения» к промежутку времени от 1 сентября до 23 ноября 1549 г. (т. е. до начала Казанского похода), полагая, что он был одновременно и вторым церковным собором о новых чудотворцах, так как на соборе о чудотворцах присутствовали и миряне⁴⁸.

В 1921 г. было опубликовано по рукописи рубежа XVII—XVIII вв. «Продолжение Хронографа редакции 1512 г.» с известиями о каком-то собрании или каких-то собраниях в феврале 1549 г. Согласно этому известию, Иван IV 27 февраля в царских палатах перед «всем священным собором» говорил высшим думным чинам о притеснениях, которые в годы малолетства царя терпели от «них и от их людей» дети боярские и «християне» «в землях и в холопех и в ыных во многих делех», и потребовал прекращения этих злоупотреблений, угрожая опалой и казнью. «Бояре все» били челом, чтобы царь не наказывал их, обещая впредь «служити в правду безо всякия хитрости», как служили предкам его, и просили «давать им и их людям суд» с челобитчиками. Царь «пожаловал» «всех бояр», обещал не класть на них опалу и произнес в этом духе назидательную речь. Вслед за этим он то же «говорил» «воеводам, и княжатам, и боярьским детем, и дворяном болшим» и «пожаловал их и наказал всех с благочестием умилне». 29 же февраля Иван IV уложил «с митрополитом и с бояры», чтобы наместники «во всех городех Московские земли» не судили детей боярских «ни в чем, oprичь душегубства и татьбы и розбоя

с личным; да и грамоты свои жаловальные о том во все города детям боярским послал»⁴⁹.

Цитируя отрывки из этой летописи, С. Ф. Платонов в работе «Иван Грозный», опубликованной в 1923 г., решительно заявил, что «именно об этих мерах Грозный говорил» на Стоглавом соборе и что «событие 27 февраля 1549 г. послужило поводом к составлению легенды* о Земском соборе 1547 или 1550 года, когда будто бы царь на площади торжественно говорил всему народу покаянную речь и обещал ему правосудие»⁵⁰. Тем самым Платонов отказался от своего прежнего мнения, высказанного столь же безапелляционно, и признал, что до Стоглавого собора имел место «собор примирения».

Мнение Платонова было принято многими историками. К февралю 1549 г. относят «собор примирения» Е. Ф. Максимович⁵¹, С. В. Бахрушин⁵². И. И. Смирнову «сближение февральской декларации Ивана IV с тем его выступлением, на которое царь ссылается в речи Стоглавому собору», представляется «вполне обоснованным»⁵³.

Иначе подошел к этому вопросу Б. А. Романов, обнаруживший больше доверия к тексту Стоглава. По его предположению, речь Ивана IV была составлена задолго до Стоглавого собора, вслед за завершением работы по составлению Судебника и принятием его на заседании Боярской думы в июне 1550 г., и может быть датирована июлем — августом 1550 г. «При такой датировке, — полагает Романов, — «преидущее лето» будет означать 7057 г., т. е. и февраль 1549 г., а раздвоившееся в наших источниках (в летописи и в речи царя в Стоглаве) прощено-покаянно-примирительное неповторимое выступление царя Ивана можно будет отнести к 27—28 февраля 1549 г.»⁵⁴. Романов отмечает, что «противопоказаний» для подобной датировки не имеется, однако он не приводит по существу и доказательств в пользу своего предположения. Н. Е. Носов** поддерживает мнение Б. А. Романова⁵⁵.

* А. Е. Пресняков в рецензии на эту работу возражал Платонову, отмечая, что не все в речи Ивана IV в Хрущовской степенной книге может быть сведено к позднему творчеству книжника конца

XVII в. «ни по содержанию, ни по языку»⁵⁶, однако своего решения вопроса не предложил.

** О мнении Н. Е. Носова подробнее см. далее.

М. Н. Тихомиров тоже полагал, что «собор примирения» состоялся в феврале 1549 г. и что в «Продолжении Хронографа» и в Хрущовской книге «речь идет об одном и том же событии»*. «Разница в том, — пишет М. Н. Тихомиров, — что Степенная книга сохранила речь Грозного, сказанную на Лобном месте во всеуслышание, а Хронограф говорит не о речи, а о самом соборе, состоявшемся в царских палатах, что совершенно естественно для зимнего времени, когда сошелся собор»⁵⁷.

Некоторые советские исследователи, писавшие в 1930—1940-е годы, по-прежнему датировали «собор примирения» 1550 г.: В. Ф. Ржига (в соответствии с текстом Стоглава) и С. В. Юшков⁵⁸. П. П. Смирнов⁵⁹ и Н. Л. Рубинштейн указывали на две возможные даты — 1549 или 1550 г.⁶⁰ Таким образом, вопрос о времени созыва «собора примирения» к концу 1940-х годов оставался еще не решенным и нуждался в дополнительном исследовании. Этой теме в дальнейшем была посвящена моя работа, а затем работы А. А. Зимина, М. Н. Тихомирова, Н. Е. Носова, Н. И. Павленко и других исследователей**.

Надо было дополнительно выяснить, полностью ли изучены источники, ранее привлекавшиеся исследователями; определить степень достоверности сведений, заключенных в этих источниках; установить, нельзя ли использовать какие-либо еще источники.

Прежде всего следовало попытаться определить степень достоверности сведений о соборе февраля 1549 г., приведенных в Хронографической летописи. В правильности этих данных можно было сомневаться главным образом на том основании, что они обнаружены в поздней рукописи рубежа XVII—XVIII вв., содержащей немало фактических ошибок.

В 1951 г. опубликован текст по рукописи середины XVI в.⁶¹ Однако и в этом изложении Хронографической

* Такое мнение высказывалось и прежде — фактически к этому склонялся С. Ф. Платонов. С собором 1549 г. связывалось, в частности, учреждение Челобитного приказа (а ведь именно об образовании Челобитного приказа написано во вставке в Хрущовскую степенную книгу).

** На работы этой тематики, вышедшие после 1960 г. — времени опубликования моей статьи «Соборы середины XVI века» (и в той или иной степени касающиеся этой статьи), более детальные ссылки даются в последующем изложении.

летописью событий конца февраля — начала марта 1549 г. бросаются в глаза странные числа, к которым отнесены эти события. «Уложение», освобождающее детей боярских от наместничьего суда, датировано 29 февраля, хотя такого числа не могло быть в невисокосный 1549 г. Смерть казанского хана Сафа-Гирея, о которой упоминается в первой же фразе, следующей за описанием собора и принятых на нем решений, датирована вовсе 30 февраля. Подобные несообразности внушают мало доверия к точности приводимых в летописи дат*. Но приблизительная их правильность поддается проверке, так как сведения о «соборе» находятся в рукописи среди известий о событиях, точные даты которых устанавливаются по другим источникам.

В Хронографической летописи непосредственно перед описанием «собора» помещены данные о посольстве Сигизмунда II Августа к Ивану IV в составе С. Кишки, Я. Комаевского и Г. Ясманова, указано время посольства (прибытие послов в январе 1549 г., отпуск из Москвы 25 февраля) и перечислены лица, приставленные к послам: приставы В. Т. Замыцкой, Ф. И. Челищев, дьяк Ф. Огарев, В. Чеглоков, подьячий С. Засецкий. Документы посольства сохранились в четвертой посольской книге Польского двора. Начала книги, содержавшего описание встречи посольства, не достает, и книга начинается с середины описания приема послов у царя в январе 1549 г., но до 22 числа этого месяца. (Первая дата этой посольской книги — «генваря ж 22» — день, когда царь снова принимал послов.) Послы действительно были отпущены из Москвы в феврале 1549 г., но не 25 февраля, как написано в Хронографической летописи, а 16 февраля. Перечисленные в летописи лица, приставленные к послам, упоминаются в описании приема у царя на первых же листах посольской книги⁶². О смерти казанского хана Сафа-Гирея читаем в летописях: по Никоновской летописи и

* В списке рубежа XVII—XVIII вв. дата собора — 28 февраля. Возможно, ее и следует признать верной (Н. Е. Носов так и делает)⁶³; но, быть может, это логическая поправка переписчика. В двух известных ныне рукописях

Хронографической летописи много различий. Это позволяет предполагать, что переписчик поздней рукописи пользовался каким-то другим списком, отличавшимся от дошедшего до нас списка середины XVI в.

Царственной книге, известно об этом было получено в Москве 25 марта, по Львовской летописи — 21 марта 1549 г.⁶⁴

В Хронографической летописи поименовано несколько бояр, к которым в присутствии Макария и «всего освященного собора» обращался Иван IV: кн. Д. Ф. Бельский, кн. Ю. М. Булгаков, кн. Ф. А. Булгаков, кн. П. М. Щенятев, кн. Д. Ф. Палецкий, В. Д. Шеин, кн. Д. Д. Пронский, кн. А. Б. Горбатый. Семеро из них получили боярство еще до 1548 г.⁶⁵ П. М. Щенятев в разрядах декабря 1548 г. еще не назван боярином⁶⁶. Но он упоминается как боярин в разрядах свадьбы Вл. Андр. Старицкого (сентябрь 1549 г.) * и Казанского похода, начавшегося в ноябре 1549 г.⁶⁷. Это позволяет предполагать, что боярский чин мог он получить и в начале 1549 г. Имеются сведения, что в 7058 г. (т. е. между августом 1549 и сентябрем 1550 г.) умерли Д. Ф. Бельский ** и В. Д. Шеин ***. Наконец, А. Б. Горбатый сразу же после получения известия о смерти Сафа-Гирея в марте 1549 г. был послан «по казанским вестем» в Нижний Новгород⁶⁸. В то же время среди бояр не названы годовавшие тогда в городах кн. И. М. Шуйский, И. Г. Морозов (в Великом Новгороде), И. И. Хабаров (в Смоленске), кн. М. В. Глинский (в Васильгороде)⁶⁹. Таким образом, согласно имеющимся уже сведениям о перечисленных в Хронографической летописи боярах (о деятельности их весной 1549 г., времени пожалования боярством), «собор» мог состояться, очевидно, не ранее конца декабря 1548 — января 1549 г. и не позднее марта.

Как же, однако, согласовать эти данные с данными Стоглава? В Стоглаве приведено несколько выступлений Ивана IV, составленных в высоком стиле церковно-ораторского искусства того времени, мастерами которого

* А. А. Зимин не обратил внимания на это место официальной разрядной книги⁷⁰ и первым указанием на боярство Щенятева в той же разрядной книге считает январь 1550 г.⁷¹, когда Щенятев упоминается среди бояр, вышедших из Нижнего Новгорода к Казани.

** Д. Ф. Бельский последний раз упомянут в разрядах 16 августа 1550 г.⁷²

*** В. Д. Шеин последний раз упомянут в разрядах осеннего похода 1549 г.⁷³ Там указано, что воеводы были «з Дмитриева дни». Праздник Дмитрия Солунского отмечается 26 октября.

были митрополит Макарий и, по-видимому, сам Иван IV. Эти напыщенные назидательные произведения, изобилующие моральными сентенциями, выдержками из церковно-учительной литературы, обнаруживают несомненные черты политической демагогии.

В главе 2 Стоглава, где описывается открытие собора, кратко излагается и речь Ивана IV, произнесенная им с «веселым лицом», призывающая участников собора к «согласию» и «единомыслию». За последними словами речи следует: «И сия изрек и множае сих»⁷⁴. Как основательно полагает Б. А. Романов, составитель Стоглава не имел под руками текста этой речи и сам воспроизвел ее по памяти, литературно обработав⁷⁵. Затем Иван IV дал собору «своея руки писание... з душеполезным покаянием», которое и заняло почти всю 3-ю главу Стоглава. В «Писании», содержащем немало автобиографических подробностей, описывается детство царя и самовластие бояр в годы его малолетства («мне сиротствующу, а царству вдовствующу»), пожары 1547 г., голод и события последующего времени. «Писание» было прочтено участникам собора и вызвало «удивление» и «радость зельную» присутствовавших, видевших «царскую душу совокупльшуся с царским устроением»⁷⁶. «И потом, — читаем в Стоглаве, — царь вдаст на соборе иная писания о новых чудотворцах, и о многих и различных церковных чинех и вопросах имуще сие»⁷⁷. В «Ином писании» царь напоминал Стоглавому собору о предшествовавших ему церковных соборах о новых «чудотворцах». Вслед за «Иным писанием» помещена цитированная уже «Речь» Ивана IV («царь глаголет собору») ⁷⁸, содержащая указание на собор «в преидушее лето». «Иное писание» и эта «Речь» Ивана IV составляют 4-ю главу Стоглава. Таким образом, в «Писании» характеризуется все время правления Ивана IV, в «Ином писании» — церковные соборы, в «Речи» — собрание «преидушего лета» и связанные с ним государственные преобразования.

Датировка событий помимо «Речи» (4-й главы) имеется в «Ином писании», где Иван IV перечисляет церковные соборы последнего времени. На 17-м году «возраста» царя Ивана был созван собор, постановивший «пытати и обыскивати о великих новых чудотворцах», на 19-м году «по наказу» царя снова собирается церковный собор о новообъявленных «чудотворцах», и, наконец, на

21-м году «возраста» и «в 18 лето царства» Ивана «по повелению» его собирается Стоглавый собор⁷⁹. Иван Грозный родился 25 августа 1530 г., и начало очередных лет «возраста» его почти совпадало с началом обычных годов по русскому летосчислению того времени, т. е. с 1 сентября.

Точность датировки событий, отмеченных в «Ином писании», легко поддается проверке. Первый церковный собор о новых «чудотворцах» действительно состоялся на 17-м году жизни Ивана IV — в феврале 1547 г.⁸⁰ Стоглавый собор состоялся на 21-м году жизни Ивана IV — в первой половине 1551 г. Известно и о втором соборе о «чудотворцах» в 7057 г. (т. е. в сентябре 1548 — августе 1549 г.)⁸¹. Следовательно, даты церковных соборов, перечисленных в «Ином писании», подтверждаются другими — хорошо известными — источниками. Это важно отметить как показатель степени достоверности датировки событий, охарактеризованных в 4-й главе Стоглава.

Можно полагать, таким образом, что в 7058 г. действительно имел место какой-то «собор примирения», последствием которого явились серьезные государственные реформы. Думать, что в одной и той же главе Стоглава дважды — в «Ином писании» и в «Речи» — написано под разными годами о соборе февраля 1549 г., нет оснований. Стоглав, как показал Д. И. Стефанович, редактировался тщательно и составлен был весной 1551 г.⁸²

В Стоглаве имеются и другие указания на какое-то покаяние царя и бояр. В «Писании», вспоминая о «тяжких и великих пожарах» 1547 г., Иван IV напоминает о покаянии своем в Успенском соборе перед митрополитом и освященным собором и о том, что получил «мир и благословение и прощение о всем, еже содеях зле». Вслед за этим, добавляет царь, «и аз всем своим князем и бояром по вашему благословению, а по их обещанию, на благотворение подах прощение в их к себе прегрешениях. И по вашему же благому совету... начах вкупе устроить и управлять богом врученное ми царство...»⁸³. В том же «Писании» имеется, по-видимому, и другая ссылка на какое-то решение, принятое на освященном соборе: «И помяните, како обещастесь на святом соборе, яко аще что ми велят сотворити не по правилом святых отец князи и бояре, аще и сами владущи, аще ли и смертию воспретят, никако же ми их не послушати»⁸⁴.

Таким образом, в «Писании» вместо сравнительно определенного указания на время «собора примирения» («преидушее лето»), содержащегося в царской «Речи», имеем неопределенное указание на то, что примирение это произошло после пожаров 1547 г. В «Писании» не отмечена и связь примирения с конкретными мероприятиями правительства, отмеченными в «Речи» (составление Судебника, примирение «на срок» бояр, приказных людей и кормленщиков «со всеми землями во всяких делах», реформа местного управления). Однако именно с этим событием в «Писании» связывается начало совместного управления государством («начах вкупе устроить и управлять»). Все это позволяет предполагать, что данные о собрании с покаянными речами в «Писании» и в «Речи» Ивана IV относятся не к одному, а к разным событиям.

О «покаянии» царя и о примирении его с боярами и с «людьми» читаем и в сочинениях Ивана Грозного и Курбского.

В Первом послании Курбскому Иван IV после изображения событий лета 1547 г., а затем обстоятельств приближения А. Адашева и Сильвестра пишет: «Потом же вся собрахом, все архиепископы, и епископы, и весь освещенный собор руския митрополия, и еже убо во юности нашей, еще нам содеянная, на вас, бояр наших, наши опалы, та же и от вас, бояр наших, еже нам сопротивление и проступки, сами убо пред... Макарием, митрополитом всеа Руси, во всем в том простихомся (в другой рукописи — и это особенно важно — «соборне простихомся»⁸⁵. — С. Ш.), вас же, бояр своих, и всех людей своих, в преступках пожаловал и впредь того не вспоминати; и тако убо мы всех вас яко благии начахом держати»⁸⁶. Из этих слов инициатора и участника событий ясно, что «примирение» произошло «соборне» и имело место после московских волнений июня 1547 г.

Курбский в «Истории о великом князе Московском» описывает это событие также в связи с приближением к Ивану IV Сильвестра и Адашева, которые, «присовокупляет к себе в помощь» Макария и «всех предобрых и преподобных мужей, презвитерством почтенных», «возбуждают» царя к «покаянию» и обращают его к «благочестию»⁸⁷.

Никаких конкретных данных Курбский к нашим све-

дениям не добавляет, подтверждая только то, что произошло это собрание после волнений 1547 г.

Постараемся суммировать имеющиеся в нашем распоряжении данные. Несомненно, что в промежуток времени между московским «смятением» 1547 г. и созывом Стоглавого собора происходило какое-то собрание в присутствии освященного собора, на котором царь каялся в своих согрешениях; каялись и бояре. Результатом этого собрания было примирение между царем и боярами, с одной стороны, и бояр, «приказных людей» и кормленщиков «со всеми землями», с другой стороны, и начало совместной работы царя, бояр и иерархов по устроению государства. Собрание это являлось актом совместной деятельности царя, Макария и новых советников Ивана IV (Адашева и Сильвестра) и находилось в тесной связи с другими мероприятиями нового правительства.

После внимательного прочтения и сопоставления приведенных выше выдержек из источников исследователь, однако, остается в недоумении. Созыв этого собрания и само покаяние царя Ивана и бояр в прегрешениях явились следствием пожара и восстания июня 1547 г.; но они имели место не сразу после этих событий — не ранее чем через полтора года; «покаяние», как отмечают источники, происходило «соборне», в присутствии освященного собора; первый же после июня 1547 г. известный нам церковный собор имел место не ранее начала 7057 г., т. е. осени 1548 г. В своих обращениях к Стоглавому собору Иван IV, характеризуя церковный собор 1549 г., ничего не говорил о «примирении» с боярами и «людьми», но зато вспоминал об этом дважды совсем в другой связи. Надо как-то согласовать эти разноречивые известия между собой, а сделать это можно, прежде всего попытавшись расширить круг привлекаемых источников.

В «Летописце начала царства» не встречается как будто даже намек на подобные события. Вызвано ли это тем, что им придавали мало значения, рассматривая как расширенные совместные заседания Боярской думы и освященного собора, или, напротив, их исключили из белого экземпляра при окончательном редактировании текста, сможет показать только специальное исследование летописи.

Об интересующем нас событии, однако, напоминает официальная «Книга Степенная царского родословия»,

составленная в 1560-е годы. В 17-й степени ее, посвященной царствованию Ивана Грозного, в 9-й главе имеется особая подглавка «О покаянии людьством» (с киноварным заголовком). Подглавка эта помещена вслед за описанием «страшных и сугубейших пожаров» 1547 г. и якобы сопутствовавших им «чудес», и в ней описывается «покаяние» царя, вельмож и «простых людей»: «О покаянии людьством. Вси же людие умилишася и на покаяние уклонишася от главы и до ногу, яко же сам благочестивый царь, тако же и вельможи его, и до простых людей вси сокрушенным сердцем (в другом списке «сокрушишася». — *С. Ш.*), первая греховная дела возненавидевше, и вси тыщахуся и обещавахуся богу угодная дела сотворити, елика кому возможна. Милосердный же бог, видя толикое смирение и сокрушение сердечное и благое произволение людей своих, и тако праведный гнев свой утоли и ярость свою отврати от них и паки благотворением обнови их и благословением благостынным благослови их и милость свою умножи на них и всякая требования и богатства и утвори драгия сугуба дарова им. И по страшном том великом пожаре летом единым святыя церкви прекрасны поставлены и освящены, всякия святыня драгия исполнены быша пача древняго и дома царския, и святительския, и вельможеския, и прочих людей устроени быша паче (в другом списке «изряднее». — *С. Ш.*) древняго и различная имения их усугубишася и всякого блага исполнишася. Тако же и торговная купля преизобилова»⁸⁸. Характерно, что этот религиозно-назидательный рассказ помещен именно в клерикально-монархической Степенной книге. Для нашей темы важно выделить то, что «покаянию» составители Степенной книги — лица из окружения митрополита — придавали особое значение в ряду событий времени правления Ивана IV.

Для того чтобы определить значение известия Степенной книги, необходимо учесть особенности и архитектурники (структурного деления на части) и стилистики этого сочинения. Каждый большой раздел («степень») Степенной книги дробится на части (неравные по размеру), выделенные киноварным заголовком — «главы» и «титлы» (т. е. подглавки). В 17-й степени, посвященной времени Ивана IV, 26 глав (из них некоторые разделены на «титлы»). Заголовками отмечаются рассказы лишь о немногих, особо значительных событиях (конечно, в пони-

манши людей XVI в.), причем событиях всегда конкретно-исторического содержания. Это важнейшие факты биографии царя и его семьи, воспринимавшиеся и как выдающиеся события внутриполитической истории (рождение, венчание на царство, женитьба Ивана IV, смерть его матери; здесь и о «крамолах боярских и о митрополитах», «поимание» его дядей Юрия и Андрея Ивановичей, «милость государская» двоюродному брату В. А. Старицкому), события внешнеполитической истории (большие, разделенные на «титлы» главы о покорении «Казанского царства» — глава 10*, о начале Ливонской войны — глава 18, о войне с крымцами в середине 1550-х годов — глава 20, о русско-крымских отношениях в конце 1550 г. — глава 26, главы о «взятии Азстороханьскаго царствия», о покорении Сибирской земли, о сношениях с Польско-Литовским государством, Англией, государствами Средней Азии, Закавказья, Кавказа и др.), события церковной истории (о сношениях с ближневосточными патриархиями, освящении храмов, о некоторых, особенно прославленных «чудесах» и «видениях»). Особо выделены главы «о новоприделанном граде Москве» (сведения буквально в две-три строки о строительстве земляного города и Китай-города) и глава 9 «О страшных и сугубейших пожарах и блаженном Василии уродивом и о явлении пречистыя богородицы и о образе ея чудо и о покаянии людьством». Глава 9 разделена на введение и четыре «титла». Последняя «титла» — «О покаянии людьством». Заглавие этой «титлы» вошло и в общий заголовок главы.

В основе содержания последней степени Степенной книги реальные события — факты и слухи (о «чудесах», «видениях»), известные нам и по другим источникам того времени **. Это выяснили еще П. Г. Васенко и (применительно к событиям, отраженным в «Казанской истории»)

* Главы 10—13, как отметил П. Г. Васенко, имеют «значение и самостоятельной повести»⁸⁹. Возможно, что главы 11, 12, 13 (о крещенном татарине, пострадавшем за веру, крещении татарских ханычей и утверждении казанской епархии) первоначально входили в состав большой

10-й главы. Там сохраняются и подзаголовки — «титлы» с продолжающейся нумерацией: 28, 29, 30.

** В частности, о «видениях» и «чудесах» в канун «Казанского взятия» писал и Курбский. Это характерно для религиозного мирозерцания той эпохи.

Г. З. Кунцевич⁹⁰. Восприятие конкретно-исторических сведений Степенной книги существенно затрудняется стилистическими особенностями «пышной манеры макарьевской литературной школы»⁹¹; «своеобразным маньеризмом» (выражение Д. С. Лихачева)⁹². Все подчинено определенному литературному этикету, в том числе и описания коллективных выражений чувств народом. «Идеализируются сами события, — пишет Д. С. Лихачев, — ход которых закругляется, сжимается, лишается излишних деталей, разбивается на законченные в повествовательном отношении сюжеты, обставляется нравоучениями, как бы вскрывающими их внутренний, назидательный смысл, и сопровождается восклицаниями автора, составляющего в своем единственном числе как бы своеобразный античный хор...»⁹³

Подобные черты изложения заметны и в подглавке «О покаянии людьstem». Но самое выделение подглавки свидетельствует о том, что этот факт особо запечатлелся в сознании современников, воспринимался как событие необычное, заслуживающее специального внимания* и в то же время такое, которое помогало пропаганде идеи союза царской власти с высшими иерархами и показывало руководящую роль иерархов в государственном строительстве. А именно эти задачи (по определению Л. В. Черепнина) были основными для составителя Степенной книги⁹⁴.

Общего характера религиозно-моральная сентенция со ссылками на священное писание, согласно летописным шаблонам, была сформулирована уже прежде, в описании «великого пожара» («...также и нас милосердный бог таковым страшным уязвлением приводя в покаяние»⁹⁵). В этой же подглавке удастся уловить некоторые реальные исторические моменты: к «покаянию» «уклонились» и царь, и вельможи, и «простые люди». Причем «покаяние» было, видимо, публичным, когда «все» «обещевахуся» богоугодные дела «сотворити, елика кому возможно»**. «Покаяние» имело место сравнительно скоро

* В одном из списков Степенной книги (которым пользовались при публикации в ПСРЛ) на поле возле заголовка киноварью написано: «зри»⁹⁶.

** Возможно, именно на это место Степенной книги обратил внимание составитель интерполяции в Хрущовскую степенную книгу, вставив «Речь» Ивана IV в текст, из-

после пожара, так как «по страшном том великом пожаре летом единым» восстановили (и даже освятили!) церкви, и дома царя, вельмож, духовенства «и прочих людей», и «торговную куплю» (т. е., очевидно, и выгоревшие торговые ряды).

В свете этого наблюдения особый конкретно-исторический смысл приобретает религиозно-моральная сентенция «Летописца начала царства» (обычная для летописных объяснений тех или иных общественных бедствий), заключающая описание «великого пожара» июня 1547 г. *: «...Бог же праведным своим судом *приводяй нас на покаяние* (выделено мною. — С. Ш.), ово убо пожаром, ово убо голодом, ово же убо ратных нахождением, ово убо мором»⁹⁷.

Некоторые любопытные подробности обнаруживаются и в «Сказании» о последних днях жизни митрополита Макария (составленном, по мнению Г. З. Кунцевича, не позднее конца XVI в.)⁹⁸. Макарий напомнил посетившему его 3 декабря 1563 г. Ивану IV о том, что от «многих скорбей», которые его постигли «от великого пожару и от различных болезней», он собирался «отойти в молчаливое житие» в Пафнутьев монастырь, но царь и освященный собор удержали его от подобного шага. Иван Грозный, «слышав таковую мысль», «глаголя сице **: «Преосвященный Макарий митрополит, ты веси: в наших

лагающий события 1547 г. (хотя в тексте самой вставки ясно написано, что царю было уже 20 лет).

* Н. И. Павленко, оспаривая мое мнение⁹⁹ «о каком-то собрании с покаянно-примирительными речами» в 1547 г.¹⁰⁰, при изложении моей точки зрения изменил последовательность в предлагаемой мною системе доказательств (точнее, предположений), хотя правило «от перемены слагаемых сумма не меняется» и противопоставлено историческому источниковедению. В моей статье «Соборы середины XVI века» основным источником о собрании 1547 г.

признается Степенная книга и только как дополнительный источник привлекается «Летописец начала царства», «религиозно-моральная сентенция» которого приобретает конкретно-историческое содержание *лишь* «в свете» наблюдения над содержанием Степенной книги.

** В прощальной грамоте, составленной Макарием накануне кончины, подробности об ответе царя митрополиту не приводятся¹⁰¹ (Макарий умер 31 декабря 1563 г., и грамоту велено было на погребении «прочести во услышание всем ту стоящим»).

летех собирахуся сынове твои, архиепископы и епископы, в пресловущи град Москву, в дом Пречистыя богородицы и великих чудотворцов Петра и Алексея и Ионы (т. е. в Успенском соборе. — С. III.) о духовных делах: и ты, отец наш, в наших царских полатах то свое обещание исповедал. И тогда мы тебя умолили, и архиепископы и весь освященный собор Руския митрополия в том обещании простили по нашему царскому изволению»¹⁰². Быть может, и здесь содержится напоминание о каком-то соборе (видимо, церковном?) 1547 г.?.. (Впрочем, и в дни церковного собора 1549 г. Макарий, требуя суда над Исаком Собакой, мог угрожать уходом в монастырь.)

Таким образом, появилась еще третья дата какого-то собрания с покаянно-примирительными речами. На первый взгляд может показаться, что это только запутывает исследователя. На самом деле здесь-то и можно искать разгадку той путаницы, которая имеется в источниках. Не следует ли отказаться от привычной мысли, будто бы Стоглавому собору предшествовал только один «собор примирения»? Таких собраний было, видимо, несколько — в 1547, в 1549 и в 1550 гг.; и различные источники упоминают о различных собраниях.

Первое собрание такого рода состоялось в 1547 г., и сводилось оно в основном лишь к «покаянию» царя и москвичей, напуганных «великим пожаром», казавшимся им карой за прегрешения. Не следует упускать из виду особенности мировоззрения человека средневековья, отягощенного оковами «всемогущей теологии»¹⁰³. Зрелище объятый пламенем Москвы, восстание народа и убийство в церкви дяди царя, поиски убежища от восставших, дошедших до Воробьева, где находился тогда царь, — все это не могло не произвести устрашающего воздействия на впечатлительного юношу Ивана. «Вниде страх в душу мою и трепет в кости моя», — вспоминал он через несколько лет на Стоглавом соборе, заметив тут же: «И смирился дух мой и умилихся и познав своя согрешения и прибегах ко... церкви»¹⁰⁴. Этим смятением духа молодого царя, видимо, воспользовался священник Сильвестр, выступивший, по словам Курбского, с сильной обличительной речью, «заклинающе его страшным божим именем» изменить образ жизни¹⁰⁵.

Первая сцена «покаяния» и прощения опальных, очевидно, имела место вскоре после пожара, 22 июня 1547 г.,

в Новинском монастыре, куда привезли Макария, и к нему приезжали «на думу» Иван IV «со всеми бояры». Там (как отмечалось выше) молодого Ивана IV поучали, «елико подобает царем православным быти... поминаше же великому князю о опальных и повинных людех. Царь же и государь, слышая митрополита, во всем опальных и повинных пожаловал»*. Затем уже были произнесены и речи, обращенные к «простым людям», — «покаяние людстее».

Вероятнее всего, именно Сильвестр, приобретший особое влияние на 17-летнего царя Ивана, вместе с Макарием и побудил его к публичному покаянию. Опытные политические демагоги Макарий и Сильвестр правильно рассчитывали, что такое публичное покаяние сможет способствовать некоторому успокоению москвичей, лишенных крова, утративших имущество, обезумевших от потери близких людей.

Возможно, что во второй половине 1547 г. имело место и несколько сцен публичного «покаяния» царя и москвичей. Какое-то покаяние, как сообщают источники, произошло при участии и, видимо, в присутствии митрополита Макария. А это позволяет предполагать, что оно скорее всего произошло не сразу же после пожара**, так как Макарий, спасаясь от огня, сильно расшибся при спуске «на възруб к реке Москве». Не исключено, что «покаяние» произошло лишь в конце ноября — начале декабря 1547 г., когда Иван IV по печалованию митрополита Макария простил пытавшихся укрыться в Литве князей М. В. Глинского и И. И. Турунта-Пронского. В декабре 1547 г. в Москве находились и многие иерархи; это видно из поручной записи¹⁰⁶ по Турунта-Пронском***. В ноябре праздновалась и свадьба брата ца-

* См. стр. 86 и сл.

** Впрочем, в источниках могло быть и припоминание торжественной службы в Успенском соборе Кремля после июньского пожара.

*** Текст, начиная со слов «не исключено», в точности соответствует тексту моей статьи «Соборы середины XVI века» (стр. 74). По этому поводу Н. И. Пав-

ленко в особом примечании писал: «Согласно его (Шмидта. — С. Ш.) мнению, митрополит Макарий должен был болеть в течение 5—6 месяцев, ни больше, ни меньше. В ноябре — декабре в Москве находились «многие церковные иерархи, в это же время царь простил князей М. В. Глинского и И. И. Турун-

ря — Юрия Васильевича, а во время таких торжеств (сведения о свадьбе занесены в официальную разрядную книгу) обычно присутствовало особенно много лиц «государева двора».

Во всех летописях подчеркивается значение печалования митрополита. Мягкое наказание и было, видимо, результатом этого печалования, тем более что сам царь, естественно, не склонен был преследовать своих родственников Глинских. Не было ли это печалование публичным, не сопровождалось ли оно соответствующими «покаянными» речами? Не склонились ли различные группировки правящих верхов, «обложаясь страхом княже Юрьева убийства Глиньского», уже тогда к «примирению» *?

Данные о собрании (или собраниях) 1547 г. слишком нечетки, чтобы утверждать что-либо о соборе 1547 г.

Это был, конечно, не «первый земский собор» ** (что недостаточно подчеркивалось в моих прежних работах), но, возможно, все-таки первый из «соборов примирения» — собраний не вполне определенного состава с покаянно-примирительными декларациями. Если на соборах последующих лет (в определенной мере уже напоминающих земские соборы и по составу участников и по содержанию деятельности) предлагалась какая-то про-

тая Пронского», пытавших-ся совершить измену. Всем этим событиям можно дать самую разнообразную интерпретацию, но С. О. Шмидт учитывает единственную, а именно ту, которая кратчайшим путем ведет к открытию нового земского собора в ноябре — декабре 1547 г.»¹⁰⁷. Так предположения о факте собрания и о возможной дате его («не исключено!») выдаются Н. И. Павленко за «единственную» интерпретацию сведений источников, к тому же такую, которая сознательно может привести лишь к за-

ранее искомому «открытию нового земского собора».

* См. стр. 103—108.

** Н. И. Павленко, приписав мне мысль о «первом в истории России земском соборе 1547 года»¹⁰⁸, сослался при этом на действительно имеющееся в моей статье упоминание о созыве в 1547 г. церковного собора о новых «чудотворцах»¹⁰⁹. Этот церковный собор (о котором не раз писали историки) состоялся, как известно, в начальные месяцы 1547 г. и, естественно, никак не связан с собранием после июньского пожара.

грамма правительственных реформ, то содержание собрания 1547 г., очевидно, только и свелось к покаянно-примирительным речам *.

В следующий раз покаянно-примирительные речи проносились на соборе конца февраля 1549 г., наиболее детальное описание которого сохранилось в Хронографической летописи. Деятельность этого собора подробно исследована, особенно в монографиях И. И. Смирнова и Н. Е. Носова. Смирнов указывает, что основным вопросом, рассматриваемым на соборе, был вопрос о детях боярских и что процедура обсуждения его состояла из трех стадий: речь царя на заседании Боярской думы с освященным собором, челобитье всех бояр и речь царя воеводам, княжатам, боярским детям и дворянам большим, которые уже прежде, во время заседания Боярской думы, находились в Кремле. И. И. Смирнов же подчеркивает элементы социальной демагогии в политике правительства Ивана IV, цель которой заключалась в том, чтобы заявлением о защите всех «христьян» прикрыть классовый смысл политики правительства как органа власти господствующего класса феодалов-крепостников¹¹⁰.

Февральская декларация Ивана IV, носившая программный характер, по мнению И. И. Смирнова, явилась исходным пунктом в проведении реформ 1550-х годов, а закон об изъятии детей боярских из-под юрисдикции наместников был «начальным моментом законодательной деятельности, итогом которой явился Судебник 1550 г.»¹¹¹. (На то, что закон о наместничьем суде явился одним из источников Судебника 1550 г., войдя в его состав в виде статьи 64-й, обращал особое внимание еще А. Е. Пресняков¹¹².)

Собрание это происходило одновременно с церковным собором и являлось, видимо, определенной частью и его работ. В Хронографической летописи дважды упоминается, что первая речь Ивана IV и «примирение» его с боярами имели место «перед *всем* освященным собором» (выделено мною. — С. III.). Так обозначался обычно так

* Положение это (заметно отличающееся от интерпретации его в статье Н. И. Павленко) имеется и в тех моих работах, на которые ссылает-

ся Н. И. Павленко¹¹³, и в привлеченной его внимание статье, опубликованной в 1965 г. в «Annali»¹¹⁴.

называемый полный церковный собор^{*}, на котором присутствовали все высшие церковные чины, в отличие от так называемых неполных соборов из «прилучившихся», т. е. находившихся в данное время в Москве, архиереев¹¹⁵. В марте 1549 г. были назначены два новых архиерея: 10 марта — симоновский архимандрит Трифон епископом в Суздаль, 17 марта — игумен Троице-Сергиева монастыря Никандр архиепископом в Ростов¹¹⁶, а выборы архиереев происходили на полных соборах.

С обнаружением в 1968 г. сибирской археографической экспедицией Н. Н. Покровского судных списков Максима Грека и Исаака Собаки (по рукописи конца XVI в.) со сведениями об осуждении «соборне» в феврале 1549 г. Исаака Собаки, архимандрита Чудова монастыря в Кремле, выясняются и состав участников церковного собора (наиболее значительные из них перечислены поименно^{**}), и дата соборного решения — 24 февраля^{***}. Еще прежде — 19 февраля — вопрос об Исааке Собаке^{****} рассматривался архиереями (митрополитом Макарием, архиепископом Новгорода и Пскова Феодосием, епископами Михаилом рязанским, Акакием тверским, Феодосием коломенским, Саввой крутицким) без собора¹¹⁷. Другие известные нам полные церковные соборы середины XVI в. происходили также в январе — феврале. В это время года созваны были первый собор о новых «чудотворцах» 1547 г., Стоглавый собор 1551 г., собор против

* Такой полный собор назывался также и более расширенный — «весь освященный собор Рускыа митрополиа». В описании официальной летописью венчания Ивана IV «на царство Руское» в январе 1547 г., происходившего в присутствии полного церковного собора, это наименование (и соответственно отличие от обычного церковного собора) особо подчеркивалось¹¹⁸.

** В «соборной» практике второй четверти XVI в. имели место случаи, когда некоторые заседания «соборов» происходили в великокняжеских палатах, а другие —

на митрополичьем дворе, и разбирательство по церковным и по политическим обвинениям было раздельным (как в 1525 г.)¹¹⁹.

*** Решения «соборне» принимались в 1549 г. в воскресные дни (24 февраля, 10 и 17 марта). Не было ли и это обычной практикой церковных соборов?

**** Основным обвинителем Исаака Собаки выступил перед архиереями архимандрит Спасского монастыря Нифонт (названный, кстати, в списке участников собора 24 февраля первым вслед за архиереями).

«еретиков» 1554 г., собор 1555 г., на котором учредили Казанское архиепископство, собор 1564 г. о белом клобуке московских митрополитов, соборы 1580, 1581 гг. Видимо, такова была установившаяся традиция*.

Есть основания полагать, что этот церковный собор февраля 1549 г. был и вторым церковным собором по канонизации новых «чудотворцев» (и М. А. Дьяконов правильно сближал «собор примирения» с церковным собором 7057 г.).

Важные вопросы церковного, а возможно, и общегосударственного, устройства могли обсуждаться и решаться только на полных церковных соборах.

Можно думать, что на этом же соборе 1549 г. было принято и решение об ограничении иммунитетных прав большинства монастырей. Сохранилась царская грамота от 4 июня 1549 г. в город Дмитров о содействии таможенникам в сборе таможенных пошлин с торговых людей по случаю отмены тарханов. В этой грамоте читаем¹²⁰, что Иван IV «ныне (выделено мною. — С. Ш.) те все свои грамоты жалованные тарханские в одних в своих в таможенных пошлинах и в померных порудил**», опричь Троцких Сергиева монастыря, и Соловецкого монастыря, и Нового девича монастыря, что на Москве, и Кирилова монастыря, и Воробьевские слободы***. Таким образом, собором начала 1549 г., возможно, были ограничены права не только крупных светских феодалов — бояр, но и некоторых церковных феодалов — монастырей. (Вполне вероятно, что о решениях церковного собора в форме «соборного писания» оповестили по городам¹²¹.)

С деятельностью собора 1549 г. можно связывать и начало деятельности Челобитного (или Челобитенного) приказа (руководителем которого стал А. Ф. Адашев).

* Вряд ли случайно к этому же времени года были приурочены и венчание Ивана IV царским венцом, и его свадьба. В одном из летописчиков (в рукописи середины XVII в.) так и написано: «С собора поставили (Ивана IV. — С. Ш.) на царство и нарекли его: царь и государь великий князь Иван Васильевич всея Руси самодержец»¹²².

** «Порудить» на языке того времени означало «нарушить», «уменьшить», «урезать».

*** Любопытно отметить особое выделение подмосковной Воробьевской слободы вскоре после восстания 1547 г., когда царь укрывался именно в Воробьеве.

Постановлением собора дети боярские изымались из-под юрисдикции наместников, получая право обращаться непосредственно к суду государя; бояре в свою очередь получали право личного суда с челобитчиками, принесшими на них жалобу. А основной формой обращения к царскому суду являлись в то время челобитья. Челобитные на государево имя принимали и разбирали «ближние люди» государя, тем более что среди челобитных могли быть и «изветы», указывающие на преступление против особы государя. (Подобные «изветы», естественно, не должны были становиться достоянием гласности.)

В середине XVI в. Челобитный приказ был и канцелярией царя, куда подавались челобитные на его имя, и учреждением, в котором выясняли обоснованность челобитной, сразу приняв решение или определив учреждение, обязанное «учинить управу» по этой челобитной, и местом апелляции на решения других правительственных учреждений, и, как следствие этого, учреждением, которое контролировало деятельность других правительственных учреждений¹²³.

Можно думать, что организация Челобитного приказа (или, вернее, сказать, уточнение порядка приема и рассмотрения челобитных) сопровождалась публичным обращением к народу — выступлением Ивана IV. М. Н. Тихомиров, как отмечалось уже, полагал, что в Хрущовской степенной книге и в Хронографической летописи речь идет о событиях февраля 1549 г.¹²⁴ Н. Е. Носов привел недавно дополнительные аргументы в пользу датировки сообщения Хрущовской степенной книги. Указание Степенной книги о произнесении речи царем «в день недельный», т. е. в воскресенье, позволяет еще в большей мере уточнить возможную дату этого собрания. В 1549 г. ближайшие к концу февраля воскресные дни были 24 февраля и 3 марта. «Почему же не предположить, — пишет Носов, — что как раз 3 марта* и было (вернее, могло

* В Хрущовской степенной книге одновременно с указанием, что речи были произнесены царем в «день недельный», отмечено, что это было 3 февраля. Можно полагать, составитель вставки имел какие-то сведения о том, что

«собор» был в феврале, а публичное выступление Ивана IV в воскресенье третьего числа (быть может, таким образом и появилась дата 3 февраля, где март был исправлен на февраль?).

быть) днем выступления царя на Красной площади»¹²⁵. Теперь, после выяснения того факта, что 24 февраля 1549 г. церковный собор осудил архимандрита митрополического Чудова монастыря, предположение о возможности публичной речи царя приобретает дополнительные основания. В Москве не могли не быть возбуждены разговорами о серьезном конфликте в окружении митрополита, о двухдневном заседании собора, где и бояре и сам царь признавали какие-то свои «вины». Взволновало москвичей и невиданное природное явление (отмеченное даже официальной летописью) — в ночь с 25 на 26 февраля «явился свет на полунощной стране, аky зоря перед восходом солнечным, и стоя до утреней зари»¹²⁶.

Собор февраля 1549 г., положивший начало большой преобразовательной деятельности Избранной рады, и есть наибольшее основание считать «собором примирения».

Третье широкое собрание схожего типа (так сказать, примирительное) было в 7058 г., в промежуток времени от 1 сентября 1549 до 31 августа 1550 г., в «преидушее лето» по отношению к году созыва Стоглавого собора. Правильность остальных дат 4-й главы Стоглава подтверждается другими источниками. Текст «Речи» Ивана IV Стоглавому собору указывает на направление поисков в источниках возможных дополнительных данных об этом собрании. Из «Речи» узнаем, что на собрании «преидушего лета» имело место не только «примирение» царя с боярами и бояр, приказных людей и кормленщиков «со всеми землями», но и «исправление» Судебника. Слово «исправити» в приложении к законодательным памятникам времени Ивана Грозного употреблялось, как установили еще в XIX в., в значении «привести в исполнение», «дать силу»¹²⁷.

Думается, что «Речь» Ивана IV не дает оснований для распространенного в литературе предположения, будто бы Судебник был представлен на утверждение Стоглавому собору. Из «Речи» явствует, что в «преидушее лето» царь и бояре били челом освященному собору о согрешениях, и участники собора их «в винах благословили и простили»; что царь «заповедал» боярам, приказным людям и кормленщикам «во всяких делех помиритися на срок» «со всеми христианы», и они «со всеми землями помирились во всяких делех». «И тогда же» Иван IV

«благословился... Судебник исправить» и «по благословению Судебник исправил»¹²⁸. Таким образом, и о примирении царя с боярами, и о примирении бояр, приказных людей и кормленщиков «со всеми землями», и об «исправлении» Судебника говорится как о действиях уже совершившихся, и при этом совершившихся одновременно («тогда же»).

То, что утверждение Судебника предшествовало, очевидно, созыву Стоглавого собора, обнаруживается и при сравнении текстов Судебника и Стоглава — так, в главе 94 Стоглава существенные различия по сравнению с 91-й статьей Судебника, где тоже говорится о монастырских слободах*. Следовательно, утверждение Судебника предшествовало времени созыва Стоглавого собора.

Слова Ивана IV об «устройстве по всем землям государства» старост, целовальников, сотских и пятидесятских относятся, видимо, прежде всего к новой, 68-й статье Судебника, где читаем: «А в которых волостех наперед сего старост и целовальника не было, и ныне в тех волостех быти старостам и целовальником во всех». И. И. Смирнов полагает, что «устройство по всем землям» старост и целовальников «было осуществлено еще до издания Судебника, параллельно с работой по его подготовке»¹²⁹, и считает даже, что уставные грамоты о старостах и целовальниках были уже ко времени Стоглавого собора разосланы «по всем землям». Б. А. Романов принимает выводы Смирнова, однако с оговоркой, что уставные грамоты были «пописаны», но не были «разосланы»¹³⁰. Думается, что точка зрения Романова ближе к истине, так как в тексте «Речи» отмечается лишь, что царь «пописал» уставные грамоты.

Текст этих уставных грамот следовало согласовать с текстом Судебника («се Судебник перед нами, и уставные грамоты: прочтите и разсудите...»). И Стоглавому собору представили на утверждение не текст Судебника, а текст уставной грамоты. Именно на это испрашивалось

* И. И. Смирнов квалифицирует приговор Стоглавого собора о слободах как «новый этап в развитии законодательства о слободах по сравнению с Судебником 1550 г.» и расценивает его

«как шаг назад по сравнению со ст. 91 Судебника 1550 г.». Однако, вступая в противоречие с логикой, он полагает при этом, что Судебник был утвержден на Стоглавом соборе¹³¹.

«благословение» Стоглавого собора, после чего надо было «подписать на судебники и на уставной грамоте, которой в казне быти»¹³². Нельзя не обратить внимание на то, что слово «судебники» употреблено во множественном числе, а слово «уставная грамота» — в единственном. Видимо, речь шла о том, чтобы «подписать» не только на официальном экземпляре «Судебника за дьячими руками», который хранился в Царском архиве¹³³, но на всех экземплярах действующего уже Судебника, а также на том образце уставной грамоты, который должен был храниться в Царском архиве. Первая из известных нам уставных грамот — грамота крестьянам Плесской волости — выдана была как раз 28 февраля 1551 г., когда заседал Стоглавый собор.

Таким образом, и данные о составлении уставных грамот старостам и целовальникам свидетельствуют о том, что Судебник не был представлен на утверждение Стоглавому собору. Недаром Б. А. Романов вынужден был признать, что «прямых документальных следов утверждения Судебника Стоглавым собором у нас нет»¹³⁴.

Сам тон Судебника говорит о законодательном процессе как о совершившемся: «А вперед всякие дела судити по сему Судебнику и управа чинити по тому, как царь и великий князь в сем Судебнике *с которого дни уложил* (выделено мною. — С. Ш.)», — читаем в ст. 97. Судебник датирован июнем 1550 г. Как явствует из текста заголовка, он был утвержден на заседании Боярской думы в июне 1550 г. (в разных списках обозначены различные даты — 1, 18, 19 или 24 июня¹³⁵). Июнь 1550 г.* как раз и был в «преидушее лето» сравнительно с 7059 годом — годом заседаний Стоглавого собора.

Посмотрим по источникам официального характера, могло ли в это время состояться в присутствии царя со-

* В Пискаревском летописце приведено известие (отсутствующее в тексте официальной летописи): «Того же году 58-го уложил царь великий князь Иван Васильевич з братиею и з бояры Судебник новой: как судити бояром, и окольными, и дворецким, и казначеем, и по городом на-

местником, и всяким приказным людем»¹³⁶. Сообщение это помещено между упоминаниями о возвращении Ивана IV в Москву (23 марта 1550 г.) и о свадьбе В. А. Старицкого (18 мая 1550 г.). Впрочем, по официальной разрядной книге, свадьба была в сентябре 1549 г.¹³⁷

вещание Боярской думы, освященного собора, приказных людей и кормленщиков.

Из летописей и Разрядной книги узнаем, что 23 марта 1550 г. Иван IV возвратился в Москву из Казанского похода. 20 июля он выезжал «по крымским вестем» из Москвы на Коломну¹³⁸. Следовательно, собрание это могло иметь место в конце марта — первой половине июля 1550 г. Июлем 1550 г. как раз датирован и приговор о местничестве в армии.

Можно думать, что вслед за «уложением» Судебника Боярской думой он был утвержден и на собрании более широкого состава*. Об этом сохранились известия в обнаруженной А. И. Копаневым¹³⁹ приписке В. Н. Татищева на полях рукописи так называемой Львовской летописи (в основе своей совпадающей в этой части с «Летописцем начала царства») и в переписанном для Татищева беловом экземпляре этой летописи с внесением уже в текст редакторских поправок и дополнений Татищева**. Тексты эти совпадают почти дословно. Текст приписки таков: «Да видя же князь великий, что и в судех неправды и грабления, оставя предков уложенья судят по своей воли, и для того велел князь великий собрати от городов добрых людей по человеку, да к тому бояр, окольничих и дворецких, велел сидети и Судебник со старых уложений (в беловом экземпляре «со старых судебныхников». — С. Ш.¹⁴⁰) делати. Его же зделав, все крестным целованием утвердили, что держати в правду»¹⁴¹.

А. И. Копанев, отмечая такие особенности приписки Татищева как то, что она находится на свободной части листа против текста, относящегося к 1544 г., и что Иван IV дважды назван не царем, а великим князем, объясняет это тем, что Татищев, работая над Львовской летописью, не знал еще Судебника 1550 г. (список кото-

* А. Г. Поляк писал в 1956 г.: «Судебник 1550 года, возможно, был принят на Земском соборе¹⁴², явившись тем самым первым законодательным актом складывающейся русской сословно-представительной монархии, отразившим основные требования господствовавшего класса»¹⁴³.

** Это установил, изучая рукопись Румянцевского собрания, Н. Е. Носов¹⁴⁴. В моей статье «Соборы середины XVI века»¹⁴⁵ летописец ошибочно рассматривался как самостоятельный памятник.

рого был им открыт в 1734 г.) * и, «видимо, дословно повторил свой источник, сообщивший об издании Судебника, не исправляя его»¹⁴⁶. (При правке копии летописи Татищев, по мнению А. И. Копанева, «производил сравнение данного текста с каким-то другим источником»¹⁴⁷.) А. А. Зимин предполагает, что «скорее всего эта запись связана с позднейшей вставкой в Хрущовскую степенную книгу, где тоже говорится о соборе 1550 г.: владелец этой рукописи мог ознакомить В. Н. Татищева с записью в Степенной книге»¹⁴⁸. На взгляд Н. И. Павленко, «ни одно из этих двух объяснений все же не дает удовлетворительного ответа на вопрос, почему Грозный назван не царем, а великим князем **», почему текст отнесен к 1544 году»¹⁴⁹.

Действительно, с записью Татищева вставку в Хрущовскую книгу *** сближает только общая тональность и указание о царском повелении «собрать свое Государство из городов всякого чину». Содержание же этих текстов существенно разнится: в лаконичной записи на полях списка Львовской летописи говорится конкретно о новом Судебнике, во вставке в Степенную книгу — о примирении между собой «бояр» и «властей» (причем воспроизведена «Речь» Ивана IV), начале самовластия государя и об организации Челобитного приказа во главе

* Впрочем, Судебник в редакции 1730-х годов датирован Татищевым 1542 (7050) г.¹⁵⁰

** Н. И. Павленко считает труднодопустимым, чтобы «этот таинственный источник», сообщая о столь важном событии, как созыв Земского собора, «титоловал Грозного великим князем, в то время как он назывался уже царем»¹⁵¹. Между тем даже в «Летописце начала царства», т. е. сугубо официальной летописи, в рассказе о московских пожарах 1547 г., упоминаются «гостинные дворы великого князя» и почти рядом «царский двор великого князя»¹⁵²; в Хронографической летописи тоже читаем о том, что сгорели «двор великого князя»,

«казна великого князя»¹⁵³. В Новгородской летописи в описании восстания июня 1547 г. два раза написано о том, что «князь великий» был в Воробьеве, и, характеризуя события 7056 и 7058 гг., т. е. Казанские походы Ивана IV зимой 1547/48 и зимой 1549/50 г., летописец называет царя великим князем¹⁵⁴. Даже в «обыскной» книге 1571 г. по Вотской пятине читаем о том, что сына одного из «жильцов» «взял князь великий в толмачи»¹⁵⁵. И такие примеры нетрудно умножить.

*** О вставке в Хрущовскую степенную книгу см. стр. 170—177.

с А. Ф. Адашевым. Вряд ли В. Н. Татищев был склонен в своей работе настолько сильно переиначивать текст источников — обычно он старался точно передавать даты, имена, фактическое содержание событий. Можно думать, что такая датировка имела в источнике, по которому Татищев сличал текст Львовской летописи*.

Едва ли случайно, что запись сделана Татищевым сразу же вслед за описанием боярских бесчинств и убийства кн. Андрея Шуйского в декабре 1543 г., непосредственно за известной фразой: «И от тех мест почали бояре от государя страх имети». В Царственной книге в описании событий последних месяцев 1543 г. особенно много вставок, антибоярских по своей направленности**, и к

* Не был ли это тот же самый источник, откуда Татищев почерпнул сведения о начале реформы по централизации культа местных русских «святых» в 1543 г. Эта казавшаяся странной датировка Татищева недавно нашла подтверждение в рукописи XVI в. В упоминавшемся уже рукописном сборнике 1590-х годов (обнаруженном в Сибири) наряду с замечательным по полноте судным списком Максима Грека выявлена и грамота митрополита Макария об установлении культа новых «святых», датированная 1543 г.¹⁵⁶ В известных ранее списках грамота датируется 1547 г., и фактическая основательность датировки сибирского сборника нуждается в серьезной проверке (в рукописной копии конца XVI в. могла быть указана и ошибочная дата, отличающаяся от даты первоначальной рукописи), но сами эти данные удостоверяют то, что Татищев, обрабатывая материал для своей «Истории Российской», опирался на какие-то первоисточники; и задача исследователя выявить эти источники, определить их на-

учную ценность, прежде чем пытаться опровергать как заведомо недостоверные так называемые сомнительные известия Татищева¹⁵⁷. Любопытно в этом плане рассуждение И. Е. Забелина (запечатленное в его дневниковых записях): «Татищев делал свод летописей, выписывая подлинными их словами, а вместе с тем среди этих же подлинных слов вставлял свои дополнения, соображения, предположения как историк, рассуждающий о том, как могло быть»¹⁵⁸. (Сведениями этими обязан С. П. Бутыко.)

** Личная роль мальчика Ивана IV (ему шел 14-й год!) и стоявших за его спиной правительственных деятелей в расправе с А. М. Шуйским нуждается еще в специальном изучении. В Хронографической летописи инициатива расправы с Шуйским приписывается не царю, а боярам: «А убили его псарни у Курятных ворот на дворце повелением боярским...»¹⁵⁹ (В официальной летописи дата убийства — 29 декабря 1543 г., в Хронографической летописи — январь 1544 г.)

словом «страх имети» добавлено — «и послушание»¹⁶⁰. Летописная характеристика «самовольства» бояр, которые «многие неправды земле учиниша в государеве младости»¹⁶¹, близко напоминает и текст Стоглава. Возможно, что составитель рукописи, которой пользовался Татищев*, рассматривал Судебник 1550 г. прежде всего в плане ограничения центральной властью боярского произвола и потому, считая его составление непосредственным следствием отмеченных летописью событий зимы 1543/44 г., именно к этому времени и отнес неясные или недатированные данные доступных ему письменных источников и устных преданий. (А быть может, это намек на неизвестные нам планы церковной и судебной реформ, намеченных пришедшим к власти митрополитом Макарием?)

А. И. Копанев на основании опубликованного им текста полагает, что Судебник 1550 г. «был выработан на Земском соборе при участии представителей от городов, боярской думы и других чинов государственного центрального управления»¹⁶². И. И. Смирнов¹⁶³ характеризует это замечание Копанева как «верное» и подчеркивает, что «есть все основания полагать, что специальные исследования этого известия утверждают уверенность в его достоверности»**.

Важно отметить, что, по татищевскому тексту, Судебник «все крестным целованием утвердили». Не подразумевается ли в данном случае участие в процедуре утверждения Судебника освященного собора, к которому с этой целью Иван IV и обращался «в преидущее лето»?

* Любопытно, что в напечатанном тексте Львовской летописи с правкой Татищева на поле возле приведенной записи — дата 1546 г. (л. 154)¹⁶⁴. Не поставлена ли она тоже Татищевым, знавшим о каком-то другом собрании более позднего времени? Еще интереснее то, что правка эта, как отметил С. Н. Валк, не вошла в текст «Истории Российской»¹⁶⁵. Быть может, Татищев усомнился в датировке события или даже в самом факте созыва собора?

** Остается непонятным только, почему это, по мнению И. И. Смирнова, «придаст гораздо большую конкретность и убедительность тем материалам о кодификационной работе над Судебником 1550 г.»¹⁶⁶, о которых идет речь в тексте его работы. Ведь это известие опровергает положения Смирнова и о «легендарности» собора 1550 г., и о том, что Судебник утверждался на Стоглавом соборе 1551 г.

Бросается в глаза и то, что, по этому известию, Судебник велено было «со старых судебников делати». «Старые судебники», очевидно, и есть «предков уложение»*. Это очень напоминает и слова «Речи» Ивана IV Стоглавому собору об «исправлении судебного по старине», т. е. призыв следовать традициям отца и деда Ивана IV, нарушенным в годы боярского правления.

О рассмотрении Судебника на каком-то заседании Боярской думы и освященного собора сохранились данные и в так называемых дополнительных «царских вопросах» к Стоглавому собору, опубликованных впервые И. Н. Ждановым по сборнику Евфимия Туркова**. Думается, что начало этого дьячего доклада, обычно принимаемое за введение к остальным вопросам, посвящено именно рассмотрению Судебника. Текст читается так: «Говорити перед государем, и перед митрополитом, и передо владыки, и передо всеми боляры*** дияку, как было перед великом князе Иване Васильевиче, при деде, и при отце моем, при великом князе Василье Ивановиче, всякие законы, тако бы и ныне устроити по святым правилом и по праотеческим законам, и на чом святители, и царь и все приговорим и уложим, кое бы было о бозе твердо и неподвижно в веки»¹⁶⁷.

Приведенные слова напоминают снова нам «Речь» Ивана IV об исправлении и утверждении Судебника «по старине», «чтоб был праведен суд и всякия дела непоколебима во веки» (сравнить: «неподвижно в веки»). Остальные вопросы, предложенные Иваном IV, расположены в источнике в такой последовательности: 1) о борьбе с местничеством; 2) о пересмотре вотчин, поместий и кормлений; 3) о монастырских, княжеских и боярских

* «Судебниками» называли на языке XVI в. не только «уложения» общегосударственного значения. Например, при пожаловании хана Абдул-Латыфа городами Звенигородом, Юрьевом и Каширой ему был дан «судебник»¹⁶⁸.

** Елеазар Иванович Турков (в иночестве Евфимий) был учеником новгородского архиепископа Феодосия и составителем его жития, а

затем монахом и игуменом Иосифо - Волоколамского монастыря (игумен с 1575 до смерти в 1587 г.)¹⁶⁹. «Царские вопросы», вероятно, из экземпляра «соборных» дел, принадлежащего Феодосию.

*** Это формула прямого обращения к думному собору, причем к думному собору полного состава («все бояре»).

слободах; 4) о ликвидации корчем; 5) о мытах (пошлинах) «по дорогам»; 6) о пошлинах за перевоз через реку и за проезд по мосту; 7) о заставах по рубежам; 8) об установлении вотчинных книг и о регламентации службы с вотчин; 9) об упорядочении дела раздачи поместий; 10) о порядке обеспечения «вдовых боярынь»; 11) о порядке надзора за ногайскими послами и гостями; 12) о всеобщей переписи земель *. В вопросах ** отражена программа дворянства и в какой-то мере даже посадской верхушки. В то же время «царские вопросы» свидетельствуют и о потребности правительства обратить особое внимание — и в законодательном творчестве — на способы удовлетворения финансовых нужд ***.

Еще в 1904 г. была опубликована работа Н. Кононова, в которой высказывалось предположение, что эти «царские вопросы» относились не к Стоглавому собору, а к какому-то другому собранию, ему предшествовавшему¹⁷⁰. Основанием для подобного предположения послужило содержание упоминавшейся уже 98-й главы Стоглава (по другим спискам — 94-й). В ней читаем, что Макарий 15 сентября 1550 (7059) г. обратился к царю с жалобой на царских наместников и волостелей, нарушающих приговор царя и освященного собора о церковных слободах. Приговор этот состоялся ранее 15 сентября 1550 г. («прежде сего»). Согласно приговору, новые церковные слободы должны «тянуть тягло и суд» с городскими людьми и быть подведомственными царским наместникам и волостелям. Наместники и волостели, однако, сделали попытку судить жителей не только новых, но и старых слобод. Поэтому Макарий просил Ивана IV, чтобы жителей старых слобод судили по старине, о чем и состоялось царское повеление в сентябре 1550 г. Сличая содержание 98-й главы Стоглава и третьего вопроса из числа опубликованных И. Н. Ждановым, Н. Кононов установил их близость и пришел к выводу, что вопрос этот был решен до

* С решением произвести новое описание земель связывают введение большой московской сохи¹⁷¹.

** Содержание этих «царских вопросов» охарактеризовано в книгах И. И. Смирнова и Н. Е. Носова¹⁷².

*** Финансовые потребности имели особенно большое значение и в период оформления сословного представительства во Франции¹⁷³.

сентября 1550 г. на каком-то другом собрании, состоявшемся, по его мнению, в марте — августе 1550 г., и что приговор, помещенный в Стоглаве, ссылается на это постановление предшествующего времени. Отсюда Кононов заключил, что опубликованные Ждановым дополнительные вопросы попали в сборник Евфимия Туркова не из деяний Стоглавого собора, а из какого-то другого источника. Д. И. Стефанович, специально исследовавший происхождение, редакции и состав Стоглава, присоединился к выводам Кононова, полагая, что эти вопросы были рассмотрены до открытия Стоглавого собора, между мартом и сентябрем 1550 г. *

Догодка Кононова подтверждается и другими данными. В тексте вопроса о местничестве в армии упомянуты приговоры о местничестве накануне Казанского похода: в ноябре 1549 г. в Москве, в декабре 1549 — январе 1550 г. во Владимире, в январе 1550 г. в Нижнем Новгороде, и ничего не написано о приговоре июля 1550 г., вошедшем в текст официальной Разрядной книги **. Недоумение по

* Д. И. Стефанович отметил также, что «вопросы гражданского свойства» должен был обсудить не церковный собор, а думный собор: «Тогда, как церковные вопросы начинаются обращением к одним святителям: «Отец мой, Макарий, митрополит всеа Руси, и все архиепископы и епископы, воззрите...», эти (вопросы. — С. Ш.) адресуются и к князьям и к боярам: «Отец мой, Макарей, митрополит и архиепископы, и епископы, и князи, и бояре...»¹⁷⁴.

** Попытка И. И. Смирнова показать, что был лишь один приговор о местничестве, принятый в конце 1549 г.¹⁷⁵, малоубедительна. Сличение опубликованных самим же Смирновым текстов приговоров о местничестве показывает, вопреки мнению исследователя, заметные различия в их со-

держании. А. А. Зимин, В. И. Буганов¹⁷⁶ и другие полагают, что в различных источниках сохранилось два разных приговора — от конца 1549 и июля 1550 г. Особенно детально исследовал этот вопрос Н. Е. Носов, пришедший к выводу, что «смысл проведенной в 1550 г. переработки соответствующего постановления приговора 1549 г. заключался в разъяснении, как поступать «ныне» (то есть в июле 1550 г.) в подобных случаях»¹⁷⁷. Если приговор конца 1549 г. был чрезвычайной мерой, принятой на период Казанского похода, то приговор июля 1550 г., подтверждающий и существенно уточняющий постановление 1549 г., рассматривался уже как «постоянно действующий закон». Естественно, что именно этот приговор оказался внесен-

этому поводу высказал еще в XIX в. крупнейший знаток истории местничества А. И. Маркевич, подозревавший путаницу хронологии в опубликованной И. Н. Ждановым рукописи¹⁷⁸. В сохранившейся в портфелях А. Ф. Малиновского копии приговора июля 1550 г., выписанной из Разрядной книги, отмечено, что царь принял это решение «со всеми» боярами¹⁷⁹, т. е. с полным составом Боярской думы. На расширенных думских соборах*, так же как и на земских соборах, бывали обычно «все бояре».

Итак, можно полагать, что вопросы из сборника Евфимия Туркова относились не к Стоглавому собору, а к какому-то другому собранию, состоявшемуся прежде 1551 г. Соображения, будто бы на некоторые из этих вопросов отвечали решения Стоглавого собора** или решения, принятые в дни его заседаний, отнюдь не могут служить доказательством в пользу мнения, что данные вопросы предназначались именно Стоглавому собору. Этот проект реформ представлял собой широкую программу правительственных преобразований, рассчитанную не на один год. Естественно, что к этим вопросам (во всяком случае к некоторым из них) правительство

ным и в «Государев разряд» 1556 г. (составленный уже задним числом и включающий лишь действующие постановления), а также — добавим — и в официальную летопись. В разрядных же книгах частного происхождения могли использоваться и старые разрядные записи, тем более что оба приговора — и конца 1549 г., и июня 1550 г. — датированы одним — 7058-м годом. Эти интересные наблюдения Н. Е. Носова представляются достаточно доказательными.

* Небезлюбопытно и то, что в летописной миниатюре, посвященной Приговору об отмене местничества (1550 г.), в центре — подле царя — изображено духовное лицо (видимо, митрополит¹⁸⁰). (Миниатюра воспроизведена в книге А. А. Зимина «Реформы

Ивана Грозного» на стр. 169.) Это показатель участия высшего духовенства в заседании.

** Г. Н. Моисеева полагает, что «связь продолжений вопросов со Стоглавом убедительно доказывается приговорной грамотой от 11 мая 1551 г., где содержится ответ на *все* вопросы Ивана IV (выделено мною. — С. Ш.), в том числе и те, которые находятся в «продолжениях»¹⁸¹. Однако автор не сумел подтвердить свою точку зрения фактическим материалом. Осталось неучтенным Моисеевой и наблюдение Д. И. Стефановича о том, что эти вопросы в отличие от церковных содержат обращение не к одним «святителям», но и к князьям и боярам.

не раз возвращалось. (И отдельные пожелания программы были осуществлены лишь в середине 1550-х годов — земская реформа, Уложение о службе.)

К тому, что «царские вопросы» были составлены в 1550 г., склоняются и А. А. Зимин и Н. Е. Носов, который полагает, что «скорее всего они были составлены одновременно с Судебником в июне 1550 г.»¹⁸².

А. А. Зимин, соглашаясь с датировкой «царских вопросов» сборника Евфимия Туркова 7058 годом, оспаривает, однако, мое предположение, что собор состоялся в июне — июле 1550 г. Он основывается на том, что этот проект реформ был составлен до издания Судебника, ибо в нем нет ссылок на Судебник и, вероятнее всего, во время Казанского похода. «По тексту получается, — утверждает Зимин, — что во время написания проекта царь находился под Казанью: «И как *приехали* х Казани, и с кем кого ни *пошлют* на которое дело, что всякая розместничается... бывает дело не крепко; и отселе куды кого с кем *посылаю* без мест... всякому делу помешька *бывает*»» (выделено А. А. Зиминим)¹⁸³.

Проект реформ действительно был составлен ранее издания Судебника, более того, он представлялся на рассмотрение собору вместе с Судебником, и искать в нем ссылки на неутвержденный еще Судебник вряд ли приходится.

Грамматическое истолкование Зиминим цитированного текста оспаривается И. И. Смирновым, усматривающим прошлое время там, где Зимин видит настоящее. Думается, однако, что слово «отселе» неточно истолковали оба исследователя, и оно означало в данном случае «с этих пор» (такое толкование приводит и И. И. Срезневский¹⁸⁴). Смирнов правильно заключает, что «весь характер «царских вопросов» свидетельствует о том, что это не экстренный запрос царя, направленный им из-под Казани в Москву, а тщательно разработанный документ, рассчитанный на оглашение этих вопросов «перед государем, и перед митрополитом, и перед владыки, и перед всеми бояры»¹⁸⁵.

Факты истории Казанского похода 1549—1550 гг. убеждают в том, что Ивану IV под Казанью было не до составления проектов реформ и тем более не до их обсуждения. Поход был неудачным, попытки овладеть Казанью оказались безуспешными, хотя «приступающн ко

граду по вся дни, бьюще по стенам из великих пушек». Иван IV «стоял у города» 11 дней и «пошел прочь», «видя у града напрасное падение многое людей своих», — так описывается поход в «Летописце начала царства» и в «Казанской истории». В обоих источниках подчеркивается и ужасная непогода — «аерное* нестроение», холодная и «мразная зима», ранняя весна, «дожди великие и мокрота немерная», «яко и становищам воинским потонуту, и мест сухих не обрести, где стояти и огнем горети, и ризы свои посушити, и ядения сварити»¹⁸⁶. Это же подтверждается понедельным описанием похода в пространной разрядной книге¹⁸⁷. Связь между отдельными воинскими частями была нарушена. В Москве также долго не было известий от царя, и там служили молебны о его возвращении**. Такая обстановка мало подходила, конечно, для работы над проектами преобразований. Более того, в «Казанской истории» особо оговорено, что решение о построении Свияжска Иван IV принял на обратном пути втайне, опасаясь, что разговоры о новом походе могут вызвать возмущение войска («но не яви тогда мысли своя воеводам ни единому же, и не рече, ни досаже им, да не разгневаются на нь, и паче времени не сущу») ¹⁸⁸.

Судя по тексту вопроса, посвященного ограничению местничества в армии, Иван IV обращался к митрополиту, архиепископам и епископам, князьям и боярам. Церковные соборы, действительно, обычно чаще всего собирались в январе — феврале, но это так называемые полные соборы. Летом же собирали соборы с участием

* В древнерусском языке слово «аер» (с древнегреческого) означало «воздух», «атмосфера».

** Известна Повесть о походе на Казань в 7058 г. Там читаем: «...а колико не было вестей про государя великого князя, вся земля была в велицей печали и скорби и глаголаше: «Един государь был во всей русской земле и паки еще не дошед совершенного возраста, како такового государя из земли выпустили», и бысть во всех больших и меньших слышати: «Ох, горе

земли нашей» и вси, вздыхая со слезами, моляшася дабы государь здрав пришел; а митрополит с владыками по вся дни пели молебны собором. А егда прииде весть яко государь здрав идет со всеми людьми, тогда все люди возрадовавшаяся и от печали, яко от сна, пробудишася и воздаша хвалу богу»¹⁸⁹. (Быть может, в Первом послании Ивана Грозного Курбскому нашли отражение именно эти слухи о насильственном отправлении юного царя в Казанский поход?)

«прилучившихся» архиереев. Но нет сведений, что даже такого типа соборы собирались в отсутствие митрополита, в походной обстановке, вне Москвы. Никаких данных о том, что Макарий и высшие иерархи сопровождали царское войско к стенам Казани, не имеется. Напротив, и в официальной летописи, и в официальной Разрядной книге специально выделено как событие из ряда вон выходящее, что Макарий и владыка крутицкий «с своим собором» приезжали в декабре 1549 — январе 1550 г. во Владимир, где в Успенском соборе митрополит уговаривал воинов не местничать во время похода. В летописи подчеркивается, что во Владимир митрополит приехал по просьбе царя, посылавшего за ним окольничего¹⁹⁰. В том, что Макария под Казанью не было, убеждает и внимательное ознакомление с текстом вопроса о местничестве. В нем перечисляется несколько приговоров о местничестве в армии, имевших место в период подготовки и во время Казанского похода: Приговор в Москве в Успенском соборе в присутствии митрополита («положил есмь совет своими бояры... перед тобою»), «И в Володимире перед митрополитом з бояры, тот же приговор был и в Нижнем Новгороде також»¹⁹¹. Присутствие митрополита в Нижнем Новгороде, как и в Казани, не отмечено. Текст этого вопроса легко можно проверить по официальной летописи. Там также написано, что Иван IV в Москве перед походом «совет сотворяет... с Макарием», с братьями и с боярами, а затем вызывает Макария во Владимир, где митрополит «благословил» воинов «на земское дело итти... на... казаньцов». О поездке Макария в Нижний Новгород в летописи ничего не записано. Зато отмечено, кто из бояр сопровождал царя¹⁹². В Хронографической летописи прямо сказано, что Иван IV во Владимире с Макарием, великой княгиней и братом Юрием Васильевичем (в официальной летописи и в официальной Разрядной книге упоминалось о приезде Юрия во Владимир) «прощание учинив, пошол на свое дело в Нижний Новгород»¹⁹³ в следующий день после крещения, т. е. 7 января.

Все это ставит под сомнение датировку А. А. Зимина (февраль 1550 г.) и позволяет вернуться к дате собора — летние месяцы 1550 г.

Таким образом, исследователь имеет уже достаточно оснований для предположения, что летом 1550 г., как раз

в «преидушее лето» (сравнительно со временем заседаний Стоглавого собора), состоялось собрание, на котором обсуждались новый Судебник, Приговор о местничестве и другие вопросы государственной жизни.

Эти данные побуждают отказаться от излишне скептического отношения к сообщению Хрущовской степенной книги о «речах», произнесенных Иваном IV с Лобного места *.

А. И. Копанев, опубликовавший приписку В. Н. Татищева о Земском соборе, на котором обсуждался Судебник, счел необходимым подчеркнуть, что указанная приписка Татищева в какой-то мере подтверждает сообщение Хрущовской степенной книги о речи 20-летнего царя (т. е. в 1550 г.) с Лобного места перед собранными из городов представителями «всякого чину» ¹⁹⁴.

Какими бы политическими мотивами (современными времени составления) ни руководствовался составитель этой вставки, в основе ее лежат факты реальной действительности середины XVI в. — «собор примирения» и образование Челобитного приказа во главе с А. Ф. Адашевым. И в лучшем случае только недоразумением можно объяснить вывод одного из последних исследователей этой вставки, В. Н. Автократова ¹⁹⁵, будто «все ее (вставки. — С. Ш.) сведения, поддающиеся проверке, противоречат ** действительному положению вещей в XVI веке» ***.

«Речи» Ивана IV были опубликованы Н. М. Карамзиным (в 1818 г.) и в 1819 г. в издании «Собрание Государ-

* Правильное положение, сформулированное в недавнее время Я. С. Лурье: «Ни один добросовестный исследователь не будет извлекать отдельных известий из источника, если ему достоверно известно, что этот источник — подделка» ¹⁹⁶, принадлежит к тем положениям, когда исключение только подтверждает правило, ибо в основе заведомой подделки иногда может оказаться и какой-то подлинный источник, в той или иной мере отражавший реальные исторические явления.

** Считает «никак невозможным» согласиться с этим выводом В. Н. Автократова и Н. Е. Носов.

*** К сожалению, Д. С. Лихачев, опираясь на работу В. Н. Автократова, приводит в своей книге «Текстология» именно эту вставку как пример «подделки в собственном смысле слова» и полагает, что «важен этот документ не для историка XVI в., а для историка конца XVII в.» ¹⁹⁷ (т. е. времени, к которому большинство ученых, писавших о вставке, относят ее составление).

ственных Грамот и Договоров» *. С этого времени «речи» Ивана Грозного, как свидетельство о первом Земском соборе, широко использовались исследователями и публицистами, изучавшими Россию XVI в. или специально историю земских соборов.

В точности фактических данных, содержащихся в интересующем нас отрывке Хрущовской степенной книги, сомневался уже Н. М. Карамзин. Указание о пожаловании А. Ф. Адашева окольным противоречило дате Списка старинных чинов **, изданного в «Древней Российской Вивлиофике» ¹⁹⁸. Смутила Карамзина и дата самого собрания: и Карамзин, и исследователи XIX в., как отмечалось выше, допускали и другие возможные даты этого «собора».

Выдающийся знаток источников XVI в. И. Н. Жданов считал, что «документального значения» изложение «речей» Ивана Грозного «иметь, конечно, не может». Однако он полагал, что «такого рода речь была действительно сказана», так как на нее указывал сам Иван IV в Первом послании к Курбскому и в речи на Стоглавом соборе ¹⁹⁹. В. О. Ключевский, отметив, что выражение «собрати свое государство из городов всякаго чину», мало понятное в XVI в., соответствует языку и понятиям людей XVII в., тем не менее также верил в факт произнесения Иваном IV «речей» на соборе 1550 г. и сожалел лишь о том, что «речи» эти ничего не дают для «изучения устройства соборного представительства XVI века» ²⁰⁰. Позднейшими «искажениями» переписчиков считал несообразности и ошибки текста Хрущовской степенной книги (отмеченные уже прежде историками) и Н. П. Лихачев ²⁰¹. Таким образом, исследователи XIX в., не решаясь полностью довериться показаниям позднего источ-

* К этому изданию текст был, по-видимому, подготовлен А. Ф. Малиновским, управлявшим в 1814—1840 гг. Московским архивом Коллегии иностранных дел. Среди актов, собранных Малиновским, сохранилась писарская копия выдержки из Хрущовской степенной книги, сделанная на двух листах серой бумаги начала XIX в. На

первом листе сформулировано название документа, почти дословно совпадающее с названием его в издании СГГид ²⁰².

** Дата списка — 7063 г. (т. е. промежутков времени с сентября 1554 по август 1555 г.), как выяснилось позднее, не правильна. А. Адашев стал окольным в 1553 г. ²⁰³

ника о событиях середины XVI столетия, не сомневались в самом факте созыва собора в первые годы царствования Ивана Грозного и произнесении царем на соборе «речей».

В 1900 г. была опубликована статья С. Ф. Платонова «Речи Грозного на Земском соборе 1550 года»²⁰⁴. Обратившись к подлинной рукописи, Платонов обнаружил, что листы, содержащие сведения о «речах» царя, являются вставкой позднейшего времени. Выводы эти подтвердил ученик Платонова П. Г. Васенко²⁰⁵, определивший наличие в рукописи и вставки, в которой описывались отъезд в Литву дочери Ивана III Елены, смерть ее, речь Ивана III, направленная против иноземцев, и заслуги сопровождавшего Елену за границу и умершего там «за веру» Ивана Андр. Чевкина-Дурново, наследник которого за службу предков был пожалован «волостью в Кашире и иными различными милостями». Платонов и Васенко на основании и палеографических, и собственно исторических наблюдений приурочили вставки к концу XVII в. и попытались установить источники, которыми пользовались при фальсификации: для вставки с «речами» царя такими источниками были Стоглав, Первое послание Ивана Грозного Курбскому и «История» Курбского. Платонов полагал, что «речи» царя были, по-видимому, целиком «сфабрикованы». Васенко тоже пришел к выводу, что вставка о соборе 1550 г. не имеет «значения исторического источника», «самостоятельные известия вставки не выдерживают критического к ним отношения». При этом, однако, Васенко не отрицал сам факт созыва собора именно в 1550 г. и на основании сведений из источников XVI в. писал о «земском соборе в первичной стадии его развития» в 1550 г.²⁰⁶ По мнению Платонова, от исхода XVII в. дошло «достаточно подделок» и «манипуляции с Хрущовской книгой совершенно соответствуют манере той эпохи»²⁰⁷. Васенко, попытавшись выяснить причины появления вставок, объяснил это пересмотром дворянского родословия в конце XVII в. Вставка с «речами» Ивана IV была направлена и против боярского самовластия времени малолетства Петра I, и исследователь связывал ее появление с деятельностью потомка Чевкиных-Дурново Семена Семен. Колтовского (владевшего рукописью в то время), который в 1691 г. подвергся опале и был лишен околичества²⁰⁸.

Однако исследователи не могли удовлетвориться при-

веденными объяснениями появления вставок в Хрущовской книге * и после работ С. Ф. Платонова и П. Г. Васенко продолжали писать о «соборе» 1550 г. ** и искать причины возникновения этих интерполяций. С. В. Бахрушин полагал, что на рассказ о выступлении Ивана IV оказали влияние впечатления от событий 1648 г.²⁰⁹; А. А. Введенский считал, что подделка вышла, по-видимому, из среды, заинтересованной в продолжении практики земских соборов²¹⁰; высказывалось мнение, что вставка с «речами» Ивана IV внесена в рукопись не одновременно с первой, а уже в 1730-е годы²¹¹.

Появились и исследования, специально посвященные вставкам в Хрущовскую степенную книгу: в 1955 г.²¹² — статья В. Н. Автократова, основанная на палеографическом исследовании рукописи, и опирающаяся на наблюдения П. Г. Васенко статья С. Б. Веселовского 1940-х годов, изданная посмертно в 1963 г.²¹³ И Автократов (признававший, так же как и автор настоящей работы, два этапа фальсификации Степенной книги) и Веселовский датировали вставки концом XVII в. Автократов рассматривал «речи» царя как своеобразный политический памфлет, отражавший взгляды консервативной части дворянства; Веселовский связывал появление вставок с генеалогическими подделками тех лет (составителями вставки с «речами» царя, полагал ученый, были Хрущовы — родственники Колтовских). Вопрос об общественно-политической направленности вставок он даже не поставил: ««Воззвание» Ивана Грозного к народу и все сообщения о Земском соборе 1550 г. следует, по мнению Веселовского, рассматривать как вымысел Хрущовых, не имеющий никакой исторической цены»²¹⁴. Именно такую точку зрения категорически поддержал Н. И. Павленко²¹⁵.

По-иному подошел к тексту Хрущовской степенной книги М. Н. Тихомиров²¹⁶. Безусловно признавая наличие позднейшей интерполяции, выявленной в результате палеографического изучения рукописи, Тихомиров указал на то, что «палеографическое изучение не дало и практически не могло дать материала для решения, от-

* Это отметил еще в 1910 г. в обзоре литературы о земских соборах С. А. Аваляни²¹⁷.

** См. стр. 135—136.

куда появилось известие о соборе в «Степенной книге», и попытался определить возможный ответ на этот важнейший в данном аспекте вопрос. Он заметил, что «позднейшему фальсификатору едва ли пришло бы в голову взять за основу своей подделки малоизвестные факты XVI в., которые сделались более или менее ясными только исследователям XX века». «В самом «воззвании» Грозного, — считал Тихомиров, — отсутствуют черты, характерные для позднейших подделок. Наоборот, «воззвания» царя на Лобном месте соответствуют риторическим приемам Грозного и даже его фразеологии»*. Вопреки мнению В. Н. Автократова (работа С. Б. Веселовского тогда еще не была опубликована) М. Н. Тихомиров усматривал непосредственную связь конкретного содержания вставки с событиями политической истории именно самой середины XVI в. По вставке, пожалование Адашева окольниковством связано с «собором примирения», «как раз это обстоятельство, — по мнению исследователя, — и вскрывает кое-какие особенности записи о соборе». Для молодого царя, пишет Тихомиров, возвышение Адашева от «нищих и самых молодых людей» было личным знаком милости. Близость терминологии о соборе к посланиям Грозного и к его речам, обращенным к Стоглавому собору, позволила Тихомирову «думать, что перед нами запись, вышедшая из официальных московских кругов как бы в оправдание внезапного возвышения Адашева». Тихомиров видит в летописной записи «несомненные указания на ту среду, из которой она вышла. Эта среда была связана с Алексеем Адашевым и с Челобитенным приказом»²¹⁸. При этом исследователь ссылается на Пискаревский летописец, который связывает возвышение Адашева с поручением ему ведать челобитными в те годы, когда Адашев был «во-времяни». Напоминает ученый и о близости вставки с рассказом Хро-

* «Правда, сторонники того взгляда, что запись о соборе примирения является подделкой или по крайней мере переделкой, осуществленной в XVII или даже в XVIII в., — замечает М. Н. Тихомиров, — как раз и видят подтверждение своей мысли в сходстве

формулировок «воззвания» с посланиями Грозного и Стоглавом. Позднейший «подделыватель» или «интерполятор» будто бы создавал запись на их основе. Но в этом случае налицо типичная гиперкритика. . . »²¹⁹

нографической летописи о соборе февраля 1549 г. Мнение М. Н. Тихомирова представляется наиболее вероятным.

Сейчас, после обнаружения (М. Н. Тихомировым, О. А. Яковлевой, А. Н. Насоновым и др.) записок мемуарного характера о политических событиях в России XVI в. (так называемых Постниковского и Пискаревского летописцев и др.), сведения которых в значительной части подтверждаются официальными источниками (а язык очень напоминает язык и официальных документов, и официальных летописей), можно уже не сомневаться, что помимо официальных летописей велись еще записи и отдельными лицами, более или менее причастными к активной политической деятельности *. От таких лиц получали информацию о политической жизни «Московии», о событиях при дворе, о семейной жизни государя и отдельных государственных деятелей писавшие тогда о России иностранцы и находившийся за рубежом Курбский ²²⁰.

Многие факты политической жизни, даже семейной истории не всегда могли (или не рисковали) занести на бумагу, но они передавались из уст в уста, сохранялись в семейных преданиях наряду с записями и рассказами о службе предков и местнических спорах и могли быть использованы впоследствии (иногда утратив при этом первоначальный вид) книжником-летописцем или памфлетистом-мемуаристом **.

Вполне уместно предполагать, что подобные предания (или даже записи) о политической жизни XVI в. бытовали и среди окружения и потомков А. Ф. Адашева, быв-

* Это подтверждает мнение, высказанное еще в конце XIX в. Н. П. Лихачевым, А. А. Шахматовым, В. С. Иконниковым.

** Интересный образец подобного рода сочинений — памфлет конца 1660-х годов на род Сухотинных, содержащий много детальных указаний на события и действия различных лиц на протяжении 60 лет. Опубликовавший это сочинение В. А. Александров полагает, что автор его «опирался не только на свою или чью-

либо память, но и на какие-то записи о событиях в Туле и в Тульском уезде, быть может на не сохранившуюся местную, городскую летопись или на какие-либо иные документы, связанные с описываемыми событиями или помещичьими имущественными тяжбами» ²²¹. Очень любопытно, что написан памфлет (или, точнее сказать, извет), как определил В. А. Александров, кем-то из тульских Хрушовых. Не составлялась ли Хрушовыми фамильная летопись?

шего не только «временником» царя, руководителем его тайной канцелярии, но и составителем черновиков (а быть может, и беловиков) официальной летописи.

Источником возникновения легенды о записи одним из Хрущовых «Речи» — обращения Ивана Грозного именно к Адашеву могли служить и семейные предания, так как Хрущовы были дальними родственниками Адашева (факт, как будто не отмеченный исследователями Хрущовской вставки и, вероятно, оказавшийся бы вполне уместным в их генеалогических построениях!). Дочь А. Ф. Адашева Анна вышла замуж за Ивана Большого Петровича Головина, внук которого Иван Иванович (умерший в 1683 г.) был женат на Зиновии Степановне Хрущовой²²², троюродной тетке последнего владельца рукописи²²³. Однако только генеалогическими соображениями трудно объяснить составление проникнутых определенной общественно-политической тенденцией «речей» царя на соборе 1550 г. Да и вообще не слишком ли преувеличены широта исторических знаний книжника конца XVII в. и его способность к анализу и критическому сопоставлению различных памятников? Не приписываются ли этому неизвестному писателю такие специальные знания и такие навыки работы с историческими источниками, которые дает только многолетняя практика?

Имеются основания сближать содержание и стилистику вставки с «речами» царя с содержанием (и даже стилистикой) других источников, датируемых XVI или началом XVII в. Исследователи уже называли материалы Стоглавого собора, сочинения Ивана Грозного и Курбского, Хронографическую и Пискаревскую летописи.

Побуждают вспомнить о вставке в Хрущовскую степенную книгу и сочинения Максима Грека и Ивана Пересветова. Запись в первоначальном виде могла быть составлена не без влияния сочинений Максима Грека, в особенности его послания Ивану IV (весной 1551 г.), представлявшего собой живой отклик на недавно декларированные и проводившиеся реформы. В послании Максима Грека, призывавшем царя «править с всякою правдою и правосудием»²²⁴ и во вставке обнаруживается и некоторая текстуальная близость.

Иван же Пересветов вложил в уста Магмет-салтана, рассказывавшего о византийском императоре Константи-не, слова: «...приказал бог от мудрости великия человека

выбрати мудраго и ему приказати царева казна збирати и праведен суд судити, кто бы неповинно не осудил рода человеческого и крови бы и слез не проливал, на мзду бы не утекся и тем бы бога не разгневил. Бог любит правду сильнее всего — греки с праведнаго суда своротились, и за то их господь бог покорил. То есть велможа, что в нем великая мудрость и казны цареvy не осквернит ни в чем»²²⁵. Это рассуждение Пересветова о «мудром человеке» А. А. Зимин объясняет «конкретной обстановкой России 1549 г., когда у кормила правления встал царский любимец Алексей Адашев, фактически возглавлявший Челобитную избу и государеву казну»²²⁶.

Наконец, как отмечалось уже, в самой Степенной книге нетрудно было обнаружить особый рассказ о «покаянии людъstem» после Московского восстания 1547 г.

Таким образом, имеются данные для предположения, что в основе этой позднейшей вставки в Хрущовскую степенную книгу не дошедшее до нас публицистическое сочинение, близкое по времени к описываемым событиям*.

Означает ли это, что вставка являлась копией какого-то публицистического памятника времени Ивана Грозного, включенного в конце XVII в. или в 1730-е годы в состав Степенной книги? Конечно, нет. В старинный рассказ могли быть внесены — и, вероятнее всего, были внесены — поновления и изменения**. Очевидно, что поли-

* Знаменательно в этом плане и сообщение Одерборна — зарубежного автора памфлета (1585 г.) об Иване Грозном — о том, что Иван IV начал свое правление, когда ему было 20 лет, и что «простой народ и крестьяне встретили его с ликованием»²²⁷. В основе этого сообщения какой-то письменный рассказ или устное предание.

** Не следует упускать из виду различия представлений об авторском творчестве — и соответственно об авторском праве, — характерные для людей разных эпох. (Интересные наблюдения об этом суммированы П. Н. Берко-

вым²²⁸.) «Древняя Русь, — как отметил еще В. Н. Перетц, — не имела понятия о «литературной собственности»»²²⁹. Обыденные литературные произведения в отличие от «высоких», освященных авторитетом религии или истории, обычно считались анонимными и признавались как бы результатом общего творчества, «принадлежали всем», и соответственно каждый новый писатель или списатель мог использовать их в качестве материала для своей литературной работы и вносить изменения от себя в первоначальные варианты таких сочинений.

тические обстоятельства времени составления вставки оказались в какой-то мере созвучными событиями середины XVI в. — в истории русской публицистики не раз встречаются факты использования исторических преданий для пропаганды современных исторических взглядов и защиты современных намерений²³⁰. Но тематика настоящего исследования предусматривает лишь попытку определения возможного «протографа» «речей» Ивана IV и степени ценности этих «речей» как источника по истории России XVI в. *

Участниками собора 1550 г. наряду с думными людьми, духовенством и «приказными людьми», вероятно всего, были и те служилые люди, имена которых через несколько месяцев оказались внесенными в Тысячную книгу. Составление Тысячной книги требовало серьезной предварительной справочной работы. Приговор октября 1550 г. лишь ее заключительный акт. Во время подготовки этого документа следовало ознакомиться со всеми кандидатами в состав «Избранной тысячи», выявить их земельные владения, в частности подмосковные. Знакомство это и должно было происходить летом 1550 г., когда «тысячники», в большинстве своем сопровождавшие Ивана IV в Казанском походе, находились в Москве накануне другого похода — против крымского хана.

Основным видом службы многих «тысячников» были, видимо, «кормления»²³¹, и Иван IV вполне мог охарактеризовать их в «речи» Стоглавому собору как «кормленщиков». Входя в состав «государева двора», «тысячники» не теряли связей со своими уездами, с «городом», где находились и их основные земельные владения. Они служили «с городов» по дворовому (или московскому) списку, где особо выделялся «выбор из городов» — «лутчие слуги» государя. Именно приговором октября 1550 г. было положено основание особой категории дворян, служивших «по выбору» вплоть до реформ Петра I²³².

* Рассмотрение же вопросов, связанных с изучением Хрущовской степенной книги в плане проблемы использования памятников древнерусской литературы и вообще историко-литературной традиции XVI в. в публицистиче-

ских сочинениях последующего времени (а следовательно, и попытка установления времени, когда были составлены интерполяции в Хрущовскую степенную книгу), может стать темой особой работы.

В заглавии Тысячной книги по одному из списков конца XVII в. указывалось, что подмосковные земли «даваны» боярам, окольным, «всем думным людям и которым дворянам из городов»²³³ (выделено мною. — С. III.). Не это ли побудило написать в летописи, которую читал Татищев, о сборе «от городов добрых людей... Судебник делати» (а во вставке в Хрущовскую степенную книгу — о собрании «из городов всякого чину»), тем более что «тысячники» делились на детей боярских трех статей?! По мнению В. О. Ключевского, «тысячники» или их наследники представляли дворянство на Земском соборе 1566 г.²³⁴ Не имеется ли основание предполагать, что они представляли дворянство и на соборе 1550 г.?

В начале 1551 г. «в царских полатах»²³⁵ собрался Стоглавый собор. Его работа длилась несколько месяцев. Основной задачей собора было составление книги нового соборного уложения — Стоглава, которую, по мнению Д. И. Стефановича, редактировали с 23 февраля по 11 мая 1551 г.²³⁶ Стоглавый собор был посвящен преимущественно вопросам церковной жизни (и в том числе вопросам обучения церковников и вообще верующих)*, но и на этом соборе присутствовали миряне и рассматривались «земские устроения» («земские строения»)**.

В «Писании» Иван IV обращался не только к духовенству (митрополиту, архиепископам, архимандритам, игуменам, «всему освященному собору и инокам»), но и к братьям, князьям, боярам, «воинам и всему право-

* Стоглавый собор постановил устроить школы «в Москве и по всем градом» (гл. 26). В рассылавшихся после собора наказах Макария предлагалось также «установить книжные училища... во городе, и на посаде, и по волостям, и по погостам»²³⁷. Большое внимание уделили и вопросу об «исправлении книжном» и деятельности «книжных писцов». По мнению Е. Ф. Карского, именно на Стоглавом соборе решено было открыть в Москве типографию²³⁸.

** Г. Н. Моисеева не права, полагая, что в моей статье²³⁹ отрицается постановка вопросов «государственной жизни» на соборе 1551 г.²⁴⁰ В статье отрицается лишь постановка на Стоглавом соборе вопросов, обнаруженных И. Н. Ждановым в сборнике Евфимия Туркова, в то время как некоторые исследователи только к ним и сводят вопросы о «земском устроении», рассматриваемые на Стоглавом соборе.

славному христианству», призывая ко «исправлению» и «церковного благочиния», и «царского благозакония, и всякого земского устроения». О том же возвещал Иван IV и в неоднократно цитированной «Речи» Стоглавому собору, где упоминалось о примирении «на срок» бояр, приказных людей и кормленщиков «со всеми землями... во всяких делах», о Судебнике и об определяющих систему местного управления уставных грамотах. Царь просил выяснить, «которые обычаи в прежние времена», после смерти Василия III, «и до сего настоящего времени поизшаталися или в самовластии учинено по своим волям, или предние законы, которые порушены, или ослаблено дело...», обсудить «соборне» («посоветуйте и поразсудите» «и на среду собора изнесите и сие нам вознесите») «наши нужи и которые земьския нестроения, и мы вас о сем возвещаем»²⁴¹.

Однако, как замечает С. Б. Веселовский, «сведения о деятельности Стоглавого собора дошли до нас только через церковные источники, которые, естественно, отводили главное внимание церковным вопросам, и если касались общих государственных вопросов, то только по связи их с церковными». С. Б. Веселовский выделяет вопросы о податных привилегиях духовенства и его землевладении, отмечая, что поставлены они были на соборе, («нет сомнения») не иерархами церкви, «а правительством юного царя».

На основе решений собора был предпринят пересмотр всех жалованных грамот монастырей и церковных учреждений. Большая часть грамот была подтверждена 17 мая 1551 г. подписями на обороте; были внесены изменения (касающиеся церковной юрисдикции) «по новому уложению»²⁴².

С деятельностью Стоглавого собора исследователи связывают и приговор от 11 мая 1551 г. (дошедший в составе Стоглава), ограничивавший монастырское и княжеское землевладение²⁴³, и решение о системе выкупа пленных (гл. 98 Стоглава).

Стоглавый собор, как отмечалось уже, утвердил уставные грамоты об изменениях в местном управлении. Первая известная нам уставная грамота была выдана 28 февраля 1551 г. Очевидно, образец ее был утвержден еще прежде. Об утверждении уставной грамоты в «речи» Ивана IV говорится как об одном из первых по порядку

дел, представленных на рассмотрение Стоглавому собору*.

Не исключено, что участники Стоглавого собора рассматривали и вопрос о Казанской войне. Официальная летопись сохранила известие о том, что Иван IV в начале 1551 г. обсуждал с братьями, «всеми боярами своими», а также с бывшим казанским ханом Шах-Али (Шигалеем) и эмигрировавшими из Казани татарскими князьями, план построения Свияжска и посылки рати к Казани. В Успенском соборе был отслужен молебен по этому поводу. Летопись передает содержание речей Ивана IV и Макария («благословения митрополита»). Деятельное участие Макария и духовенства в организации Казанской войны хорошо известно. Можно полагать, что Стоглавый собор с митрополитом во главе благословил Ивана IV на завершение Казанской войны. Характерен в этом отношении летописный текст, сразу же следующий за текстом молитвы Ивана IV: «И начинает государь и делу касается, призывает к себе дьяка своего... Выродкова и посылает его... церковей и города рубити...». Совещание это было не позднее апреля 1551 г., так как в апреле войско уже было «отпущено» к Свияжску²⁴⁴. Вероятнее всего, именно о Стоглавом соборе говорил Иван IV в речи «к Макарию митрополиту и ко всему священному собору», произнесенной в ноябре 1552 г. в московском Успенском соборе в день возвращения из победоносного Казанского похода. Иван IV вспоминал, как «бил челом» освященному собору, прося молиться «о нашем здравии и отдании многих согрешений, и о устроении земском, и о избавлении варварскаго нахожения», как «советовал есми» о казанских делах²⁴⁵.

Все это не позволяет согласиться с характеристикой Стоглавого собора как обычного церковного собора (мнение, распространенное в работах по истории церкви). Нет оснований именовать его и «земским собором». Стоглавый собор, по содержанию своей работы и по составу участников напоминавший собор весны 1549 г., еще И. Н. Жданов и М. А. Дьяконов с полным основанием называли церковно-земским²⁴⁷. В деятельности Стоглавого собора обнаруживаются черты компромиссной по-

* Об этом подробно и убедительно писал Н. Е. Носов²⁴⁶.

литики правительства тех лет, в частности компромисса между правительственной программой нестяжательского толка и осифлянским большинством собора²⁴⁸.

Таким образом, можно предполагать, что в конце 1540-х — начале 1550-х годов было четыре расширенных собрания Боярской думы, освященного собора и еще некоторых лиц — собрания второй половины 1547 г., февраля — марта 1549 г., июня — июля 1550 г. и первой половины 1551 г. (Стоглавый собор). Содержание собрания 1547 г., очевидно, свелось только к покаянно-примирительным речам, и собрание это менее других напоминает земские соборы последующего времени. На собраниях 1549, 1550, 1551 гг. рассматривались важные вопросы государственной и церковной жизни. Собрания 1547, 1549 и 1550 гг. можно условно вслед за И. Н. Ждановым называть соборами примирения. Поводом к составлению «легенды» о Земском соборе 1547 или 1550 г., столь решительно отвергнутой С. Ф. Платоновым, послужили реальные факты политической жизни России середины XVI в. И путаница датировок в разных источниках служит, пожалуй, даже дополнительным косвенным показателем того, что у различных писателей XVI в. были сведения о нескольких соборах, в чем-то напоминавших один другого, и что сведения эти оказались смешанными (и даже в одном источнике, как, например, в Хрущовской степенной книге).

Стоглавому собору, можно предполагать, предшествовало не одно собрание, на котором ставились вопросы о взаимоотношениях царя и боярства, о взаимоотношениях различных прослоек класса феодалов и декларировались планы государственных преобразований. Таких собраний было несколько. Их деятельность была тесно связана, и декларация и решения последующего собрания дополняли, развивали или даже повторяли решения предыдущего.

Подобное повторение вообще было характерно для правительственной практики XVI в.* Уже отмечался

* Такое повторение характерно было и для политической публицистики середины XVI в.: новгородский архиепископ

Феодосий написал по случаю похода Ивана IV на Казань в 1549—1550 гг. четыре послания, причем текст их, по на-

выше факт принятия в конце 1549—1550 гг. нескольких приговоров об ограничении местничества в армии²⁴⁹. Наиболее яркий пример подобного стиля работы — приговоры о монастырских и церковных вотчинах в начале 1580-х годов. Уложение освященного собора с участием царя и всех бояр состоялось 15 января 1580 г. Ровно через год, 15 января 1581 г., это Уложение было подтверждено таким же приговором освященного собора, царя и бояр. В позднейших актах XVI—XVII вв. делаются ссылки то на приговор 1580 г., то на Уложение 1581 г.²⁵⁰ Естественно предполагать, что всякий раз при утверждении подобного приговора давалась сходная формулировка сущности его и мотивов, которыми руководствовалось правительство, принимая решение.

* *
*

Помимо перечисленных «соборов» в начале 1550-х годов имели место и другие «совещания соборной формы» (выражение М. Н. Тихомирова).

7 января 1550 г., как установил М. Н. Тихомиров, такое совещание было во Владимире, где находилось войско, направлявшееся под Казань (и — как обычно — в походах сопровождали царя многие «думные люди»). Сведения о совещании сохранились и в «Летописце начала царства» и в Хронографической летописи²⁵¹. Происходило это во Владимирском Успенском соборе утром в день выхода царя и войска из Владимира в Казань. После обедни к войску обратился (или обратились) с воззванием Макарий (по официальной летописи) и Иван IV (по Хронографу), призывавшие не местничать во время похода*. По официальной летописи, Макарий «поучает и благословляет... бояр, и воевод, и князей, и всех людей вьинства царева»; по Хронографу, Иван IV «говорил» «перед... митрополитом бояром, и воеводам, и княжатам, и боярьским детем, и детем боярьским и дворовым

блюдениям А. А. Зимина, сходен²⁵². Произносил одну за другой и речи сходного содержания Иван Грозный.

* Об этом-то совещании напоминает Иван IV в вопросе о местничестве на соборе лета 1550 г. (в сборнике Е. Туркова).

и городовым Московские земли и Новгородские с великим благочестием и наказанием умилне» о страданиях, которые терпели и терпят «от бусорманские руки». В Хронографе переданы важные детали: на призыв Ивана IV делать «все за один по его царскому наказу... чтобы их места и розню его царское дело не потерялося», «бояре, и воеводы, и княжата, и боярские дети, и все дети боярские Московские земли и Новгородские» обещали выполнять наказ и «со слезами велегласно вопияли: «И мы, государь, единомышленно все за один хотим за святую церковь и за тебя, государя, и за все православное христианство головы свои положить. Поди, государь, з божией помощью на свое дело, и твое царское наказание и повеление сугубо восприемлем; как ты, государь, повелиш, так и делаем»»²⁵³. «Это настоящая речь, похожая на те постановления соборов, которые встречаются позже»²⁵⁴, — замечает М. Н. Тихомиров, впервые обративший внимание на этот текст.

Возможно, что какое-то расширенное совещание (и соответственно обращение к достаточно широкому кругу лиц) имело место и накануне Казанского похода 1552 г. Об этом вспоминает так называемый Морозовский летописец (известный в рукописи XVIII в.), где участниками собрания названы «бояре», «дворяне» и даже «гости»*.

Совещался Иван IV с боярами и детьми боярскими и во время Казанского похода 1552 г. Так, 20 или 21 июня на «разсмотрении полков», стоявших на берегу Оки, Иван IV, согласно краткой летописной записи, воевод и детей боярских «жалует» и «словом утверждает да не

* «...И посем призывает (Иван IV. — С. III.) двоюродного брата своего князя Володимера Андреевича Старицкого, также и бояр своих, и дворян, и гостей, и поведает им ону свою мысль о Казани. Они же полагают то на его государеву волю... рады головы свои положить. Государь же, сие слышав, радостен бысть и возве[се]лися душею»²⁵⁵. Впрочем, упоминание о «гостях» могло быть внесено в текст писателем позднего времени, привыкшим

к тому, что гости участвовали в подобного типа собраниях конца XVI в. и в земских соборах XVII в., а само описание этого собрания могло быть навеяно описанием в «Казанской истории» «совета с бояры своими царя и великого князя» и «Наказания царя и великого князя ко царице своей Анастасии»²⁵⁶, и также данными о совещаниях царя с боярами и воинами, включенными в официальные летописи.

постыдятся против агарян» (так называли на языке церковных книжников казанских татар и вообще мусульман). Воеводы и дети боярские «утверждаются разумом» и «вси едиными усты государю вещают», что готовы «пострадати и до смерти». Вопрос о Казанском походе, видимо, подвергся обсуждению; и Иван IV, не без оснований, как показали события последующих дней, опасался несогласий. Поэтому-то он с особым удовлетворением, вернувшись к себе в ставку в Коломну, «сказывал» «про воевод и детей боярьских, что смышлено государю отвещаша»²⁵⁷.

Через несколько дней, однако, недовольство детей боярских проявилось столь открыто и бурно, что «Летописец начала царства» вынужден был особо остановиться на этом неприятном для власти эпизоде. 1 или 2 июля в Коломне, видимо во время обсуждения в «совете царском» «с боляры и со всеми воеводы» вопроса о дальнейших путях движения войска, государю били челом недовольные новгородцы, и «многу же несогласию бывшу в людех». Новгородцы — дети боярские (а они были как будто и в числе тех воинов, которых Иван IV «утверждал» 20 июня) отказались двигаться к Казани, говоря, что они давно уже в походе и не могут «толику долготу пути итти, а там на много время стояти». Бунт служилых людей испугал Ивана IV («Государю же о сем не мала скорбь, но велия бысть, еже тако неудобно вещают!» — деликатно комментирует официальный летописец), и он вынужден был, «не ища чести своему величеству» и, видимо, не дожидаясь совещания «соборной формы», для прекращения «многонародных гласов молвы» «розъписывати» людей, обещая тем, кто пойдет с ним, «жаловати и под Казанию перекормити». Велено было также «о нуждах въспросити», «да и вперед уведает государь всех людей своих недостатки». Служилые люди объявили «нужи свои и недостатки», сказав, что «многие бе безъпоместные, а иные и поместны многие да не хотяху долготы пути нужнаго шествовати». Ивану IV пришлось дать кое-какие обещания. Вероятнее всего, царь обратился к служилым людям с речью, так как летописец передает их ответ. Видя, мол, что «неуклонно государь мыслит и попечение имея о христианстве», а не о себе, они «отвещаша вси по единому и равногласы: «Готови с государем, а он, государь, нашъ промысленик

зде и там нами промыслит, как ему, государю, бог известит»²⁵⁸.

Несмотря на то что недовольные отвечали «по единому и равногласны», Иван IV не чувствовал себя уверенно; и едва ли не по его просьбе (возможно, переданной митрополиту еще после совещания 20—21 июня) Макарий уже 13 июля составил пространное «учительное» послание, которое царь «велел прочитати *всем* боярам и воеводам»²⁵⁹ (выделено мною. — С. III.). В послании — интереснейшем памятнике официальной публицистики середины XVI в. — с особой настойчивостью («наипаче же») проводится мысль о необходимости единения и подчинения власти государя накануне решительной схватки с внешним врагом.

Во вторую неделю августа Ивана IV близ Свияжска встретили свияжские воеводы с войском. Иван IV воевод жаловал «за службу жаловалными многими словесы, также всех детей боярских». «Узрев многих людей», Иван IV также «увещал» их «многими жаловалными словесы и вперед за благочестие поборати» повелел. Вслед за этим был устроен обед, причем в шатры пригласили и детей боярских, и «горных людей»²⁶⁰. Это краткое известие невольно напоминает другие собрания с повторными речами Ивана IV, (известные по записи Хронографической летописи). Можно полагать, что некоторые речи царя, произнесенные на собраниях конца 1540 — начала 1550 гг., тогда назывались «жаловальными словесами».

Под стенами Казани 23 августа 1552 г. Иван IV снова вынужден был публично повторить свои обещания. В летописи излагается его речь, произнесенная после молебна, близкая по содержанию к посланию Макария от 13 июля. Она озаглавлена «Речь царская ко князю Владимиру». На самом же деле, как явствует из летописного текста, царь Иван «призвал» к себе не только Влад. Андр. Старицкого, но и бояр, и воевод, и «всех своих воинов, кои с ним в полку», т. е. в «государевом полку». И прежде всего, конечно, детям боярским Иван IV «говорил умиленно» о своем желании «недостаточная наполняти и всяко пожаловать», обещая также в случае гибели воинов «жены их и дети до конца жаловати». (Уже эти слова вызывают в памяти текст некоторых из вопросов собору 1550 г.!) Бояре и воеводы отвечали царю («Ответ к

царю»), и, лишь убедившись в единомыслии участников совещания («еже не инако отвещают, но единомысленно с ним побарают за благочестие пострадати»), Иван IV пошел под благословение к своему духовнику, повелев «всем полком крестом огражатися»²⁶¹. И в данном случае совещание оказалось приуроченным к торжественной церковной службе, и крестоцелование должно было закрепить принятые решения.

Таким образом, по составу участников, а, возможно, и порядком обсуждения вопросов, эти совещания по существу мало чем отличались от покаянно-примирительных собраний 1549 и 1550 гг.



Рассмотрение истории соборов середины XVI в. дает возможность сделать некоторые предварительные замечания общего характера, относящиеся как к истории «соборов», так и к политической истории России середины XVI в. в целом.

Кто же принимал участие в рассмотренных собраниях? Прежде всего так называемый думный собор, т. е. «думные люди» — Боярская дума (обычно полного состава) и освященный собор (полный или неполный). Участие духовенства (освященного собора) и дало название этим собраниям — «собор».

Собрания февраля — марта 1549 и весны 1551 г. были одновременно и церковными соборами полного состава. В остальных московских соборах участвовали митрополит, «прилучившиеся» архиереи* и высшее московское духовенство.

В соборах середины XVI в. участвовали, употребляя терминологию названных выше памятников, «воеводы», «княжата», «дворяне большие», «дети боярские» («дво-

* В практике церковного управления был обычай вызывать по особому указу на очередь (на год или полгода) в Москву «чередных» архиереев. Они составляли неполный церковный собор, рассматривали текущие церковные дела, не имевшие общецерковного значения, и были выс-

шим судебным духовным учреждением. Такие соборы называли соборами из «прилучившихся» архиереев²⁶². Так, Иван IV по возвращении в Москву в ноябре 1552 г. после «Казанского взятия» «дарил ... митрополита и владык всех, в то время прилучившихся»²⁶³.

ровые» и «городовые», «московские и новгородские»), «воины», а также, видимо, «приказные люди» и вообще «кормленщики». Все эти лица принадлежали к различным прослойкам господствовавшего класса феодалов²⁶⁴.

Данные об участии в соборах середины XVI в. посадского населения (так называемого третьего сословия) очень сомнительны, хотя решения соборов и были во многом выгодны верхам посада; более того, социально-экономические изменения, и прежде всего возросший удельный вес городов в социально-экономической и общественно-политической жизни страны²⁶⁵, являлись существенными предпосылками созыва соборов, и именно к горожанам обращалось правительство с успокоительными призывами.

Правда, А. И. Копанев полагает, что в 1550 г. царь совещался и с представителями городов, под которыми исследователь, как явствует из изложения, подразумевает посадских людей. Поэтому-то, по мнению Копанева, собор 1550 г. и может считаться первым Земским собором. К такому заключению Копанев пришел на основании татищевской приписки к тексту так называемой Львовской летописи о том, что Иван IV повелел «собрать от городов добрых людей по человеку»²⁶⁶. Однако представителями городов в данном случае могли быть и не посадские люди, а местные дворяне или кормленщики.

Такое предположение тем более вероятно, что в летописной приписке далее упомянуты «бояре, окольные, дворецкие», а дворяне не названы. Если принимать толкование Копанева, то получится, что в соборе 1550 г. участвовали лишь думный собор и посадские люди, и работа его проходила без участия дворянства.

В «Валаамской беседе», памятнике, современном Стоглавому собору*, среди светских советников царя, с которыми ему надлежит «власть имети», также не названы представители «третьего сословия»: там перечисляются князья, бояре и «прочие великородные и приближенные мирские люди»²⁶⁷ (выделено мною. — С. III.).

* Обоснование именно такой датировки памятника см. в книге Г. Н. Монсеевой «Ва-

лаамская беседа — памятник русской публицистики середины XVI века» (гл. II).

Некоторые историки и публицисты полагали, что о представительных учреждениях, где царь мог бы советоваться с посланцами народа, писал Курбский, и напоминали при этом слова Курбского о долге государя «искати доброго и полезного совета не токмо у советников, но и у всенародных (в некоторых списках «всеродных») человек»²⁶⁸. Однако для боярина князя Курбского, принадлежавшего, по его убеждению, к числу «сродных и единокленных» московского государя, «всенародные человеки» отнюдь не представители простонародья. Для обозначения этой группы населения Курбский употребляет другое определение — «простое всенародство». «Всенародные человеки» — это менее знатные феодалы, т. е. категории правящего класса, которые в Речи Посполитой, где нашел беглый воевода приют, назывались шляхетством. И не случайно Курбский, характеризуя отношения в среде феодалов Польско-Литовского государства, пишет о «воле» «всенародства»²⁶⁹.

Советниками государя на соборах становились не только члены Боярской думы — «думные люди» и близкие придворные, но и люди «государева двора», из которых формировались все руководящие кадры для военной, придворной и административной службы. Это верхушка уездного дворянства, входившая постепенно в состав правящей верхушки Российского государства.

Лица эти воспринимались, видимо, уже в середине XVI в. как представители «земли» или «земель», что отразилось, можно думать, даже в формулировках (о «Московской земле») таких официальных памятников делопроизводства, как Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь начала 1550-х годов *. Это удастся проследить и по формулировкам официальной летописи применительно к курултаю Казанского ханства — «царь Шигалей и вся земля Казанская»²⁷¹, где под «землей Казанской» подразумевали лишь представителей феодальных

* В конце Тысячной книги читаем: «И всех детей боярских во всех статьях *Московские земли*, и ноугородских помещиков, и псковских, и торопецких, и луцких, и ржевских, дворовых и городских 1050 человек...» А Тетрадь

дворовая начинается словами: «Тетрадь дворовая. В ней писаны бояря, и диаки, да и князи, и дети боярские дворовыя *Московские земли*, и приказныя люди»²⁷⁰ (выделено мною. — С. Ш.).

верхов²⁷² — светских феодалов и высшее духовенство. В то же время слово «земля» означало тогда, безусловно, «государство» (или даже часть государства; «Московская земля» в противопоставлении другим «землям», в частности, на западных окраинах государства). Это прослеживается и по терминологии цитированных ранее памятников: на соборе 1549 г. говорили о суде наместников «во всех городех Московские земли», на Стоглавом соборе призывали «помириться со всеми землями», и подумать об «устроении» «по всем землям». Слово «земский», можно думать, воспринималось в этом плане как «государственный» или даже «общегосударственный».

Думный собор составлял основу соборов²⁷³. Остальные же участники этих не упорядоченных по своему составу и не определенных по своим полномочиям совещаний собирались от случая к случаю. Этим-то, вероятно, и можно объяснить, почему идеолог боярства Курбский ратовал за то, чтобы царь «искал... совета... и у всенародных человек». Курбский мечтал об ограничении самодержавной власти государя всея Руси каким-либо учреждением наподобие сейма Литовско-Русского государства первой половины XVI в., учреждением, в котором Боярская дума — «рада» — могла бы играть руководящую роль*. В годы опричнины и в последующие годы, когда составлял свою «Историю» Курбский, время правления Избранной рады казалось ему идеалом полноты власти боярства**.

Совещания середины XVI в. обнаруживают и черты расширенных совещаний думного собора с участием «воев» и черты церковных соборов с участием большого числа светских лиц. В России XVI в., по мнению

* Великий вальный сейм в то время, замечает М. К. Любавский, по существу своему «был полным собранием господарской рады, пополненным всеми аристократическими элементами, не вошедшими в ее состав, совещающимся в присутствии шляхты и до известной степени прислушиваю-

щимся к ее желаниям и мнениям»²⁷⁴.

** Примеры обращения именно политиков-консерваторов к теории о правах представительных учреждений найдём в период становления централизованных государств и в истории стран Западной Европы (например, во Франции XV в.)²⁷⁵.

М. И. Тихомирова, существовала прочная традиция словного представительства.

Традиции расширенных думных соборов с участием воевод и «воев» ведут нас к хорошо известному совещанию, созванному Иваном III в 1471 г.²⁷⁶ перед походом на Новгород* и в конечном счете даже к собранию знатных людей, созванному в 1218 г. князем Константином Всеволодовичем, к «снему» — собору предшествовавших времен²⁷⁷. Можно полагать, что подобного типа совещания в конце XV — первой половине XVI в. происходили нередко и попросту еще не выявлены исследователями. С такими совещаниями, безусловно, сближаются собрания 7 января 1550 г. и собрания, созванные накануне и во время Казанского похода 1552 г. Такие собрания М. Н. Тихомиров характеризует как «совещания соборной формы»²⁷⁸.

О церковных же соборах напоминают порядок обсуждения вопросов на соборах середины XVI в. и церковная торжественность обстановки²⁷⁹. Участие не только государя, но и членов его семьи, бояр и дьяков в обсуждении вопросов на церковных соборах было традиционным. В летописях, обычно кратко описывавших соборы, не упоминается об этом, и Г. Штёкль на основании летописных текстов пришел к категорическому утверждению, будто светские лица не участвовали в общероссийских церковных соборах конца XV — начала XVI в.²⁸⁰ Однако другие — публицистические же — источники о церковных соборах свидетельствуют об обратном. Особенно интересно в этом плане «Слово иное» о соборе 1503 г. (опубликованное Ю. К. Бегуновым). Оказывается, некоторые родственники Ивана III, представители боярства и государственного аппарата, не только влияли на решение вопроса о секуляризации и были в числе активных поборников секуляризации, но и принимали непосредственное участие в обсуждении этого вопроса на церков-

* Быть может, официальному собранию верхних слоев населения Новгорода — вечу следовало противопоставить в тех условиях официальное же собрание лиц из окружения московского государя, не без основания претендо-

вавшего на титул «Государя Всея Руси»? (Мнение о новгородском вече кануна падения Новгородской республики, как о собрании лишь феодалов, обосновывается В. Л. Яниным²⁸¹.)

ном соборе. Среди участников собора названы сыновья Ивана III, тверской боярин Василий Борисов, введенные дьяки²⁸². Тем самым подтверждается давний вывод И. Н. Жданова, что Земский собор «вырастает на одном стволе с собором церковным»²⁸³. Более того, черты церковно-земских соборов обнаруживаются еще в начале XVI столетия²⁸⁴.

Таким образом, соборы середины XVI в. оказываются по своей форме традиционно связанными как с расширенными собраниями светских феодалов, так и с церковными соборами предшествовавшего времени, и полагать, что внешняя форма этих соборов, как и вообще земских соборов, в какой-то мере заимствована из-за рубежа, вряд ли есть серьезные основания.

Частый созыв соборов такого типа именно в середине XVI в., конечно, не мог быть случайностью, и историк обязан попытаться установить связь этого явления с другими историческими явлениями тех лет.

Собрание, более широкое, чем думный собор, и более зависимое лично от государя, должно было противостоять феодальной аристократии — и кичливым наследникам удельных князей, и московским потомственным боярам, гордым своей вековой близостью с правящей династией. Такие расширенные собрания способствовали утверждению представления о царе как о государе все-российском («всей земли»). Поэтому они призваны были противостоять и сепаратизму отдельных областей государства, и возрождению традиций феодальной раздробленности.

Наконец, — и это, по-видимому, самое главное — соборам середины XVI в. (расширенным собраниям феодалов, созданным верховной властью) предшествовали и сопутствовали и другие собрания — массовые народные собрания, созданные по почину самих посадских людей. Ведь конец 1540-х годов — это не только время изучаемых нами соборов, но и время народных восстаний и возрождения вечевых собраний. Именно в эти годы обнаруживаются в исторических источниках столь редкие в рукописях XVI в. слова «вече» и «мир»; снова они появляются в источниках в момент резкого обострения классовой борьбы в начале XVII в.

Не вынуждены ли были противопоставить этой возрожденной форме народного общественного мнения, этим

столь опасным для господствующего класса и для самого государя организованным собраниям горожан тоже более широкие по составу собрания верхов? Не потому ли и пришлось прибегнуть к форме покаянно-примирительных обращений царя к сравнительно широкому кругу лиц?

Постановка вопроса о решительной войне с Казанским ханством также должна была успокоительно воздействовать на народ, особенно терпевший от «бесчисленных пленений и кровопролитий»²⁸⁵. Недаром на соборах обращались ко «всему православному христианству», и принятие соборных решений мотивировалось прежде всего заботой о «христианьстве».

На восстание народа, на созыв веча по инициативе народа правительство догадалось ответить и обращением к народу; поэтому-то первое в ряду известных нам собраний конца 1540-х — начала 1550-х годов — собрание 1547 г. носило такой покаянно-демагогический характер и практически, видимо, свелось лишь к собственно «примирению» различных групп населения и успокоению общественного возбуждения.

Созыв в середине XVI в. соборов с декларацией планов государственных преобразований — знамение времени*! Земские соборы, рожденные в пламени классовой борьбы, не столько продолжали традиции народных «вечевых» собраний, сколько противостояли им (сближаясь в то же время в какой-то мере с аристократическими вечевыми заседаниями).

Ни о каком «примирении» царя с народом или феодалов с народом на этих соборах не может быть и речи, хотя соборы середины XVI в. в какой-то мере и были формой «непосредственного общения власти с народом»²⁸⁶. Напротив, созыв соборов — результат объединения сил господствующего класса для сопротивления требованиям народа, для подавления народа. Соборы середины XVI в. были созваны по инициативе сверху.

* И в середине «бунташного века» составлению Соборного Уложения 1649 г. предшествовали резкое обострение классовой борьбы, повсеместные восстания в городах, что дало даже повод патриарху

Никону писать: «И то всем ведомо, что сбор (т. е. собор. — С. Ш.) был не по воле, боязни ради и междуусобия от всех черных людей, а не истинные правды ради»²⁸⁷.

Основная цель их — оградить класс феодалов от опасности народных движений, укрепить крепостническое государство, а также успешно завершить Казанскую войну.

Но, проследивая историю соборов середины XVI в., можно обнаружить моменты не только межклассовой, но и внутриклассовой борьбы. Правительство пыталось использовать соборы и для ослабления политического и экономического положения крупных феодалов — бояр. Однако это происходило путем постепенного сближения прав и обязанностей различных прослоек светских феодалов. Соборы середины XVI в. — и по составу участников, и по программе и характеру своей деятельности — как раз и являлись выразителями политики компромисса прослоек класса феодалов, которую проводила Избранная рада. Политику эту можно характеризовать как политику временного «примирения» прослоек класса феодалов. В этом плане и соборы середины XVI в., на которых ставились вопросы государственных преобразований, можно условно называть «соборами примирения».

В условиях приблизительного равновесия политических и экономических сил крупных и средних светских феодалов особое влияние приобрели церковные феодалы во главе с Макарием, а также высшая бюрократия — думные дворяне и особенно думные дьяки *. С оформлением в середине XVI в. приказной системы образуется по существу дьяческая корпорация²⁸⁸. Виднейшие из дьяков входят в состав думного собора.

Вмешательству духовенства в правительственную деятельность, повышению идейного престижа церкви в государстве способствовало и ведение Казанской войны, лозунгом которой была борьба с «басурманством». 1547—1548 годы, по наблюдениям С. М. Каштанова, были «моментом наивысшего расцвета монастырских иммунитетных прав»²⁸⁹. Постановка на церковных соборах вопросов «земского устройства» — нововведение времени Макария, акт прямого вмешательства церкви в светские дела, хотя и обставлено это было как поддержка выс-

* Такая терминология стала общепринятой применительно к определенным группам правительственных деятелей позднее. Однако наличие этих думных чинов под иными на-

именованиями в первой половине XVI в. отражено в разнообразной документации, и функциональные обязанности их определились не позднее середины века.

шим духовным авторитетом политики «примирения» светских феодалов. Вполне основательно приписывают Макарию и инициативу установления внешних порядков земских соборов, их церемониальной стороны²⁹⁰. Собраниям постарались придать особую торжественность, церковную обрядность, невиданную в западноевропейских сословно-представительных учреждениях.

А так как в обществе настоятельно ощущалась потребность в преобразованиях и идея созыва собраний широкого состава была популярна, надо было всячески показать «законность» созыва этих соборов, освящение именно их церковным авторитетом; надо было демонстрировать независимость верховной власти от «временников», от княжат и бояр и поддержку ее и духовенством, и более широкими слоями класса феодалов.

Мысль, что единение светской и духовной власти якобы символизировало тогда национальное единство страны и способствовало централизации Российского государства, не соответствует действительности: достаточно вспомнить энергичное и в целом успешное сопротивление Макария предложениям Ивана IV, внесенным на обсуждение Стоглавого собора * (отраженное достаточно резко и в публицистике). А решения по вопросам меньшей важности, регламентирующие подчас мельчайшие детали поведения в жизни русских людей, представляли собой реакционную попытку еще больше подчинить жизнь духовной диктатуре церкви²⁹¹. Попытка эта не содействовала развитию нашей страны, как полагают некоторые ученые²⁹², а только закрепляла ее государственную и культурную отсталость. Поэтому Р. Ю. Виппер²⁹³, Н. С. Чаев²⁹⁴ вполне основательно сравнивают в этом плане деятельность Стоглавого собора с деятельностью современного ему Тридентского собора в Западной Европе.

Усилия митрополита Макария вершить государственными делами и подменять собой в отдельных случаях государя — кульминационный пункт политической исто-

* Видимо, еще до венчания Ивана IV на царство Макарий сформулировал положение: «Аще же и сам царь, нося багряницу и царский венец, надеясь благородству и саном гордящися, негодовати

начнут нашего повеления и святым правилом не покоряющеся святым отец, дерзнет таковая сотворити, той с презреченными осужден будет яко гласу господню противятся»²⁹⁵.

рии русской церкви XVI в. После отдаления Макария от дел (в середине 1550-х годов) духовенство, конечно, продолжало участвовать в расширенных собраниях феодалов во главе с царем, так как без санкции церкви нельзя было в то время принимать серьезные решения, но на церковных соборах, собиравшихся в XVI столетии, «земские» вопросы уже не ставились и не разбирались*, а церковные власти уже имели меньшее влияние на правительственную деятельность — первостепенного значения успех в деле дальнейшей централизации страны. Осуществление важнейших из задуманных и декларированных реформ имело место уже после «Казанского взятия» и удаления от правительственной деятельности Макария и некоторых других «епархов и синклитов».

Соборы середины XVI в., положившие начало большой творческой деятельности в области государственных преобразований, — важный фактор организации власти централизованного государства, когда совет государя, состоявший преимущественно из наследственных советников, из князей и бояр, а также высшего духовенства, расширяется за счет представителей всех групп правящего класса из разных «земель» Российского государства. Однако соборы середины XVI в. можно рассматривать лишь как зачаточную форму земских соборов.

Соборы середины 1550-х — начала 1560-х годов

Есть основания полагать, что соборы в XVI в. созывались чаще, чем принято было думать до сих пор, хотя между соборами, напоминающими собор 1566 г., и совещаниями соборной формы затруднительно провести четкую грань.

Очевидно, «соборне» были приняты решение об отмене кормлений (так называемая земская реформа**), Уло-

* Важно отметить, что правительство Ивана IV снова в какой-то мере возродило практику церковно-земских соборов в начале 1580-х годов, когда на соборах²⁹⁸ поставили вопрос об обеспечении служилых людей за счет

церковного имущества, принудив высшее духовенство согласиться на требования правительства.

** История земской реформы и, в частности, Царский приговор о кормлениях недавно детально изучены Н. Е. Но-

жение о службе и подтвержден Приговор о местничестве. Реформы эти проводились постепенно, и важнейшим актом их был «Приговор царской о кормлениях и службах» 7064 г. (1555/56 г.), помещенный в Никоновской (в списке Оболенского) и в Львовской летописях и в лицевой рукописи — Синодальной летописи (или «Никоновской с картинками») ²⁹⁸.

«Приговор царской о кормлениях и службах» изучал А. А. Зимин, выдвинувший плодотворную мысль о том, что «Приговор» является не законом об отмене кормлений, а памятником политической публицистики — публицистическим обобщением многочисленных практических мероприятий в этой области, и составителем его мог быть А. Ф. Адашев ²⁹⁹.

«Приговор» состоит из трех частей, выделенных заголовками: «Приговор царской о кормлениях и о службах» * (эту часть можно назвать собственно «Приговором» и в свою очередь вычленить в ней отдельные части), «О повелении царском», «О рассмотрении государском». Откровенно публицистический характер имеет первая часть, в которой излагаются причины, побудившие правительство принять законодательные меры, и в духе компромиссной политики Избранной рады формулируются намерения государя и его обязанности. Во второй части излагается законодательство о местном управлении, правда, в столь нечеткой форме, что можно предполагать, что здесь речь идет не только об отмене кормлений (т. е. земской реформе), но и о губной реформе ³⁰⁰. В третьей части излагается Уложение о службе. «Приговору» в целом предшествует в летописях «Приговор государев» 7058 г. о местничестве.

«Приговор государев» о местничестве и «Приговор царской о кормлениях и о службе» вклинены в летописный текст и разрывают последовательное изложение событий. По-видимому, это самостоятельно составленное сочинение, в основу которого положены материалы Царского архива, и включили его в состав официальной ле-

совым. В его книге «Становление сословно-представительных учреждений в России» приведена и основная литература по этому вопросу ²⁹⁷.

* Такой заголовок в лицевой рукописи ³⁰¹. В других летописных списках заголовок: «Приговор царской о кормлениях и о службе».

тописи при редактировании ее*. Это мешает определению точной даты событий, излагаемых в летописной вставке.

Публицистический характер собственно «Приговора», далекого от типичных формулировок законодательных актов, заставляет вспомнить о речах на соборах конца 1540-х — начала 1550-х годов, тем более что земская реформа была непосредственной реализацией планов преобразований, декларированных на этих соборах. Не являются ли первоосновой летописного текста речи, произнесенные на собрании, обсуждавшем вопросы «о кормлении и о службе»? В «Приговоре» находим комплекс представлений, характерных и для соборных речей царя 1549 и 1551 гг., и для обращения, присланного царем в начале 1565 г. из Александровой слободы, — утверждение идей о близости царя и народа, о заботе царя-«пастыря» о народном благе, чему якобы препятствуют советники и управители, злоупотребляющие своим положением, о задаче царя защищать подданных от внешних врагов**.

Дополнительный материал к пониманию летописного текста дают миниатюры лицевой летописи. «Приговор» стал сюжетом трех миниатюр Синодальной летописи на листах 235, 237 об. и 238***. Составители и редакторы летописей (что отмечалось уже) признавали за миниатюрами серьезное политическое значение. Миниатюристы, как правило, очень точно следовали тексту, передавая — конечно, в условной манере — все его подробности. Однако летописные сведения в рисунках иногда дополнены или даже своеобразно истолкованы; и миниатюры поэто-

*Приговор царской
о кормлении и о службах
1555/56 г.*

Синодальная летопись, л. 235

* Вероятно, «Приговоры» включены в официальную летопись редактировавшим ее А. Ф. Адашевым. Он принимал, несомненно, участие в создании официальной Разрядной книги и «Государева родословца», составление которых было тесно связано с

осуществлением реформ 1555—1556 гг.

** См. стр. 213 и сл.

*** На листах 234 и 234 об. помещены миниатюры, иллюстрирующие текст «Приговора государева» о местничестве.

поде . а до прапои рдин и до лѣи
роуи . се болше мѣсто коу по друго
по е по дѣлѣ мѣстѣ мѣстѣ
стѣ . хтоси мѣсто по дѣлѣ мѣстѣ
по дѣлѣ мѣстѣ мѣстѣ . а по е по дѣ
присирлѣтѣ разоужа дѣи чѣсто .
и хтоси по дѣлѣ мѣстѣ . хтоси жетѣ
рапои по дѣлѣ мѣстѣ



присирлѣтѣ разоужа дѣи чѣсто .
и хтоси по дѣлѣ мѣстѣ . хтоси жетѣ
рапои по дѣлѣ мѣстѣ

му представляют собой подчас более исчерпывающий источник, чем летописный текст*.

На всех трех миниатюрах Иван IV — молодой и безбородый — изображен в Кремле. На листе 235 миниатюра помещена прямо над заголовком «Приговор царской о кормлениях и о службах». Художник рядом с царем соответственно тексту («приговорил царь... с братиею») нарисовал его братьев, тоже молодых и безбородых, — родного брата Юрия Васильевича и двоюродного брата Владимира Андреевича Старицкого (он изображен в традиционной княжеской шапке, как обычно изображали удельных князей). Слева от царя — большая группа людей. Массовость сцены передана типичным для миниатюриста приемом — нарисовано более или менее ясно несколько лиц (отчетливо видно шесть лиц), а дальше много шапок. Среди изображенных выделяется фигура в белом клобуке**, очевидно, это митрополит Макарий, не названный в летописи. Справа от царя тоже группа людей (отчетливо нарисованы лица двух), одетых в боярское платье. У царя, митрополита и трех людей в светской одежде типичные жесты людей, что-то обсуждающих.

Миниатюра ясно показывает, что в царских палатах (изображенных согласно трафарету) происходило обсуждение вопроса о кормлениях и что митрополит принимал в этом обсуждении деятельное участие. Это делает понятным текст «Приговора»: здесь и верноподданническое славословие, и обращение к царю, и характеристика его деятельности до «Приговора». Слова эти гораздо более уместны в устах других (нежели самого Ивана IV), и прежде всего Макария. Следовательно, основное содержание миниатюры — само совещание, так сказать, процесс обсуждения определенных вопросов.

Иное содержание миниатюры листа 237 об., иллюстрирующей текст «О повелении царском» (и помещенной

*Земская реформа 1555/56 г.
Синодальная летопись.
л. 237 об.*

* См. стр. 44.

** Белый клобук митрополиты официально стали носить с 1564 г. Но миниатюры Синодальной летописи раскра-

шены были в XVII в., когда митрополит, согласно традиции, изображался именно в белом клобуке.



опомини туркоу . Пошейте дря по
градѣ и по мостѣмъ разчлени и нѣмъ
сты . и оуице и на пидеи оуице и
дееице и нѣмъ и грознымъ
преицеице и поше положити что
комъ и разіоу и пиди проицеи
и пиди . и на іакіе и бл . и и оуице
и оуице и разіоу и нѣмъ и оуице
и іакіе и бл . и и оуице и разіоу
и нѣмъ и оуице и іакіе и бл .

над этим заголовком). Иван IV, как и прежде, изображен сидящим на царском троне в Кремле. Но теперь уже у него повелевающий жест (также трафаретный для миниатюр). Слева и справа от царя — группы людей (но меньше, чем в первой миниатюре), все в боярских платьях. Митрополита и вообще духовных лиц не видно. Рядом с царем — открытый ларь с деньгами. Согласно миниатюрному трафарету, это должно было иллюстрировать мысль о том, что речь идет о финансовой реформе. Наверху, над кремлевской стеной, — три группы людей на фоне городских стен. Крепостная стена в миниатюрах, как правило, означала слово «город»³⁰², т. е. иллюстрировалась мысль о том, что речь идет именно о реформе управления городами. Вероятнее всего, что миниатюра изображала заседание Боярской думы, формулировавшей соответствующий законодательный акт.

Третья миниатюра помещена перед заголовком «О рассмотрении государьском». Иван IV снова изображен на царском троне. Слева и справа — группы людей. Слева — в боярском платье, справа — в боярском платье и в военных доспехах. Изображение воинов могло означать и участие их в заседании (подобно тому, как «воины» участвовали в соборах рубежа 1540—1550-х годов), и то, что обсуждался вопрос о военной службе.

Правда, в летописных миниатюрах изображение совещаний государя с группами каких-то лиц обычно условно, и особенности летописного трафарета в изображении совещаний того или иного типа не определены еще с должной точностью. Данные миниатюры могли изображать и думный собор (т. е. заседание менее широкого состава)*, и заседание, напоминающее Земский собор.

Предположение о том, что приговор об отмене кормлений и уложение о службе были приняты на заседании собора (во всяком случае с участием столичных дворян)³⁰⁴, подтверждается и поздними летописцами. В кратком летописце первой половины XVII в. из собрания И. Д. Беляева³⁰⁵ излагается содержание «Приговора

*Уложение о службе 1555/56 г.
Синодальная летопись, л. 238*

* Н. И. Павленко полагает даже, что на миниатюре листа 235 изображен «обычный, по-

вседневный состав правительства»³⁰³.

по посылшество . акого проиесобот
тако палнх пиндоу тако побелѣл
на знемь предплати . а на грады и на
полштин полшжипинѣ роки по ихъ
промыслѣ , и по землѣ , и по шѣ ро
ки збравши царскии казни поимъ
дѣлашъ , бо имъ же велико крѣсто поимъ
оустроилъ кормленіемъ праведными
оуроки . емоу же достоинъ въ поштеніе
сподъ и по доштенію . а городъ пошче
тавертій годъ , денежны жалшпаніе .



у всех бояр, и князей, и околничих, и дворян московских о кормленщиках» *. В так называемом Морозовском летописце, известном в рукописи XVIII в. и использованном еще Н. М. Карамзиным, также имеется указание на то, что о «покормщиках и наместниках, кормившихся по городом и волостем», был «приговор у всех бояр, и князей, и окольничих, и дворян московских» **. В летописцах часть «Приговора» с демагогической фразеологией сокращена, и основное место отведено изложению самого

* «...Приговор у всех бояр, и князей, и околничих, и дворян московских о кормленщиках. А по то время бояре, и князие, и дети боярские сидели по кормлением по городом и по волостем, и тем городом и волостем расправу чинили, а сами доволни были указами своими пошлинами, что имь государь Иван Васильевич указал. И вниде государю в слух, что кормленщики, сиречь намесники, многия грады и волости учинили пусты, и повеле государь во градах и в волостех учинити старосты и сотские и кормленщиков отставил. И учинил им землемерие и в поместьях и в вотчинах, а с вотчины и с поместья уложил на свою на государеву службу со стартерей угожеи добрые земли человек на коне и в доспехи в полном, а в далней поход о дву конь; и хто послужит по земле, и государь жалует денежным жалованьем и на уложеные люди. А хто землю держит, а с ней не служит, ни людей дает, и на тех на самех имати денги за людей. А хто дает в службу люди лишния перед землею чрез уложенныя люди, и тем от государя болшея жалованья самим, а людем их перед уложенным в полтретья довати деньгами от государя» ³⁰⁶.

** В обоих летописцах приведена дата 7059 г. В летописцах вообще путаница дат (например, под этим же годом сообщается о рождении царевича Федора — лист 91 Беляевского летописца), смешение событий, ошибки в написании имен. Так, при описании «Казанского взятия» Андрей Курбский назван Петром, и в то же время на другом листе читаем: «Того же лета (опять ошибка — приводится дата 7070 г.! — С. III.) изменил государю царю из Ливонских городов боярин князь Ондрей Курпской, отъехал в Литву из Ливонских градов, и ини с ним отъеховше» (Беляевский летописец, л. 99 об., 110). Впрочем, очень вероятно, что дата 7059 г. написана не случайно, а в связи с Приговором о местничестве, подтвержденном вместе с принятием решения об отмене кормлений (об этом Приговоре упоминается в обоих летописцах, и как раз перед известием об отмене кормлений). Эта датировка, а также знакомый нам по проекту Ермаолая Еразма термин «землемерие» снова возвращают нас к «царским вопросам» собора 1550 г.

существа реформы; причем подчеркнута взаимосвязь земской реформы и Уложения о службе.

В тексте собственно «Приговора», включенном в официальную летопись, заметна как бы оправдывающаяся интонация, напоминающая покаянные речи Ивана IV на соборах конца 1540-х — начала 1550-х годов. В «Приговоре» говорится о бедствиях, которые терпело население «по се время». Виновниками бедствий выставлены, конечно, «наместники и волостели», которые были не «пастырями», а «гонителями» и «разорителями»; сам же царь, напротив, представлен как «истинный пастырь». Более того, как только «вниде в слух благочестивому царю, что многие грады и волости пусты учинили наместники и волостели», царь занялся рассмотрением создавшегося положения и, согласно своему «обычаю», («царю же благочестивому обычай бяше таков»), решил устранить зло. Однако из текста «Приговора» же знаем о том, что кормленщики «много злокозненных дел учиниша... из многих лет», и, следовательно, царь, если бы он уделял должное внимание управлению государством, обязан был бы знать и прежде об этих злоупотреблениях.

Особенно любопытно, что в «Приговоре» навязчиво проводится мысль о том, что царь изменил свое прежнее поведение* и теперь полон желанья творить волю бога: «Порученные ему государства съблюсти и устроить во всем подобие вправду и оборонити от всех иноверных басурман и латин». Странное на первый взгляд упоминание о несправедливом поведении царя (хорошо известное по другим источникам — по Новгородским и Псковским летописям, Пискаревскому летописцу, сочинениям Курбского и иностранцев и др.) вряд ли случайно попало в официальную летопись. Следовательно, о «недостойном» поведении Ивана IV говорили на собрании, изображенном на первой миниатюре, и это (в ряду других обстоятельств) вынудило царя — который раз! — покаяться и обещать «не щадить своей царьской выи» в делах управления государством. Очень вероятно, что в летопись проникли слова, сказанные об этом Макарием (заметна близость стилистики «Приговора» и посланий и речей

* Интересно отметить, что при редактировании рукописи в 1570-е годы слова «потехи же царские, ловы и иное уч-

реждение, еже подобает обычаем царским, все остави» были зачеркнуты.

Макария, излагаемых на других листах летописи). Не об этом ли «покаянии» Ивана IV напоминает и Курбский, описывая в «Истории» события 1555 г. и снова возвращаясь к тому же³⁰⁷ («яко прежде воспомянухом, иже был царь наш смирился и добре царствовал. . .») при описании первых лет Ливонской войны?³⁰⁸ Содержание «Приговора» скомкано и нарочито туманно, «Приговор» доносит, очевидно, лишь немногие отзвуки того, что происходило в 7064 г.

Несколько расплывчатой кажется и формулировка «Повеления царского». Возможно, объяснение этому следует искать не в том, как полагает А. А. Зимин, что в 7064 г. не было издано особого указа, отменявшего кормления и вводившего земское управление в государстве³⁰⁹, а в том, что земская реформа, задуманная как общегосударственная, оказалась осуществленной не в полной мере, и в конце 1550-х годов в некоторых землях даже возвратились к практике кормлений*. Одновременно с земской реформой правительство старалось завершить и губную реформу, и оба мероприятия, возможно, даже и обсуждались на одном и том же сравнительно широком собрании. Все это, видимо, и побудило редактора летописи ограничиться таким нечетким изложением того, что происходило на соборе 7064 г., в том числе и соборного решения.

Собор 7064 г., очевидно, происходил прежде июля 1556 г., так как в этом месяце царь со многими боярами находился уже в Серпухове, а брат его Юрий Васильевич³¹⁰ и митрополит оставались в Москве.

Можно думать, что созыв собора 7064 г. (так же как и наставление митрополита и очередное покаяние царя) был вызван прежде всего обострением межклассовой и внутриклассовой борьбы. Некоторые данные об этом удастся почерпнуть и из самого «Приговора». Там читаем о многих «кровапролитиях» и «осквернениях душам», о том, что «градов и волостей мужичья многие коварства содеяша», убивали «людей» кормленщиков, а после отъезда кормленщиков предъявляли им «многие иски».

В губных и земских грамотах середины 1550-х годов

* Сведения об этом приведены в том же исследовании

А. А. Зимина о реформах середины XVI в.³¹¹

также неоднократно упоминается о сопротивлении населения наместникам и волостелям, неуплате кормов, челобитях в Москву. Большое число губных и земских грамот, выданных посадам в эти годы, свидетельствует о широком недовольстве посадского населения³¹².

Интересно в этой связи и не раз встречающееся в летописи под 7063 г. (1554—1555 гг.) известие о том, что царь велел казнить в Москве «многое множество» посадских³¹³. В одном из летописцев XVII в. читаем: «Лета 7063-го государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси велел казнить торговых многих людей и гостей на пожаре многое множество казнёных, идеже ныне стоят храмы по рву на костях казнёных и убиеных, на костях и на крови поставлены». Исследователь, приводящий эту летописную выписку, утверждает, «что ничего подобного в 1555 г. не происходило»³¹⁴ и известие это ошибочно отнесено именно к этой дате. Можно предполагать, однако, что для такой датировки, напротив, имеются некоторые основания, и в «Приговоре царском о кормлениях и службах» не зря подчеркивается мысль о том, что от царя будут «суд и правда нелицемерна всем».

«Приговор» этот следует рассматривать в более тесной взаимосвязи с другими правительственными мероприятиями тех лет, в частности не только с выдачей уставных грамот, но и с Приговором о разбойных делах (январь 1555 г.) и Приговором о губных делах (август 1556 г.). В Приговоре о губных делах правительство явно пыталось облегчением положения должников (ст. 19)³¹⁵ смягчить народное недовольство. (Регулярное публичное наказание несостоятельных должников становилось поводом массового возбуждения.)

Рассматривавшийся на соборе 7064 г. вопрос о службах также тесно связан с другими правительственными мероприятиями тех лет: с составлением Боярской книги, «Государева разряда» 1556 г.³¹⁶, «Государева родословца», со смотром служилых людей в Серпухове (в 7064 г. «людем служилым большой смотр был»)³¹⁷. Вероятно, на соборе в этой же связи подтвердили и прежний приговор о местничестве (как это делали уже раньше), и потому «Приговор государев» о местничестве и был включен в состав сочинения о деятельности собора 7064 г.

Правительство рассматривало вопрос о различных категориях служилых людей, пытаясь решить его в харак-

терном для Избранной рады плане политики компромисса всех прослоек класса феодалов, политики, выгодной в конечном счете прежде всего дворянству. В «Приговоре» говорится о том, что «любовь» царя «к вельможам, и к средним и к младым, ко всем равна: по достоянию всех любит, всех жалуует и удовлетворяет уроки вправду, против их трудов и мзды им въздает по их отечеству и службе; ни единого же забвена видети отсвоего жалования хочет, такоже никого ни от кого обидима видети хочет». Едва ли эта декларация не была ответом на недовольство, выраженное в какой-то форме служилыми людьми по поводу отношения к ним правительства или даже самого царя.

Относительно широкое обсуждение этих планов государственных преобразований тем более могло показаться важным для правительства Адашева, что именно эти вопросы (как явствует из приписок к лицевым летописям, посланий царя, Курбского, сочинений Ермолая Еразма, Пересветова и других источников) становились не только предметом острых столкновений в среде окружающих царя, но и волновали более широкие общественные слои.

Эти правительственные мероприятия отражали, как и в конце 1540-х — начале 1550-х годов, и потребности международной политики. Вряд ли случайно, что основные направления реформы были декларированы накануне «Казанского взятия», а завершена была в известной мере реформа именно в канун Ливонской войны, когда ощущалась особая нужда в организации и обеспечении войска.

Собор 1560 г.

В сентябре 1560 г. были «соборне» осуждены руководители правительства Избранной рады А. Ф. Адашев и Сильвестр. Основным обвинением, выдвинутым против них, было то, что они якобы «счаровали» недавно перед тем умершую жену царя Анастасию *. Собор по существу

* В русском обществе в XVI и в XVII вв. жила вера в то, что болезни вызываются «порчей», «насылкой» со стороны враждебно настроенных «чаровников» и особенно «чаровниц»³¹⁸. И, по словам Курб-

ского, первой жертвой «пожара лютоści» Ивана IV была полька Мария-Магдалина, обвиненная в том, что она «чаровница и Алексеева (т. е. Адашева. — С. III.) согласница». Вскоре после смерти

был актом судебного процесса, и этот процесс, как и многие другие подобные процессы того века³²⁰, превратился в «колдовской» *.

О рассмотрении «дела» Адашева и Сильвестра узнаем из «Истории о великом князе Московском» Курбского. По его словам, Адашев и Сильвестр просили у Ивана IV «очевистного глаголанья»: «Да будет суд явственныи пред тобой и предо всем сенатом твоим»³²¹. Однако царь «собирает соборище, не токмо весь сенат свои мирский, но и духовных всех, сиречь митрополита и градских епископов, призывает и к тому присовокупляет прелукавых некоторых мнихов... и посаждает их близу себя, благодарне послушающе их, вещающих и клеветующих ложное на святых и глаголющих на праведных беззаконие, со премногою гордынею и уничижением». «Что же на том соборище производят? — пишет далее Курбский. — Чтут, пописавши вины оных мужей заочне». Предложение митрополита Макария пригласить на собор обвиняемых отвергается «губительнейшими ласкателями вкупе со царем»³²², и они были осуждены заочно.

Членами освященного собора помимо митрополита и архиереев были и «некоторые» монахи (имена двух из них — Мисаила Сукина и Васьяна Бесного — Курбский называет). Сложнее установить по описанию Курбского состав «всего сената мирского». Допустимо предположить, что участниками собора были не только «думные люди», но и другие советники из «множайших и бесчисленных лжесчивальцев»³²³, окружавших царя. Именно в связи с осуждением Адашева и Сильвестра Курбский пишет о том, что царь «собрал и учинил уже окрест себя яко пресильный и великий полк сатанинский»³²⁴. Этот «полк сатанинский» мог тоже быть частью «сонмища ласкателей», осудивших руководителей Избранной рады.

Хотя описание собора 1560 г. близко напоминает соборы «на еретиков» середины 1550-х годов, Курбский не признает собор законным. «Где таков суд слышав под солнцем, без очевистнаго вещания?» — спрашивает он. Он ссылается при этом на послание Иоанна Златоуста

Адашева ее казнили вместе с пятью сыновьями³¹⁹.

* Тем более что и этому собору предшествовали страшные

пожары, отмеченные в официальной пространной летописи и в кратких летописниках³²⁵.

папе Иннокентию по поводу собора при Дубе. В послании заочно осужденный Иоанн Златоуст, «нарекаяще на Феофила (патриарха александрийского. — С. Ш.)» и «на все соборище его о неправедном изгнанию своем», утверждал, что заочное осуждение духовного лица противоречит «всем церковным канонам» и что подобное беззаконие не имеет места даже «в поганских судах» и у «варварских престолов»³²⁶.

Беспрецедентным для середины XVI в. казалось и заочное и по существу бессудное («без суда») ³²⁷ осуждение «думного человека» (А. Ф. Адашев был окольным). Это было грубым нарушением основных уставов служебного положения «думных людей» и полностью противоречило традиционным представлениям о княжеском «правом» суде с его тяжбой (состязанием) сторон³²⁸. Рассуждения Курбского и цитаты из Златоуста явно направлены против Ивана Грозного, писавшего в Первом послании Курбскому, что Адашев и Сильвестр осуждены были на вполне законных основаниях за «измены»*. Курбский считал совершенно неосновательным мнения тех, кто похвалялся, «аки бы то соборне осудиша» Сильвестра и Адашева, и возмущенно — с явным расчетом на зарубежного читателя, знакомого с посланием Грозного, — восклицал: «Сеи соборнии царя нашего христианскаго таков суд! Се декрет ** знамените произведен от вселукаваго сонмища ласкателей, грядущим родом на срамоту вечныя памяти и уничижения Рускому языку!»³²⁹

Курбский не случайно называет собор, осудивший Адашева и Сильвестра, «соборищем». В XVI в. слово «соборище» приобрело ругательный смысл***. В представлении Курбского «соборища» — незаконные, неправедные, с его точки зрения, соборы. Именно этим словом Курб-

* Иван IV писал: «Сыскав измены собаки Олексея Адашева со всеми его советники, милостивно гнев свои учинили: смертные казни не положили, но по розным местом розослали»³³⁰. Слова эти написаны в ответ на послание Курбского, обвинявшего царя в том, что тот «измена, и чародейство, и ны-

ми неподобными оболгаючи православных»³³¹.

** В нескольких списках на поле написано: «Осуждение».

*** В житии митрополита Ионы по рукописи XVI в. «богомерзким соборищем» назван Флорентийский собор 1439 г.³³²

ский характеризовал собор, осудивший некогда Иоанна Златоуста. «Соборищем» назвал он и собор 1568 г. в Москве, осудивший митрополита Филиппа. Курбского особо возмущало то, что митрополит был осужден не собором высшего духовенства, а при участии «мирских людей»³³³, и он гневно сравнивает царя Ивана с царем Иродом³³⁴. (А. А. Зимин, специально изучавший историю осуждения Филиппа, заметил, что «суд над Филиппом состоялся на импровизированном заседании земского собора»³³⁵.)

Вспоминая об осуждении Адашева и Сильвестра, Иван Грозный писал о крестоцеловальных записях, которые вынуждены были дать сторонники осужденных *. Подобные записи если не составлялись, то утверждались в церкви на собраниях «чинов». Среди поручителей в записях 1560-х годов немало сравнительно неродословных людей, причем одни и те же дворяне иногда поручались за нескольких вельмож³³⁶. Имена некоторых из них встречаем в Тысячной книге, Тетради дворовой, Боярской книге 1556 г., среди участников собора 1566 г. Возможно, что эти дворяне (большинство из них принадлежало к «государеву двору») и составляли дворянскую группу («чин») тех собраний, на которых утверждались крестоцеловальные записи. Вопрос этот нуждается в специальном изучении и в плане исследования истории соборов XVI в.

Собор кануна опричнины

Собор, по-видимому, имел место и в канун учреждения опричнины. К такому предположению можно прийти на основании сравнительного изучения официальной летописи, сочинений иностранцев и других источников.

На этот факт обратил внимание еще Н. И. Костомаров, основываясь на летописи и послании Таубе и Крузе. Костомаров полагал, что собрание было созвано царем по возвращении его из Александровой слободы, когда «все чины государства изъявили ему благодарность за

* Иван IV писал: «Исперва же убо казнью конечною не единому коснухомся; всем же убо к ним (Адашеву и Сильвестру. — С. Ш.) не пристав-

шим, повелехом от них отлучитися, и к ним не пристаяти, и сию убо заповедь положивше и крестным целованием утвердихом»³³⁷.

его заботливость»*. По мнению Костомарова, «это, конечно, не был земский собор в его форме. Полного собора царь, как видно, созывать не решился, но тут было заявлено мнение и духовных, и служилых, и неслужилых, правда только московских и тех, кто случайно находились в Москве»³³⁸. «Но, — замечает Костомаров, — и в других соборах не отовсюду непременно вызывали выборных людей»³³⁹. Текст Костомарова пересказывает и цитирует В. Н. Латкин, не признавший, однако, это собрание Земским собором на том основании, что в Москве не было тогда выборных из городов³⁴⁰.

А. А. Зимин в монографии об опричнине ограничился фразой: «Весть о том, что царь «государство свое отставил», была сообщена московскому населению 3 января **, как это еще предположил Н. И. Костомаров, на импровизированном заседании земского собора»³⁴¹. Подробно рассматривался вопрос о Земском соборе кануна опричнины в моей статье «К истории соборов XVI века», опубликованной в 1965 г. (материал ее в основе настоящего раздела книги). Р. Г. Скрынников в книге «Начало опричнины», изданной в 1966 г. ***, пишет о решении «импровизированного Земского собора, заседавшего на митрополичьем дворе» после получения царских посланий в Москве 3 января 1565 г., и о «посланцах собора», отправленных в Слободу³⁴². Он пишет и о «первом соборе опричного времени» после возвращения Ивана Грозного из Слободы в Москву 15 февраля. Земский собор открылся, по мнению Р. Г. Скрынникова, пространной речью царя и одобрил указ об опричнине. (В работе встречаем выражения: «Царский указ, утвержденный собором», «Подлинный приговор Земского собора об опричнине не сохра-

* Н. И. Костомаров приводит цитату из сочинений Таубе и Крузе (то же место цитирует и Р. Г. Скрынников)³⁴³.

** А. А. Зимин (и вслед за ним Н. И. Павленко)³⁴⁴ неточно передает мысль Н. И. Костомарова, полагавшего, что Земский собор созвали не по получении грамот из Слободы (т. е. 3 января), а лишь тогда, когда «царю Ивану Васильевичу оказалась на-

добность говорить с народом»³⁴⁵, т. е. по возвращении царя в Москву в феврале 1565 г.

*** О соборе 1565 г. Р. Г. Скрынников писал и прежде в статье «Введение опричнины и организация опричного войска в 1565 году», опубликованной в 1965 г.³⁴⁶ (именно на эту работу ссылается Н. И. Павленко).

нился».) В заседаниях собора, возможно, участвовали и представители дворянства³⁴⁷. Н. И. Павленко в статье о земских соборах XVI в. оспаривает мнение мое и Р. Г. Скрынникова и относит собор кануна опричнины, согласно своей терминологии, к «мнимым» земским соборам³⁴⁸.

Текст Синодального списка официальной летописи представляет собой самостоятельную летописную повесть «Поезд болшой государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси» (название повести в рукописи выделено)*. Из летописи узнаем, что царь 3 декабря 1564 г. выехал с семьей в Коломенское, где уже 6 декабря отмечал праздник Николая-чудотворца. «Для непогоды и беспуты» он задержался в Коломенском на две недели; оттуда двинулся в Троице-Сергиев монастырь (где отмечал память Петра-митрополита 21 декабря) и дальше в Александрову слободу. Летописец подчеркивает, что «подъем» царя «не тако был, яко же прежде того езживал по манастырем молитися или на которые свои потехи в объезды ездил». На этот раз Иван IV повелел взять с собой «святость, иконы и кресты», и драгоценную церковную утварь, и «платие, и денги, и всю свою казну» и приказал многим боярам, «дворянам ближним» и «приказным людям» сопровождать его вместе с семьями («з женами и з детми»). Также «дворяном и детем боярским выбором изо всех городов, которых прибрал государь быти с-ним, велел тем всем ехати с собою с людьми, с конми, со всем служебным нарядом». В момент отъезда царя в Москве находились митрополит, архиепископы новгородский и ростовский и «ины епископы, и архимандриты, и игумены, и царевы и великого князя бояре, и околничие, и все приказные люди». Летописец счел нужным особо указать, что «на Москве же *тогда*» (выделено мною. — С. III.) находились эти лица. И все они «о том в недоумении и во унынии быша, такому государьскому великому необычному подъему, и путного его шествия не ведамо, куды бяше».

Лишь 3 января в Москву привезли из Александровой слободы две царские грамоты. В грамоте, адресованной

* Выделена таким же заголовком и особая повесть в Продолжении так называемой

Александровской летописи (по рукописи третьей четверти XVII в.)³⁴⁹.

митрополиту, были «писаны измены боярские, и воеводские, и всяких приказных людей». Бояре и приказные люди обвинялись в том, что они «его государства людем многие убытки делали и казны его государьские тощили, а прибытков его казне... не прибавливали»; бояре и воеводы, говорилось далее, раздавали «государьские земли» по дружбе и родству, держали за собой «поместья и вотчины великие», получали «жалования государьския кормленые» и, «собрав себе великие богатства», не хотели «радети» «о государе и его государстве и о всем православном христианстве», защищать страну от недругов («от крымского и от литовского и от немец») и «сами от службы учали удалятися». Освященный же собор («архиепископы, и епископы, и архимандриты, и игумены») препятствовал наказанию виновных и, «сложася з бояры, и з дворяны, и з дьяки и со всеми приказными людми, почали по них же государю... покрывати». За это государь «на своих богомольцов, на архиепископов, и епископов, и на архимандритов, и на игуменов, и на бояр своих, и на дворецкого, и конюшего, и на окольных, и на казначеев, и на дьяков, и на детей боярских, и на всех приказных людей опалу свою положил» и, «не хотя их многих изменных дел терпети, оставил свое государство и поехал, где вселиться, идеже его, государя, бог наставит».

Другая грамота была адресована «к гостем же и х купцом и ко всему православному крестиянству града Москвы». В грамоте Иван IV писал, «чтобы они себе никоторого сумнения не держали, гневу на них и опалы никоторые нет». Грамоту эту велено было «перед гостьми и перед всеми людми... прочести» думным дьякам Путилу Михайлову и Андрею Васильеву³⁵⁰. Можно думать, что основное содержание обеих грамот было схожим.

Обычно признают, что вторая грамота была адресована всему московскому посаду, и его мнением и интересовался царь. («Царь объяснился с народом и услышал от него мнение», — писал Н. И. Костомаров³⁵¹.) Между тем есть основания полагать, что предназначалась грамота прежде всего для купеческого «чина» собора, и именно этот «чин» (т. е. верхушка посада) в первую очередь и обсуждал ее содержание. Купеческий «чин» на этот раз состоял из московского купечества (так же как на другом уже хорошо известном нам соборе 1566 г. было

представлено купечество не всех городов, а лишь Москвы или — как полагают некоторые исследователи — Москвы и Смоленска).

В летописи последовательно излагаются мнения «чинов» собора. Высказывания эти были обращены к митрополиту, который, по традиции, в отсутствие государя считался первым лицом в государстве, да и, кроме того, именно митрополиту была адресована первая грамота царя. Сначала указывается на суждение освященного собора *. Затем уже излагается мнение светских чинов и церковных деятелей, не входивших по должности в состав освященного собора («бояре же и околничие, и дети боярские, и все приказные люди, и священнический и иноческий чин, и множества народа»). Так как мнение купечества и горожан Москвы излагается позже, в данном случае под «множеством народа» следует подразумевать какие-то группировки феодалов.

Наконец, свое мнение отдельно высказали «гости, и купцы, и все граждане града Москвы»³⁵². Легко обнаружить различия в суждениях этой группы и других участников собора. И феодалы и купцы просили царя о том, чтобы он «государства своего не отставлял» («государства не отставлял»). Но феодалы отмечали лишь то, что государь волен «в животе и в казни» «государских лиходеев». Купечество же просило, чтобы государь их «на разхищение волком не давал, наипаче же от рук сильных избавлял», и предлагало свои услуги в истреблении «государских лиходеев» («а хто будет государских лихоев и изменников, и они за тех не стоят и сами тех потребят»). В заключительном суждении митрополита была повторена формулировка феодальных чинов («и хто будет ему, государю, и его государству изменники и лиходен, и над теми в животе и в казни его государская воля»).

Делегатами к царю постановили послать архиепископа новгородского Пимена и архимандрита Чудова монастыря Левкия, но одновременно, «сами о себе», к царю

* «Слышав же сия, пресвященный Афонасий, митрополит всеа Русии, и архиепископы, и епископы, и весь освященный собор, что их для гре-

хов, сия склочишася, государь государство отставил, зело о сем оскорбеша и в велице недоумении быша»³⁵³.

отправились и другие участники собора, а возможно, и «черные люди», не участвовавшие в его заседаниях. Светские «чины» («бояре, и околничие, и казначей, и дворяне, и приказные люди многие») заседали, видимо, на митрополичьем дворе; оттуда, «не ездя в дома своя», они и поехали в Александрову слободу.

5 января все уже были в Слободе, где царь сначала принял двух делегатов — Пимена и Левкия. Очевидно, они сразу же дали согласие на все условия царя и обещали от имени освященного собора не пользоваться правом «печалования» перед государем за опальных. (Не случайно с такой ненавистью писал об этих советниках царя Курбский *.) Затем были приняты члены освященного собора, еще прежде просившие о встрече с царем («соборне прежде биша челом»), и, наконец, к царю были допущены (по просьбе якобы освященного собора) бояре и приказные люди. Таким образом, массовая опала формально была снята, и царь допустил и освященный собор и бояр и приказных «очи свои видети». Было объявлено, что «челобитье» освященного собора царь «принял на том, что ему своих изменников, которые измены ему, государю, делали и в чем ему, государю, были непослушны, на тех опала своя класти, а иных казнити и животы их и статки имати: а учинити ему на своем государстве себе опришнину».

В тот же день 5 января большинство бояр и приказных людей отпустили в Москву. Затем в летописи излагается содержание недошедшего до нас указа об опричнине и отмечается, что за «подъем» царь приговорил «взять с земского сто тысяч рублев». Описание начала опричнины заканчивается словами: «Архиепископы же, и епископы, и архимандриты, и игумены, и весь освященный собор, да и бояре, и приказные люди то все положили на государьской воле» (вслед за этим сообщается о казни в феврале 1565 г. кн. А. Б. Горбатого и других «за великие их изменные дела») ³⁵⁴.

Установление опричнины произвело слишком сильное впечатление на современников; и в момент написания

* «А за советом любимых твоих ласкателей и за молитвами чудовского Левки и прочих вселукавых мнихов, что

добраго и полезнаго и похвальнаго и богу угоднаго приобрел еси?» ³⁵⁵

летописного текста буквально каждодневно и повсюду ощущались последствия этого события, причем последствия зачастую вовсе не предвиденные. Понятно, что текст официальной летописи, посвященный этому событию, составлялся особенно придирчиво.

Рассказ о начале опричнины — один из немногих, выделенных во второй части официальной лицевой летописи (после 1560 г.) особым киноварным заголовком: «Поезд большой государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси»³⁵⁶. Киноварными же заголовками выделены либо заголовки документов, привнесенных в летопись извне, либо рассказы о наиболее важных событиях. Таким же образом выделены рассказы о смерти брата царя Юрия Васильевича, о смерти митрополита Макария, о набеге крымского хана на Рязанские земли в 7073 г. Д. Н. Альшиц верно отметил, что «особая важность этих четырех событий наводит на мысль, что рассказы о них, в отличие от других рассказов, явно выписываемых в хронологическом порядке из материалов архива, составлялись по-особому. Они, несомненно, были написаны ответственным лицом (или лицами) и переписаны затем писцом в текст летописи вместе со своими заголовками»³⁵⁷. Не менее важно и то обстоятельство, что рассказ о начале опричнины оставлен в лицевой рукописи без иллюстраций. Очевидно, текст этот подлежал еще дальнейшему просмотру или редактированию, и прежде такого редактирования не решались готовить иллюстрации к тексту³⁵⁸.

Дело дальнейшего исследования установить характер редакционной работы над текстом, определить, какие факты оказались отраженными в летописи, а какие постарались скрыть или исказить. Но и теперь уже можно с достаточным основанием полагать, что если редакторскую работу проводил и не сам Иван Грозный, то во всяком случае она отвечала его требованию определенным образом изображать начало опричнины.

В летописи много недоговоренностей и противоречий. В то же время настойчиво выпячивается идея: подданные, узнав решение царя, пришли в ужас (все «во унынии быша», начались «плачь и стенание неутолимое») и умоляли его («наипаче велием гласом молиша... со многими слезами») возвратиться в Москву: «Како могут быти овцы без пастыря? Егда волки видят овца без па-

стуха, и волки восхитят овца, кто изметца от них? Та-коже и нам как быти без государя?»³⁵⁹ (Традиционное сравнение царя с пастырем, а подданных — с овцами, ищущими защиты от волков, встречаем в той же летописи и в публицистическом памятнике — Приговоре об отмене кормлений.) Согласие царя возвратиться в Москву на определенных условиях преподносится как снисхождение к мольбе подданных, выполнение их же пожеланий.

В летописи нарочито кратко излагается содержание грамоты-послания из Александровой слободы. Но и при таком изложении становится очевидной большая близость содержания ее к содержанию Первого послания Ивана Грозного Курбскому³⁶⁰, написанного за несколько месяцев до этих событий. Характерно даже, что и в том и в другом послании акцентируется внимание (через 18 лет после венчания Ивана IV на царство!) на «изменах», которые «делали... до его государьского возрасту». Все обвинения, сформулированные в грамоте, находят себе аналогии в послании к Курбскому.

Однако формулировка грамоты (в летописном изложении) об опале, наложенной царем на весь думный собор, детей боярских и всех приказных людей, кажется явным преувеличением и не соответствует содержанию летописного же текста, где отмечено, что «многие»³⁶¹ из лиц перечисленных категорий сопровождали царский поезд. Из летописного изложения не вполне понятно: где освященный собор, бояре и приказные люди «все положили на государьской воле»: в Александровой ли слободе 5 января или после возвращения царя в Москву в феврале 1565 г., или же такая процедура происходила дважды?

Однако из летописного текста как будто явствует — и для нашей темы это особенно важно, — что обсуждение царских грамот в Москве происходило порознь по «чинам» (или сословиям) и что в Слободе царь также обращался к «чинам» порознь, в соответствии с принципами соборного представительства (сначала к высшему духовенству, затем уже к светским сословиям; об обращении к посадским людям нет указаний). Все это очень напоминает процедуру деятельности собора февраля 1549 г. (по Хронографической летописи). А окончательное решение было принято совместно освященным собором, боярами и приказными людьми, и результатом этой встречи

с «чинами» был «указ об опришнине» (указ этот в середине 1570-х годов хранился в Царском архиве)³⁶².

Правда, могут возразить, что летописец, описывая события кануна опричнины, не употребляет слов «собор», «приговорный список» (хотя имеется выражение: царь «приговорил»³⁶³). Однако только этих сомнений недостаточно для того, чтобы опровергнуть предположение о соборе кануна опричнины. В официальной летописи времени Ивана Грозного (как отмечалось уже) вообще упомянуто только об одном соборе 1566 г., и упомянуто только потому, что собор посвящен был вопросам внешней политики (показательно, что события в области внутренней политики, связанные с собором 1566 г.,³⁶⁴ не нашли никакого отражения в летописи) — потому же в летописи характеризуются и совещания соборной формы, происходившие во время Казанских походов.

Важно отметить и то, что при описании земского собора 1566 г. летописец так же не употребляет термина «собор»; указано лишь, что «архиепископы и епископы все соборне... приговорили» за Ливонские земли «крепко стояти»; при этом слово «соборне» относится не ко всему приговору, а именно к действиям освященного собора³⁶⁵. В составленной в середине 1570-х годов описи Царского архива слово «собор» в архивном описании приговора 1566 г. также отнесено только к освященному собору* (как и в летописном описании событий января 1565 г.³⁶⁶). В архивной описи при перечислении участников собора 1566 г. названы «дети боярские из городов». А это означает, по мнению А. А. Зимина, что составитель описи «считает их представителями местного дворянства»³⁶⁷. Но детей боярских «выбором из всех городов» (которых «прибрал государь быти с ним»³⁶⁸) называет летописец и характеризуя события 3 декабря 1564 г. — дня отъезда царя из Москвы.

Правильное истолкование летописного текста облегчается знакомством с летописным трафаретом. В литературных произведениях древнерусских книжников, в том

* «А в нем приговор архиепископов, и епископов, и всего собора, да бояр, и дворян, и детей боярских из городов, и приказных людей, и гостей о

Ливонской земле, что государю за нее стояти, а литовскому королю не поступиться»³⁶⁹.

числе и в летописях, определенным «предметам», темам соответствует подбор требуемых литературным этикетом трафаретных формул³⁷⁰. Такой трафарет характерен и для летописных описаний соборов; при этом выясняется, что, так сказать, соборная терминология (определения и форм соборной деятельности, и соборных «чинов») только еще вырабатывалась и определенные языковые клише не прочно еще вошли в обиход. Любопытно в этом плане сравнение изучаемого летописного текста с описаниями Земского собора 1566 г. (в тех же Синодальной и в Александро-Невской летописях) и Земского собора 1598 г. — так называемого избирательного собора в Новом летописце. Об этих соборах в отличие от собора 1564—1565 гг. сохранились акты, источники, убеждающие в соответствии содержания летописного и актового материалов. В летописи формула соборного приговора 1566 г. «гости, и купцы, и смоляне, гости» передана словами «гости, и купцы, и все торговые люди»³⁷¹. В летописном описании собора кануна опричнины — формула: «гости, и купцы, и все граждане града Москвы».

В летописном изложении событий 1598 г. читаем: патриарх «учини собор со всеми властями и призва к себе бояр, и воинство, и всех православных христиан и усоборова с ними итти» в Новодевичий монастырь «и со всем множеством народа придоша» в монастырь и т. д.³⁷² В данном случае формула «все православное христианство» покрывает формулы других современных источников (и актов, и Пискаревского летописца) о «всех чинах», «гостях и торговых людях» и т. д., присутствовавших на соборе 1598 г.³⁷³

Другой источник, содержащий много подробностей о событиях времени учреждения опричнины — послание Таубе и Крузе. По словам Таубе и Крузе, в день св. Николая * Иван Грозный решил «сообщить всем духовным и светским чинам следующее: он хорошо знает и имеет определенные известия, что они не желают терпеть ни его, ни его наследников, покушаются на его здоровье и жизнь и хотят передать русское государство чужеземному господству, посему решил он вызвать их к себе и

* У Таубе и Крузе приводится неверная дата — 1566 г. М. Г. Рогинский достаточно

убедительно показывает, что это ошибка переписчика и следует читать «1564 г.»³⁷⁴.

передать им свое правление. После этого он сложил с себя в большой палате царскую корону, жезл и царское облачение в присутствии представителей *всех чинов*» (выделено мною. — С. Ш.). На следующий день царь приказал нагрести доверху много саней наиболее значительными иконами, которые «раньше носили во время крестных ходов», взяв их из всех церквей, монастырей и часовен, «коих в Москве всегда было так много», и перед каждой из тысяч икон «кланялся... и принимал благословение, согласно обычаю своей религии». «Спустя несколько дней» он отправился по церквам и монастырям и «совершал то же самое» перед фресковыми изображениями святых. 14 дней спустя царь «приказал всем духовным и светским чинам явиться» утром в Успенский собор, «где митрополит должен был совершать богослужение». В это время его «прислужники — дворцовая челядь — вывезли на площадь все его сокровища и готовые в путь обозы». Когда кончилась служба, царь вышел из церкви, и тут же появилась его жена с «готовыми в путь сыновьями». Иван IV «в присутствии... сыновей подал руку и благословил всех первых лиц в государстве»: священный собор («митрополита, архиепископов, архиереев, игуменов, священников и монахов»), «высших бояр — князя Ивана Бельского, Мстиславского и других, так же как и высших чиновников, военачальников, бояр, купцов, коих было великое множество, каждого в отдельности»³⁷⁵. Характерно, что здесь названы и купцы. Сев в сани вместе с сыновьями, «распростившись таким образом и сопровождаемый знатными боярами» (А. Басманов, Л. Салтыков *, И. Чеботов, А. Вяземский и «другие государственные мужи и придворные») **, царь «в тот же день прибыл» в Коломенское. Там его застала распутица, и он вынужден был задержаться на 10 дней. Когда погода улучшилась, царь поехал, «согласно своему решению», в Александрову слободу, но, не доехав до нее, «остановился на некоторое время» и послал в Москву пешком и раздетых Салтыкова, Чеботова и многих подья-

* В тексте, которым пользовались Эверс и Рогинский, назван Михаил Салтыков. В более исправном издании Гоффа — оружничий Лев Салтыков³⁷⁶.

** Показательно, что все перечисленные лица впоследствии оказались в опале.

чих и воевод и написал митрополиту и «чинам» следующее: «Он поедет туда, если бог и погода ему помогут, им же, его изменникам, передает он свое царство, но может прийти время, когда он снова потребует и возьмет его». Митрополит и «представители сословий» написали царю ответную грамоту, очень напоминающую в изложении Таубе и Крузе летописное изложение ответа «чинов» на послание царя; встречаем даже схожие выражения о покинутых «бедных овцах без пастыря, окруженных множеством волков-врагов». Получив такой ответ, Иван IV согласился, несмотря на решение «никого из них не пускать к себе», чтобы «как можно скорее явились к нему» члены освященного собора — митрополит, архиепископ новгородский, епископ суздальский и игумен троицкий, бояре кн. И. Д. Бельский и кн. И. Ф. Мстиславский (они оба упомянуты и в летописи в связи с описанием событий 5 января 1565 г.) и дьяки И. Висковатый и А. Васильев³⁷⁷ (по летописи, А. Васильеву царь до этого велел читать его грамоты «перед всеми людьми»). (Штаден³⁷⁸ также сообщает, что Грозный сам «приказал привести к себе из Москвы и других городов тех бояр, кого он требует» *.) Вызванные царем в Александрову слободу лица были «приведены под охраной и стражей (сам он расположился, как в военном лагере) к нему на аудиенцию». Митрополит просил царя «от имени обоих чинов (т. е. думного собора. — С. Ш.) и всего населения» возвратиться в Москву.

«Обширная» речь митрополита близка по содержанию к посланию митрополита и «представителей сословий» (и соответственно к летописному тексту ответа сословий на грамоту царя). После этой речи царь «склонился к тому, чтобы обдумать в течение дня создавшееся положение вещей», и «по истечении этого срока позвал их всех к себе» и «устно передал» ответ.

Ответ Грозного примечателен. Конечно, и эта речь написана в характерном для авторов посланий стиле условного красноречия³⁷⁹, мешающем составить представление

* В данном случае Штаден мог повторить и рассказ Таубе, с которым он был тесно связан. В то же время описание у Штадена злоупотреблений и самоуправства бояр и кня-

зей до введения опричнины напоминает грамоту царя, присланную из Александровой слободы. Не знал ли Штаден о содержании этого документа?

об индивидуальном колорите речей исторических деятелей. Но даже и в таком виде она очень напоминает по содержанию грамоту, отправленную царем из Александровой слободы, и особенно послание Ивана Грозного Курбскому. Царь ссылался на «русские хроники, которые дают сведения о настоящем и прошедшем времени» и показывают, «как мятежны были его подданные по отношению к нему и его предкам с самого начала... рода Владимира Мономаха»; говорил о том, что им должно быть известно о намерении изменников отнять у него престол после смерти отца и сделать государем выходца из рода Челяднинных или Горбатовых*, о переговорах изменников с иноземными государями (польским королем, султаном, крымским ханом), о стремлении умертвить его, подобно тому как они это сделали с его женой Анастасией. Тем не менее он соглашается возвратиться в Москву, но при условии учреждения «опричнины» («учредить своих особых людей, советы, двор, то, что он называет опричниной»). «Представители благодарили его словами и таким образом, — по выражению Таубе и Крузе, — сами изготовили себе кнут и розги». Именно вслед за этим авторы сочли нужным дать объяснение описываемым ими событиям. По их мнению, у Грозного не было оснований «оставить государство и тем менее подозревать все население в измене». Поступок Ивана Грозного они объясняют желанием «удовлетворить своей ядовитой тиранской склонности» уничтожить княжеские и боярские роды, «затем забрать себе все принадлежащее богатым монастырям, городам и купцам».

Представителей чинов царь принял в середине января (через 40 дней после своего отъезда из Москвы), а в начале февраля (в день сретения, 2 февраля) царь был уже в Москве. «На следующий день он вызвал к себе оба сословия и указал главные причины своего отречения, рассказал им, как он дал себя уговорить, сложил гнев на милость, вернулся — и все дальнейшее». Затем Иван IV специально боярам («указал высшим боярам») говорил о том, что «могло бы способствовать расширению и процветанию государства», сообщил об учреждении оприч-

* Р. Г. Скрынников отметил, что здесь смешаны воедино дела о заговорах кн. Горба-

того (1565 г.) и боярина Федорова (1567 г.)³⁸⁰.

нины, вслед за тем, «так как такое начало имело хороший вид, была ему выражена представителями всех чинов благодарность за его заботливость»³⁸¹. На третий день после этого был обезглавлен Горбатый, а на четвертый день начался военный смотр Суздаля, Вязьмы и Можайска (т. е. «перебор людишек»).

Что подразумевают Таубе и Крузе под «представителями всех чинов» и особенно «обоими сословиями», утверждать трудно: возможно, духовенство и мирян или служилый и неслужилый «чин» (так полагает Н. И. Костомаров³⁸²). Важно отметить, что во всех событиях зимы 1564/65 г. представители сословий, в том числе и так называемого третьего сословия, играли, по словам Таубе и Крузе, очень заметную роль и что в это время имело место какое-то сословное собрание.

Близость с рассказом Таубе и Крузе о начале опричнины обнаруживается при знакомстве с упоминанием об этом событии в сочинении Одерборна. Одерборн использовал для своего памфлета разнообразные источники, главным образом польского происхождения³⁸³. Можно думать, что Одерборн знал и послание Таубе и Крузе, о их службе царю он пишет в своем сочинении³⁸⁴.

Отзвуки сословного собрания накануне учреждения опричнины нашли, видимо, отражение и в житии митрополита Филиппа. Автор жития рассказывает³⁸⁵ о том, что Иван IV «сотворяет совет и собирает весь священный собор в царствующий град Москву... и вся бояре свои и возвещает им свою царскую мысль, чтобы ему свое царство разделить и свои царский двор учинити и на се бы благословили»*. А. А. Зимин, специально изучавший

* Интересно в житии и описание предшествовавших учреждению опричнины феодальных распрей, напоминающее и описание Курбского, и послание Ивана IV: «...вражие наветы... и до самая царевы советныя полаты доиде. И велможи промеж себе содеяше ненависть за возлюбление, и гордость вознесоша и злыми своими гнусными умышлении друг на друга, аки змии, распыху-

ся и всякая зла вещь сплетется, неудобь писанию преданию. И самого благочестиваго царя возмуща зелье на гнев и ярость; сами на ся воздвигоша и человеконенавистнем подстрекашеся. И от тех злых советов верных своих слуг и известных сродников и приятелей боится, и на бояр же своих неукротимо гневашеся. И ради таковых злых соблазнов сотворяет совет...»

Этот памятник, полагает, что здесь слиты воедино два выступления митрополита: первое — происшедшее непосредственно после Земского собора 1566 г. и второе — в 1568 г.³⁸⁶ Не смещены ли здесь во времени и слиты воедино, помимо того, и известия о соборе кануна опричнины?

В фактических сведениях названных источников много общего. Так, заметна несомненная близость ответа думного собора в Москве на царскую грамоту (в изложении летописца) и содержания послания сословий и речи, произнесенной в Слободе митрополитом (в изложении Таубе и Крузе), а также близость содержания царской грамоты, посланной из Слободы (в изложении летописца), и речи царя в Слободе (в изложении Таубе и Крузе). На первый взгляд может показаться, что в представлении Таубе и Крузе события сместились или что они недостаточно разобрались в содержании доступных им первоисточников (или первоисточника). Но не менее вероятно предположение, что так все и происходило на самом деле. Подобного рода повторы характерны для соборной практики времени Ивана IV и явно прослеживаются по истории соборов середины XVI в. — схожего содержания и близкие даже текстуально декларации писались или произносились не один раз в течение времени деятельности одного или нескольких соборов, т. е. сравнительно небольшого срока времени*.

И в летописи, и в послании Таубе и Крузе отмечается кратковременность переговоров в Александровой слободе (один день) и факт произнесения царем нескольких речей перед группами прибывших участников собора. Заявления царя носили по существу ультимативный характер и, видимо, не подлежали обсуждению.

Сравнивая содержание летописного повествования и рассказа Таубе и Крузе о начале опричнины, легко убедиться, что в этих сообщениях имеются и расхождения.

* Это объясняется, видимо, и склонностью царя Ивана к произнесению речей, напоминающих одна другую и по содержанию, и даже формой своей (это особо отметил польский воевода кн. Александр Полубенский, пленен-

ный в Ливонии в 1577 г.³⁸⁷), и является следствием также привычной для средневекового человека системы обучения, основанной на неоднократном повторении одного и того же.

Например, по летописи, митрополит не ездил в Слободу, а оставался в Москве, день св. Николая праздновался в Коломенском, а делегацию собора царь принял не через 40 дней после своего отъезда (как пишут Таубе и Крузе), а через 33 дня. Вероятно, официальная летопись в данном случае более точно передает события.

Но зато в послании Таубе и Крузе обнаруживаются такие факты, которые летописец старался утаить или изложить неясно, туманно. И эта нарочитая неясность летописного изложения становится понятной, если вчитаться в сочинение Таубе и Крузе.

Выясняется, что царский «подъем» не был столь неожиданным и таинственным³⁸⁸, как привыкли повторять вслед за летописью историки. Отъезду Ивана IV предшествовали какие-то собрания, переговоры с представителями сословий, которые поэтому-то «тогда» и оказались в Москве. Выясняется также, что Иван Грозный, прежде чем покинуть Москву, отобрал для себя церковные ценности, объездив церкви и монастыри, — потому-то и сопровождал его большой поезд со «святостью». Эти действия царя очень напоминают хорошо известные приемы ограбления Твери, Новгорода и других городов в последующие годы опричнины*. Сам отъезд был оформлен с достаточной торжественностью. Царь выехал из Москвы после службы в Успенском соборе, а именно в этом храме происходили торжественные собрания соборов XVI в.

Вероятно, уже на прощальном собрании, где царь мотивировал свой отъезд из Москвы, участники собрания просили Ивана IV не покидать столицу. И «в состоянии недоумения и уныния» москвичи, видимо, находились не потому, что сам отъезд Ивана IV явился для них полной неожиданностью, а оттого, что «государьский подъем» был «необычным» и намерения царя около месяца оставались неясными.

Любопытно донесение датского дипломата Фелинга из Иван-города от 13 января 1565 г. Фелинг, основываясь, очевидно, на слухах, дошедших до него, писал, что

* Часть церковных ценностей Иван IV позже, очевидно, возвратил, так как в упоминавшемся уже ящике Цар-

ского архива рядом с указом об опричнине лежал «список судов серебряных, которые отданы в земское»³⁸⁹.

Иван IV, узнав о вторжении крымского хана, договорившегося о совместных военных действиях с польским королем, так напугался, что 3 декабря (дата указана правильно!) «поехал из Москвы на Белоозеро с супругою, двумя детьми и всею казною»³⁹⁰. Фелинг, видимо, ничего еще не знал о событиях в Москве и объяснял выезд царя обострением международной ситуации.

Значительно больший интерес представляют указы московским послам к польскому королю, составленные весной 1565 и в феврале 1566 г., т. е. когда о событиях в Москве зимой 1564/65 г., конечно, уже знали в окружении Сигизмунда II Августа, и составители наказов попытались дать объяснение этим событиям. Наказ 1565 г. дошел не полностью (в тексте обрыв), но, так как уцелевший текст почти дословно совпадает с текстом наказа 1566 г., можно полагать, что весь этот текст появился очень скоро после учреждения опричнины. (Подобное дословное совпадение ответов на вопросы в посольских наказах разных лет типично для посольских документов того времени.) На вопрос: «Преже сего (в наказе 1565 г. — «зимусь». — *С. III*.) государь ваш царь и великий князь куды был с Москвы поехал и опалу свою на многих людей чего для клал?» — велено было отвечать, что царь «преже сего (в наказе 1565 г. — «зимусь». — *С. III*.) был в слободе и положил был опалу свою на своих бояр и дворян, которые ему, государю, изменные великие дела делали, и тех за их великие измены велел казнити». А о тех боярах и дворянах, которые «до царские казни не дошли», поминали Ивану IV митрополит Афанасий и весь освященный собор, «да и государские бояре» Ивану IV «били челом, чтоб их государь пожаловал, гнев свой отложил»; и Иван IV «для челобитья» митрополита и освященного собора «и бояр своих челобитья тех всех пожаловал; а сам, приехав на свое государство, лихих казнил, а добрых жалует великим своим жалованием по прежним обычаем»³⁹¹. Характерно, что здесь упоминается об «измене» и бояр и дворян, сказано о том, что лишь после челобитий освященного собора и Боярской думы царь возвратился в Москву, и формулировки близки к летописным.

Сравнительное изучение источников позволяет поддерживать предположение И. И. Полосина, что Иван Грозный покинул не «царство», а царствующий град Москву³⁹²

и «чины» собора просили его прежде всего «царства не покидати», т. е. возвратиться в Москву*, что он и обещал сделать, хотя вскоре и оставил Кремлевский дворец**.

Управление Москвой всегда находилось в непосредственном ведении Боярской думы. В изложении указа об опричнине особенно подробно перечислены как раз районы Москвы, отошедшие в опричнину, т. е. отмечены изменения в управлении столицей. Земским боярам кн. И. Д. Бельскому, кн. И. Ф. Мстиславскому и другим царь поручал ведать «государство свое Московское» (выделено мною. — С. III.) и «управу чинити по старине» и лишь в случае ратных или «земских великих дел» «приходити ко государю». Приказ, в ведении которого было управление Москвой, в конце XVI в. назывался Земским приказом.

Уточняется также, кто именно из «ближних» придворных сопровождал царя. Вероятно, эти «ближние» лица (в посольских книгах такие лица назывались ближними думцами) входили в совет при государе, являвшийся предтечей опричной Боярской думы. Они не могли не быть в какой-то степени осведомлены о планах царя; по-видимому, Иван IV советовался с ними в эти трудные для него дни зимы 1564/65 г. Слухи о том, что Иван IV «учиниша опричнину» «по злым людей совету», держа-

* На современников — и русских и иноземцев — наибольшее впечатление произвели пребывание царя вне Кремлевского дворца, переезд его из столицы в Александрову слободу.

** В кратком летописце, дошедшем в списке первой половины XVII в., это впечатление отражено очень откровенно и в заголовке соответствующей статьи летописи, и в ее содержании: «Царь Иван Васильевич учинил на Москве опричнину, перевелся на Неглинну (заголовок выделен кинноварью. — С. III.). В лето 7073 государь царь и великий князь Иван Василье-

вич всеа Руси учинил опричнину: из города и з двора своего перевелся жити на Неглинну на Воздвиженьскую улицу на князь Михайловской двор Темрюковича и велел на тот двор хоромы строити царские и ограду учинити, все новое ставити. Тако же повеле и в Слободе ставити город и двор свой; а князем, и бояром, и дворяном велел в Слободе дворы ставити, избы розрядные, и почел в Слободе жити князь великий Иван Васильевич со всеми бояры своими. А к Москве стал приезжати на время не на велико»³⁹³.

лись очень долго³⁹⁴. Среди советников выделяли³⁹⁵ и царицу Марию Темрюковну, и А. Д. Басманова*.

Наконец, становится все более очевидным, что действия оставшихся в Москве были в значительной мере инспирированы царем, знавшим о резком антагонизме различных феодальных группировок и опиравшимся на мнение, высказанное участниками собрания (всеми или группой их), просившими не «отстаивать» столицу. Укрывшись в военном лагере — Александровой слободе, Иван Грозный размышлял об условиях капитуляции оппозиции и о деталях задуманной им грандиозной политической инсценировки.

Нет сомнений, конечно, в том, что царь получал более или менее всестороннюю и регулярную информацию о состоянии дел в покинутой им Москве. План Грозного был, однако, достаточно рискованным, и царь вряд ли мог заранее предусмотреть весь ход событий. Не мудрено, что он находился в состоянии величайшего нервного напряжения и за один месяц, по словам Таубе и Крузе, потерял волосы на лице и облысел. Видимо, Иван Грозный ожидал, что митрополит сам придет в Слободу (Таубе и Крузе были уверены, что так именно и происходило дело), но митрополит остался в Москве; и летописцу пришлось объяснять это тем обстоятельством, что митрополит «ехати ко государю не изволи для градского бжежения»³⁹⁶. (Вероятно, это и явилось одной из причин скорой опалы митрополита и некоторых других церковных деятелей.)

Хотя вторая грамота царя предназначалась, вероятно, только для купеческого «чина» собора, содержание ее не должно было и не могло оставаться тайной. Да и о какой тайне приходилось думать в момент, когда все население Москвы было возбуждено «необычным» отъездом царя! Возможно даже, что грамоту эту действительно читали народу, однако народ не должен был, по замыслу ее автора, участвовать в обсуждении грамоты. Обсуждение грамоты было делом участников собора, хотя царь, вероятно, и рассчитывал на определенный резонанс, кото-

* А. Д. Басманов сопровождал царицу в Александрову слободу. В архиве хранились «памятцы наказные» об этом,

вероятнее всего относящиеся именно к начальному периоду опричнины³⁹⁷.

рый могло произвести его послание среди «множества народа». Слишком памятливы были и для царя, и для других феодалов страшные сцены июня 1547 г., и царь не мог не пытаться обезопасить себя от пожара народного возмущения. Страх перед народными волнениями, конечно, испытывали и феодалы. Опасность народного восстания в период такого временного «безгосударства», да еще при отсутствии части войска, увиденного в Александрову слободу, казалась особенно реальной. Возможно, что это явилось одним из самых действенных факторов, заставивших участников собора принять все ультимативные условия Ивана Грозного*.

Согласно летописному тексту, «многие черные люди со многим плачем и слезами» отправились в Слободу. Однако, если это и имело место на самом деле, им явно старались помешать добраться до Слободы, так как даже официальным делегатам Пимену и Левкию, по той же летописи, царь «повеле ехати с приставы». Все это наводит на мысль, что летописный рассказ о массовом походе москвичей в Слободу едва ли не позднейшая официальная легенда, созданная в окружении Ивана Грозного. Она вполне соответствовала основным тенденциям официальной летописи — показать широкую поддержку опричных мероприятий царя, переложить ответственность за эти мероприятия на достаточно широкий круг лиц, на «множество народа» и в то же время скрыть направленность этой политики против интересов трудового народа — и крестьянства³⁹⁸, и низов посадского населения.

Сравнительное изучение источников по истории событий кануна опричнины — прежде всего Синодальной и Александро-Невской летописей и послания Таубе и Крузе — позволяет прийти к выводу, что, уже покидая Москву, Иван Грозный начал реализацию планов опричной политики. Он уже приступил к систематическому обогащению своей казны насильственным путем (ограничил церковные ценности) и узаконил это несколько позже приговором о «взятии из земского» 100 000 руб. «за подъем» и о конфискации в свою пользу «животов и статков» опальных лиц. Началось уже формирование и нового

* Многие объясняют в этом плане замечание К. Маркса об Англии середины XVI в.:

«Одной из основ, укреплявших деспотизм Тюдоров, была социальная опасность»³⁹⁹.

государева «особого двора» * из тех лиц, «которых прибрал государь быти с ним» еще до выезда из Москвы и которые сопровождали его в Александрову слободу ⁴⁰⁰. Оставалось еще заставить признать за государем право казнить без суда «думных людей» ⁴⁰¹, вынудить духовенство отказаться от права печалования за опальных ** и получить согласие на создание особых территорий с особой системой управления и особым составом служилых людей ***.

Этот ультиматум и приняли оставшиеся в Москве

* Создание личной гвардии, точнее, отрядов специальной личной охраны царя было нововведением. Еще в 1557 г. анонимный итальянский автор повторял вслед за Джовио (Павел Иовий), писавшим в 1520-е годы, что «у московского государя не было «обыкновения» иметь вокруг себя в качестве телохранителей или содержать в другом месте отряды преторианских воинов» и его окружала только собственная челядь ⁴⁰².

** Праву печалования духовенства, и особенно митрополита, современники придавали большое значение. Берсень Беклемишев в 1525 г., выражая недовольство деятельностью митрополита Даниила, укорял его как раз в том, что тот «не печалуетсѧ ни о ком» ⁴⁰³. Царь Иван уже в 1560 г. показал пренебрежение к печалованию митрополита Макария, не вняв его просьбам пригласить на соборный суд Адашева и Сильвестра.

*** О понимании термина «опричина» интересные соображения имеются в трудах И. И. Полосина, А. А. Зимины, Р. Г. Скрынникова. Можно добавить к этому

малоизвестную фразу из неопубликованной 9-й книги Крымских посольских дел: прибывшего в начале 1546 г. в Москву крымского гонца «бояре велели... поставить опричь послов на опричном дворе» ⁴⁰⁴. Любопытно употребление слов «опричина», «опричный» большим знатоком истории России XVI в. историком кн. М. М. Щербатовым в сочинении, посвященном событиям XVIII в. О гр. П. И. Шувалове он писал: «...восхотел опричную себе армию сделать». Некоторые артиллеристы, знавшие секрет шуваловских орудий, «введенные в сие таинство, яко бы отличные люди от других, не по достоинству, но по опричности своей излишние чины получают». Кн. Г. А. Потемкин по примеру Шувалова «не токмо всю армию по военной коллегии под властью своею имеет, но и особливую опричную себе дивизию из большей части армии сочинил и не регулярные войска в опричину себе прибрал, стараясь во всех делах только превзойти графа Шувалова, колико и других превосходит» ⁴⁰⁵.

участники собора и их представители в Александровой слободе. Видимо, правы и те исследователи, которые, опираясь на сообщение Таубе и Крузе, полагают, что собор принимал решения и по возвращении царя в Москву, утвердив указ об опричнине.

Однако в Москву Грозный вернулся не прежде, чем убедился в возможности практического осуществления выдвинутых им условий. Согласно летописи, еще до приезда царя в Москву были казнены «за великие их изменные дела» кн. А. Б. Горбатый и другие лица, двоих бояр постригли в монахи, «иных» с семьями сослали в Казань. Имущество опальных было конфисковано. Конечно, нет уверенности в том, что все опальные были переселены уже сразу. В первые месяцы 1565 г. мог лишь начаться процесс переселения⁴⁰⁶, но Горбатый (до этого времени, по боярским спискам, первый боярин) был казнен еще до возвращения царя. Царь приехал в Москву 15 февраля⁴⁰⁷, а еще 12 февраля им был прислан в Троице-Сергиев монастырь вклад по душе Горбатого⁴⁰⁸. Не позднее марта Иван Грозный приступил уже к официальной правительственной деятельности — 13 марта 1565 г. датировано распоряжение царя об ответном посольстве в Швецию⁴⁰⁹.

Сам Иван Грозный, видимо, рассматривал собор зимы 1564/65 г., — во всяком случае, то собрание, которому он адресовал послания из Александровой слободы, — как традиционное продолжение соборов конца 1540-х — начала 1550-х годов (созванных в обстановке внутреннего кризиса и резкого обострения международных отношений).

И в те годы, и в 1564—1565 гг. Грозный счел полезным обратиться «ко всему православному христианству», сделать так, чтобы более широкий круг лиц знал и о тяжелых переживаниях царя, и о его потребности заботиться о народном благе.

Близость в летописном изложении содержания и даже стилистики грамоты, отправленной царем из Александровой слободы, не только к его посланию Курбскому, но и к речам на соборах середины XVI в., позволяет говорить о какой-то преемственности этих собраний. Но бросаются в глаза и существенные отличия.

На соборах конца 1540-х — начала 1550-х годов Иван IV не только обвинял, но и каялся. Теперь же он

обвиняет, требует и угрожает*. Это объясняется и изменением положения самого царя в государстве, и изменением политической ситуации в стране. Тогда Иван IV был еще юношей, только начинающим участвовать в делах государственного управления. В середине 1560-х годов это уже опытный государственный деятель, обладатель трех царских корон (Российского, Казанского и Астраханского «царств»), победитель двух татарских ханств и Ливонского ордена. Поведение Ивана Грозного зимой 1564/65 г. — показатель возросшего самоуважения царя, укрепленного, конечно, многолетним славословием приближенных по поводу его побед над внешними врагами Российского государства и успехов в реформаторской деятельности. Это и показатель ослабления политического престижа боярства, утраты представления о традиционном соправительстве княжат и бояр.

Заметно и другое различие в обращениях царя в 1540-х — начале 1550-х годов и зимой 1564/65 г. В середине века царь винил во всем преимущественно «бояр и вельмож», в грамоте же 1565 г. он пишет об «изменах боярских, и воеводских, и всяких приказных людей».

В царской грамоте «бояре и все приказные люди» в первую очередь обвинялись в том, что они «тощили» царскую казну и прибитков казне «не прибавливали». Опричная реформа, как известно, в значительной степени была вызвана потребностью найти дополнительные средства обеспечения военных нужд, в частности регулярного обеспечения служилых людей, потребностью восстановить «потошавшую» государственную казну⁴¹⁰. А непосредственную ответственность за беспорядки в области финансов должны были нести, конечно, дьяки. Штаден, образно описавший злоупотребления и самоуправство приказных дельцов накануне учреждения опричнины, заметил по этому поводу, что Иван IV «хотел искоренить неправду правителей и приказных страны»⁴¹¹.

Думается, однако, что «массовые» опалы приказных дельцов были обусловлены и возросшей к тому времени

* Л. М. Сухотин писал, что и в 1549 г., и в начале 1565 г. Иван Грозный обращался к подданным «как бы с торжественным манифестом». Но в

1549 г. он объявил о своем примирении с боярами, а в 1565 г. «в сущности заявлял о прекращении мира и о начале гонения на бояр»⁴¹².

ролью дьячества в правительственной деятельности и даже в придворном обиходе. И что представлялось особенно опасным, многие дьяки оказались уже тесно связанными с феодальными группировками. Отнюдь не случайно и то, что виднейшие дьяки наряду со знатью стали позднее жертвами опричного террора⁴¹³.

Опричнина — первоначально во всяком случае — была направлена не только против княжат и бояр, но и против лиц «государева двора» и верхушки недавно возвысившегося дьячества, т. е. и против существующей системы управления, существующих правителей, чему и предполагалось противопоставить новую систему управления в виде опричнины. При Грозном на общегосударственный аппарат распространяются порядки «дворцового» управления⁴¹⁴ и одновременно создается своя опричная дьяческая система⁴¹⁵, как бы противостоящая земской.

Царь почувствовал себя в зависимости и от укрепившегося централизованного аппарата и захотел освободиться от щупальцев становившейся уже всеильной бюрократии. Царь хотел защитить свое «вольное самодержавство», оградить себя от всего, что мешало или могло помешать его произвольному правлению. А этому мешали не только остатки феодальной раздробленности, уцелевшие привилегии княжат и бояр, теснейшие взаимные связи (родства и свойства) лиц «государева двора» (хотя понятно, что именно об этих явлениях царь писал боярскому идеологу Курбскому!), но и бюрократия с ее новыми нормами государственного управления, сковывающими даже волю монарха.

Желая защититься от излишней централизации, укреплению которой он отдал столько сил (в чем и заключалось основное прогрессивное значение его деятельности в плане внутренней политики), Иван IV обратился... к старине, к удельным обычаям (рассчитывая, очевидно, в своей «опричной» среде оказаться в безопасности), а позже и вовсе к идее образовать внутри Российского государства великое княжество Московское, Ростовское и Псковское, полагая, что возможно противостоять остаткам удельных порядков действиями, характерными для удельных же времен. Иван IV хотел быть сильнейшим среди других феодалов, не только государем над ними, но и первым по силе. Стремясь к максимальной

абсолютизации власти, он оставался в то же время в плену политических понятий, характерных для общественной психологии удельных времен*, и, видимо, больше чувствовал себя «самодержцем» (и верил в свое «самодержство») в своем «государевом» уделе, чем в Российском государстве. Свойственная ему в полной мере местническая идеология**, проникавшая в отношения не только с подданными, но и с зарубежными государями, была глубоко консервативной. Грозный всегда искал опору в прошлом и даже, ломая традиции, полагал, что действует во имя традиции. В деятельности Ивана Грозного очень рельефно обнаруживается отмеченная К. Марксом «[врожденная человеку казуистика... находить лазейки для того, чтобы в рамках традиции ломать традицию, когда непосредственный интерес служит для этого достаточным побуждением!]

Если для соборов середины XVI в. была характерна политика компромисса между сословиями класса феодалов, в частности между светскими и церковными феодалами, то на соборе зимы 1564/65 г. в эту среду был сразу же внесен раскол, точнее, и без того напряженные отношения были еще более обострены. Одна группа светских лиц, сопровождавшая царя, была особенно выделена и сразу же противопоставлена большинству феодалов, возвышена над этим большинством.

В то же время светским феодалам были противопоставлены церковные. В грамоте царя главным преступлением церковных феодалов было объявлено то, что они, «сложася» со светскими феодалами, «покрывали» их перед государем. В декларируемых им мероприятиях Иван IV явно рассчитывал на поддержку влиятельных церковных деятелей или во всяком случае большинства из них. И действительно, именно церковники были избраны собором делегатами в Слободу, вернее, их кандидатуры, очевидно, назвал царь как наиболее желанные. Митрополит Афанасий, видимо не поддерживавший требования царя, оказался в меньшинстве. М. Н. Тихомиров, характеризуя политику опричнины, обратил особое вни-

* Н. Г. Чернышевский тонко заметил в юношеском дневнике: «Монарх, а тем более абсолютный монарх, — только завершение аристократи-

ческой иерархии, душою и телом принадлежащий ей»⁴¹⁷.

** См. стр. 289 и сл.

мание на то, что самодержавие одержало победу над светскими феодалами при помощи церковных⁴¹⁸. Лишь в 1570-е годы, когда княжеско-боярские группы были ослаблены и политически и экономически, начинается наступление верховной власти против привилегий (прежде всего экономических) церковных феодалов, завершившееся в приговорах о монастырском землевладении.

Наконец, было и еще одно, быть может, особенно важное различие в деятельности соборов середины XVI в. и собора зимы 1564/65 г. и в действиях царя Ивана на этих соборах. В середине XVI в. царь еще не выделял из среды тех, к кому он обращался, посадских людей; посадские люди, видимо (как отмечалось выше), и не участвовали в соборах тех лет. Зимой 1564/65 г. верхушка московского посада, можно предполагать, впервые становится соборным «чином». Это показатель политического роста посадской верхушки, в пользу которой еще в предшествовавшие годы были проведены значительные преобразования в области городского управления, финансов и суда. Без участия посадских верхов или хотя бы без устранения возможности их противодействия трудно было бы пытаться осуществлять задуманные мероприятия. Обращение Ивана IV к посаду* — это свидетельство потребности царя найти дополнительную официальную опору для укрепления своего положения в государстве, в борьбе с реальными и мнимыми врагами и свидетельство стремления найти оправдание нового политического курса** в поддержке относительно широкой общественности.

Имеются некоторые основания предполагать, что официальному учреждению опричнины предшествовал ка-

* Иван Грозный обращался не ко всему московскому посаду, а именно к его верхушке. Этим-то и можно объяснить выдачу уже в августе 1565 г. жалованной грамоты московскому Симону монастырю, в которой велено было отписать от посада и «обелить» от податей подмонастырское село в районе Москвы⁴¹⁹.

** Однако и в данном случае Иван Грозный опирался на

традиции соборов середины XVI в. — на покаянные обращения к москвичам, в частности, видимо, на обращение после пожара 1547 г. Тогда обращение царя имело место при участии высшего духовенства и как бы освящалось церковным авторитетом. К подобному приему Иван Грозный решил прибегнуть и зимой 1564/65 г.

кой-то собор и что указ об опричнине был подтвержден решением собора.

Менее ясен вопрос, когда началась работа этого собора: в январе ли 1565 г. с обсуждения царских грамот, присланных из Слободы, в феврале ли, по возвращении царя в Москву, или же еще до отъезда Ивана Грозного из столицы? Думается, что позволительно датировать начало деятельности собора еще 1564 г.

Об этом прямо пишут Таубе и Крузе *. Дополнительные сведения можно почерпнуть в сочинении другого иностранца — Шлихтинга. Шлихтинг сообщает, что после казни кн. Д. Овчинина-Оболенского «некоторые знатные лица и вместе верховный священнослужитель (т. е. митрополит. — С. Ш.) сочли нужным для себя вразумить тирана воздерживаться от столь жестокого пролития крови своих подданных невинно, без всякой причины и проступка. Они говорили, что христианскому государю не подобает свирепствовать против людей так, как против скотов: пусть он побоится справедливой кары бога, который обычно наказует за невинную кровь даже в третьем поколении». Иван IV, по словам Шлихтинга, был «несколько поражен этим внушением» и «в продолжение почти шести месяцев оставался в спокойствии». «Между тем, — пишет далее Шлихтинг, — среди нового образа жизни он помышлял, как устроить опричнину». «Притворившись», «будто тяготится своим владычеством и... хочет жить в отдалении и уединении», царь позвал «к себе знатнейших вельмож» и изложил им, что хочет делать, показав им двух сыновей и назвав их правителями державы. Вслед за изложением речи Грозного Шлихтинг пишет о строительстве Опричного дворца в Москве и о начале опричнины ⁴²⁰. В сочинении Шлихтинга (по предположению В. Д. Назарова) смещены даты и описываемое обращение к боярам могло произойти и незадолго до официального учреждения опричнины.

Нетрудно понять, почему летописец ничего не написал об этом факте, так же как он умолчал и о другом протесте против политики Ивана Грозного — оппозицион-

* Р. Г. Скрынников, датирующий деятельность собора началом 1565 г., считает рассказ Таубе и Крузе «пута-

ным», а хронологию их крайне сбивчивой и недостоверной ⁴²¹.

ном выступлении участников собора 1566 г. В официальной летописи находилось место прежде всего для описания явлений, помогающих возвеличению царя, показывающих его инициативу в ходе исторических событий. Зато в позднейшем летописце (Пискаревском) вряд ли случайно произошло смещение событий: вслед за упоминанием о начале опричнины («того же году») говорится о «ненависти на царя от всех людей» и о «челобитной за руками о опричнине, что не достоин сему быти». И далее: «И присташа ту лихия люди ненавистники добру: сташа вадити великому князю на всех людей, а иныя по грехом словесы своими погибоша»⁴²². Следовательно, по Пискаревскому летописцу, первые казни времени опричнины явились результатом какой-то челобитной с протестом против действий царя. В цитированном тексте обычно, и не без оснований, усматривают воспоминания о событиях, связанных с собором 1566 г. Видимо, сходство событий 1564 и 1566 гг. было так велико, что оба протеста слились в один уже в представлении людей, писавших сравнительно скоро после этого времени.

Относительно начальной даты собора 1564—1565 гг. (даже если начало его деятельности относить к 1564 г.) возникают два предположения. Собор мог быть созван непосредственно накануне отъезда царя в Слободу или за несколько дней до этого, и в нем сразу же принимали участие «гости, и купцы, и все гражане града Москвы». Но не исключено и предположение, что деятельность собора началась раньше, и лишь после выступления феодальной оппозиции Иван IV привлек к участию в соборе посадскую верхушку, рассчитывая на возможность опереться на нее и противопоставить ее оппозиционерам. Если признавать началом деятельности собора 1564 г., то в таком случае деятельность собора была прервана в начале декабря 1564 г. и на дальнейших заседаниях собора царь не присутствовал до февраля 1565 г., когда соборно был утвержден указ об опричнине. Однако и в эти месяцы царь, несомненно, оказывал какое-то влияние на деятельность собора*.

Обращение Ивана Грозного к собору в накаленной общественной обстановке 1564 г. вполне объяснимо.

* По материалам последующего времени практика перерывов в работе земских соборов

достаточно известна историкам.

Находится объяснение и тому факту, что собор в 1564 г., возможно, на время перестал быть послушным инструментом в руках правительства. 1564 год — это год больших и тревожных событий и в Российском государстве, и в личной жизни царя. Это год крупных внешнеполитических неудач и опасности вражеского нашествия с запада и с юга, год измены Курбского. Ко всему этому прибавились неурожай, падеж скота, голод, опустение деревень⁴²³. Начались пожары. Москва горела 18 апреля, 9 и 19 мая, 24 августа. 25 сентября произошел грандиозный пожар в Троице-Сергиевом монастыре, причем сразу же после того, как царь «поехал из монастыря»⁴²⁴. Тревога охватывала не только правительственные верхи. Появилась угроза народных волнений. Тревогой, общественным напряжением дышит современная этим событиям повесть «О свершении большия церкви Никитского монастыря», составленная как раз в конце 1564 г. * В тот год, читаем в повести, «быша много скорьби христианскому народу от нахождения иноплемennых, и от хлебнаго гладу, и от урону скотия». Показательно, что в этой тревожной атмосфере царица Мария молила не только о рождении ребенка, но и о «устроении землем, и о тишине, и о мире всего православного христианства»⁴²⁵.

Внешнеполитическая ситуация в 1564 г. была напряженнейшая и чрезвычайно неблагоприятная для Российского государства. На западе подступали войска польского короля, пользовавшегося, несомненно, советами такого знатока положения дел в России, как Курбский. Московское правительство спешно идет на заключение семилетнего перемирия со Швецией**, причем не оспаривается даже обладание городами, «которые король

* На основании этой повести можно думать, что в 1564 г. предполагалась канонизация недавно умершего митрополита Макария, деятельность которого как бы символизировала союз всех группировок господствовавшего класса и напоминала о грандиозных внешнеполитических успехах. Макарий упоминается дважды в одном ряду с русскими митрополитами-чудо-

творцами Петром, Алексеем и Ионой; молитвами четырех митрополитов объясняется отступление литовских войск; у гробов этих четырех митрополитов молится царь.

** Важно отметить, что договоренность о перемирии была достигнута в Москве еще в августе 1564 г., а послов в Швецию, чтобы «покрепи-

поймал в Ливонской земле» (в том числе и Ревелем). Летописец по этому поводу дает специальное объяснение: «А велел государь те города... отписати в перемирие потому, что царю и великому князю с литовским королем всчалоса большое дело» ⁴²⁷.

Совершенно неожиданно для русских в сентябре — октябре нападает на Рязанскую Украину крымский хан, нападает в то самое время, когда в Москве велись переговоры с крымским посольством и обсуждались условия договора о совместной борьбе с польским королем. Хана «подымаше на православие» Сигизмунд II Август, и время похода королевских войск на Полоцк и ханских войск на Рязань совпало, конечно, не случайно — это был двусторонний поход на Российское государство. Находившийся в Суздале царь, узнав об этом («по крымским вестем»), «наспех», оставив семью, возвратился в Москву. Но в Москве оказались лишь «немногие» служилые люди «государева двора», «зане же не бе убо время в ту пору людскому собранию быти: все розпущены были по домом» ⁴²⁸.

Стоявшие подле границ воеводы «государевым делом промышляли» вяло. Рязань спасена была лишь благодаря случайности: оказавшиеся в своем имении близ Рязани Басмановы по собственному почину возглавили оборону города и руководили деятельностью образовавшегося городского ополчения. Не занимавшие видного положения люди (кн. Вас. Прозоровский и Фома Третьяков) отбили и отряд Сапеги, подступавший к Чернигову ⁴²⁹. Недоверие царя к боярам и воеводам возрастало.

1564 год — это год активизации практической деятельности феодальной оппозиции и острейшей публицистической борьбы * идеологов «самодержавства» с идеологами княжеско-боярских вольностей. Сейчас все более выявляется, какую заметную роль в общественной жизни того времени играл Курбский. В первые месяцы 1564 г. Уложением о белом клобуке Иван Грозный достигает компромисса с церковью ⁴³⁰. Царь, видимо, очень расчи-

ти» перемирие на семь лет, отправили не сразу, а лишь 13 марта 1565 г. ⁴²⁸

* Это нашло отражение и в стенной росписи Архангельского собора в Кремле. Очень

интересны соображения Е. С. Сизова о политическом содержании росписи и обоснование ее датировки 1564—1565 гг. ⁴³¹

тывал на поддержку своей политической линии (ясно обнаружившейся уже начиная с 1560 г.) новым митрополитом, бывшим своим духовником Андреем, принявшим после пострига имя Афанасий. Этот компромисс с церковью вызвал резкий протест, выражением которого явились письма Курбского в Псково-Печерский монастырь, предназначенные, очевидно, и для более широкой аудитории. Содержание послания Курбского Васьяну, точнее, его филиппик о российской действительности очень близко к содержанию грамоты царя, посланной в январе 1565 г. из Александровой слободы. По существу и Курбский и царь писали об одном и том же, о тех же общественных язвах, по-видимому хорошо известных современникам, но Грозный причиной этих язв называл злонамеренную деятельность бояр.

30 апреля 1564 г. Курбский бежал из России, получил земли от польского короля и, по словам официальной летописи, «на многое кровопролитие крестьянское короля и всю его раду поостряше всячески»⁴³². Уже в мае царь получил знаменитое послание Курбского. Ответ царя Курбскому датирован 5 июля. Послание Грозного адресовалось «всему Российскому царству». Для «всего Российского царства» писал и Курбский. Спор принял публичный характер. Публично защищал своего сюзерена и слуга Курбского Василий Шибанов: Иван IV напоминал Курбскому о храбрости Шибанова «пред царем и предо всем народом» во время казни⁴³³. Бегство Курбского — прославленного боярина и воеводы, отправленного к границе для руководства военными действиями, — не могло не взволновать общественность. Поступок Курбского не мог не обсуждаться, особенно после того, как узнали, что он участвовал в сентябре — октябре 1564 г. в действиях королевских войск, подступавших к Полоцку⁴³⁴.

В мае — июле 1564 г. Грозный мучительно обдумывал свой ответ Курбскому. Царь все время в движении: 7 мая он покидает Москву, едет из монастыря в монастырь (именно в связи с посещением переславского Никитского монастыря в мае 1564 г. возникла повесть, упоминавшаяся выше), посещает вотчины В. А. Старицкого. Лишь 8 июля, т. е. через три дня после завершения работы над ответным посланием Курбскому, Грозный возвращается в Москву, с тем чтобы вскоре, однако, снова начать «езды».

Грозный перебирал в уме события своего царствования, он все время накалял себя, нанизывая в болезненном уже воображении обиду за обидой, одно подозрение ужаснее другого: он пишет и об издевательствах и самовласти бояр в юные годы, и об отравлении жены, и о попытках Избранной рады ущемить его власть и т. д. При этом серьезное перемежается с мелочами: формулировки принципов государственного управления соседствуют с неистовством брани завистливого и мелочного тирана. Грозный не знал удержу в гневе и не стеснялся в выражениях. «Ядовитые словеса» со «многую яростию и лютоостию» как бы наслаиваются одно на другое и с дополнительными эпитетами и сравнениями повторяются для придания тексту еще более «кусательного» характера ⁴³⁵.

В сознании Ивана IV представления о государе и о государстве смещаются, царь воспринимается как олицетворение «царства», а поступки его признаются воплощением божественных предначертаний. Обида государю («за себя есми стал») воспринимается как ущерб, нанесенный государству, как непослушание богу. В эти дни Грозный — впервые или заново — формулировал для себя самого и для других основные принципы идеологии «вольного самодержавства», т. е. неограниченной монархии, положения о том, что все подданные — холопы государя и государь волен их казнить и жаловать. (В Посольских делах подобные выражения обнаруживаются как раз с середины 1560-х годов.) Курбский упрекал Ивана IV в погублении «сильных во Израиле». Этому противопоставлялись слова о праве и возможностях царя создавать «чад Авраамовых» из камня. В библейскую фразеологию вносился острейший современный политический смысл. Так в широком плане выкристаллизовывались и оценки явлений предшествовавшего периода его царствования, и программа будущего. «Сильным во Израиле» надо было противопоставить верных новых людей, сотворить из грязи и камня «чад Авраамовых» ⁴³⁶. Так зарождались мысли о создании опричной гвардии, о «переборе людишек» («Ты, государь, аки бог, и мала и велика чинишь», — напишет Ивану IV через несколько лет его любимец опричник Василий Грязной). Идеология самодержавства по существу была идеологией опричнины, оправданием и обоснованием опричной политики.

Ответное послание Ивана Грозного Курбскому, в ко-

тором последовательно и пространно опровергались обвинения беглого боярина и одновременно формулировались основные положения доктрины «вольного самодержавства», было адресовано, конечно, не одному Курбскому. Послание царя должны были знать и в России, и за рубежом (послание, как отмечалось уже, дошло до нас в двух редакциях — полной (или пространной) и краткой). Пространная редакция послания, очевидно, была предназначена прежде всего для зарубежного читателя* (хорошо знакомого с посланием Курбского и прислушивавшегося к его мнению о России и о российском самодержце), задача послания — обличить измены «Курбского с товарищи»**.

Иван Грозный знал, что оценки Курбского во многом совпадали с оценками польского короля и его рады и что послание Курбского было рассчитано не только на жителей Российского царства, но и на определенный политический эффект за рубежом — там широко придерживались именно версии Курбского (в этом легко убедиться, сравнив сочинения Курбского с сочинениями иностранцев — описателей России и составителей газетных листков). Помимо всего Ивана IV возмущал сам факт, что там, за рубежом, осмелились судить о поступках грозного царя***. Думается, что Грозному было мало того, что он отправил за рубеж свое пространное язвительное послание, царь хотел еще показать, что его политику поддерживают и даже приветствуют в России. Надо было противопоставить правительственным обычаям соседнего государства с его шумными сеймами, оппозиционными выступлениями и магнатства и шляхты, частыми «рокошами», с его «многомятежным человечества хотением» (слова Ивана IV) общественное единодушие в Российском царстве. И вероятно, уже тогда Иван IV думал над тем, чтобы продемонстрировать такую под-

* См. стр. 36.

** Об измене Курбского и его «советников» говорилось и в наказе послам к польскому королю, причем не скрывался факт существования групповой оппозиции царю⁴³⁷.

*** Впоследствии Иван IV очень четко выразил эту

мысль в послании, написанном в 1567 г. от имени боярина И. П. Федорова Гр. Ходкевичу: «Того не бывало, што Литве Москва судити; полно, пане, вам и ваше мещцо справовати, але не Московское царство»⁴³⁸.

держку своей политике на достаточно представительном соборе (подобно тому как в 1566 г. обратятся к особо представительному собору как раз при обсуждении вопроса о взаимоотношениях с Речью Посполитой, да еще в дни пребывания в Москве королевских послов). Для такого-то собора, можно думать, и предназначалось краткое послание, удивительно схожее даже в деталях с дошедшим до нас изложением грамоты, присланной в 1565 г. из Александровой слободы.

Но эти планы Грозного оказались смятыми. Феодалная оппозиция попыталась, напротив, «вразумить» царя. Оппозицию поддержал митрополит. Царь, видимо, не ожидал такого выступления, на время присмирел, и, заставив страх и ненависть, стал готовиться к более решительной схватке.

Быть может, именно после выступления феодалной оппозиции Иван IV и счел нужным обратиться к московскому купечеству, призвав его к участию в соборной деятельности. В верхах посада Грозный надеялся найти опору в борьбе с оппозиционерами, а также сгладить с их помощью остроту социальных противоречий. Вероятно, на этом-то относительно широком собрании он и заявил свое намерение покинуть Москву или даже отказаться от власти. Конечно, источником всех бедствий были представлены бояре; однако это делалось главным образом с целью оправдания царя и поступков его «ближних» людей.

Грозный отнюдь не хотел, чтобы в борьбе с феодалной оппозицией принимали участие «черные люди». Напротив, он очень боялся их (классовый инстинкт у этого царя-крепостника великолепно был развит!). Только недавно в послании Курбскому он писал с внутренним содроганием о событиях 1547 г., когда возмутился «художайших умов народ» (объясняя это, конечно, тем, что «изменные бояре... наустиша «черни»). А в конце 1564 г. многое напоминало страшный 1547 г.

События 1564 г. испугали Грозного. Они и заставили его покинуть Москву. Штаден так и писал: «Великий князь из-за мятежа * («Ufruhrs halben») выехал из Моск-

* С. Б. Веселовский полагает, что речь может идти только об «опасении мятежа»⁴³⁹.

А. А. Зимин считает, что Штаден (как и Таубе и Крузе) имел в виду, очевидно,

вы в Александрову слободу» * 442. Там, в оцеплении войск, он чувствовал себя в большей безопасности и от фрондеров-оппозиционеров, и от возбужденного московского посада. Кажется, придется расстаться с привычным представлением о причуде сумасбродного тирана — ничем не вызванном внезапном и таинственном отъезде Ивана IV из Москвы в Александрову слободу. Отъезд не был ни внезапным, ни таинственным. Более того, царь вынужден был действовать столь необычным способом — страх гнал его из Москвы, хотя и обставлено все это было со свойственной Грозному склонностью к театрализованным психологическим эффектам.

Так или иначе развивались события в конце 1564 г. (а уточнить это можно было бы лишь путем основанного на более обширной источниковой базе исследования), ясно, что не только Грозный определял их ход (как это часто принято было изображать в исторических работах), что царь был испуган** накалом событий и только особые обстоятельства заставили его обратиться за поддержкой к московскому посаду.

Собор 1564—1565 гг., к какому бы времени ни отнести начало его деятельности, представляется первым собором, в котором участвовали посадские люди. Правда, политическая роль посадских людей была еще сравнительно невелика — посадские люди не были допущены в Александрову слободу на встречу с царем (впрочем, в этом не было и никакой нужды, так как они только

официальную мотивировку царского отъезда изменами бояр и других подданных 440. Н. И. Павленко, развивая дальше мысль А. А. Зимина, подразумевает под «мятежом» выступление бояр против намерения царя учредить опричнину 441.

* Подобное же представление проникло в поздний публицистический памятник, дошедший до нас в рукописи середины XVIII в. 443

** Не свидетельствовал ли опричный террор и последующих лет более о страхе царя, чем о его подлинном всевластии? Интересны в

этой связи общесоциологического характера наблюдения Ф. Энгельса, касающиеся периодов «господства террора». «Мы понимаем под последним, — писал Ф. Энгельс К. Марксу (в 1870 г.), — господство людей, внушающих ужас; в действительности же, наоборот, — это господство людей, которые сами напуганы. Террор — это большей частью бесполезные жестокости, совершаемые ради собственного успокоения людьми, которые сами испытывают страх» 444.

перед этим очень энергично высказался в поддержку политики царя). Не имеется прямых указаний на участие посадских людей в заключительном заседании собора по возвращении царя в Москву, хотя такое участие и очень вероятно (впрочем, на этом заседании указ об опричнине не обсуждался и ожидалось лишь формальное согласие думного собора на требование царя). Но посадские люди, без сомнения, оказывали влияние на ход событий, в значительной степени определяли результаты столкновения царя с феодальной оппозицией и способствовали признанию за царем прав неограниченного монарха. Так сословные учреждения помогали становлению абсолютизма⁴⁴⁵.

В этом можно усматривать одну из причин ненависти Курбского к политике московского правительства 1560-х годов. Курбский мечтал не о представительных учреждениях, а прежде всего о способах ограничения самодержавной власти государя. О соборах 1564—1565 и 1566 гг., в деятельности которых участвовали и купцы и которые, казалось бы, больше всего должны были отвечать идеалу совета с «всенародными человеки», Курбский умалчивает. Более того, время, когда происходили эти события, он характеризует как время «зла».



Привлеченные данные по истории соборов конца 1540-х — середины 1560-х годов, в особенности в сравнении со сведениями о лучше изученном соборе 1566 г. и соборах последующих десятилетий, позволяют уже высказать некоторые предварительные соображения обобщающего характера.

Соборы в середине и во второй половине XVI в. созывались нерегулярно, однако чаще, чем казалось прежним исследователям. Соборы созывались при исключительных обстоятельствах, и состав их участников зависел в значительной мере от причин созыва собора и содержания его деятельности. Так, в обсуждении вопроса о продолжении военных действий на Западе (собор 1566 г.) участвовали землевладельцы (светские и духовные) западных районов государства, а также купцы, связанные с западной внешней торговлей.

Современники рассматривали соборы прежде всего

как расширенные заседания думного собора. Заседания Думы напоминали, видимо, и порядок заседания, и дело-производство соборов — протоколы, особые мнения (на-пример, дьяка И. М. Висковатого на соборе 1566 г.), даже расположение присутствовавших (запечатленное в миниатюрах лицевых летописей).

Боярская дума в XVI в. постепенно приняла характер постоянно действующего высшего государственного учреждения России. Она не имела самостоятельной, раздельной от государя компетенции; и к русскому государственному строю второй половины XVI в. применимо, думается, определение, данное В. И. Лениным⁴⁴⁶ государственному строю России XVII в.: монархия с боярской Думой и боярской аристократией⁴⁴⁷.

На «царском месте» Ивана IV в Успенском соборе Московского Кремля, изготовленном по заказу царя в 1551 г., изображено было как символ государственного управления именно заседание Боярской думы во главе с царем. Окружен «думцами» царь обычно и в миниатюрах официальных летописей XVI в. Функции Боярской думы были неотделимы от функций государя. Это отразилось в формулах решений Боярской думы: «приговор царя с бояры», «по государеву указу и боярскому приговору». Боярская дума* участвовала в обсуждении и разрешении всех вопросов государственного управления (даже в годы опричнины⁴⁴⁸) и была высшим законодательным органом.

Боярская дума при Иване Грозном оставалась средоточием княженецко-боярской аристократии, но с расширением состава бояр и окольничих в годы правления Избранной рады реальное значение феодальной аристократии в центральном аппарате уменьшилось и Боярская дума прежде всего являлась органом, укреплявшим феодальную монархию⁴⁴⁹. Особенно стало это заметно с введением в ее состав думного дворянства и усилением роли

* Иногда Боярскую думу (особенно в нарративных памятниках) называли «царский синклит» (или просто «синклит»). Однако выражение «синклит» и особенно «весь синклит» могло означать и совет более широкого состава,

чем Боярская дума. Например, в грамоте о соборе 20 июля 1584 г. несколько раз раздельно упоминаются «бояре» и «весь синклит» (очевидно, другие вельможи, не входившие в состав Боярской думы).

думного дьячества⁴⁵⁰. Исконная формула совета государя «сгадав с бояры» вовсе не означала, что советниками государя были только бояре. Так назывались все лица, принимавшие участие в заседаниях Боярской думы.

Не зря горько сетовал боярин князь С. Ростовский в 1553 г. (в передаче летописца), «что их всех государь не жалует, великих родов безсчастит и приближает к себе молодых людей, а нас ими теснит»⁴⁵¹. Особенно поразило современников возвышение дьяков — «писарей». К середине XVI в. дьяки стали значительно более полноправными участниками коллегиального суда (сравнить ст. 1 Судебников 1497 г. и 1550 г.). Иностранные наблюдатели единодушно отмечают большую роль «канцелярий» — приказов в правительственной деятельности. Штаден называет руководителей приказов «боярами высокого чина», но, перечисляя их, упоминает лишь двух бояр — остальные были дьяками⁴⁵². Некоторые из дьяков входили в Ближнюю думу, выступали поручителями по вельможам, даже разбирали местнические дела. Ив. Мих. Висковатого, думного дьяка и позже печатника *, Иван IV называл «ближним верным думцом» (как и А. Ф. Адашева!); он приводил бояр к присяге во время болезни царя в 1553 г. и хранил его тайный архив⁴⁵³. Происходит аноблирование верхушки дьячества. Наиболее видные дьяки сумели породниться с вельможной знатью — «богатели паче меры и учили племянитца со многими честными роды»⁴⁵⁴.

Боярство и нуждалось в дьяках (без помощи деловых людей нового типа знатные люди не могли бы сохранять за собой важнейшие государственные должности) и ненавидело их. Русская вельможная знать презирала дьячество, подобно французским аристократам, презиравшим «дворян пера и чернил», и так же, как высокопоставленные французские пэры, русские бояре по суще-

* Думные дьяки напоминали французских *secrétaires d'Etat*⁴⁵⁶. Среди них выделялся печатник, фактический руководитель царской канцелярии (иностранцы называли его канцлером), хранивший «печать для скорых и тайных дел», деятельно участвовав-

ший, как правило, в посольских переговорах. Печатники ведали Царским архивом, под их руководством составлялись описания документальных материалов архива (подобно тому, как это имело место и в других европейских государствах)⁴⁵⁷.

ству трепетали перед этими новыми «вершиками» царя. В представлении консерваторов-эмигрантов дьяки не только «землей владели», но и «торговали головами бояр» (слова Т. Тетерина); именно дьякам, полагал Курбский, «зело верил» царь, «ненавидячи вельмож своих»⁴⁵⁵. Опираясь на верхушку дьячества, Иван IV мог чувствовать себя относительно независимым во взаимоотношениях с группировками аристократии.

Состав основных участников собора, видимо, был предопределен царем (или правительством) заранее и мог не включать даже некоторых членов Боярской думы или высших иереев. Предварительно (во всяком случае начиная с 1566 г.) составлялся и формуляр приговорной грамоты с перечнем предполагаемых участников собора; при этом духовные лица подбирались, вероятно, прежде всего в зависимости от епархии или монастыря, который они представляли; это прослеживается по подлиннику приговорной грамоты собора 15 января 1580 г., где подписались не все перечисленные в грамоте участники собора⁴⁵⁸. Обнаруживается и несоответствие перечня бояр (и даже дьяков) — участников собора подписям на обороте соборной грамоты; с этим сталкиваемся при изучении приговорной грамоты собора 2 июля 1566 г.*

Очевидно, имели место соборы, созыв которых заранее не объявляли (или даже не предполагали). Вероятно, именно такие соборы можно характеризовать как «импровизированные земские соборы». А. А. Зимин дважды — упоминая о собрании кануна опричнины и о соборе, осудившем в 1568 г. митрополита Филиппа⁴⁵⁹, — употребляет это выражение, но не объясняет соотношения (с точки зрения содержания) этого понятия и понятия обычного земского собора. Допустимо, однако, полагать, что и «импровизированный земский собор» можно все-таки рассматривать в ряду тех явлений, которые в общем плане характеризуются как «земские соборы».

О системе представительства в XVI в., особенно о системе выборов на местах, судить еще нельзя — ни одной

* На обороте грамоты нет подписей кн. Ив. Дм. Бельского (названного первым среди бояр) и кн. Мих. Ив. Воротынского (названного девя-

тым). В то же время не названный в соборном приговоре Ив. Петр. Федоров подписал грамоту⁴⁶¹.

грамоты, подобной грамотам XVII в., не дошло, и неизвестно, были ли вообще такие грамоты в годы царствования Ивана Грозного. Сведений о том, что участники соборов XVI в. избирались на местах, не имеется, и есть основание присоединиться к выводу, что «выбор из городов» — это не выборные*, а отборные служилые люди (отобранные на время для службы в Москве)⁴⁶⁰.

Служившие в Москве землевладельцы определенных уездов, однако, если и не представляли официально интересы верхушки уездного дворянства, то отражали их, и, следовательно (так же как и гости), в значительно большей степени, чем московское боярство и княжата, выражали намерения и возможности господствующих верхов в целом и, главное, могли осведомить правительство о военных и финансовых средствах разных «земель» Российского государства.

Участники соборов не пользовались равными правами. И — в тех случаях, когда это удастся проследить по источникам, — обсуждение вопросов (во всяком случае вопросов общегосударственных преобразований) происходило раздельно: на думном соборе и на соборе с более широким кругом участников. Так было на соборе 1549 г.: Б. А. Романов характеризует даже собрание «воевод, княжат, детей боярских и дворян больших» в феврале 1549 г. как «нечто вроде второй палаты Земского собора»⁴⁶⁴. Неодинаковость прав участников собора характерна и для собора 1566 г. Так, архиереи привесили к решениям («речам») собора свои печати и поставили подписи («руку приложили»), бояре, окольные, приказные люди и дьяки, архимандриты, игумены и старцы только поставили подписи, а княжата, дети боярские и

* С. П. Мордовина⁴⁶², тщательно исследовавшая все источники по истории собора 1598 г., убедительно показала, что и на этом избирательном соборе состав участников напоминал состав собора 1566 г. — думный собор, верхушка «государева двора» и приказных людей и немногие высокопоставленные купцы. Ни о каких выборах представителей на местах в

1598 г. говорить нет оснований. Более того, как отметил еще А. И. Заозерский, для собора 1598 г. характерно даже деление на чины («чиновное деление») в зависимости от служебного положения и связанного с ним генеалогического достоинства, а не «статейное деление», определяемое размером землевладения, как на соборе 1566 г.⁴⁶³

дворяне, так же как и купцы, ограничились лишь крестованием.

Собор как государственное учреждение, судя по уцелевшим свидетельствам, не имел еще ни четкой структуры, ни четкой компетенции. (Впрочем, это характерно и для западноевропейских сословно-представительных учреждений в первое время их деятельности — даже для английского парламента.)

Установить существенные различия между соборами XVI в., от которых сохранились приговорные грамоты, и теми собраниями XVI в., о которых узнаем лишь из нарративных источников, крайне трудно, и признавать только соборы первого типа «настоящими» и «подлинными», а все другие «мнимыми» нет серьезных оснований*.

Совещания достаточно широкого характера с участием заинтересованных или осведомленных лиц (так сказать, специалистов) были типичны для правительственной практики той поры, но не все такие совещания можно признать соборами. На соборах рассматривались и решались лишь наиболее важные дела — «государевы великие дела», дела «всей земли». Дела меньшего масштаба рассматривались на менее представительных совещаниях. Для сравнения можно привести данные о том, как вырабатывался в 1571 г. приговор о станичной и сторожевой службе. По приказу Ивана IV это дело было поручено «боярину и слуге» кн. М. И. Воротынскому, и для выработки приговора велено было созвать в Москву станичных голов, вожей и сторожей. Повеление царя Воротынский получил 1 января 1571 г.; 7 января он говорил с дьяком Разрядного приказа и распорядился «доискаться прежних станичных списков и быть головам в Москве» в январе — феврале. Царь велел расспросить порознь прибывших голов, а 16 февраля состоялся приговор «боярина Воротынского с детьми боярскими, с станичными головами и с станичниками»⁴⁶⁵. Такого типа совещания нельзя называть соборами.

Важнейшие же вопросы государственной жизни,

* Это по существу вынужден признать и Н. И. Павленко, полагающий, что собор февраля 1549 г., который он, следуя историографической традиции, относит к «подлин-

ным» соборам, «разумеется, при строгом подходе не соответствует критериям соборной практики более позднего времени»⁴⁶⁷.

в частности вопросы о заключении мирных договоров, могли (но это не означает еще, что обязательно должны были) решаться на соборах; хорошо известный пример — собор 1566 г. Очень выпукло такое представление выступает в словах бояр польскому послу, говорившему в 1585 г. о заключении «вечного мира»⁴⁶⁶: «*Это дело великое для всего христианства; государю нашему надобно советоваться об нем со всею землею; сперва с митрополитом и со всем освященным собором, а потом с боярами и со всеми думными людьми, со всеми воеводами и со всею землею; на такой совет съезжаться надобно будет из дальних мест*» * (выделено мною. — С. III.).

Большинство рассмотренных соборов, по-видимому, представляло собой, по мнению современников (и в России, и в Польско-Литовском государстве), думу «со всею землею». В русском летописце начала XVII в. (вероятно, опирающемся еще на современные записи) и избирательный сейм середины 1570-х годов в Польско-Литовском государстве называли «всею землею» («паны рада всею землею учили избирати» короля⁴⁶⁸). Так же назван сейм в передаче слов представителей польского короля (в 1582 г.) в Посольской книге: «...нам государь наш (т. е. Стефан Баторий. — С. III.) панует так, на чем посполито на раде приговорят, то и делать; а о чем всею землею не приадят, то государю нашему не делати»⁴⁶⁹. А в письме смоленского воеводы польскому королю (датированном 1582 г.) собор 1580 г. назван «сеймом» и употребляются, как отметил М. Н. Тихомиров⁴⁷⁰, выражения: «все люди», «вся земля», «всей землею просили» **.

* Возможно, что указание о необходимости «съезжаться... из дальних мест» относится только к лицам духовного чина: в приговорных грамотах собора 1580-х годов упоминаются архiereи разных областей («зёмель») страны и монахи многих дальних монастырей.

** В договоре августа 1610 г. с Владиславом тоже читаем о «думе бояр и всей земли». Это же выражение встречаем в описании документов описи архива По-

сольского приказа (составленной в 1626 г.): «Список з боярсково и всей земли приговору о ратных и всяких земских делах 119-го году (т. е. 1610—1611 гг. — С. III.), как бояре стоят под Москвою», «Список с боярсково и всей земли приговору 121-го году (т. е. 1612—1613 гг. — С. III.), как служилым людем давати за московское очищенье жалование ис поместных окладов вотчины и на Москве дворовые места»⁴⁷¹.

Не объясняется ли как раз правительственная практика обсуждения «со всею землею» вопросов взаимоотношений Российского и Польско-Литовского государств* в какой-то степени и воздействием правительственной практики Речи Посполитой? Не желали ли противопоставить сеймовым решениям Речи Посполитой решения не менее представительных учреждений Российского государства? Возможно, что и в цитированных выше «речах» бояр польскому послу (в 1585 г.) нарочито использована именно привычная польско-литовская терминология.

С помощью соборов правительственная власть снимала с себя в какой-то степени ответственность за проводимые ею мероприятия, так как эти мероприятия оказывались одобренными достаточно широким кругом советников. Однако соборы XVI в. — это не представительные учреждения в обычном понимании, а скорее бюрократические; как удачно выразился А. И. Заозерский — автор едва ли не самой интересной из дореволюционных работ о земских соборах — это был «парламент чиновников»⁴⁷³.

Соборы — органы территориальной централизации, признак объединения земель под властью одного государя (недаром первое собрание такого типа было в год венчания Ивана IV на царство!) и объединения в «государевом дворе» дворян — выходцев из разных «земель» страны — «всей земли».

Соборы уже в XVI в. нужны были укрепляющемуся самодержавию как орудие сопротивления сохраняющейся еще феодальной раздробленности. Более широкие совещания во главе с царем призваны были противостоять

* Эти вопросы обсуждались (как установил М. Н. Тихомиров) на «соборе» в 1580 г. Можно предполагать, что «соборне» обсуждался этот вопрос и в 1579 г. Об этом как будто свидетельствует описание документа в описи архива Посольского приказа 1626 г.: «Столпик, а в нем писана была грамота к литовскому королю Степану Обатуру с Москвы от духовного чину, от митрополита, и от властей, и от бояр, и от

окольных, и от днаков, и от дворян, и от детей боярских, и ото всяких чинов людей, и от данских казаков, и Казанского и Астраханского государства ото всяких людей, и от черкас, и от нагайских людей против ево королевские Степановы грамоты со мною укоризною и з бесчестьем; верху у нее нет, а скольких столбцов, того неведомо; писано в 87-м году»⁴⁷².

и на деле противостояли узким традиционным советам с княженицко-боярским кругом и способствовали дальнейшей централизации государства и укреплению феодальной монархии. (Не следует, однако, при этом преувеличивать значение центробежных тенденций в деятельности Боярской думы, которая в середине XVI в., как и земские соборы, являлась органом, укреплявшим феодальную монархию.)

Важно учитывать и то, что в период становления земских соборов на Руси (так же как и в период становления сословно-представительных учреждений в Западной Европе) классовые различия зачастую не проступали столь наглядно, как в последующие эпохи, — они существовали как бы в подтексте наблюдаемых отношений; и современники имели иное, чем ныне, представление не только о социальной стратификации, но и о правовых нормах, о сословном соотношении разных слоев населения, об отношениях государя и подданных.

В средние века существовало очень дробное деление классов на группы⁴⁷⁴, отличающиеся друг от друга юридическими правами и привилегиями. Эти различия, подчас едва заметные, не всегда улавливаются исследователями, справедливо подчеркивающими обычно то основное, определяющее, что характеризует класс в целом. Между тем современники придавали большое значение различиям в положении на иерархической лестнице, разнице в правах и обязанностях категорий господствующего класса феодалов на Руси, таких категорий, как княжата и нетитулованное боярство, дворяне большие, дворяне и дети боярские, служилые люди дворовые и городовые, московские и новгородские * и т. д., а также купцы-гости и другие купцы. И совещание государя с представителями разных категорий господствующих слоев рассматривалось современниками как собрание представителей различных общественных групп, а выступление его на подобных собраниях трактовалось как обращение к широким слоям населения, так же как обращение к земле-

* Особенно подчеркивали глубину различия между верхушкой класса феодалов и остальными феодалами титулованные бояре, отягченные

аристократическими представлениями о «чести» «великих родов», одержимые местническими предрассудками.

владельцам разных уездов могло рассматриваться как обращение ко «всей земле».

Более зависимых от царя дворян, прежде всего столичных дворян его двора, «больших» дворян (тесно связанных с провинциями, откуда они прибыли на службу в Москву), правительство царя и хотело в определенной мере противопоставить наследственной аристократии, использовать их для устрашения аристократии.

Но бояре и дворяне, входившие в состав «государева двора» (и известные нам по таким перечням служилых людей, как Тысячная книга, Тетрадь дворовая, Боярская книга 1556 г., по разрядным книгам и родословцам), были теснейшим образом связаны друг с другом. Столичное дворянство (или, точнее сказать, дворянство, ставшее столичным), оказывалось гораздо ближе к боярству, чем к широким слоям провинциальных детей боярских. И переплетение интересов, родственных связей, традиционных представлений этих групп класса феодалов было так велико, что создавалась возможность выступлений, опасных для верховной власти, что и имело место на соборе 1566 г., фактически побудившем Ивана Грозного отказаться от практики созыва столь широких по составу собраний — возникала опасность перехвата соборной инициативы у царя самими участниками соборов.

Решился царь Иван на созыв соборов снова лишь тогда, когда необходимо было рассмотреть вопрос о церковном (прежде всего монастырском) имуществе. Здесь нужно было противопоставить церковникам-стяжателям по возможности широкий круг светских феодалов, и были основания рассчитывать именно на широкую поддержку светскими феодалами секуляризационных намерений правительства.

Социальный состав соборов постепенно изменялся в сторону большей демократизации, но об участии верхов посада в их деятельности пока есть основания говорить лишь применительно к собраниям середины 1560-х годов — к собору кануна опричнины и к собору 1566 г. (от которого сохранилась соборная грамота) *.

* Возможно, впрочем, что какой-то собор с участием купцов имел место и осенью 1576 г., когда Иван Грозный снова официально объявил

себя государем всея Руси и закончился «политический маскарад» с Симеоном Бекбулатовичем. Горсей пишет: «Духовенство, дворянство и

В приговорной грамоте собора 1566 г. названы только немногие представители верхушки торговой буржуазии — гости. Выяснено к тому же, что эти лица были тесно связаны с правительственными верхами, а иногда и сами были администраторами центральных и местных учреждений, царскими представителями за рубежом. Это позволяет предполагать, точнее, поставить вопрос о том, что на заре абсолютизма возвышающаяся благодаря богатству и практическому деловому опыту торговая буржуазия не осознавала, возможно, еще в должной мере своего специфического общественного положения и не всегда способна была противостоять господствующим (т. е. феодальным) общественно-политическим представлениям. Выражало ли привлечение к участию в соборе «гостей» известную политическую самостоятельность, независимость торговой буржуазии? На местах, с ростом городов особенно, общественно-политическая роль верхов посада возрастала. Не хотели ли в центре, напротив, поставить верхушку купечества в большую политическую зависимость от правительства? Привлекая некоторых богатых купцов к участию в соборах, Иван IV как бы противопоставлял их остальным представителям так называемого третьего сословия: вводя стремящуюся аноблиро-

купечество принуждены были просить Ивана Васильевича сдоблаговолить снова принять на себя корону и управление на многих условиях и засвидетельствованных постановлениях, по особому уставу, с торжественным посвящением на царство вновь». «Пожалованные привилегии, самосудные грамоты, льготы городам, монастырям, дворянам и купцам, — продолжает Горсей, — были написаны заново». Описание это очень напоминает собор, причем с участием купечества. Во многом сходно с этим и сообщение Флетчера о событиях 1576 г. (С. М. Середонин полагает, что Горсей перепутал события 1565 и 1576 гг., соединив их вместе⁴⁷⁵.) Доку-

менты о соборе 1576 г. не известны, но вполне возможно, что грамота именно этого собора находилась в 1614 г. в архиве Посольского приказа. В описи архива отмечено, что там в особом деревянном ящике хранилась «Запись целовальная, как целовали крест царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси и сыну ево царевичю князю Ивану Ивановичю *всяких чинов люди*»⁴⁷⁶ (выделено мною. — С. Ш.).

Важно отметить близость формулировок в описании также грамоты собора 1566 г.: «за митрополичьєю, и за архиепискупы, и всего освященного собору, и за боярскими, и всех чинов людей за руками...»

ваться верушку торговой буржуазии в состав соборов, превращая ее в служилый «чин», он политически подчинял ее. За эту честь она платила дорогой ценой — поддержкой фискальных интересов правительства. Это же позволило вслед за обращением к горожанам в канун опричнины противопоставить возможной (или реальной) аристократической оппозиции видимость поддержки действий царя более широкими слоями населения. Применительно к XVI в. следует с большой осторожностью говорить о политическом участии «третьего сословия» в правительственной деятельности. Не историсграфическая ли это легенда, созданная в поисках традиций участия предков позднейшей буржуазии в управлении государством?

Участие посадских людей в деятельности соборов не означало, что Иван IV склонен был как-то уменьшить свою власть их соучастием в управлении; напротив, царь рассчитывал на поддержку посадских людей в борьбе против феодальных сил, которые могли ограничить его власть. Иван Грозный — один из инициаторов этих собраний — не мыслил делить свою власть с широким кругом лиц, особенно с представителями «третьего сословия», которых он не считал за «людей». Не случайно он в 1570 г. в своем послании язвительно укорял английскую королеву Елизавету: «Мимо тебя люди владеют, и не токмо люди, но мужики торговые»⁴⁷⁷. Соучастие купечества в управлении государством Иван Грозный считал делом недопустимым, ронявшим «государскую честь».

Обстоятельства политической истории, финансовые нужды вынуждали царя, однако, привлекать к «великим государевым делам» и верхи посада. Это подсказывал и накопившийся уже опыт деятельного участия посадских людей в местных сословно-представительных учреждениях.

Центральные и местные сословные учреждения развивались на одном стволу.

Допущение посадских людей в местные представительные учреждения, деятельное участие верхов посада в городском управлении, в обсуждении важнейших местных дел как бы готовило общественную мысль к тому, что посадские люди могут и должны участвовать в работе и центральных представительных учреждений. К этому времени посад был уже более значительной политической

силой^{*}, чем прежде, и не оставался в стороне от политической борьбы между группировками класса феодалов. Важно и другое: очевидно, внутри посадского населения уже достаточно четко обнаружилось классовое размежевание, отразившееся в формулировках статей Судебника 1550 г. и уставных губных и земских грамот, передававших в руки местной посадской верхушки дело борьбы с «разбоями». Посадские верхи (в частности, верхушка духовенства) стояли значительно ближе к феодалам, чем к посадским низам. Известная близость классовых позиций и обуславливала возможность совместного участия феодалов и верхов посада^{**} в деятельности высших государственных учреждений.

Для соборов характерна социальная демагогия^{***} — обращение «ко всему христианству», «ко всему Российскому царству» и провозглашение заботы о «всем христианстве» главной задачей государя. Обращение Ивана Грозного непосредственно к простолюдинам как новое

* П. П. Смирнов и И. И. Смирнов справедливо отмечали «растущую политическую активность городского населения, посадских людей конца XVI — начала XVII в.»⁴⁷⁸ Политическая активность эта давала себя знать, очевидно, еще и в предшествовавшее время. Между событиями 1584 и 1587 г., когда «чернь московская» и «мужики торговые» играли столь видную роль в борьбе Бориса Годунова с его политическими противниками, и событиями 1547 г., 1555—1556, 1564—1565 гг. имеется преемственная связь.

** В сказании о последних днях митрополита Макария, умершего в конце 1563 г., в «прощальной грамоте» выделены не только царь, его родственники, освященный собор, Боярская дума, но и «дети боярские, дьяки и гости с их женами и детьми, священники и монахи»⁴⁷⁹.

*** Примером подобной вынужденной демагогии можно признать и события сентября 1579 г., которые К. С. Аксаков тоже рассматривает в плане «соборности». По сообщению Одерборна, Иван IV после поражения в войне со Ст. Баторием велел дьяку А. Щелкалову собрать народ, даже женщин, и рассказать о поражении. Щелкалов выполнил это распоряжение и сказал речь (т. е., очевидно, прочитал послание, быть может самим царем составленное), где уверял, что положение России вовсе не плохо. Таким путем удалось предотвратить активные формы народного недовольства, ибо назревал бунт женщин. Аксаков видел в этом факте пример единения царя с народом и «соборности управления»⁴⁸⁰. Текст Одерборна не дает оснований предполагать

и необычное явление в государственном управлении привлекало внимание иностранцев, не преминувших разукрасить описание подобных событий в духе традиционного тогда условного красноречия.

Среди русских царей было два выдающихся демагога — «гениальный изверг» * Иван Грозный и «Тартюф в юбке и короне» ** Екатерина II, и любопытно, что оба они — один у истоков абсолютизма, другая уже в годы так называемого просвещенного абсолютизма — не только прибегали публично к силе общественного мнения, но и стремились выступить в роли его идеологов. Это не спасло, однако, царизм впоследствии ни от крестьянской войны начала XVII в., ни от пугачевщины, хотя и способствовало в какой-то мере созданию в народе царистских иллюзий: представлений о добром и справедливом царе и злых советниках, легенд о народолюбии и демократичности царя (недаром с именем Ивана IV связаны народные сказки о царе — провидце и защитнике народа и знатоке его жизни, даже о выборе Грозного в цари ⁴⁸²) и возникновению затем такой своеобразной формы народного протеста, как массовое движение под флагом царей-самозванцев.

Публичные высказывания Ивана Грозного о злоупотреблениях и насилии «изменных» бояр и советников имели целью и отвести народное недовольство от господствовавшего класса в целом и от самого государя, направив его против лишь определенных лиц (крупных феода-

факт созыва «собора» в 1579 г. (хотя не исключено, что здесь в деформированном виде дошли отзвуки сведений о каком-то собрании «чинов», упоминаемом в описи 1626 г.). Но это может служить лишним доказательством того, что обращения к народу царя и его администраторов имели место в XVI в. Другой пример обращения Ивана Грозного к народу приводит Шлихтинг, рассказывая о страшных казнях, совершенных 25 июля 1570 г. в Москве. Обратившись к

«черни», «стоя в середине ее», царь «спросил, правильно ли он делает, что хочет карать своих изменников». В ответ раздались возгласы: «Живи, преблагий царь! Ты хорошо делаешь, что наказуешь изменников по делам их!» ⁴⁸¹

* Выражение из статьи В. С. (В. Северцова) «Земский собор и наша политика», опубликованной в газете «Вперед» (1905 г., № 10 ⁴⁸⁴). Статья отредактирована В. И. Лениным ⁴⁸⁵.

** Слова А. С. Пушкина ⁴⁸⁶.

лов, администраторов), и вызвать сочувствие к правительственным репрессиям в отношении этих лиц.

Активизация деятельности земских соборов — и притом наибольшая за всю их историю — относится к первым десятилетиям правления Романовых, после «великого московского разорения»⁴⁸³.

Соборы при первых Романовых внешне как бы продолжали деятельность широких собраний, возникших фактически самостоятельно в годы народных волнений и интервенции начала XVII в. В общественном сознании уже укрепилось постепенно представление о собраниях типа земских соборов как об органах регулярной правительственной деятельности, а также и о соучастии дворянства и верхов посадского населения в управлении. Однако земские соборы при первых Романовых на самом деле не были продолжением деятельности «советов всей земли» (возникших в ходе борьбы с интервентами) — правительственные верхи постарались использовать форму правления, ставшую уже популярной, устраняя при этом элементы ее демократизма. Но сделать это было очень сложно, да и опасно для правительства. Практика подачи коллективных челобитных, по существу воспринимавшихся как инициатива к созыву собора, первое время была неустранима. Недаром публицист-эмигрант второй половины XVII в. Котошихин характеризовал эти годы как время ограниченной монархии*. Тогда-то оформилась и система выборов на местах представителей в земские соборы. В XVI в. еще такой системы не знали, так же как не считали обязательным участие так называемого третьего сословия в соборных совещаниях. XVI век — это время лишь становления сословной монархии и сословных учреждений.

Встает еще проблема. Предшествовала ли сословная монархия обязательно абсолютизму? Можно ли вообще противопоставлять эти формы правления? Не могли ли они сосуществовать? Не в плену ли мы французского варианта развития абсолютизма, когда Генеральные штаты оказались распущенными за несколько десяти-

* Лишь во второй половине XVII в. практическая деятельность земских соборов поглощается деятельностью

Боярской думы и приказов и память о традициях «советов всей земли» все более замирает.

летий до провозглашения знаменитой формулы «Государство — это я!», приписываемой Людовику XIV?

Известно, что и в западноевропейских странах развитие парламентаризма сопутствовало в XVI в. развитию абсолютистских начал в государственном правлении⁴⁸⁷ и что путь этот был неровным, с зигзагами и отступлениями. Это же наблюдается и в России, где в середине XVI в. первые сословные учреждения и в центре (земские соборы) и в провинции оформляются тогда же, когда становятся заметными первые признаки российского абсолютизма (подавленные вскоре восточным деспотизмом политики опричнины), а затем в XVII в. правительство держало курс на укрепление абсолютизма через земские соборы⁴⁸⁸.

Подчеркнутое противопоставление в исторических трудах деятельности сословно-представительных учреждений власти абсолютного монарха не является ли также данью историографической легенде?⁴⁸⁹

Местничество и абсолютизм

~

(постановка вопроса)



После Земского собора 1682 г., отменившего местничество, официальные местнические документы государственных архивов были сожжены. Уничтожены были и многие местнические документы, хранившиеся в личных архивах служилых людей. Уцелевшие документальные материалы (местнические дела, а также разрядные и родословные книги и другие источники) — это лишь остаток огромного массива местнической документации. Такого рода остатков дошло до нас сравнительно много, но сопоставлять между собой данные этих источников, зачастую к тому же сохранившихся не полностью, очень сложно: исследователь подавлен обилием разрозненных и трудно сопоставимых фактов. Дело усложняется еще и тем обстоятельством, что, по-видимому, не существовало достаточно детальных местнических правил и норм и при решении местнических дел опирались на прецеденты — «случаи». Все это существенно мешает изучить историю местничества с должной основательностью, затрудняет определение характерных черт и значения местничества на различных этапах его развития.

Мимо местничества историки пройти не могли — слишком бросается это явление в глаза при знакомстве с историей России XVI—XVII вв., но судили о местничестве, как правило, лишь на основании немногих, иногда произвольно выбранных, примеров. При этом на местничество XVI в. (когда у кормила власти находилась преимущественно потомственная аристократия) автоматически переносили характеристику местничества XVII в. (документация которого сохранилась полнее), т. е. времени, когда многие знатные роды уже «без остатку миновались» (слова Котошихина). Слабо изучали местничество и в сопоставлении с фактами зарубежной истории (исключение — небольшая статья А. Н. Савина о местничестве при дворе Людовика XIV)*: большинство ученых полагало, что это явление характерно только для русской истории.

* А. Н. Савин отметил: «В некоторых отношениях французская борьба за места похожа на московскую. Принцы и пэры отстаивали отеческую честь как нечто неприкосновенное для торжествую-

щего абсолютизма. Правда, у них, как и у московских бояр, отечество тесно сплеталось с государевой милостью. Старшинство пэра определяется датой пожалования пэрии, а не породой»¹.

К настоящему времени опубликовано и описано немало документов, относящихся к истории местничества. Появились специальные работы по истории местничества^{*}, о местнической терминологии²; характеристики местничества имеются во многих обобщающих трудах историков и в публицистических работах³. Однако в историографии местничества наблюдается любопытное явление: исследователи, специально изучавшие местническую документацию (Д. А. Валув, А. И. Маркевич), осторожны в своих суждениях^{**}, историки же, детально не знакомящиеся с местническими материалами во всем их многообразии, напротив, решительны в своих характеристиках, хотя и расходятся между собой во взглядах на местничество.

Попытка оценить историческое значение местничества была предпринята во второй половине XIX в. и в обобщающих трудах Н. И. Костомарова и В. О. Ключевского. Костомаров полагал, что, «хотя этот обычай нередко вредил государственным делам», он в то же время «был полезен для успехов самодержавия, потому что не давал боярам сплотиться, образовать между собой общие сословные интересы и постоять за них. Родовая честь... измерялась у бояр только службою государю. Дети и внуки могли гордиться заслугами отцов и дедов единственно в среде службы... Этот-то эгоизм служилого сословия, эта служебная привязанность каждого к воле великого

* Интересные данные о местнических документах и по истории местничества имеются и в недавно опубликованных трудах С. Б. Веселовского, А. А. Зимина, В. И. Буганова, В. Б. Кобрин, М. Е. Бычковой, В. Н. Бочкова и других исследователей.

** Д. А. Валув (рано скончавшийся) не смог осуществить задуманное им исследование, и его суждения имеют значительной степени предположительный характер. А. И. Маркевич, кропотливо изучавший всю доступную ему документацию о местничестве, пришел

к выводу, что местничество — это основанный на обычае институт служебного старшинства, подчинявший родовые интересы служебным и не представлявший собой серьезной политической привилегии служилого класса⁴. В монографических трудах А. И. Маркевича содержится много ценных конкретных наблюдений, лишь частично обобщенных в его статье «Что такое местничество?»⁵. (Основные выводы работ Д. А. Валуева, А. И. Маркевича, В. О. Ключевского изложены в статье А. Н. Савина⁶.)

князя, это отсутствие сословных интересов были важнейшими средствами к укреплению самодержавной власти»⁷.

Иная точка зрения на местничество у В. О. Ключевского, который считал идею местничества «строго консервативной и аристократической», отражавшей взгляд титулованных бояр «на свое правительственное значение не как на пожалование московского государя, а как на свое наследственное право, доставшееся им от предков независимо от этого государя, установившееся само собою, ходом событий». Местничество устанавливало, по мнению В. О. Ключевского, не «фамильную наследственность служебных должностей», «а наследственность служебных отношений между фамилиями». Ключевский писал о «роковой наследственной расстановке» служилых людей: «Должностное положение каждого было предопределено, не завоевывалось, не заслуживалось, а наследовалось». «Местничество, — полагал В. О. Ключевский, — имело оборонительный характер. Им служилая знать защищалась как от произвола сверху, со стороны государя, так и от случайностей и происков снизу, со стороны отдельных честолюбивых лиц, стремившихся подняться выше своего отечества, наследственного положения». «Оценивать служебную годность происхождением или службою предков значило подчинять государственную службу обычаю, который... в сфере публичного права становился по существу своему противогосударственным». В то же время В. О. Ключевский отмечал — это особенно важно, — что местничество хотя и спланивало боярство в корпорацию, но «не увеличивало, а скорее ослабляло силы» боярства, разрознивало фамилии, «разрушало сословие нравственно и политически» — «местничество было вредно и государству, и самому боярству, которое им так дорожило». Государственная власть, писал В. О. Ключевский, могла терпеть местничество, «пока сама не понимала настоящих задач своих или не находила в неродословных классах пригодных для службы людей. Петр Великий смотрел на местничество строго государственным взглядом, назвав его «зело жестоким и вредительным обычаем, который как закон почитали»^{*}.

* Детально В. О. Ключевский характеризует местничество

в книге «Боярская дума древней Руси», написанной

Как можно убедиться, В. О. Ключевский в характеристике местничества опирается на воззрения княжат (потомков удельных князей) и потомственных бояр XVI в., сосредоточив внимание читателя не столько на местнической практике, сколько на местнической идеологии. В оценке же местничества он опирается на мнение современников собора 1682 г., отменившего местничество, когда оно уже окончательно изжило себя и не находило поддержки ни у центральной власти, ни у группировок класса феодалов. Детальным наблюдениям А. И. Маркевича, изучавшего историю местничества по царствованиям, В. О. Ключевский уделил мало внимания* и сформулировал ответственные выводы фактически без должного учета специальной литературы о местничестве.

Авторитет В. О. Ключевского как ученого и его замечательное литературное мастерство способствовали популяризации именно его воззрений на местничество. При этом постепенно акцент делался на характеристике тех сторон местничества, которые препятствовали государственной централизации, а само местничество рассматривалось прежде всего в плане военной истории, точнее, даже в плане истории военной службы, где вредные последствия местничества были особенно ощутимы. Эта точка зрения утвердилась и в трудах советских ученых, примером чего могут служить статьи о местничестве в первом и во втором изданиях Большой Советской Энциклопедии. Считается как будто бы само собой разумеющимся, что местничество всегда играло реакционную роль, всегда было помехой делу государственной централизации и московские государи всегда вели упорную борьбу с ним⁹. Поэтому постановка вопроса «Местниче-

им в конце 1870-х годов. В настоящей работе приводятся ссылки на «Курс русской истории»⁸, подготовленный автором к печати в начале XX в., потому что именно в этом труде сформулированы Ключевским основные выводы его многолетних размышлений.

* Мало использовал труды А. И. Маркевича и С. Б. Ве-

селовский, характеризуя источники о происхождении, составе и социальной природе служилых землевладельцев, хотя Д. А. Корсаков еще в 1896 г. отметил важность указания А. И. Маркевича на то, что местнические дела содержат драгоценный материал для проверки родословий¹⁰.

ство и абсолютизм» поначалу может показаться странной. Зачем писать о том, что и так понятно?

Между тем ставший уже традиционным взгляд на местничество на поверку оказывается крайне односторонним и никак не может объяснить ни длительность существования института местничества, ни отсутствия серьезной борьбы с ним центральной власти на протяжении XVI столетия*. Вряд ли случаен и тот факт, что местничество сопутствовало процессу превращения Российского централизованного государства в абсолютистское. Не было ли местничество само отражением этого процесса?

Для того чтобы по возможности с исчерпывающей полнотой ответить на вопросы о характерных чертах местничества и о его роли в процессе утверждения абсолютизма в России**, необходимо тщательнейшим образом изучить все сохранившиеся сведения источников о местничестве***, сопоставив их с хронологически одновременными данными по социально-политической истории Российского государства конца XV—XVI в. Без такой работы суждения о местничестве могут быть только предположительными. В настоящей работе автор ограничился лишь постановкой некоторых вопросов и выводами предварительного характера.

* * *

*

Местничество (точнее, служебно-родовое местничество) — это институт, регулировавший служебные отношения между членами служилых фамилий на военной и

* В этом плане замечательно наблюдение А. С. Пушкина: «Когда пало боярство? При Иоаннах, которые к одному местничеству не дерзнули прикоснуться».

** Вопросы эти ставил перед собой еще А. С. Пушкин в заметках о русском дворянстве: «Было ли зло местничество? Натурально ли оно? Везде ли существовало оно? Зачем уничтожено было оно? И было ли оно в самом деле уничтожено?»¹¹

*** Следовало бы попытаться реконструировать местническое законодательство, отраженное в уцелевшей местнической документации. До сих пор еще не исследованы в источниковедческом плане местнические дела, являющиеся ценным источником по политической истории, истории государственных учреждений и войска, истории быта и общественной мысли класса феодалов.

административной службе и при дворе. Название местничества произошло от обычая «считаться» «местами» (за столом и на службе). «Место» зависело от «отечества», «отеческой чести», которая слагалась из двух элементов — родословной (т. е. происхождения) и служебной карьеры самого служилого человека и его предков.

Положение служилого человека в ряду других определялось двояко: по отношению к родичам (на основании родословных книг) и по отношению к чужеродцам (на основании разрядных книг и другой документации). Согласно «местнической арифметике» (выражение Ключевского), равные по положению служилые люди считались «ровни» или «в версту». Служилый человек должен был «знать себе меру»; и при назначении на должность, при исполнении придворных церемоний (в том числе при распределении мест за столом во время официальных приемов*; «изместить» — дать место за столом) следил за тем, чтобы «честь» его не было «порухи», высчитывая, ниже кого ему служить «вместно», кто ему «в версту» и кому «в отечестве» с ним не доставало мест. Быть «выше» значило быть «честнее». Расчет этот производился обычно по прежним записанным «случаям». Равные по положению лица — «местники» — иногда исполняли службу в порядке очередности. Недовольные назначением служилые люди «били челом государю о местах» («били челом в отечестве», «искали отечество»), показывая «в отечестве счотные грамоты» и прося дать им «оборонь». Челобитные эти рассматривали особые местнические думские комиссии (а иногда и сам государь): они «сего дела слушали, и по случаем, по разрядом, хто ково был больше или меньше или в версту, и по родословцу, хто х кому по родству к тем воеводам каков близок считали»¹².

Примерно со второй половины XV в. при дворе московского великого князя прочно уже оседают в качестве служилых людей княжата, заметно потеснившие

*. Правая сторона признавалась «честнее» левой (также и в войске — воеводы полка правой руки были выше воевод полка левой руки). Общеприняты были и стали формализованными выраже-

ния: «сидеть выше», «сидеть ниже», «сидеть под кем-либо», «сидеть выше иных бояр не уметь», «не по счету сидеть» и др. Выражения «посесть», «пересесть» означали «занять место выше».

исконное московское нетитулованное боярство *. Из княжат и бояр формировалось аристократическое правительственное окружение государя всея Руси. Сложные иерархические отношения пришлых княжат между собой и с нетитулованными боярами определялись местническими обычаями. Критерием становились прежде всего назначения на московской службе; при этом подразумевалось превосходство московской службы над службой в других княжениях (великих и удельных).

О местничестве (а следовательно, и о местнических правилах) как об обязательной практике взаимоотношений служилых людей Российского государства известно примерно с XV в.¹³, а местническая документация сохранилась преимущественно от второй половины XVI—XVII в., когда первоначальные местнические нормы были уже в какой-то мере под воздействием центральной власти изменены **. Первоначально местничество регулировало, насколько известно, лишь взаимоотношения высших слоев «служилых людей» государя всея Руси — потомственной аристократии, причем прежде всего в придворной сфере¹⁴ (также, возможно, и непосредственных придворных слуг царя); впоследствии местнические нормы распространились и на другие разряды служилых людей.

Вопрос о происхождении местничества очень сложен и к тому же опутан историографическими наслоениями. Видимо, корни местничества как феодально-иерархического института можно искать еще в период формирования и утверждения отношений вассалитета ***, но эта тема хронологически выходит далеко за рамки настоящей работы ****. Для темы же данной работы важно отметить,

* «Политическое объединение Северо-Восточной Руси, — писал В. О. Ключевский, — принесло в Москву густой слой знатного удельного княжья, сведенного или добровольно сошедшего с наследственных столов. Этот слой стал выше старого, нетитулованного московского боярства»¹⁵.

** По выражению В. Б. Кобрин, это документация уже «укрощенного местничества».

*** Здесь следовало бы обратить внимание на особенности вассалитета в древней Руси («вассалитет без ленов», по определению Маркса).

**** Особый интерес представляют нижегородские «местные» грамоты 1367—1368 гг., заслуживающие специального изучения и в плане истории местничества¹⁶.

что утверждение местнических норм во взаимоотношениях крупных феодалов при дворе государя всея Руси хронологически совпадало с завершением процесса объединения русских земель в составе единого государства, значительным ростом международного престижа Российского государства и расширением его международных связей. Изменение же местнических норм и распространение местнической практики на другие группировки класса феодалов хронологически совпадали с процессами перераспределения земельной собственности между феодалами, видоизменением форм землевладения феодалов и уточнением степени зависимости землевладения от служебного положения феодала, с усилением бюрократического начала и власти самодержца в системе государственного управления.

Выясняя происхождение местничества, обычно отмечают дружинные традиции, служебные и придворные порядки* и особенно давние традиции междукняжеских отношений¹⁷, сложившиеся при дворах русских великих князей. Конечно, эти факторы играли особенно значительную роль, но следовало бы в большей мере учитывать также влияние придворного церемониала и служебного этикета при дворах восточных правителей и византийско-

* Итальянские писатели XVI в. подчеркивали то, что при дворе московских государей сохранялись элементы дружинного стиля: частые пиры «всенародно» с вельможами и послами. Государь, по их словам, не окружал себя стражей. «Весь двор состоит из царьков и отборных чинов воинских, которые поочередно призываются на определенное число месяцев из каждой области для посещения и прославления дворца и для исполнения обязанностей по свите», — пишут П. Джовио (Павел Иовий), получивший сведения о России от Дм. Герасимова (1520-е годы), и анонимный автор (1557 г.)¹⁸. Местничество первоначально было, видимо, особенно за-

метно именно при дворе при распределении «мест» за столом государя. Персональный состав «государева двора» (если не считать лиц, исполнявших непосредственно служебные обязанности во дворце) был вначале неопределенным и пестрым, и в состав большой свиты государя входили, видимо, и служилые люди княжат и бояр, находившихся при «государевом дворе». Важнейшими этапами в организации «государева двора» была реформа 1550 г. (организация «Избранной тысячи») и особенно опричная реформа. С введением опричнины появилась во дворце и стража (напоминающая гвардию последующего времени)¹⁹.

го императора (или, точнее выражаясь, сложившегося на Руси представления об этом и о полноте власти султана над всеми подданными) и особенно близость местных норм к обычаям польско-литовской аристократии*.

При дворе государей всея Руси находилось немало восточных князьков, и они «заезжали» «по иноземству» (т. е. как особо знатные иноземцы) князей Рюриковичей и Гедиминовичей, а ханы и ханычи именовались «царями» и «царевичами» и получали особые царские «уделы» (Касимов, Каширу, Звенигород и др.)**. Иметь при дворе «царей» и «царевичей» было «очень честно» по понятиям людей XVI в.²⁰ В Москве очень интересовались обычаями восточных дворов («юртов»), особенностями государственного управления на Востоке и высоко ценили «государскую честь» восточных правителей. «Царями» в официальных документах XVI в. титуловали прежде всего восточных правителей, и в борьбе за признание царского титула московских государей западноевропейскими монархами особое значение придавали тому факту, что Иван IV стал в 1550-е годы также царем Казанским и Астраханским²¹. Иностранные наблюдатели (уже Герберштейн) подчеркивали беспредельность власти московских государей; в конце XVI в. писали о сходстве русского и турецкого образа правления (например, Дж. Флетчер). Еще более знаменательно то, что Пересветов примером для подражания русского царя полагал образ правления турецкого султана***.

* Некоторые замечания об этом имеются у Д. А. Валueva и А. И. Маркевича²². Маркевич рассматривает как копирование польских обычаев и те случаи, когда русские князья прибавляли к фамильному прозванию родовое, например Курбский-Ярославский, Сицкий-Ярославский, Д. М. Пожарский-Стародубский, Ромодановский-Стародубский²³.

** При Иване IV ханычи в полученных ими уделах имели свою администрацию — су-

дили мусульман по своим обычаям. Там подчинялись Корану (об этом в 1570 г. говорил и царский посол в Стамбуле²⁴).

*** В сочинениях Пересветова специалисты по истории Турции улавливают факты, характерные для Османской державы середины XVI в.²⁵ По мнению А. Е. Крымского, «живым идеалом для Пересветова» был его современник султан Сулейман Законодатель (Великолепный), «только в своих

Пересветов мог иметь разнообразные источники информации о султанской Турции. Особо следует отметить, что в Османской державе было много русских (точнее, славян): венецианские послы писали (в XVI в.), что вся прислуга в Стамбуле — и у турок и у христиан — из русских рабов и рабынь³¹; при дворе султанов знали славянский язык³². (Вопрос о воздействии восточных придворных обычаев на обычаи «Московского царства», а также такие проблемы, как особенности землевладения феодалов и формы взаимозависимости землевладения и государственной службы феодалов, своеобразие представлений о характере царской власти, причины длительного сохранения в России института холопства и другие*,

писаниях Пересветов, задним числом, переносит свои государственные идеалы на личность султана еще XV столетия Мехмеда II Завоевателя»²⁶. В монографии В. А. Гордлевского о государстве Сельджукидов Малой Азии (также не обратившей на себя внимание недавних исследователей творчества Пересветова) обнаруживаются данные о государственном строе, общественных представлениях, обычаях турок, позволяющие выявить дополнительные линии сближения декларируемой Пересветовым программы преобразований с фактами из истории турецкого средневековья. Уже в первом мусульманском памятнике турок «Кутадгу-билиг» говорится о щедрости как о притягательной силе для воинов: «Восначальник должен ценить своих людей». За воинскую доблесть жаловались лены, а земля («тимар»), данная воину, который по первому призыву государя являлся на войну вооруженным, сохранялась пока тимариот мог

«оказать воинскую доблесть». Участие в войне признавалось долгом феодала, который он исполнял охотно, так как надеялся на богатую добычу и награду (землей, движимым имуществом, невольниками). Султан был волен над жизнью и смертью вассалов, рассматривая их как рабов²⁷, и предпочитал избавляться от усиливавшихся или обленившихся вассалов. «Нужно вырвать старые деревья и взамен посадить молодые деревья²⁸, — говорил один из султанов, обдумывая, как освободиться от тех, кому он был обязан престолом. По утверждению того же В. А. Гордлевского, в Стамбуле XVI в. сохранилось много от византийских порядков управления, придворного церемониала²⁹ и султан рассматривал себя как законного наследника византийских императоров³⁰.

* Характерные для российского самодержавия черты восточного деспотизма не раз отмечались. В. И. Ленин говорил о русском абсолютизме, пропитанном азиатским варварством³³. Крайне любопытно в этой связи и замечание

еще ожидают сравнительного изучения обязательно совместно со специалистами-востоковедами.)

В конце XV — первой половине XVI в. государям всея Руси особенно важно было привлечь к своему двору и удержать у себя на службе удельных «верховских» князей Гедиминовичей и Рюриковичей, служивших «на обе стороны»: и московскому и литовскому великим князьям. Наиболее видные из пришлых верховских князей (т. е. живших в верховьях Оки) роднились с великими князьями московскими и дольше других крупных феодалов сохраняли за собой свои уделы. Их старались удержать на московской службе: с них первых брали крестоцеловальные записи о неотъезде; им же и многое прощали (даже казни времени правления Грозного первоначально мало коснулись этих князей). Верховские князья, как удельные, имели право участвовать в Государской думе Великого княжества Литовского, тогда как другие, неудельные князья попадали в Государскую думу только по получении земского или придворного уряда*. Приманивая верховских князей на московскую службу, московские государи учитывали, что в Литве в конце XV и особенно в XVI в. не раз предпринимались попытки распространить на литовских магнатов, придерживавшихся православия, действия «Городельского привилея» 1413 г., ограничивавшего права «схизматиков»³⁶, и что короли

В. Г. Белинского о том, что Иван IV «сделался не преобразователем России, а грозною карою восточной формы ее государственного быта»³⁴. Н. П. Огарев в неопубликованной при жизни статье «Что бы сделал Петр Великий?» отмечал, что Петр I застал «формы азиатского царедворства и полутатарские нравы», когда окружавшие его бояре сводили «государственные интересы на низкую ступень холопских интересов — на местничество»³⁵.

Выявляя некоторые черты близости государственного строя и придворных и военных обычаев российской и восточной монархий, следует

при этом решительно предостеречь от попыток отождествления России XVI—XVII вв. с восточными деспотиями. Речь не может идти в данном случае о социально-экономической и общественно-политической характеристике России в целом, которая всегда оставалась страной прежде всего европейского типа общественного развития.

* В Польско-Литовском государстве должностной почет считался выше родового. Например, кн. Януш Острожский — по должности первый сенатор — сидел в Сенате выше своего отца³⁷.

явно больше благоволили к польским, чем к литовским, магнатам *.

Можно полагать, что в конце XV в. местнические обычаи, точнее сказать, местнические отношения между нетитулованными лицами рассматривались даже на Руси как литовские. «И то ты чинишь с литовского обычая»³⁸, — упрекал Иван III местничавшего боярина, а литовские паны в начале XVI в. писали московским боярам: «А для ваше милости не писали есмя по именом, што же не ведаем на тот час местец ваших, где хто сидит после кого в раде (т. е. в Боярской думе. — *С. Ш.*) государя вашего»³⁹. Послы Ивана Грозного к польскому королю получали строгий наказ «проведати» местническое положение беглеца князя Курбского: «В какове мере с кем держит его король» **; и в послании, отправленном Ходкевичу от имени Воротынского и написанном, видимо, самим Иваном Грозным, издевательски обыгрывался факт «великого жалованья и приближенья» королём Курбского («и во чтивости учинил») ***, который «был в московских родех не десятый, а мало не двадцатый, также и в местцы»⁴⁰.

В 1567 г. король и гетман Гр. Ходкевич в посланиях к князьям И. Д. Бельскому, И. Ф. Мстиславскому, М. И. Воротынскому и боярину И. П. Федорову предлагали им перейти на службу к королю, прельщая аристократическими вольностями своей страны, обещая при-

* Московский посол доносил о Сигизмунде II Августе: «...полскую раду литовские болши любит и слушает, и в Полше король болше Литвы жити любит»⁴¹.

** «А про Курбского им проведати, в какове мере с кем держит его король, и котрым паном радным приездж, и любят ли его королевская рада, и как его при себе держат, и в какове ныне мере»⁴². (Из наказа 1567 г. послам, отправленным к Сигизмунду II Августу.) Послам вообще предписывалось фиксировать, кто во время приема сидел подле короля и с какой стороны⁴³.

*** А еще прежде (в 1554 г.) послу к польскому королю, «нечто учнут спрашивать котрым обычаем про княж Семеново дело Ростовского» (т. е. о попытке его бегства за рубеж), наказано было отвечать: «А он недороден, а государь пожаловал с дородными ровню» (т. е. пожаловал боярством). На вопрос же: «Со князем Семеном хотели ехати прочь многие [ли] бояре и дворяне?» — велено было говорить: «К такому дураку добрый кто пристанет? Лишь с ним воровали его племя — такие же дураки»⁴⁴.

равнять русских княжат к удельным князьям Речи Посполитой («а не вменшивати, яко годно роду великому чинити»). Ответы бояр были, как предполагают исследователи, написаны самим царем. В этих ответных посланиях Гедиминовичи (Бельский и Мстиславский) указывали королю на свое родство с ним и невозможность для них быть «подданными у брата» (короля) и «в ровенстве» с удельными княжатами. Одновременно подчеркивалось высокое положение этих «первосоветников» в Российском государстве («И што нам обещаешь с уделными своими княжаты в ровенстве быти, и нам с подданными нашими как в ровенстве быти? А мы царского величества жалованьем и ныне всех тех вышшы, а не в равенстве»⁴⁵, — читаем в послании Бельского). Рюрикович Воротынский тоже писал: «Мы царского величества милостию и так тех князей выше есмь»⁴⁶. Князья писали о том, что предки их, преследуемые в Литовском Великом княжестве, нашли достойный прием у государей всея Руси. Бельский напоминает королю о своем деде, который «едва во единой кошюле (т. е. рубашке. — С. Ш.) утек до истиннаго православия», и Иван III его «великим своим жалованьем и почестливостию пожаловал и достойную честь воздал и никого в своей земле высочайши нас не учинил, ни в равенстве, даже и доселе; а много у царского величества прироженцов царских и великих княжеств многих и с государств со многих, и тые вси по его царского величества велению под нашим повелением ходят»⁴⁷ (действительно, Бельский в списке вельмож обычно стоит на первом месте). Мстиславский добавлял еще, что он держит «великое местцо его царского величества Великий Новгород», которое занимал некогда его предок («и то есть наше достоинство, от коего достоинства предков наших ваши (т. е. короля. — С. Ш.) предкове выгнали, и царское величество опять нас тем достоинством пожаловал») ⁴⁸. В письмах же к Ходкевичу они с презрением указывают на недопустимость его обращения к таким знатым вельможам, у которых «царского величества милостию в твою версту многие служебники есть»⁴⁹.

«А болши того нашему величеству не подобает с вами безбожными говорити»⁵⁰, — написано в послании Бельского. То же и в послании от имени Воротынского: «Ино ж то есть невзгоже, что с нами, княжаты, вам, мужиком, быти в братстве»⁵¹. Не мудрено, что именно в этих посла-

ниях сформулированы понятия о различии власти «вотчинного» (т. е. царя) и «посаженного» (т. е. короля) государей, о характере «вольного царского самодержавства» и об обязанности подданных царя верно служить своему государю («а в государственной воле подданным взгоже быти», «мы же, як же достойные чести и первосоветничества, верной покорности царскому величеству прямо заслугуем и заслужовати з жаданием будем») ⁵².

Местническим вопросам придавалось немалое значение во взаимоотношениях России и Речи Посполитой и в начале XVII в. От 1613 г. дошел длинный список имен и должностей: «Паны радные и сенаторы полские и литовские у полского короля у Жидмонта и сидятца по местам» ⁵³, данные которого, несомненно, использовались в дипломатической практике Российского государства; а послы короля еще в 1615 г. старались ущемить местническое самолюбие одного из Воротынских, язвительно указывая ему: «Ноне у вас... Кузьма Минин, резник з Нижнего Новгорода, казначеем и большим правителем есть, всеми вами владеет, и иные таковые ж многие по приказах у дел сядят» ⁵⁴.

Местнические нормы утверждались в условиях сохранения в централизованном Российском государстве значительных остатков феодальной раздробленности, в борьбе центральной власти с привилегиями еще недавно независимых и полузависимых государей мелких «земель» и княжеств ⁵⁵. Этим и объясняется двойственная политическая природа местничества. Местничество явилось своеобразным компромиссом центральной власти с вершущими группировками феодалов и этих группировок между собой. Центральная власть рассчитывала использовать местничество как средство преодоления остатков феодальной раздробленности и, опираясь на служебное начало местнической системы, еще больше подчинить себе княжат. В этом центральную власть поддерживали нетитулованные бояре, полагавшие, что противостоять конкуренции княжат им легче всего именно на служебной лестнице. В свою очередь княжата надеялись с помощью местничества удержать свои наследственные привилегии и действительно в определенной мере сковывали инициативу центральной власти ⁵⁶. Таким образом, княжата и бояре искали в местничестве защиту от центральной власти и от конкуренции других «больших» людей, а цент-

ральная власть — защиту от крупных феодалов. Местничество было не только обороной аристократии от центральной власти, как полагал В. О. Ключевский, но и обороной неутвердившейся еще самодержавной центральной власти от старинной аристократии, и первоначально оно оказывалось более выгодным именно для центральной власти.

В местничестве обнаруживаем смешение старинны и новизны, иерархического начала, унаследованного со времен феодальной раздробленности, и строгой служебной зависимости, характерной для все более централизующейся и бюрократизирующейся государственной системы*. В период феодальной раздробленности «ко-

* Местнические нормы в XVI в. приняты были, очевидно, и в среде высшего духовенства — белого и черного. В летописи читаем под 7054 г. о том, что великий князь «пожаловал — указал места архимандриту Троецкому Сергиева монастыря, да Кириловскому игумену, да Павнутаевскому, да Осифовскому: Троецкому под Чюдовским, а Кириловскому под Андронниковским, а Павнутаевскому под Богоявленским на Москве за торгом, а Осифовскому под Павнутаевским; а *преж им мест не бывало*»⁵⁷ (выделено мною. — С. Ш.). В другой рукописи уточняются повод к этому решению и дата его. Это имело место в связи с большим приемом во дворец (государь «сътворил пир велик») после венчания Ивана IV на царство 16 января 1547 г. Писавший эту рукопись постриженник Павлова монастыря Нил Курлятев также отмечает: «А прежде того те игумены в местах не бывали»⁵⁸. Можно полагать, что игумены и архимандриты некоторых (или даже всех) московских монастырей прежде уже считались «места-

ми», а в 1547 г. этот обычай был распространен и на наиболее значительные из иногородних монастырей, игумены и архимандриты которых тем самым включались в число приближенных придворных государя. В описи Царского архива (1570-е годы) упомянут «имян список архимандритов и игуменов, которые под которыми сидят»⁵⁹. Известно и о «степенных списках» высшего черного духовенства в конце XVI в. (об этом узнаем из утвержденной грамоты Земского собора 1598 г.). В летописце, составленном в начале XVII в. в окружении патриарха, в описании «помазания на царство» Федора Ивановича в Успенском соборе (1584 г.) особо отмечается порядок мест «освященных властей» (кто находился с какой стороны от государя и «под» кем — в какой последовательности)⁶⁰. Таким образом, некоторые наблюдения о характере и путях распространения местничества среди светских феодалов могут быть отнесены и к высшему черному духовенству.

роль, — по определению Ф. Энгельса, — представлял собой вершину всей феодальной иерархии, верховного главу, без которого вассалы не могли обойтись и по отношению к которому они одновременно находились в состоянии непрерывного мятежа»⁶¹. С централизацией Российского государства междоусобные битвы феодалов, заполнявшие «средневековые своим шумом»⁶², сменились политическими заговорами и распрями местничавших воевод и придворных, опиравшихся в своих претензиях на давние представления о феодальной «чести». Не выступая активно против местничества, обуздывая родовые притязания разрядными путями⁶³, кодифицируя местнические нормы, центральная власть и в данном случае оставалась «представительницей порядка в беспорядке»⁶⁴, ибо сложная, на первый взгляд даже хаотичная система местнических отношений заключена была в жесткие рамки, определяемые именно центральной властью. Центральная власть определяла возможные решения по всем местническим спорам, а следовательно, и пределы местнических требований. Местничество, несмотря на все раздоры, его сопровождавшие, само по существу становилось инструментом общественной дисциплины и привязывало аристократию ко двору. Запутавшись в паутине местнических счетов и фамильных воспоминаний, наследственная аристократия оказывалась бессильной перед самодержавной властью государя, перед поступательным движением все более усложнявшейся и укреплявшейся бюрократической машины.

Так понятия времен феодальной раздробленности были умело использованы центральной властью в своих интересах. Местнические обычаи четко определяли, что служебное положение знатного человека обеспечивается прежде всего верной потомственной службой московскому государю и степенью приближения его родственников к государю⁶⁵.

На смену феодальной курии, состоявшей из потомственных местных аристократов и виднейших из пришлых княжат, явилась Боярская дума, членами которой становились по назначению, служебному жалованию. В первой половине XVI в. княжата — владельцы значительных уделов постепенно переходят из числа «слуг» — высших вассалов на положение великокняжеских бояр, терявших при этом остатки былой политической само-

стоятельности. Весьма интересны наблюдения А. А. Зимина, относившиеся к княжатам западных окраин Российского государства⁶⁶. Сохранившиеся разрядные записи позволяют предполагать, что «слугами» первоначально было большее число крупных феодалов, чем считали до сих пор. В 1520-е годы ими являлись, видимо, и некоторые Рюриковичи из восточных областей государства — Горбатые, Микулинский, возможно, И. Д. Пеньков. Они писались в разрядах впереди некоторых бояр, но без боярского звания⁶⁷. А в 1550-е годы «служгой» помимо М. И. Воротынского был и И. Д. Бельский. Он подобно своим дядьям в 1520-е — 1530-е годы стоял выше бояр на местнической лестнице и сделался боярином лишь в 1560-е годы*.

Закрепление местнических обычаев по существу подчиняло родовую честь служилой**. Местнические обычаи в какой-то мере приравнивали потомственных удельных князей к потомственным нетитулованным боярам русских великих князей — и те и другие рассматривались прежде всего как служилые люди московского государя. Тем самым юридически и психологически постепенно устранялось само представление о политической независимости княжат. Местничество давало центральной власти способ

* Не исключена связь этого «понижения» и переговоров И. Бельского с польскими панам радиными.

** А. С. Лаппо-Данилевский считал, что во второй половине XVI в. «родовая честь подчинилась правилам служилой». Думается, что это наблюдение в известной мере можно отнести уже и к предшествующим десятилетиям. Вообще А. С. Лаппо-Данилевский полагал, что в истории местничества было два периода: до половины XVI в., когда «родовая честь преобладала над служилой»; она определялась под влиянием появления рукописных частных родословных с XV в., а также выездных служилых князей и возникавших с ними споров;

и со второй половины XVI в., когда «родовая честь подчинилась правилам служилой благодаря окончательно выработавшемуся ритуалу придворного быта, порядку военной и гражданской службы, а также запутанности местнических счетов по родовой чести — счетов, которые нередко разрубались как гордиев узел»⁶⁸. Важно отметить, что для того периода, к которому относится основная масса документов, позволяющая судить о характере местничества, А. С. Лаппо-Данилевский (в отличие от В. О. Ключевского) считал типичным преобладание служебного начала над фамильным.

борьбы с «мятежами» княжат, а также нетитулованных аристократов, так как измена одного члена рода «мяла в отечестве» весь род (родственники Курбского, например, после его бегства были понижены на 12 ступеней!) и заставляла самих княжат сдерживать друг друга⁶⁹. Все это способствовало в конечном итоге ослаблению политического могущества аристократии⁷⁰.

Именно на эту-то сторону местничества обратили особое внимание англичане Горсей и Флетчер, бывшие в России в 1570-е — 1580-е годы. Местничество помогало центральной власти разобщить аристократию, разбить крупных феодалов на группировки и находить опору в одной из них против другой. Того, чего для ослабления боярства не сумели совершить «перебором людишек» и казнями времен опричнины, добивались с помощью «местнической арифметики». Местнические споры и при Иване Грозном⁷¹, и в конце XVI в. использовались и в политических целях. С. П. Мордовина отметила, что опалам Романовых, Р. В. Алферьева, Б. Я. Бельского, даже совсем не родовитого В. Я. Щелкалова неизменно предшествовала «порука» их родовой чести⁷². Местничество, таким образом, оказалось одной из причин угасания аристократических родов, попавших «в опалу», — понижение в разрядах (как писали в местнических делах) «делалось... государскою опалою»⁷³.

Для местничества характерно было служебно-родовое старшинство. Между тем внимание иногда акцентируется только на родовом начале и местничество рассматривается как своеобразная кастовая система. Сохранившиеся источники позволяют опровергнуть это мнение. Знатное происхождение обязательно должно было сочетаться со службой предков; фамилии, даже знатнейшие, представители которых долго не получали высоких служебных назначений или «жили в опалах», оказывались в «закоснении»*. Официальная точка зре-

* О Вельяминовых, например, в родословцах XVI в. писали: «...от Ивана (Вельяминова. — С. Ш.) дети, опалы для, в своем роду и в счете не стояли»⁷⁴. После казни нескольких Квашинных в 1571 г. и бегства одного из

них в Литву (в таких случаях употреблялось выражение «место проездить») весь род Квашинных был «в государскою опале». В местнической памяти 1589 г. В. А. Квашин писал: «...и государь на нас в те поры на всех поло-

ния ясно выражена в Инокновской летописи при упоминании о Белеутовых, происхождение которых связывали с легендарным Редегой (касожский князь Редедя): «...и от Редеги пошли Белеутовы, да закоснели, а родом велики»⁷⁸. Безусловное пожалование в бояре только по одной породе — явление крайне редкое⁷⁹. Даже в роду князей Воротынских А. И. Воротынский (сын боярина и отец бояр) мог оставаться до конца жизни стольником. Захудалые отрасли некогда знатных родов выпадали из родословных книг. В «Бархатной книге» во многих родах показаны в «пресечке» (т. е. вымершими) целые фамилии, существование которых подтверждается разнообразными источниками конца XVII в.⁸⁰

Правда, приезжие из-за рубежа служилые люди получали первоначально место среди других не за заслуги (они их чаще всего еще не успевали оказать государю всея Руси), а в зависимости от происхождения и политического (или военного) положения у себя на родине — таких феодалов признавали высокими «по иноземству»*.

жил опалу, и мы, государь, видя свой грех, не смели ни о чом бить челом государю, ни о отечестве, ни о местах»⁷⁵. Впоследствии именно опалой объяснил выпадение своих предков из местнических счетов кн. Д. М. Пожарский⁷⁶. Котошихин позднее (в 1660-е годы) также отмечал, что «многие добрые и высокие роды... в честь не пришли... за недослужением»⁷⁷.

* Особенно выделялись — еще в первой половине XVI в. — по своему положению татарские царевичи (ханьчи) и потомки их и «родство с татарами еще почиталось почетным»⁸¹. В «Государевом родословце» роды царей астраханских, крымских и казанских названы сразу же вслед за удельными князьями киевскими, владимирскими и московскими, т. е. прежде родов потомков князей литов-

ских, черниговских, тверских, суздальских и др.⁸² Во второй половине века влияние при дворе потомков выходцев с Востока еще более увеличилось и они оказывались фактически вне местнических счетов (не связывали их и пути воспоминаний о фамильных местнических традициях и «потерьках»). В 1593 г. князь И. Вяземский, вспоминая Астраханский поход 1554 г., говорил о своем дяде — видном участнике похода: «А хотя будет он и был в том походе с татары, и в том государь волен — и не в нашу версту живут с татары; Воротынские бывали с татары»⁸³. Особое возвышение выходцев с Востока к концу царствования Ивана Грозного отмечал М. М. Щербатов, писавший не без злобы об этом царе: «...не токмо он повсюду татарских царевичей предпочитая единопород-

Но положение их потомков при московском дворе, как правило, уже зависело от служебной карьеры.

Земельные богатства служилых родов, как известно, тоже создавались в XVI в. не на основе устойчивого родового землевладения, а в зависимости от личных служебных успехов. Прочная землевладельческая традиция известного служилого рода, как показал С. В. Рождественский, поддерживалась «главным образом неизменно счастливой служебной карьерой его членов»⁸⁶. Здесь уже можно обнаружить достаточно тесную взаимосвязь института местничества с феодальным землевладением.

Понятие о «честности» рода и отдельного лица связывалось с представлениями о служебном почете, о мере жалования, т. е. со степенью расположения государя и близостью к его особе. И по Судебникам, и по Соборному уложению плату за «бесчестье» взимали пропорционально жалованью, в зависимости от вознаграждения — таким образом, основание было установлено чисто служебное. Именно на служебное положение родственников обращалось первенствующее внимание при разборе местнических дел*. Особенно важно было ближайшее по времени служебное положение родственников. «Местничаешься безлепно не отцем, но дедом»⁸⁷, — выговаривали челобитчикам в XVII в. Поэтому выдвинувшиеся по службе младшие ветви некогда знаменитых фамилий старались, воспользовавшись местнической «находкой», оторваться от своих старших родичей, понесших «потерьку»**.

ным своим князьям российским и боярам, которые многие столетия службы своих предков считали, но даже и сибирских князьцов... им предпочитал»⁸⁴. И еще во второй половине XVII в. Котошихин указывал на то, что крещеные сибирские и касимовские царевичи «честию... бояр выше; а в думе ни в какой не бывають и не сидят...»⁸⁵.

* В местнических счетах служба по разрядам учитывалась в первую очередь, и лишь затем считались по родословцам. В местническом деле

1609 г. читаем: «То есть, что от большова брата колено пойдет, а в разрядах малы и худы будут, а от меньшова брата пойдет, а в розряде велики живут, а те, государь, худые с добрыми по родословцу лесвицею не тяжутся, а тяжутся по случаем розряды»⁸⁸.

** Это отразилось и на процессе фамилиеобразования и повлияло на него. Если для первой половины XVI в. характерна была нестабильность фамильных прозваний — одни и те же лица известны в источниках под

К середине XVI в. сами княжата подчеркивали свои служебные заслуги. Даже Курбский, с гордостью вспоминая о том, что ему при взятии Казани было поручено командование полком правой руки, считал необходимым особо отметить: «Приидох к тому достоинству (т. е. к высокому положению в разрядных росписях. — С. Ш.) не туне, но по степенем военным вздох»⁹¹. В местнических спорах 1570-х годов служба признается ценнее «породы»⁹².

Унижающими весь род считались не только невыгодное соотношение с представителем другого рода на служебной лестнице, но и некоторые должности. Так, служилого человека и его родственников понижал отъезд на службу в удел⁹³. Особенно велика была разница между «разрядными» и «неразрядными» службами. В местническом споре 1629 г. князь Приимков в таких выражениях писал о преимуществе своего рода по сравнению с родом князей Пожарских* (тоже Рюриковичей): «Родители наши люди разрядные, а князья Пожарские опричь городничьих и губных старост нигде не бывали и ниже; а прежних государей и ваше государево уложение, что городничим и губным старостам с разрядными людьми и до последних воевод дела нет»⁹⁴. Во второй половине XVII в. был составлен даже специальный Местнический справочник «потерек всякому роду по своему прозванию»**. Неизвестный составитель не без злорадства по-

разными фамилиями, то во второй половине XVI в., особенно в начале XVII в. заметно уже сравнительно четкое выделение фамилий и противопоставление фамильных прозваний одних ветвей рода другим — в местнических делах встречаем формулировки такого типа: «Басмановы с Плещеевыми в родстве и в прозвищах разошлись»⁹⁵ (в середине XVI в. знаменитого опричника А. Д. Басманова именовали Басманов-Плещеев)⁹⁶.

* Князья Пожарские в 1550-е годы принадлежали к среднему разряду служилых людей, были бедны и не могли

даже представить должного числа холопов на военную службу⁹⁵.

** Полное название рукописи: «Книга перечневая для скорого прииску отеческих дел, для укоризны отечеству и потери их, у кого с кем будет в отечестве счет, и то писано в сей книге имянно. Роды по статьям и в тех статьях под главами тех родов потери всякому роду по своему прозванию. Выписано из розрядных книг, и из Посольского приказу, и из иных приказов из дел, тому всему имянные статьи, и в сей книге писано имянно по годам, хто где преж сего

добрал в отношении 280 фамилий факты «для укоризны отечеству и потерьки их», начиная со времени Ивана Грозного. Там навязчиво упоминаются и низкие служебные назначения: дьяками, губными, станичными, стрелецкими головами *, недельщиками и т. д.

В то же время местничество не создавало и столь уже непреодолимых препятствий для проникновения особо отличившихся на службе малородовитых лиц в среду фамильной знати; более того, казуальность местнических счетов всегда могла быть использована с выгодой для правительства. Действовали по пословице: «Чей род любится, тот род и высится».

Не случайно, конечно, установление местнических норм как государственно-служебных совпало по времени с оформлением первых разрядных и родословных книг; а в середине XVI в. по инициативе центральной власти законодательным порядком регулируются и местнические взаимоотношения военачальников («Приговор» 1550 г.) ** и создаются официальные Разрядная книга и «Государев родословец». В «Государевом родословце» явно обнаруживается уже стремление Ивана IV унижить родовую аристократию — Рюриковичей и Гедиминовичей, приравняв ее к нетитулованной знати и к пришлым восточным князькам. Это очень метко подметил еще В. Н. Татищев, характеризуя тенденцию «Государева родословца». Иван IV, писал он, «повелел родословную книгу сочинить, в которой, многие княжеские роды оставя, знатными шляхетскими наполнил и сравнял»⁹⁷. «Знатные шляхетские роды» — это те нетитулованные роды, представители которых занимали высокие должности как раз к середине XVI в. Характерно, что в конце «Государева родословца» помещены три рода, значительно позже других выдвинувшиеся на московской службе, — Ласкиревы, Траханиотовы и Адашевы. При этом, стараясь возвели-

у каких дел и с кем бывали, и в каких чинах, и в которых годах»⁹⁶.

* А. С. Пушкин отмечал: «Несмотря на выгоды, дворяне гнушались службою стрелецкою, и считали оную пятном для своего рода»⁹⁸.

** «Приговор» 1550 г. не был направлен против местниче-

ства как института (такого мнения придерживался И. И. Смирнов)⁹⁹. Введением определенных местнических норм «Приговор» в конечном счете ограничивал местничество, одновременно узаконивая его, но отнюдь не запрещая¹⁰⁰.

чить царствующий дом, хотели показать, какие славные царские и княжеские роды служат московским государям¹⁰¹, — и титулованные роды занесли в «Родословец» с большой полнотой (даже те, где не было ни одного думца); из нетитулованных же родов попали те, представители которых принадлежали к думным чинам и в период составления «Родословца»¹⁰².

Круг местничавших лиц первоначально должен был ограничиваться фамилиями, внесенными в Разрядную книгу и в «Государев родословец», а это и были роды, представители которых служили (употребляя выражение Курбского) в чинах синклитских, т. е. думных, и в стратилатских, т. е. ратными воеводами¹⁰³. Но постепенно местничать начинают и «люди молодые», которым до старинных родов «не достало». Это прежде всего «имянные люди»*, т. е. менее знатные лица, и служилые люди, занимавшие менее видные должности, но также внесенные в различные официальные списки. Именно их, можно полагать, и признавали (уже в документации XVII в.) «разрядными людьми».

Как уже отмечалось, местничество возникло в среде вотчинников — наследственных землевладельцев и лиц, занимавших из поколения в поколение высокие должности, — и было основано на представлении о наследственности привилегий («отеческой чести»). В период сословной монархии, когда за крупными феодалами еще «сохранялась монополия в военном деле»¹⁰⁴, местничество подчеркивало особое положение боярства, как бы освящало его сословные привилегии. Впрочем, первоначально местнических разбирательств было, видимо, не так много, зачастую ограничивались объявлением протеста по случаю служебного назначения. Вполне понятно, что дворяне (в большинстве своем не вотчинники, а помещики), как лица, выдвигавшиеся прежде всего благодаря собственным заслугам, не могли не видеть в местнических условиях помеху на пути своего продвижения по служебной лестнице.

В середине XVI в. традиционные понятия о государе-

* Термин этот встречается в летописях¹⁰⁵, в посольских книгах (так называли даже женщин)¹⁰⁶, в документах то-

го времени упоминается и об «имянных людях» из казанских татар¹⁰⁷.

вом пожаловании в зависимости от наследственной чести сосуществуют еще с представлениями о пожаловании за выслугу. Это отразилось и в современных памятниках общественной мысли. Если митрополит Макарий в 1547 г. поучал по свершении обряда бракосочетания Ивана IV и его жену Анастасию: «Боляр же своих и боляринь и всех велмож жалуйте и брегите их по отечеству»¹⁰⁸, то в сочинениях Ивана Пересветова легко обнаруживается решительный протест против этого обычая. «Давно того не хвалят мудрые философы, что которые вельможеством ко царю приближаются, не от воинской выслуги, ни от иныя которыхы мудрости... — пишет Пересветов в Большой челобитной и советует, — который воинник лют будет против недруга государева играти смертною игрою и крепко будет за веру христианскую стояти, ино таковым воинникам имена возвышати»*. Еще более резко формулируется эта мысль в «Сказании о Магмете-салтане»: «А ведома нету, какова они отца дети, да для их мудрости царь на них велико имя положил для того, чтобы оныя такоже удавались верно царю служить»¹⁰⁹.

Чаяния дворянства удовлетворили в своеобразной форме (характерной, впрочем, для правительственной политики времени Ивана Грозного): местнические нормы сохранили, но их постепенно стали распространять на лиц менее знатных, т. е. институт местничества утрачивал постепенно характер особой привилегии, право местничать переставало быть признаком исключительности.

* Служилые люди выдвигались, конечно, в первую очередь благодаря заслугам в военном деле. Воинская доблесть, стремление послужить своему государю на поле боя выставлялись главными достоинствами служилого человека не только в сочинениях Пересветова, но и в посольских документах. В грамоте московских бояр польским вельможам (1562 г.) читаем: «А что пане подданные подвигнуться хотят на брань, и тому дивитися не подобает, занже то их должная государем служити, и за

их государское повеление головы своей складывати и кровь своя лити; а государи, по их послугам, их жалуют, и где кому, что ся прибыток, того и желает и ищет. И то не новое дело; из давних лет повелось: тогда воинам веселие и пожиток, егда рать воздвигнется»¹¹⁰. В позднее средневековье именно воинская доблесть, бесстрашие, готовность погибнуть за дело своего господина признавались характерными чертами настоящего рыцаря и в Западной Европе¹¹¹.

Местничество охватывало новые должности и все большее число лиц*. Это могло произойти только потому, что между боярством и верхушкой дворянства не существовало резких социальных граней¹¹²: боярская прослойка пополнялась выходцами из менее знатных родов и в то же время немало потомков княжат впадало «в худобу», становилось «площадными дворянами»**.

Примерно во второй половине XVI в. уже складывается служебная иерархия, состоявшая из трех групп: чины думные, чины московские, чины городовые или уездные. Соответственно усложняется и система местничества; и в этом плане датировка с середины XVI в. нового периода в истории местничества (о которой пишет А. С. Лаппо-Данилевский) вполне правомерна. Службой «честной», «разрядной» с середины XVI в. начинают считать уже не только службу воевод, но и голов в полках, объезжих голов в Москве, лиц, встречавших и провожавших послов и ведших с ними переговоры («бывших в ответе»), «сказывавших» чины, рынд и т. д., т. е. службу «чинов московских». Число местнических споров заметно увеличивается¹¹³. Можно предположить, что в 1550-е годы круг лиц, имевших право возбуждать местнические споры, ограничивался теми, кто попал в перечни Тысячной книги и Дворовой тетради.

Определенная тенденция к уравниванию в те годы различных группировок класса феодалов, ослабление политических позиций боярства, пресечение многих боярских родов и выключение некоторых из них из родословных списков, очень заметное расширение состава видных должностных лиц («имянных людей») — все это приводит к известной «демократизации» первоначально строго аристократического института местничества.

Местнические представления проникали и во внешне-

* Немало способствовали этому смешение службы при «государевом дворе» и государственной службы, сращивание на практике понятий «государево» и «государственное».

** Недаром Р. В. Алферьев (достигший уже прежде положения печатника) возму-

щался в челобитье (1575 г.), поданном на кн. Засекина: «Наперед сего тех думных дворян посылал государь на свою государеву службу з бояры и с окольничими или з боярскими детьми з большими роды, а не с такими площадными дворяны»¹¹⁴.

политические отношения *. Борьба за место Российского государства среди других государств, за положение великой державы, так же как и спор о титуле, оплеталась местническими предрассудками и в дипломатических документах отражалась в формулах местнической терминологии **. Местнических правил обязаны были придерживаться послы за границей; во время официальных приемов послам наказывали «быти наперед иных послов» и за столом сидеть «выше иных послов» ***, а с послами султана или императора (т. е. представителями общепризнанных великих держав) «ни на посольство, ни за стол никак не ходити» (это отмечено в наказе Ивана IV 1567 г. послам к королю Сигизмунду II Августу) ¹¹⁵. В зависимости от служебных норм производился и обмен пленными: «кого пригоже по его версте» и тех детей боярских, «которые сулили обмену не по своей версте» («а назывались у вас бояры»), возвращали назад ****.

Длительное существование местничества, глубокое проникновение местнических предрассудков в сознание объясняется, конечно, и особенностями общественной психологии, самой системы общественных воззрений людей средневековья, рутинностью общественного мышления, тем, что, по выражению Ф. Энгельса, «дворянство коснело в неподвижности» ¹¹⁶. Местническую психологию и идеологию, условности местнической практики можно

* Интересна нередко встречающаяся в рукописях начала XVI в. заметка «Европския страны короли» («кralи») о последовательности иностранных государей на местнической лестнице ¹¹⁷. Небезлюбопытно, что именно вслед за этой «статьей» в рукописном сборнике (Родословной книге из архива Воронцовых, бывшей ранее в библиотеке кн. Д. М. Голицына) ¹¹⁸ помещен перечень панов радных и сенаторов, которые «у полского короля» Сигизмунда III «сидятца по местам».

** Это обыграно и в повестях о посольствах, датируемых началом XVII в. ¹¹⁹

*** Тот же обычай старались приложить и к внешней форме взаимоотношений русских послов с зарубежными должностными лицами. Русский посол (в 1600—1601 гг.) отказался ехать на обед к лорду — мэру Лондона, узнав, что тот будет сидеть за столом в «большем месте» ¹²⁰.

**** Об этом читаем и в польской Посольской книге под 1566 г. ¹²¹ Такие представления ясно выражены и в послании царя Ивана Василью Грязному, находившемуся в крымском плену ¹²².

понять, только учитывая весь характерный «режим средневековой регламентации»¹²³ и понятия людей того века о различных стереотипах поведения (и происхождения) для представителей определенных общественных групп («кому что на роду написано»). По меткому замечанию В. О. Ключевского*, тогда «отдельные лица прятались за типами»¹²⁴, индивидуальное, особенное не надлежало показывать, полагалось во всем следовать заранее определенному этикету. Общественное положение феодала (и соответственно степень его опасности и для монарха, и для других феодалов), его общественные обязанности и идеалы, в том числе и понятие о «чести»**, даже характерные черты внешнего образа его жизни как бы заранее предопределялись.

Для местнической идеологии и психологии XVI в. было характерно представление об особых привилегиях лиц «повышенной княжачей крови» (выражение Ивана Грозного)¹²⁵. Этой психологией были пропитаны и сам царь Иван***, и окружавшие его бояре, не забывшие

* В. О. Ключевский отмечал: «Лицо тонуло в обществе, в сословии, корпорации, семье, должно было своим видом и обстановкой выражать и поддерживать не свои личные чувства, вкусы, взгляды и стремления, а задачи и интересы занимаемого им общественного или государственного положения»¹²⁶. Работа В. О. Ключевского «О взгляде художника на обстановку и убор изображаемого лица» много дает для понимания общественной психологии человека русского средневековья, хотя автор и несколько преувеличивает степень ее рутинности. В этом плане интересно сравнить наблюдения А. В. Арциховского и других об условиях изображения в русских миниатюрах XVI в., Д. С. Лихачева о так называемом литературном этикете¹²⁷, А. Я. Гуревича и других о стереотипных формах общественного по-

ведения, обычаев, ритуалов, обрядов, терминологии, формул, символических изображений, нормативных для данного общества и обладающих силой традиции (или моды)¹²⁸. Перспективным кажется и детальное изучение местничества в плане представлений о знаковых системах (о чем писал Ю. М. Лотман)¹²⁹.

** «Сня честь, состоящая в готовности жертвовать всем для поддержания какого-нибудь условного правила, во всем блеске своего безумия видна в нашем древнем местничестве»¹³⁰, — заметил А. С. Пушкин. То, что казалось «безумием» просвещенному человеку начала XIX в., воспринималось совсем по-иному его далекими предками.

*** Любопытен местнический экскурс Ивана Грозного: «А Шереметевым мочно ли

о былом величии своих предков. Кн. Василий Иванович Шуйский, став царем, счел нужным (в начале XVII уже столетия!) напомнить: «До прародителя нашего великого князя Александра Ярославовича Невского на сем Российском государстве быша прародители мои и по сем на Суздальской удел разделишась, не отнятием и не от неволи, но по родству, якою обыкли большая братия на большая места седати»¹³². И во второй половине XVI в. вовсе не безопасным язвительным пустословием озлобленного и обиженного беглеца могли показаться слова кн. Курбского о том, что «княжата суздальские влекомы от роду великого Владимира, и была на них власть старшая Руская, между всеми княжаты, боле дву сот лет»*. Недаром Курбский указывал и на происхождение от суздальских князей «великих княжат Тверских» и отсылал читателя в подтверждение своих слов к официальной летописи: «Яко лутче о сем знаменует в летописной книге Руской»¹³³. Англичанин Флетчер, бывший в России в годы царствования Федора Ивановича, недостаточно разобравшись в местничестве, тем не менее правильно подметил двойственный характер процесса изменения политического положения княжат. Они, по его мнению, утратили все, кроме титула (явное преувеличение), но в то же время продолжали занимать первые места во всех общественных собраниях; в обществе строго придерживались внутрисловных привилегий группировок класса феодалов**, и даже беднейшие из княжат «горячо при-

на Щенятевых глядеть?»¹³¹ (Щенятевы — знатный род князей Гедиминовичей).

* Старшего из суздальских князей кн. А. Б. Горбатого называли в середине 1560-х годов претендентом на московский престол¹³⁴. А еще прежде Гедиминович кн. С. Ф. Бельский, бежавший в 1534 г. в Литву, а затем оттуда переехавший в Крым, выступил с притязаниями на «дедизну свою» — Рязанское княжество (дед его по матери был рязанским князем). Семену Бельскому была отведена значительная роль в планах расчленения Российского го-

сударства, на осуществление которых рассчитывали в Польше, в Крыму и в Стамбуле¹³⁵.

** Это характерно было и для французского дворянства XVI—XVII вв. Обедневшие, утратившие привычное общественное положение, знатные люди старались напомнить о своих генеалогических претензиях (жестоко высмеянных позднее Лябрюйером) и отнюдь не склонны были даже допустить возможность сравнения их с лицами не «голубой крови»¹³⁶.

нимали к сердцу всякое бесчестие или оскорбление своих наследственных прав*.

Об этих родовых традициях крепко помнили не только княжата, но и царь, старавшийся в письмах к Курбскому всячески унижить его и других княжат совершенно в духе местнических распрей. И если Курбский напоминает царю о том, что все Рюриковичи «влекомы» от рода Владимира Киевского, и с ненавистью пишет об «издревле кровопийственном роде» московских князей, то Грозный не преминул больно задеть кичливого боярина «восхотевшего» «своим изменным обычаем быти Ерославскому владыце», напомнив Курбскому о службе его отца своему боярину кн. Кубенскому¹³⁷ и о ничтожестве его родственников князей Прозоровских по сравнению с московским царем: «И сами Прозоровские каковы перед нами? Ино то уж мы в ногу их не судны!.. И у меня Прозоровских было не одно сто!»¹³⁸ «А князю Володимеру почему было быти на государстве? От четвертого удельного родился. Что его достоинство к государству, которое его поколение?..»¹³⁹ — со злостью писал царь о своем двоюродном брате (Грозный запальчиво выговаривал Курбскому и мелкие обиды, нанесенные ему заносчивыми княжатами).

Спор за первородство, за первенствующее положение среди русских князей полностью еще не завершился, и общественное сознание (и царя и княжат) явно отставало от общественной практики. Слишком еще сильны были остатки феодальной раздробленности, слишком заметны они были в сознании окружения царя; и Иван IV, стремясь закрепить свою политическую независимость от аристократии (и без того уже всеми очень ошутимую), ничего лучше не смог придумать, как учинить себе особый удел — сначала опричнину, а затем уже и вовсе стал называть себя князем московским, ростовским и псковским**.

Чтобы оторваться от родственников ему княжат, под-

* С. М. Середонин, комментируя наблюдения Флетчера, делает интересное замечание о том, что Иван IV умел пользоваться местничеством к своей выгоде. Возвышая Гедиминовичей, он наносил чувствительный удар Рюри-

ковичам. Гедиминовичей же он поддерживал, потому что в придворной среде к ним были меньше расположены, чем к Рюриковичам¹⁴⁰.

** Так Иван IV титулуется в указной грамоте на Двину от 19 ноября 1575 г.¹⁴¹

няться на недостижимую для них высоту, Грозный всячески выпячивает свое происхождение от «Августа кесаря» и византийских императоров, особенно в сношениях с другими монархами (так в местнические отношения втягиваются уже и иностранные государи!), перечисляет исторические заслуги своих предков, московских великих князей (опять-таки в соответствии с местническими нормами, особо выделяя «службу» ближайших родственников). Наконец, очень большое значение и для исхода спора за первенствующее положение среди других Рюриковичей имело венчание Ивана IV на царство — царского титула до него не имел ни один Рюрикович!¹⁴²

По понятиям Ивана Грозного, собственное величие означало прежде всего умаление, унижение всех остальных. И, придирчиво поддерживая свой престиж самодержавного государя*, он сам старательно формулировал терминологию своего всевластия, назойливо повторял заклинания о своей исключительности. Не случайно, конечно, именно при Иване Грозном особенно явственно наблюдается процесс дальнейшего политического «похолопления» знати, начавшийся еще с укреплением власти государя всея Руси. Это связано, вероятно, в значительной степени с распространением понятий о зависимости дворовых людей на всех служилых людей Российского государства, с перенесением черт дворцового управления на общегосударственное. Более того, дворяне, т. е. люди дворовые — слуги «государева двора» (в том числе и военные слуги), зачастую происходившие от несвободных людей, первоначально казались выше детей боярских. Процесс слияния дворян и детей боярских в одно сословие — «дворянство» параллелен процессу слияния в сословие «боярство» прослоек высшей знати: и княжат, и нетитулованных бояр. Одновременно с этими явлениями

* Н. В. Шелгунов заметил, что «теоретически и практически идея власти в лице Ивана IV достигает своей абсолютной высоты». Шелгунов даже полагал, что Иван IV «вместо наследственной власти и начала местничества вводит начало личной даровитости и личных заслуг»¹⁴³. Шелгунов рассматривал мест-

ничество только как характерную черту времени феодальной раздробленности, чуждую политике централизации, но он верно подметил, что уже в середине XVI в. «начало личных заслуг» сменило представление об обязательной наследственности должностного положения.

нивелирования основных феодальных сословий имело место и все большее подчинение всех феодалов в целом самодержавной власти и все более заметное отделение власти государя от власти класса феодалов, нашедшее в конечном счете оформление в абсолютистской власти монарха (это отнюдь не меняло классовой сущности власти самодержавного монарха, которая была и оставалась концентрированным выражением интересов класса феодалов-крепостников в целом; ни о каком якобы надклассовом характере власти монарха или государства вообще, конечно, не может быть и речи).

В местнической идеологии это отразилось очень рельефно. Подчеркивая различия служебных назначений и происхождения отдельных знатных людей, государь в то же время выступал единственным арбитром их местнических споров и всячески выпячивал то, что по отношению к нему, государю, все эти тяжущиеся между собой феодалы остаются холопами. Эту мысль не раз формулировал и сам Грозный в подписанных им документах («а жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же»), в грамотах, написанных царем от имени бояр в 1567 г. *, и в посольских наказах («государь наш волен своих холопей казнити и жаловати») ¹⁴⁴. Схожие формулировки встречаем и в документах, подписанных самими вельможами; и Флетчер ¹⁴⁵ совершенно справедливо обращал внимание своих читателей на то, что во всех обращениях к царю даже самые знатные бояре называют себя холопами **. Также они называли себя и в документах, в которых определялись их взаимоотношения с государем. «Вольные слуги» стали «холопами государевыми» ¹⁴⁶.

В местнической документации это прослеживается с полной убедительностью. Иван IV, как известно, приблизил к себе знатнейших и богатейших из Гедиминови-

* Государь, «благим жалование подает, а злых наказует» (из послания М. И. Воротынского гетману Ходкевичу) ¹⁴⁷.

** В. О. Ключевский заметил как раз по поводу термина холопы: «Рассматриваемое явление относится более к

политической терминологии, чем к государственному праву; но не следует пренебрегать и терминологией: история политических терминов есть история если не политических форм, то политических представлений» ¹⁴⁸.

чей — И. Д. Бельского и И. Ф. Мстиславского, выделив их из среды других княжат, особенно Рюриковичей, могущих благодаря общности происхождения с царем претендовать на высокое положение в государственном управлении. «Я и эти двое составляем три московские столпа. На нас троих стоит вся держава»¹⁴⁹, — передавали в Москве слова царя о его «первосоветниках»*. Однако назначенные в 1565 г. разобрать местнический спор двух воевод, они в самых унижительных выражениях обратились к царю, так и не решив спора по существу. Грамота начиналась характерно: «Государю, царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси холопи твои Иванец Бельский и Иванец Мстиславский и все бояре челом бьют». Далее отмечалось, что царь «приказывал еси нам, холопом своим, их (т. е. воевод. — С. Ш.) судить», и заканчивался документ фразой: «И мы, государь, на твою государеву службу велели итить; и о том, государь, нам, холопом своим, как укажешь: кому наперез велишь писать»¹⁵⁰. Знатнейший из Рюриковичей кн. И. П. Шуйский отвечал в 1581 г. комиссии, разбиравшей местнический спор с ним князя В. Ю. Голицына: «В своих холопах государь волен, как которово пожалует». «В том волен бог да государь: кого велика да мала учинит», — говорил в 1584 г. родовитый боярин кн. Т. Р. Трубецкой. «Делается царским милосердием, и в чести живут, и в безчестье», — писал в XVII в. знаменитый князь Д. М. Пожарский. «Честны мы, холопы твои, бывали по твоей государевой милости, а безчестны бывали по твоему же государеву указу» (слова кн. Ф. С. Куракина, 1640 г.)¹⁵¹. Как эти местнические формулы знатнейших княжат напоминают слова «страдника» Васюшки Грязного, униженно и льсти-

* Очень вероятно, что Иван IV, полностью сам погрязший в местнических представлениях, только этих двух княжат действительно считал знатнейшими из князей. Они находились и в отдаленном родстве с государем (благодаря бракам с его родственницами), и были первыми среди неродственных царю княжат Гедиминовичей. Характерно,

что ни Бельские, ни Мстиславские не подверглись казням, хотя с них брали крестоцеловальные записи; достаточно широко распространены были слухи об их «изменах», и сам царь расспрашивал в застенке возвратившихся из Крыма «полоняников» об «изменнической деятельности князей»¹⁵².

во писавшего Ивану IV из крымского плена: «Ты, государь, аки бог — и мала и велика чинишь»¹⁵³.

Таким образом, официальную идеологию местничества XVI—XVII вв. трудно назвать и охарактеризовать только как «аристократическую». Это и одна из форм выражения идеологии «самодержавства», основанной на подавлении личного достоинства, на признании всех подданных (в том числе и самых знатных) холопами царя, а «идея великого самодержавия, — писал А. И. Герцен, — это идея великого порабощения»¹⁵⁴.

Конечно, уже в XVI в. замечали, что местничество — «порука государеву делу». Поэтому с середины XVI в. предпринимались меры упорядочения местничества¹⁵⁵, а разрядные книги сохранили грозные окрики царя Ивана против местничавших воевод (особенно во время военных действий)¹⁵⁶. Однако на протяжении всего XVI в. местничество по существу официально поощрялось, хотя во время ответственных военных походов объявлялось «безместие»* («как служба минетца, счет будет»), а на заседаниях Боярской думы «безместие»¹⁵⁷ было принято раз и навсегда.

Местничали между собой и опричники¹⁵⁸: известны местнические распри воевод опричных войск¹⁵⁹. Опричники из родословных фамилий так близко к сердцу принимали местнические неудачи, что один из них (М. А. Бзнин-Нащокин) «от той боярской обвинки хотел постритца»¹⁶⁰. Впрочем, впоследствии назначения, отмеченные в опричных разрядах, оспаривались в местнических спорах. «А хоти будет таков розряд и был, и та была государева воля, в опричнине, в том государь волен», — заявляли в 1593 г.; в XVII в. М. Вельяминов, местничаясь с кн. В. Вяземским, сказал еще более резко: «Искони... Вяземские князи люди городовые, а объявились только в опришные годы, в кою пору... князь Офонасий Долгой-Вяземской посягал на крестьянскую кровь»¹⁶¹. Местничались и в середине 1570-х годов, когда великим князем

* Так, например, в описи Царского архива 1570-х годов названа «грамота на Резань ко князю Ондрею Курбьскому, чтоб молвил князем, которым велено быти со князем Михаилом Воротынским,

чтоб ко князю Михаилу ездил и были с ним без мест: князь Ондрей Катывев, князь Дмитрей Куракин, князь Данило Одоевской, князь Петр Телятевской и иные князи»¹⁶².

формально считался Симеон Бекбулатович, — местнические челобитья писали на имя «государя князя Ивана Васильевича Московского»¹⁶³; сам Иван IV разбираал местнические дела.

Ущерб, наносимый местничеством государственным интересам, уже в XVI в. был очень велик. Некоторые военные поражения являлись прямым следствием местничанья воевод, поступавших ради соблюдения «отеческой чести» своей фамилии интересами государства. Но противостоять злоупотреблениям местничества, решительно ограничить сферу его действия не столько не хотели, сколько не могли. К отмене местничества в середине XVI в. не были еще подготовлены ни политически, ни психологически. Понадобилось время, чтобы произошли определенные перемены в общественном сознании господствующего класса.

Такие перемены стали заметны к концу XVI в.^{*}, а особенно в начале XVII в. «... Живые следы прежней автономии» отдельных «земель» и княжеств¹⁶⁴ постепенно исчезают и окончательно вырабатываются строгий ритуал придворного быта и порядок военной и гражданской служб. Политические и экономические силы боярства изрядно уменьшились, и сам состав его существенно изменился: «прежние большие роды, князей и бояр, многие без остатку миновались»¹⁶⁵. Из иноземцев местных бояр «заезжали» теперь лишь выходцы с Востока^{**}.

* На соборе 1598 г. стоял вопрос о местничестве («дворянам быти без мест на нашей службе») ¹⁶⁶.

** В этом отношении интерес представляет местнический спор сентября 1613 г. стольников кн. Ю. Е. Сулешева и И. П. Шереметева. При разборе дела Шереметев сказал: «Князь Петр Урусов и князь Юрья Сулешев — крымские роды, в Московском государстве отечество их неведомо, кто кого больше или меньше, то в его государеве воле: хочет иноземцев учинити у себя честна и велика, он, государь,

учинит; а по ся место с князь Юрьем никто в его, Шереметева, версту не бывал» ¹⁶⁷. Приближение к государю верховских князей, очевидно, не считалось обидным для коренных русских княжат, так как на Руси бытовало представление о Литовской земле как о близкой Русской земле (часть некогда единого древнерусского государства, родственные связи литовских и русских княжат, одна религия, общий еще в XVI в. государственный язык, сходные обычаи и т. п.).

В договорных записях 1610 г. гетмана Жолкевского с московскими боярами об избрании царем польского королевича специально оговаривалось: «И московских княженецких и боярских родов прыеждчыми иноземцы в отечестве и в чести не теснити и не понижати»¹⁶⁸. Среди бояр выдвинулись новые фамилии, преимущественно из младших ветвей древних родов (и княжат, и нетитулованной знати), и они-то и составили высший слой служилых людей Московского царства. В 1553 г. (даже по летописной приписке конца 1570-х—1580-х годов) бояре, отказываясь присягать малолетнему сыну царя Ивана, мотивировали это нежеланием служить недостаточно знатным Захарьиным, а в 1613 г. потомок Захарьиных оказывается более желанным кандидатом на царский престол, чем титулованные лица; еще прежде, в 1598 г., избрали царем нетитулованного шурина последнего из царей Рюриковичей Б. Ф. Годунова.

Во второй половине XVI в. прочно утвердился и взгляд на бегство за рубеж как на измену (о жизни Курбского за рубежом говорили в России с презрением *) и окончательно вытравилось из сознания представление о праве боярского отъезда.

Постепенно происходит все более заметная консолидация класса феодалов. Если в середине XVI в. «похолопление» служилых людей, даже княжат, было частым явлением и идеолог дворянства Пересветов обращал внимание на необходимость борьбы с ним, то для середины XVII в. это уже редкость; если в начале XVII в. служилых людей, и даже большие группы их, можно было встретить в рядах участников массовых народных движений, то к середине XVII в. служилые люди сразу же и единым фронтом выступают против всяческого проявления антифеодальных и антицаристских настроений. Массовая народная война начала XVII в., напугав феодалов, способствовала окончательному четкому размежеванию общественных классов. В крестьянской войне под руководством Разина уже нет попутчиков из среды мелких

* Любопытно в этом отношении исправление текста «Слова Даниила Заточника», сделанное не позже начала XVII в. Привычные слова: «Лепше бы ми смерть, ниже

Курское княжение» — переписчик заменил более понятными современнику презрительными словами: «Лутче бы ми смерть, нежели Курбского княжение»¹⁶⁹.

феодалов: мелкие и средние феодалы участвовали в подавлении этого движения с не меньшей жестокостью и классовой убежденностью, чем крупные феодалы.

С известной «демократизацией» господствовавшего класса феодалов происходит и дальнейшая «демократизация» местничества, расширение сферы его действия. Понятие чести и практика местничества широко распространяются на городское дворянство¹⁷⁰. Это свидетельствует о все большей сословной консолидации класса феодалов в целом. Если в начале XVI в. местничество первоначально было признаком сословной ограниченности сравнительно узкого слоя боярства, а примерно с середины XVI в. стало атрибутом взаимоотношений и чинов московских, то в XVII в. местнические нормы проникают в среду городских чинов, прежде всего, конечно, в их верхние слои (выборное дворянство). К середине XVII в. лица, обладавшие местнической привилегией, представляли собой верхние слои господствующего класса феодалов (и естественно, что возглавляло этот слой боярство*). Наконец, в местнические споры втягиваются и дьяки и даже гости. Так окончательно оформляется состав «честных» лиц, претендующих на участие в политической жизни государства, т. е. по существу отслаивается социальная верхушка феодального государства XVII в., противостоящая остальному населению страны, в том числе в какой-то мере и дворянской мелкоте.

Местничество фактически перестает быть привилегией аристократии, хотя и продолжает рассматриваться как признак «аристократизма», и к местничеству все чаще прибегают недавно выдвинувшиеся служилые люди, опасавшиеся того, что их «аристократизм» недостаточно отмечен и не всеми признается. От XVII в. сохранилось много местнических дел и еще больше упоминаний о таких делах, которые возбуждали представители фамилий, в XVI в. вовсе малоизвестных; и «наченша от больших и до меньшей чести сице творилося», — писали о местничестве в конце XVII в.¹⁷¹

* В XVII в. родословная знать, как убедительно показал В. О. Ключевский¹⁷², заменяется знатью служебной, которая в свою очередь пре-

вращается с течением времени в родовую. Подобное явление в той или иной мере заметно и в истории западноевропейских государств¹⁷³.

В местнических челобитных нередко приводятся данные о холопском положении родоначальников дворянских фамилий, в том числе и тех, которые приписывали себе очень знатное происхождение. Сведения такого рода зачастую действительно находят подтверждение в источниках XV—XVI вв. «Государев родословец» пополняется «по изволу» новыми фамилиями*. В то же время с местническими целями распространяются фамильные родословцы и особые местнические книги, куда вносятся «случаи», касающиеся определенного рода и служебных отношений его членов с представителями других родов**. Дошли до нас и разрядные книги частной редакции с добавлением — «затейками» — о том, «чего в государевых разрядах не бывало». Такие рукописные книги, так же как и «домашние памятные родословцы»¹⁷⁴, содержащие многие, чаще всего легендарные, данные о службе представителей того или иного рода, переписывались (иногда даже самими фамильными людьми, «своею рукою») и тщательно хранились. Сведения таких книг должны были оставаться фамильной тайной, и лишь в случае необходимости их неожиданно приводили в местнических спорах***.

В XVII в. опасные для дела централизации политиче-

* Любопытны пометы на полях частного, так называемого Зюзинского родословца конца XVII в.: «А се роды писаны, припись новая, для памяти по своему изволу», то же замечено и в других частных родословцах: «Писан по изволу, а не против Государева родословца»¹⁷⁵.

** Имеется такого типа местническая книга Морозовых-Мещаниновых со «случаями» многих фамилий. Это отмечено даже в оглавлении: «Главы книги сия: случаи на...» Прозоровских, Полевых и т. д.¹⁷⁶ Н. П. Лихачев указал на местнический сборник (в рукописи XVII в.) князей Ромодановских, состоящий из ряда «случаев» за разные годы, с которыми Ромодановские

могли встретиться в местническом распорядке (на кн. Прозоровских, кн. Лыковых, Очиных-Плещеевых и др.)¹⁷⁷.

*** Интересна запись на такой разрядной книге одного из Бутурлиных (сделанная в третьей четверти XVII в.): «А сию книгу разрядную никому ее не отдавать и не показывать, потому что в сей книге писано про все многие роты, потому никому не кази, ведай сам себе. А подписал сию книгу я, Иван, своею рукою. А которые статьи натобно про себя, и ты себе тетратку сделай озобую и выписывай себе именно: которого году и которого году кто с кем бывал пезсловна»¹⁷⁸.

ские претензии потомственной аристократии превращались в исторические воспоминания. В то же время вредные последствия местничества (особенно поведение воевод во время военных действий) становятся все более пагубными и нетерпимыми для государства. Ненадобность местничества ощущается все заметнее. В обществе постепенно утрачивается уважение к этим, казалось бы, исконным порядкам взаимоотношений служилых людей, хотя в силу традиции число местнических дел продолжает увеличиваться. Неуважительное отношение к местничеству отразилось и в известных язвительных замечаниях Котошихина¹⁷⁹, и в распространении пародийных разрядных записей, и в описаниях вымышленных посольств (к султану).

Местничество изжило себя. Если в XVI в. местничество в известной мере способствовало приближению абсолютизма, то в XVII в. оно становилось помехой на пути к его окончательному утверждению. С ростом бюрократизма в абсолютистском государстве постепенно устраняются возможности проявления общественной самостоятельности и верхами общества (ликвидация местничества) и более широким кругом лиц (прекращение деятельности земских соборов).

Центральная власть принимает все более действенные меры против местничества: отдельным служилым людям на определенное время даются «невместные грамоты», объявляется «безместие» не только во время военных походов, но и во время дворцовых приемов и празднеств. За «смуту» в царском «свадебном деле»¹⁸⁰ «породою своей, или местами, или чином» виновных лишали поместий и вотчин или даже «казнили смертью»*.

Соборный приговор 1682 г. начало серьезной борьбы с местничеством относит уже ко времени первого Романова. Противодействие Романовых распространению этого института объясняется помимо необходимости устранить помехи государственному управлению и тем обстоятельством, что принадлежавшие по своему происхождению к нетитулованной знати новые московские цари в какой-то мере могли и опасаться попыток уцелевших по-

* Многочисленные факты ограничения местничества в XVII в. приведены в трудах

А. И. Маркевича, а также И. Е. Забелина¹⁸¹.

томков знатных княжеских родов использовать местничество в своих интересах.

К концу XVII в. в местничестве окончательно перестают быть заинтересованными и центральная власть, и группировки господствовавшего класса, что нашло свое отражение в решении участников собора 1682 г. *, отменившего «для совершенной в... ратных, и в посольских, и во всяких делах прибыли и лучшего устройства» это «богом ненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее местничество» ** (слова патриарха Иоакима) ¹⁸². Решение об отмене местничества можно связывать и с военными реформами ¹⁸³. С отменой местничества была устранена существеннейшая помеха движению на военной ¹⁸⁴ и административной службе лиц за их служебные заслуги.

Обычно, характеризуя решение об отмене местничества, указывают прежде всего на заинтересованность дворянства в этом акте и активную роль высшего духовенства в лице патриарха Иоакима. Позиция боярства изображается чаще всего таким образом, будто боярство вынуждено было поступиться этой дорогой для него привилегией лишь под напором других участников собора. Между тем материалы собора 1682 г. и другие источники позволяют прийти к иному выводу. Боярство (во всяком случае в большинстве своем) также оказывалось заинтересованным в отмене местничества — демократизация этого института приводила к фактической утрате боярством привилегированного положения. Местнические споры и столкновения потомков «фамильных людей» с недавно выдвинувшимися служилыми людьми унижали аристократию, и фамильные люди также хотели избавиться от тяжелой обязанности поддерживать свой престиж путем соблюдения местнических обычаев.

Одним из инициаторов отмены местничества был знатнейший боярин кн. В. В. Голицын, а формально поводом к отмене местничества послужила невозможность при организации новых воинских частей обеспечить в буду-

* История отмены местничества подробно изложена А. И. Маркевичем ¹⁸⁵.

** Злоупотребление местническими обычаями отмечено в перечне преступлений кня-

зей Хованских того же 1682 г.: «...и многих господ своих и свою братию бояр бесчестили и нагло поносили и никого в свою пору не ставили» ¹⁸⁶.

щем малолетних представителей знатнейших фамилий службой, достойной их родовой чести, «чтоб впредь от тех родов в попреке и в укоризне не быть». Еще важнее другое: создаваемые по решению того же собора родословные книги* как раз и должны были подчеркнуть особое положение в государстве именно фамильных людей. Предложено было составить книги нескольких категорий в зависимости от срока начала службы родоначальников фамилий — первая книга должна была включать те «честные и княжеские роды», которые бывали на службе еще при Иване Грозном, и в основу ее предполагалось положить «Государев родословец» 1555 г.¹⁸⁷ Так законодательным порядком фиксировались различия по происхождению (и опять-таки по длительности службы) между группировками господствовавшего класса.

С попытками укрепить положение фамильных людей связывается и проект того же года¹⁸⁸ о «великородных вечных наместниках»**. Некоторые фамильные люди надеялись, воспользовавшись болезненностью царя Федора Алексеевича и малолетством его наследников, установить боярскую олигархию немногих фамилий (или даже лиц). Но проекты эти были обречены на провал. Политические возможности боярства к концу XVII в. были уже исчерпаны, боярство окончательно утратило к этому времени чувство сословной солидарности, а наиболее дальновидные или прогрессивно мыслящие бояре, понимая химеричность усилий по восстановлению политического престижа аристократии, оказались вскоре среди сотрудников Петра I, объявившего решительную войну боярскому консерватизму.

Показатель полнейшего неуважения Петра к местническим нормам — предоставление на время отсутствия царя (в годы «Великого посольства») особых полномочий стольнику кн. Ф. Ю. Ромодановскому. От такого пре-

* В связи с отменой местничества и составлением родословных книг создали справочник для проверки сведений, содержащихся в дворянских родословных росписях, — так называемый Шереметевский список думных чинов (с 1462 по 1676 г.)¹⁸⁹

** Проект устава о служебном

старшинстве бояр, окольных и думных людей по 34 степеням составлен также при Федоре Алексеевиче¹⁹⁰. Интересны наблюдения А. И. Маркевича¹⁹¹ о близости проекта к западно-европейским формам, а также к петровскому законодательству.

зрения дедовских обычаев служилой знати оставался лишь шаг до насильственной стрижки бород и Всешутейшего собора, убивавшего и традиционное уважение к соборам. Стародавние обычаи решили окончательно похоронить издевкой и смехом.

Отмена местничества расчистила дорогу таким реформам, как уничтожение думных чинов и Боярской думы и учреждение Табели о рангах. В XVII в. говорили, что царь «за службу жалует поместьем и деньгами, а не отечеством»; Петр I осмелился замахнуться и на это привычное представление — при нем стали жаловать и титулами. Понятно, что память о местничестве, как бы символизировавшем прежние общественные привычки, не могла не быть ненавистной Петру и выдвинувшимся из низов «птенцам Петровым». Отмена местничества — этого рудимента средневекового мышления и средневековой политической системы (приспособленных, правда, «самодержавством» к своим целям) — является одним из показателей отмеченной В. И. Лениным эволюции самодержавия в «направлении, которое можно назвать направлением к буржуазной монархии»¹⁹².

С уничтожением местничества не исчезли, однако, ни местническая идеология, ни местническая психология*, более того, не сразу искоренилась и местническая практика¹⁹³. Фамильные люди XVIII в. долго еще держались генеалогических воспоминаний и местнических предрассудков. Долго не исчезал и страх быть наказанным за преступления (реальные или мнимые) родственников, за принадлежность «к ненавистному имени злодейского рода». Слова эти находим в письме кн. Я. Ф. Долгорукова, родственники которого оказались замешанными в дело царевича Алексея. «Зане, — писал в 1718 г. Петру его старейший сподвижник, — нам собою всенародного обычая пременить невозможно: понеже порок злодея винного привязывается и к невинным сродникам»¹⁹⁴.

Крупнейший дипломат времени Петра I кн. Б. И. Куракин упорно размышлял над тем, как «найти средство

* Местничество в своеобразных формах долго еще сохранялось в быту. В дальнейшем в просторечии прочно утвердилось представление о местничестве как о явлении отрица-

тельным — противопоставлении узкоэгоистических потребностей общим, местных интересов — общенародным и общегосударственным.

удержать знатные роды на должной высоте»¹⁹⁵. Он решил написать книгу с возражениями тем, кто был убежден, «что княжеские и знатные фамилии не представляют ничего особенного, что хотя они и знатны, но все же люди, как и они»¹⁹⁶. Попытка в какой-то мере выполнить пожелания кн. Куракина и возродить влияние боярской аристократии имела место в годы царствования мальчика Петра II и особенно в первые месяцы 1730 г., когда, по выражению А. С. Пушкина, «старая наша Аристокрация на минуту возымела свою прежнюю силу и влияние»¹⁹⁷. По проекту верховников в высшие государственные учреждения предполагалось выбирать членов «из фамильных людей, из генералитета и из знатного шляхетства... а особливо старья и знатныя фамилии будут иметь преимущества, получают ранги и к делам будут определены по их достоинству»¹⁹⁸. Возвышение двух княжеских фамилий — Голицыных и Долгоруких — не на шутку встревожило шляхетство, т.е. верхи нового дворянства, энергично воспротивившиеся олигархическим планам верховников.

Местнические предрассудки были в те годы, видимо, еще очень живучи. Недаром кн. А. Д. Кантемир (впоследствии деятельный участник событий 1730 г.) в сатире 1729 г. с характерным подзаголовком «На зависть и гордость дворян злонравных» зло высмеивал местнические претензии. Знатному бездельнику, кичившемуся высоким положением своего рода еще во времена кн. Ольги, ссылавшемуся на гербовники, «грамот виды разны», родословные книги и приказные записи («с прадедова прадеда, чтоб начать поближе, думнаго, наместника никто не был ниже»), Кантемир противопоставляет личные заслуги тех, которые «собой начинают знатный род»¹⁹⁹. В сатире проводится петровская точка зрения на дворянство как на сословие, возникшее некогда из заслуг предков и поэтому доступное непрерывному обновлению путем введения в него новых лиц, выдвинувшихся своими полезными делами²⁰⁰. Однако и идеолог шляхетства 1730-х годов, автор обширного проекта государственных преобразований, кабинет-министр А. П. Волынский «все чванился и хвастался своей фамилией, причитаясь к царскому роду»²⁰¹.

Сильнейший удар местническим пережиткам нанесли манифест 1762 г. «О даровании вольности и свободы все-

му российскому дворянству», освободивший господствовавший класс от обязательной службы. Колоссальное влияние не только на придворный обиход, но и на дела государственного управления и общественную жизнь приобретают со второй четверти XVIII в. «случайные* или («сильные») люди». (В делах правления не власть мест государственных, а сила персон, отмечал современник Н. И. Панин). Уделом потомственной аристократии становится оппозиция, постепенно все более безобидная и растворившаяся к концу XVIII в. в беззубых разговорах в кулуарах Английского клуба и в беспомощном злопыхательстве в гостиницах помещичьих усадеб. Идеолог дворянской аристократии второй половины XVIII в. кн. М. М. Щербатов, скорбевший о том, что «стали не роды почтенны, а чины, и заслуги, и выслуги», тщетно старался возбудить «дух благородной гордости и твердости в сердцах знатно рожденных россиян» ссылками на обычаи предков²⁰².

М. В. Ломоносов, гордый тем, что всего, чего он достиг, добился своими личными усилиями и вопреки классовым препонам и предрассудкам занял прочное общественное положение, писал в 1751 г. в драме «Тамира и Селим»: «Кто родом хвалится, тот хвастает чужим»²⁰³. Это уже взгляд человека нового времени. «Хвастовство древней породы» возмущало А. Н. Радищева. Он осмеивал тех дворян, которые увлекаются родословными и сокрушаются об уничтожении местничества²⁰⁴.

В начале XIX в. местнические обычаи казались характерной чертой старомосковского барства: «В Москве уж исстари ведется, что по отцу и сыну честь» («Горе от ума»). Выслуга независимо от происхождения постепенно утверждалась как важнейшее средство личного возвышения человека и в военной и в гражданской службе, а умение выслужиться — иногда даже самыми унижительными способами — начинает «цениться» как высшее достоинство. Иная точка зрения, высказанная А. С. Грибоедовым в первой четверти XIX в. устами Чацкого, казалась «служилым людям» той эпохи признаком безумия.

* Характерно, что даже само наименование выскочек, фаворитов на языке людей XVIII в.

«случайные люди» напоминает о «случаях» по местнической терминологии.

Местническая идеология, точнее сказать, генеалогические предрассудки своеобразно отразились даже в сознании прогрессивных мыслителей начала XIX в. — декабристов, Пушкина, позже Лермонтова. У Пушкина было романтическое представление о политической независимости родового дворянства *. «Потомственность высшего дворянства, — писал А. С. Пушкин ²⁰⁵, — есть гарантия его независимости; обратное неизбежно связано с тиранией или, вернее, с низким и дряблым деспотизмом» **. Отсюда и любование местничеством как признаком аристократической гордости, и сожаления о принижении родовой знати ²⁰⁶. Передовая дворянская интеллигенция из потомственных родословных людей — «обломки игроу счастья обиженных родов» — как бы противопоставляла себя реакционной придворной «черни» — надменным потомкам «известной подлостью прославленных отцов» (слова М. Ю. Лермонтова), плотно окружавшим трон самодержца. И лишь когда на смену дворянским революционерам пришли революционеры-разночинцы, местничество было уже окончательно осмеяно и унижено в художественной литературе рассуждениями Некрасова о «дереве дворянском», о «родословном дереве» («Кому на Руси жить хорошо»).

Легенда о местничестве как о выражении аристократической самостоятельности и институте, ограничивавшем власть монарха и защищавшем дворянство от царского произвола, зародилась, очевидно, еще в первой половине XVIII в. *** Желаемое выдавалось за действительное, и некоторые историки оказались в плену этих представлений аристократической оппозиции императорскому деспотизму.

* Рассуждения Пушкина о дворянстве, как известно, близки к высказываниям Н. М. Карамзина в «Записке о древней и новой России» ²⁰⁷.

** В другом сочинении — черновике записи «О народном воспитании» — Пушкин отметил: «Чины сделались страстию русского народа. Того хотел Петр Великий, того требовало тогдашнее состояние России» ²⁰⁸.

*** Фамильные люди уже при Петре I связывали падение их престижа с отменой местничества. Князь Б. И. Куракин в «Гистории о царе Петре Алексеевиче», характеризуя годы малолетства Петра I, писал: «И в том правлении наиболее начало падения первых фамилий, а особливо имя князей было смертельно возненавидимо и уничтожено» ²⁰⁹.

Легенде о местничестве сопутствовала легенда о земских соборах как органах соучастия третьего сословия — предков позднейшей буржуазии — в управлении государством. И здесь желаемое выдавалось за действительное. И те же идеологи буржуазии и проповедники прогрессивной роли государства в истории народа, взяв основной тезис аристократической легенды о местничестве, оценили местничество лишь как вредное явление в отечественной истории, препятствовавшее укреплению государства и привлечению к общественной деятельности «нефамильных» людей. Все это вместе взятое наложило отпечаток на историографию о местничестве, где в большинстве работ публицистические рассуждения и выводы преобладают над источниковедческим исследованием. История местничества по существу еще ждет исследователя.

Послесловие

События отечественной истории середины XVI в. — важный этап в процессе оформления централизованного государства. Начало Московского государства — время установления такой структуры власти, которая долго охраняла устои социально-политической системы и отражала ее официальные взгляды.

Государственные преобразования обусловлены были прежде всего размахом классовой борьбы; наиболее значительные проявления ее — волнения в Москве в июне 1547 г. Обострение классовой борьбы и рост противоречий между отдельными группами господствовавшего класса феодалов вызвали к жизни первые земские соборы и определили содержание их деятельности. Распространение норм сословного представительства (в центре и на местах), утверждение практики и идеологии местничества предопределили характер взаимоотношений отдельных групп феодалов между собой и с самодержавной властью не только в период становления российского самодержавства, но и в последующие годы.

Исследование этих проблем позволило прийти к некоторым социологическим наблюдениям о характере воздействия классовой борьбы на государственный строй и феодальное общество России, о формах приспособления политической надстройки и методов деятельности государства к изменениям в общественной практике и психологии на протяжении XVI—XVIII вв.

Однако, как это часто случается в истории науки, более углубленное изучение проблемы показывает недостаточную

основательность некоторых представлений, считающихся общепринятыми, обнаруживает лакуны в традиционной тематике исследований, определяет предпосылки, а иногда даже перспективы дальнейших изысканий.

Все ошутимее потребность исследования явлений отечественной и зарубежной истории в более тесной взаимосвязи с учетом и общесоциологических закономерностей, и факторов конкретно-исторического порядка. Плодотворной представляется идея «горизонтальных срезов» (развитая недавно Б. Ф. Поршневым¹). Такие «срезы», отметил А. А. Губер², прослеживающие связь, сцепление однородных и разнотипных процессов, происходивших в одно и то же время в различных странах, могут многое дать для понимания реального хода как всемирно-исторического процесса, так и развития отдельных стран.

Общность исторического развития России и других стран несомненна. Однако, исследуя историю России XVI в., надлежит учитывать и специфику ее исторического развития в предшествовавшие века, и естественно-географические особенности как страны в целом, так и отдельных ее регионов³. Огромная территория, объединенная в XVI в. в едином многонациональном государстве под властью одного государя и подчинявшаяся одним законам, отнюдь не была одина еще по уровню социально-экономического развития, которое зачастую отставало от уровня политической централизации. В России — единственной из европейских стран той эпохи —

имела место уникальная возможность колонизации многих земель, непосредственно примыкающих к ранее освоенным. Это способствовало и феодальной колонизации (т. е. распространению феодализма вишьрь, и задержке ростков капиталистических отношений), и крестьянской вольной колонизации⁴. Соответственно для крестьян, бедных горожан и холопов окраины были местом, куда они бежали от феодальной неволи (от гнета феодалов-крепостников и феодального государства в целом). Здесь образовывались военные казачьи поселения, обычно противостоящие феодальному централизованному государству⁵. Это создавало условия возникновения массовых, невиданных в остальных частях Европы восстаний «мятежного крестьянства»⁶, лелеявшего мечту о мужицком государстве. В России оказались огромные не растроченные еще резервы крестьянской (и даже холопской) «революционности» — великий разлив крестьянской войны имел место тогда, когда в Западной Европе началась уже эра буржуазных революций.

Полностью еще не выявлены и, естественно, не обобщены данные о формах классовой борьбы в городе и в деревне на протяжении *всего* длительного периода становления Российского централизованного государства и о конкретных формах воздействия классовой борьбы на правительственную деятельность. Остается еще слабоизученной и история формирования классов в период развитого феодализма⁷.

М. Н. Тихомиров писал в 1963 г.: «Задерживающая сила

крепостничества и самодержавия явилась той силой, которая на протяжении веков обезображивала нашу родную страну и явилась фактором ее отсталости»⁸. То, что крепостное право в России XVI—XVIII вв. представляло собой регресс в развитии социально-экономических отношений, «своеобразную форму феодальной реакции» (выражение С. Д. Сказкина⁹), сейчас мало у кого вызывает сомнение. Но предстоит еще определить характер и силу реакционного воздействия все более усиливавшегося крепостничества не только на угнетенные массы крестьянства, но и на господствовавший класс, на его общественные воззрения и психологию. Следует выяснить и то, какую роль сыграл государственно-политический фактор в социально-экономическом развитии страны, в чем конкретно выражалась роль «насилия» в социально-экономической истории России второй половины XVI в. (хотя пагубные последствия опричнины и для хозяйственной жизни крестьян, горожан и даже для хозяйства феодалов как будто очевидны).

Предстоит глубже изучить (с привлечением более разнообразного материала исторических источников) особенности взаимозависимости факторов социально-экономической и государственно-политической истории России того времени, обусловившие возможность образования централизованного государства, прежде чем развились буржуазные отношения. А для этого необходимо всесторонне исследовать русский город XVI в.*, определить место городов в социально-экономической и политической струк-

* Интересные наблюдения о городе XVI в. можно почерп-

нуть из докладов и выступлений советских и итальянских

туре Российского государства, отличительные черты общественного облика городов*, характер взаимоотношений прослоек городского населения, роль феодалов и богатого купечества в общественно-политической жизни города.

Централизация в формах, обычных для нового времени, связана с капитализмом. В России XVI—XVII вв. имела место не столько централизация, сколько бюрократизация управления, унификация правовых норм, финансовой системы, военнотрудовых отношений. Появление сильной бюрократии — гражданской и военной — в определенной мере противостоит бюрократической по направленности своей деятельности — характерная черта XVI в. Именно дьякам принадлежала основная роль в оформлении бюрократического делопроизводства, в выработке формуляров приказной документации и норм дипломатической практики¹⁰. Вели-

ка роль дьяков в утверждении официальной идеологии «самодержавства», в обосновании законодательных актов крепостнического государства. Иностранцам дьяки напоминали хорошо известный в XVI в. тип специалиста-администратора и делопроизводителя (в испанской администрации их называли *letrados*). Применительно к таким деятелям Ф. Бродель использует определение «функционар» (*le fonctionnaire*)**.

Бюрократия во второй половине XVI в. становилась влиятельной силой, приобретая все большую независимость в сфере управления публичными интересами. Без нее нельзя уже было «обойтись», чтобы «избежать, употребляя выражение Ф. Энгельса, крайнего хаоса и разорения от сотен и тысяч процессов»¹¹: государство ведь было и аппаратом, обеспечивавшим общественные нужды (в плане и внешней и внутренней политики). Пожалуй, именно в

историков, обсуждавших тему «Русский и итальянский средневековый город» на IV конференции советских и итальянских историков в 1969 г. (материалы конференции были опубликованы тогда¹³, когда эта книга находилась уже в производстве.)

* Охарактеризовать то, что французы называют *mentalité* (и что столь успешно исследовал Р. Мандру¹⁴ по французским материалам) применительно к русскому городу XVI в. и вообще к русскому обществу того времени, — задача очень сложная, но не безнадежная.

** Сравнительное исследование данных о практической деятельности подобных «функ-

ционеров» в России и за рубежом, о значении их деятельности в процессе становления и укрепления централизованных государств, о месте «функционаров» в правительственном аппарате и в окружении монархов еще не проведено. Между тем недавние исследования как по отечественной истории, так и по истории других стран (обобщающего характера труд Ф. Броделя о «мире Средиземноморья» второй половины XVI в.¹⁵, специальные работы по истории Франции¹⁶ и других государств) позволяют приступить вплотную к подобному сравнительному исследованию «глобального» типа.

XVI в. можно уже усмотреть зарождение «привилегированной бюрократии», а также начало длительного процесса постепенной бюрократизации управления с характерными для царизма, по определению В. И. Ленина¹², самовластием чиновников и полиции и бесправием народа.

Недостаточно изучен и вопрос об особенностях возникновения и развития русского абсолютизма¹⁷.

Отнюдь не бесспорной кажется и начальная дата абсолютизма в России. Сейчас спорят обычно лишь о том, начался абсолютизм в середине XVII в. или при Петре I. Но ведь в свое время было распространено мнение об абсолютизме Ивана Грозного¹⁸. Предпосылки, начальные элементы абсолютизма находят во Франции Людовика XI, т. е. во второй половине XV в. Пишут о подобных предпосылках и в России XVI в.¹⁹

Не схожи ли действительно реформы времени Избранной рады с реформами, характерными для западноевропейского абсолютизма? Не привела ли политика опричнины к торжеству «абсолютизма, пропитанного азиатским варварством»²⁰ (идеологическим обоснованием подобной политики были сочинения Пересветова), а последующие события так называемого смутного времени начала XVII в. не ослабили ли временно и власть государя?

Не следует думать, что социально-экономические и политические процессы, результаты которых нам известны по истории XVII—XVIII вв., в предшествовавшем XVI в. развивались равномерно и последовательно. Общие тенденции исторического развития могли принимать своеобразную форму,

темпы его могли ускоряться или замедляться в зависимости от различных обстоятельств. Не поддаемся ли мы соблазну рассматривать эволюцию форм правления обязательно в хронологической последовательности? Не было ли зигзагов и отступлений?

Не застилает ли нам глаза и традиционное представление о смене сословно-представительной монархии абсолютизмом? Ведь земские соборы не были по существу помехой развитию царской власти, не ограничивали — во всяком случае в XVI в. — власть царя, наоборот, их использовали для обуздания, устрашения аристократии, позднее и церкви. И в Англии парламентская деятельность типична для времени абсолютизма Тюдоров, да и о Франции XVI в. пишут как об эпохе абсолютизма даже в учебниках, а ведь это годы особенно интенсивной деятельности парламентов. Не были ли земские соборы одним из сопутствующих признаков формирования абсолютизма?²¹

Если дальнейшие исследования подтвердят предположения, что в России середины XVI в. явственно уже обнаруживаются факторы, которые связывают обычно с понятием абсолютизма, то эту книгу допустимо было бы, вероятно, озаглавить «У истоков русского абсолютизма».

Последующее изучение этих и других недостаточно еще исследованных вопросов — обязательное условие для создания обобщающих трудов по истории Российского государства XVI—XVII вв. Автору хотелось бы думать, что его книга приближает создание таких трудов о политической организации русского общества периода феодализма.

Источники и литература *

Введение

¹ С. В. Бахрушин. Иван Грозный (1-е изд. М., 1942; 2-е изд. М., 1945); И. И. Смирнов. Иван Грозный. Л., 1944; Р. Ю. Виппер. Иван Грозный (1-е изд. М., 1922; 3-е изд. М.—Л., 1944). ² Бахрушин. Труды, т. II, стр. 361; см. там же, стр. 353, прим. 1. ³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, стр. 338. ⁴ См. «Иван Грозный». М., 1946 (сб. статей о драматической повести А. Н. Толстого и ее постановке на сцене Малого театра). ⁵ ИЗ, т. 21. М., 1947. ⁶ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 301. ⁷ См. Л. В. Черепнин. 50 лет советской исторической науки и некоторые итоги изучения феодальной эпохи истории России. — ИСССР, 1967, № 6; Шмидт. Россия XVI в.; Л. В. Данилова. К итогам изучения основных проблем раннего и развитого феодализма в России. — «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР». Сб. статей. М., 1962; Л. В. Черепнин. Советская литература по истории СССР до 1917 г., изданная в 1965—1969 гг. — «XIII Международный конгресс исторических наук. Москва, 1970 г. Работы советских историков за 1965—1969 гг.». М., 1970 (то же на англ. яз.); см. также обзоры новейшей советской литературы по отечественной истории периода феодализма (ИСССР, 1963, № 4; 1964, № 3; 1965, № 3; 1966, № 5; 1968, № 5; 1970, № 5; 1972, № 2). ⁸ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 153. ⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 205. ¹⁰ А. К. Бирон, В. В. Дорошенко. Советская историография Латвии. Рига, 1970, стр. 139.

¹¹ Штаден, стр. 51; Heinrich von Staden. Aufzeichnungen über den Moskauer Staat. Herausgegeben von Fritz. T. Epstein. Hamburg, 1964, S. 49; РИС, т. V. М., 1842, стр. 19 (местническое дело В. Зюзина с Ф. Нагим 1576 г.); см. также Каштанов. Очерки, стр. 169. ¹² См. Н. П. Лихачев. Дьяки. Приложение, стр. 30—72; его же. Библиотека. Приложение, стр. 53—81; С. К. Богоявленский. Опись дел приказа Нижегородской четверти, вынесенных в пожар 1626 г. — ЧОИДР, 1905, кн. 1, смесь, стр. 12—40; С. Шумаков. Экскурсы по истории Поместного приказа. — ЧОИДР, 1910, кн. 4, стр. 1—2; В. И. Гальцов. О составителях описи архива Посольского приказа 1626—1627 гг. — «Конференция МГИАИ», в. 1, стр. 68—69; Соборное Уложение, стр. 383. ¹³ ААН, ф. 693, оп. 1, № 129, л. 7 (Лекции академика М. Н. Тихомирова по истории приказного делопроизводства в XVII в.); см. также А. В. Муравьев. Спецкурс М. Н. Тихомирова «Приказное делопроизводство в XVII в.». — АЕ за 1968 г. М., 1970, стр. 320. ¹⁴ Шмидт. Царский архив, стр. 365—372. ¹⁵ С. О. Шмидт. Издание и изучение источников по аграрной истории России XVI века (в послевоенные годы). — ЕАИ за 1962 г. Минск, 1964, стр. 181—

* Отдельные нарушения порядковой нумерации сносков

в тексте книги вызваны сложностью набора.

182; «Россия и Италия», стр. 292—294. ¹⁶ Шмидт. Проблемы источниковедения, стр. 41—42; S. Schmidt. Current problems of Source Science — «Socials Science. USSR Akademy of Sciences», 1970, N 2, p. 94 (то же на французском и испанском языках). ¹⁷ А. И. Данилов. Марксистско-ленинская теория отражения и историческая наука. — «Средние века», в. 24. М., 1963, стр. 11—12. ¹⁸ См. Шмидт. Проблемы источниковедения, стр. 43—44; *его же*. Историзм мышления. — «Наука убеждать». М., 1969, стр. 376. ¹⁹ С. О. Шмидт. Исследование по социально-политической истории России XVI века. — АДД; *его же*. В. И. Ленин о государственном строе России XVI—XVIII вв. (о методике изучения материалов по теме). — «В. И. Ленин и историческая наука». М., 1968, стр. 330—346; то же на немецком языке в издании: «V. I. Lenin und die Geschichtswissenschaft». Berlin, 1970, S. 190—217; *его же*. О Московском восстании 1547 г. — ТЛОИИ, в. 9, стр. 114—130; *его же*. Миниатюры Царственной книги как источник по истории Московского восстания 1547 г. — ПИ, в. V. М., 1956, стр. 265—284; *его же*. Соборы середины XVI века. — ИСССР, 1960, № 4, стр. 66—92; *его же*. К истории земской реформы (Собор 1555/56 г.). — «Города феодальной России», стр. 125—134; *его же*. К истории соборов XVI в. — ИЗ, т. 76. М., 1965, стр. 120—151; *его же*. Les premiers Zemski Sobory de l'État russe. «Annali», p. 248—282; *его же*. Les premiers Zemskie Sobory de l'Etat russe a la lumiere des recherches soviétiques les plus récentes. — «Cahier du monde russe et soviétique», vol. VI, Cahier 4. Paris, 1965, p. 497—510; *его же*. Местничество и абсолютизм (постановка вопроса). — «Абсолютизм», стр. 168—205; *его же*. О дьячестве в России середины XVI в. — ПИРС, стр. 181—190; выступления в дискуссиях по проблеме истории абсолютизма (Советско-итальянская конференция, стр. 243—251; ИСССР, 1972, № 4, стр. 82—83) и истории средневекового города («Россия и Италия», стр. 292—300).

Начало Московского царства

¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 153. ² Карамзин. История, т. VIII, стр. 95. ³ См. М. Н. Покровский. Избр. произв., кн. 1. М., 1966, стр. 274, 290, 300. ⁴ И. И. Смирнов. Классовая борьба в Московском государстве в первой половине XVI в. — ПИДО, 1935, № 9—10, стр. 88—89. ⁵ П. П. Смирнов. Посадские люди, стр. 331 и сл. ⁶ ИОИФ, 1948, № 4, стр. 330—331. ⁷ УЗ МГУ, в. 156. М., 1952; Бахрушин. Труды, т. I. ⁸ Шмидт. Адашев, стр. 26—27; *его же*. Миниатюры; *его же*. Московское восстание 1547 года. — БСЭ, изд. 2, т. 7. М., 1954; *его же*. АДД, стр. 6—11; *его же*. Московское восстание. ⁹ И. И. Смирнов. Московское восстание 1547 г. — ВИ, 1953, № 12; *его же*. Очерки, ч. I, гл. 8. ¹⁰ «Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV — начало XVII в.». М., 1955 (гл. 2, § 7); Зимин. Пересветов, стр. 20—25; *его же*. Реформы, гл. VI (особенно стр. 294 и сл.); *его же*. Глава в учебнике «История СССР», т. I (с древнейших времен до 1861 г.), изд. 2. М., 1964, стр. 258—259; *его же*. Основные этапы и формы классовой борьбы в России конца XV—XVI века. — ВИ, 1965, № 3 (особенно стр. 44—47).

¹¹ Бахрушин. Труды, т. II, стр. 267—268. ¹² В. О. Ключевский. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968, стр. 349.

¹³ С. Д. Сказкин. Вступительное слово на сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. — ЕАИ за 1958 г. Таллин, 1959, стр. 19—20; Ц. Бобиньская. Пробелы в источниках. Методологический анализ. — ВИ, 1965, № 6, стр. 80—81.

¹⁴ А. Д. Любличская. О методологии исследования истории народных масс и социальных отношений эпохи абсолютизма. — ТЛОИИ, в. 10, стр. 282—283. ¹⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 171; см. также Л. В. Черепнин. К. Маркс и Ф. Энгельс и некоторые проблемы исторического источниковедения. — «Источниковедение», стр. 203—204. ¹⁶ ПСРЛ, т. XIII, стр. 154. ¹⁷ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. М., 7-е изд., 1966, стр. 335 и сл. (1-е изд., 1938); М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1940, гл. X; «История русской литературы», т. II. М.—Л., 1945, стр. 446—459 (автор В. П. Адрианова-Перетц); Д. С. Лихачев. Летописи, ч. V; «Очерки истории исторической науки в СССР», т. I. М., 1955, гл. II (автор М. Н. Тихомиров); Черепнин. Историография (лекция четвертая); И. Л. Шерман. Русские исторические источники X—XVII вв. Харьков, 1959, стр. 112—123; А. А. Зимин. Русские летописи и хронографы конца XV—XVI вв. (учебное пособие МГИАИ). М., 1960; «Историография истории СССР». Под ред. В. Е. Иллерицкого и И. А. Кудрявцева. М., 1961, гл. 2 (автор С. О. Шмидт) (2-е изд. М., 1971); Тихомиров. Источниковедение, в. 1, гл. XII; Я. С. Лурье. Изучение русского летописания. — ВИД, сб. 1. Л., 1968; его же. Судьба беллетристики в XVI в. — «Истоки русской беллетристики». Л., 1970, стр. 395 и сл.; Donnert. Zur russischen Literatur, S. 929—933, и другие работы.

¹⁸ Рыбаков. Древняя Русь, стр. 4 (выделено Б. А. Рыбаковым).

¹⁹ Об этой характерной черте средневековых хроник см. Косминский. Историография, стр. 30. ²⁰ См. [Конрад]. «Литературные памятники», стр. 7 и др.

²¹ Косминский. Историография, стр. 32; см. также Ю. Ф. Шведов. Исторические хроники Шекспира. М., 1964; Н. Н. Мелик-Гайказова. Французские хронисты XIV в. как историки своего времени. М., 1970.

²² См. А. П. Каждан. Византийская культура. М., 1968, стр. 174 и сл.

²³ Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1971, стр. 108. ²⁴ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч. в 6-ти томах, т. 1. М., 1934, стр. 232. ²⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 16.

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв. в 3-х томах, т. 1. М., 1970, стр. 43. ²⁷ Советско-итальянская конференция, стр. 256. ²⁸ Тихомиров. Русская культура, стр. 250. ²⁹ См. О. М. Медушевская. Развитие теории советского источниковедения. — ТМГИАИ, т. 24. М., 1966, стр. 16; Шмидт. Проблемы источниковедения, стр. 39—40.

³⁰ Н. М. Дружинин. Воспоминания и мысли историка. М., 1967, стр. 103.

³¹ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VIII, стр. 163. ³² О методах внутренней критики источников см. А. А. Курносков. Приемы внутренней критики мемуаров (Воспоминания участников партизанского движения в период Великой Отечественной войны как исторический источник). — «Источниковедение», стр. 473. См. также А. Ц. Мерзон. Основные задачи критики исторических источников. Изд. МГИАИ, 1958 (ротапринт); А. П. Пронштейн. Методика исторического исследования. Ростов, 1971, стр. 5—13. ³³ См. Зимин. Пересветов, стр. 38—

41 (приведены библиографические данные). ³⁴ Н. Ф. Лавров. Заметки о Никоновской летописи. — ЛЗАК, т. (I)XXXIV. Л., 1927, стр. 89. ³⁵ ПСРЛ, т. XXIX, стр. 3—4 (предисловие). ³⁶ См. Черепнин. Историография, стр. 99; Зимин. Пересветов, стр. 38. ³⁷ ПСРЛ, т. XXIX, стр. 54. ³⁸ См. Д. С. Лихачев. Проблема характера в исторических произведениях начала XVII в. — ТОДРЛ, т. VIII, стр. 221. ³⁹ Пискаревский летописец, стр. 59; Тихомиров. Летописные памятники, стр. 220. ⁴⁰ ПСРЛ, т. XXI, стр. 635, 636.

⁴¹ О рукописи см. Флегмонт Смирнов. Описание рукописных сборников XVI века Новгородской Софийской библиотеки, находящихся ныне в Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1865, стр. 97—100; Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955, стр. 52 и сл. ⁴² ГПБ, собр. Софийской библиот. № 1516, л. 55, 56. ⁴³ ЦГАДА МГА МИД № 365/815; С. М. Каштанов. О списках двух неопубликованных летописных сводов (1493 и 1495 годов). — ПИ, т. VIII. М., 1959, стр. 456—459. См. также ПСРЛ, т. XXVII, стр. 12—14. ⁴⁴ Тихомиров. Краткие заметки, стр. 77—79. ⁴⁵ Жарков. Московские пожары. ⁴⁶ См. С. О. Шмидт «Сказание о взятии Астрахани» в летописной традиции XVII—начала XVIII вв. — ТМГИАИ, т. 17, 1963, стр. 393. ⁴⁷ А. А. Зимин. Повести XVI века в сборнике Рогожского собрания. — ЗОР ГБЛ, в. 20. М., 1957, стр. 183; его же. Пересветов, стр. 90—91. ⁴⁸ Постниковский летописец, стр. 280—283 (вступит. ст. М. Н. Тихомирова). ⁴⁹ Там же, стр. 287—288. ⁵⁰ Там же, стр. 281—283.

⁵¹ О Моклоковых см. Н. П. Лихачев. Дьяки, стр. 140—143 и др.; Зимин. Дьяки, стр. 116—120. ⁵² Постниковский летописец, стр. 281, 282. ⁵³ ПСРЛ, т. XIII, стр. 441. ⁵⁴ Там же, стр. 449. ⁵⁵ Постниковский летописец, стр. 286; см. Альшиц. Источники, стр. 124—125. ⁵⁶ Постниковский летописец, стр. 286; ПСРЛ, т. XIII, стр. 446—447. ⁵⁷ Зимин. Боярская дума, стр. 60. ⁵⁸ Там же, стр. 59. ⁵⁹ Шмидт. Тучковы, стр. 133. ⁶⁰ ПСРЛ, т. XIII, стр. 340; т. XXIX, стр. 297.

⁶¹ М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР, т. I. М., 1940, стр. 134, 162—163. ⁶² «Исторический архив», т. VII. М., 1951, стр. 254—258. ⁶³ Хронографическая летопись, стр. 292; ср. стр. 268. ⁶⁴ Жарков. Московские пожары, стр. 226. ⁶⁵ Хронографическая летопись, стр. 292. ⁶⁶ ПСРЛ, т. XXII, стр. 527. ⁶⁷ ПСРЛ, т. IV, ч. I, в. 3, стр. 620—621. ⁶⁸ О М. Л. Глинском см. Герберштейн. Павел Йовий стр. 39, 172; И. Н. Голенцев-Кутузов. Гуманизм у восточных славян (Украина и Белоруссия). Доклад на V Международном конгрессе славистов (в Софии). М., 1963, стр. 18. ⁶⁹ ПСРЛ, т. IV, ч. I, в. 3, стр. 620. ⁷⁰ Там же, стр. III.

⁷¹ Псковские летописи, в. 1, стр. 112. ⁷² См. об этом А. Н. Насонов. Из истории псковского летописания. — ИЗ, т. 18. М., 1946, стр. 268; Н. Н. Масленникова. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955, стр. 171 и сл.; Псковские летописи, в. 2, стр. 6—7. ⁷³ Псковские летописи, в. 2, стр. 231. ⁷⁴ ПИГ, стр. 523. Текст напечатан по наиболее древнему списку ранней редакции Стоглава (см. Стоглав, стр. 30—31). См. также Макарьевский Стоглавник, стр. 13. ⁷⁵ ПИГ, стр. 522. ⁷⁶ ПСРЛ, т. VI, стр. 127; см. В. П. Гребенюк. Повесть о Темир-Аксаке. АКД (Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР). М., 1971. ⁷⁷ ПИГ, стр. 36. ⁷⁸ Там же, стр. 35. ⁷⁹ Там же, стр. 36. ⁸⁰ Там же, стр. 35, 95.

⁸¹ Там же, стр. 95. ⁸² Там же, стр. 35, 96. ⁸³ Зимин. Пересветов, стр. 286; Ржига. Пересветов, стр. 19. ⁸⁴ ПИГ, стр. 37. Об употребле-

нии Иваном Грозным слова «собака», «собацкий» см. *Шмидт*. Заметки, стр. 263—264. ⁸⁵ ПИГ, стр. 36 (ср. там же, стр. 96). ⁸⁶ Там же, стр. 35. ⁸⁷ Там же, стр. 36. ⁸⁸ Там же, стр. 537, прим. 1. ⁸⁹ О понятии «стемма» см. *Д. С. Лихачев*. Текстология, стр. 446 и др.; *его же*. Текстология. Краткий очерк. М.—Л., 1964, стр. 48. ⁹⁰ ПИГ, стр. 526 и сл. (*Я. С. Лурье*. Археографический обзор посланий Ивана Грозного).

⁹¹ Пискаревский летописец, стр. 81—82. ⁹² *Горсей*, стр. 55. ⁹³ *П. В. Вилькошевский*. К вопросу о редакциях первого послания Ивана Грозного к князю А. М. Курбскому. — ЛЗАК, в. XXXIII. Л., 1926, стр. 76. ⁹⁴ АЛОИИ, ф. 276, оп. 1, № 30; см. также *С. Розанов*. Памяти проф. Г. З. Кунцевича. — ИОРЯС, т. XXX. Л., 1926, стр. 433. ⁹⁵ ПИГ, стр. 544—546. ⁹⁶ РИБ, т. XXXI, стб. 60; ср. ПИГ, стр. 95. ⁹⁷ РИБ, т. XXXI, стб. 61; ср. ПИГ, стр. 96. ⁹⁸ РИБ, т. XXXI, стб. 1—2. ⁹⁹ Там же, стб. 3. ¹⁰⁰ См. *Альшиц*. Грозный и приписки, стр. 272.

¹⁰¹ ПИГ, стр. 35. ¹⁰² Там же, стр. 36. ¹⁰³ Там же. ¹⁰⁴ Там же, стр. 35. ¹⁰⁵ Там же, стр. 36. ¹⁰⁶ ГИМ ОР. Уваров. собр., № 116 (по описанию собр. Уварова № 1386), л. 320об. — 321. ¹⁰⁷ Подробнее см. *Шмидт*. К истории соборов, стр. 141—142. ¹⁰⁸ ПИГ, стр. 49. ¹⁰⁹ «Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков». Подгот. В. И. Малышев. М.—Л., 1952, стр. 62. ¹¹⁰ *В. И. Малышев*. Новый список Слова Даниила Заточника. — ТОДРЛ, т. VI, стр. 194, 196.

¹¹¹ АЛОИИ, Русская секция, ф. 276, оп. 1, № 30 (гранки невышедшего второго тома «Сочинений князя Курбского», подготовленного для издания в «Русской исторической библиотеке» Г. З. Кунцевичем, включают и описание списков «Истории»); *Ю. Д. Рыков*. Владелец и читатели «Истории» князя А. М. Курбского. — Конференция МГИАИ, в. 2, стр. 1—6; *его же*. Редакции «Истории» князя Курбского. — АЕ за 1970 г. М., 1971; *К. А. Уваров*. «История о великом князе Московском» А. М. Курбского в русской рукописной традиции XVII—XIX вв. — «Вопросы русской литературы» (УЗ Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина, т. 455, 1971). ¹¹² *Косминский*. Историография, стр. 29 и сл.; [*Конрад*]. «Литературные памятники», стр. 7 и сл. ¹¹³ О связях Курбского с германским императором см. *Я. С. Лурье*. Донесение агента императора Максимилиана II аббата Цира о переговорах с А. М. Курбским в 1569 году (по материалам Венского архива). — АЕ за 1957 г. М., 1958. ¹¹⁴ См. *Жданов*. Соч., стр. 158; *А. А. Зимин*. Когда Курбский написал «Историю о великом князе Московском». — ТОДРЛ, т. XVIII (приведены библиографические данные); см. также *Тихомиров*. Источниковедение, стр. 290; *I. L. V. Fennell*. Prince A. M. Kurbsky's History of Ivan IV. Cambridge, 1965, р. VII; *Скрынников*. Начало опричнины, стр. 38 и др. ¹¹⁵ РИБ, т. XXXI, стб. 274. ¹¹⁶ ЦГАДА, ф. 138, оп. 3, № 2, л. 69 об. ¹¹⁷ *Тихомиров*. Источниковедение, стр. 292; *Веселовский*. Опричнина, стр. 269. ¹¹⁸ РИБ, т. XXXI, стб. 161. ¹¹⁹ См. об этом *Жданов*. Соч., стр. 123—124; *Альшиц*. Грозный и приписки, стр. 265. ¹²⁰ ОА, стр. 29, 41.

¹²¹ РИБ, т. XXXI, стб. 168. ¹²² Там же, стб. 169—170. ¹²³ Историографию вопроса о значении термина «Избранная рада» см. в книге: *A. Grobovsky*. The «Chosen Council» of Ivan IV: a Reinterpretation. New York, 1969. ¹²⁴ См. *Ясинский*. Курбский, стр. 91, 99. ¹²⁵ РИБ, т. XXXI, стб. 216. ¹²⁶ Там же, стр. 172. ¹²⁷ См. *Тихомиров*. Исторические связи, стр. 82; *Н. А. Казакова*. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.—Л., 1960, стр. 68, 71; *ее же*. Очерки, стр. 117—119; 182; *Шмидт*. «Выпись», стр. 112—113, 121 (приведены библиографические

данные). ¹²⁸ Ю. Д. Рыков. Редакции «Истории» князя Курбского, стр. 130—132. ¹²⁹ РИБ, т. XXXI, стб. 156; см. также стб. 147. ¹³⁰ См. *Ржига*. Максим Грек, стр. 62—72.

¹³¹ Смирнов. Очерки, стр. 147. ¹³² Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XVI веков, ч. 2. М.—Л., 1951, стр. 319. ¹³³ РИБ, т. XXXI, стб. 168, 169. ¹³⁴ Там же, стб. 113. ¹³⁵ ПИГ, стр. 29. ¹³⁶ См. Черепнин. Историография, стр. 108. ¹³⁷ РИБ, т. XXXI, стб. 165. ¹³⁸ Пушкин. ПСС, стр. 1302. ¹³⁹ Тихомиров. Исторические связи, стр. 82. ¹⁴⁰ [Конрад]. «Литературные памятники», стр. 7, 9, 11.

¹⁴¹ РИБ, т. XXXI, стб. 169, 170. Подробнее см. Шмидт. Курбский, стр. 366—374. ¹⁴² Голохвастов и Леонид. Сильвестр, стр. 12. ¹⁴³ ГИМ ОР, Синодальное собр., № 149. См. «Описание рукописей Синодального собрания» (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невострюева), ч. I (составитель Т. Н. Протасьева. Под ред. М. В. Щепкиной). М., 1970, № 750 (стр. 128—130). ¹⁴⁴ Пресняков. Царственная книга; Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. I. СПб., 1898, стр. CLXXIV—CLXXV; А. Е. Пресняков. Московская историческая энциклопедия XVI века. — ИОРЯС, 1900, т. V, кн. 3. ¹⁴⁵ Библиографические данные приведены в ст. Шмидта «Лицевые летописи». См. также Скрынников. Начало опричнины, стр. 25; Donnert. Zur russischen Literatur, S. 931 (приведены основные библиографические данные). ¹⁴⁶ Шмидт. Лицевые летописи. ¹⁴⁷ ГИМ ОР, Синодальное собр., № 962. См. «Описание рукописей Синодального собрания», № 749 (стр. 127—128). ¹⁴⁸ Пресняков. Царственная книга, стр. 10. ¹⁴⁹ Шмидт. Синодальный список. ¹⁵⁰ Рыбаков. «Слово о полку Игореве», стр. 14.

¹⁵¹ Буслаев. Очерки, т. II, стр. 301—303. ¹⁵² В. Н. Щепкин. Два иллюстрированных сборника Исторического музея. — «Археологические известия и заметки», изд. Московским археологическим обществом, 1897, № 4, стр. 112. ¹⁵³ См. об этом также О. И. Подобедова. Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания. М., 1965, стр. 131—134. ¹⁵⁴ Арциховский. Миниатюры, стр. 4—5. ¹⁵⁵ Пресняков. Царственная книга, стр. 33, 8. ¹⁵⁶ ПСРЛ, т. XIII, стр. 154. ¹⁵⁷ Арциховский. Миниатюры, стр. 132. ¹⁵⁸ Там же, стр. 131—132. ¹⁵⁹ Там же, стр. 111—115. ¹⁶⁰ Буслаев. Очерки, т. II, стр. 302.

¹⁶¹ ПСРЛ, т. XIII, стр. 457. ¹⁶² Арциховский. Миниатюры, стр. 28. ¹⁶³ Там же, стр. 74. ¹⁶⁴ Бахрушин. Труды, т. II, стр. 332—333; Альшиц. Грозный и приписки, стр. 271—272. ¹⁶⁵ ПИГ, стр. 35. ¹⁶⁶ ПСРЛ, т. XXIX, стр. 153. ¹⁶⁷ ПИГ, стр. 36. ¹⁶⁸ Там же, стр. 35. ¹⁶⁹ Веселовский. Опричина, стр. 463. ¹⁷⁰ Смирнов. Очерки, стр. 126.

¹⁷¹ Зимин. Реформы, стр. 304, прим. 4. ¹⁷² Альшиц. Источники, стр. 136, 137. ¹⁷³ ПСРЛ, т. XIII, стр. 448, 449. ¹⁷⁴ Буслаев. Очерки, т. II, стр. 312, рис. 16. ¹⁷⁵ Арциховский. Миниатюры, стр. 104. ¹⁷⁶ ПСРЛ, т. IV, ч. I, в. 3, стр. 621. ¹⁷⁷ Там же, т. XIII, стр. 456. ¹⁷⁸ Там же, т. XXIX, стр. 153. ¹⁷⁹ Н. С. Чаев и Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1947, стр. 145. ¹⁸⁰ Постниковский летописец, стр. 288.

¹⁸¹ Пискаревский летописец, стр. 56—57. ¹⁸² ДРВ, т. XIII, стр. 33, 34; Шмидт. Адашев, стр. 30. ¹⁸³ М. Н. Тихомиров. Пискаревский летописец как исторический источник о событиях конца XVI — начала XVII в. — ИСССР, 1957, № 3, стр. 114. ¹⁸⁴ ПСРЛ, т. XXXI, стр. 130—131. ¹⁸⁵ Тихомиров. Летописные памятники, стр. 207; Историография истории СССР (изд. 2-е). М., 1971, стр. 42. ¹⁸⁶ ГПБ, Q. XVII, 22,

л. 68 об., 771 об. ¹⁸⁷ Шмидт. Миниатюры, стр. 281. ¹⁸⁸ ЦГАДА, ф. 199. Портфели Миллера, № 23, л. 18. ¹⁸⁹ Альшиц. Источники, стр. 139—140. ¹⁹⁰ ГПБ, Q. XVII, 22, л. 771.

¹⁹¹ ЦГАДА, ф. 181, № 365, л. 239. ¹⁹² А. Н. Насонов. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы). — ПИ, т. IV. М., 1955, стр. 259. ¹⁹³ Временник Ивана Тимофеева. — РИБ, т. XIII. Л., 1925, стб. 278. ¹⁹⁴ См. А. С. Орешников. К истории начального летописного свода (о составителе и времени составления «Поучения о казнях божиих»). — ТМГИАИ, т. 16. М., 1961. ¹⁹⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 60—61. ¹⁹⁶ К. В. Чистов. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967. ¹⁹⁷ Mandrou. Introduction. См. также Л. И. Анцыферова. К проблеме изучения исторического развития психики. — «История и психология» (под ред. Б. Ф. Поршнева и Л. И. Анцыферовой). М., 1971, стр. 78 и сл. ¹⁹⁸ В. П. Адрианова-Перетц. У истоков русской сатиры. — «Русская демократическая сатира XVII века». М.—Л., 1954, стр. 154. ¹⁹⁹ Пискаревский летописец, стр. 85. ²⁰⁰ Об учении Феодосия Косого см. Зимин. Пересветов, гл. IV («Рабье учение» Феодосия Косого); Клибанов. Реформационные движения, стр. 266 и сл. (приведены библиографические данные).

²⁰¹ Зимин. Пересветов, стр. 183. ²⁰² И. У. Будовниц. Юродивые древней Руси. — ВИРА, в. XII. М., 1964, стр. 171. ²⁰³ См. об этом С. П. Бутко. Дневниковые записи И. Е. Забелина. — Конференция МГИАИ, в. 2, стр. 40—44. ²⁰⁴ ГИМ ОПИ, ф. Забелина (№ 440), д. 269, л. 52; см. Н. Л. Рубинштейн. И. Е. Забелин. Исторические воззрения и научная деятельность (1820—1908). — ИСССР, 1965, № 1, стр. 61. ²⁰⁵ Флетчер, стр. 101—102. ²⁰⁶ Кузнецов. Блаженные, стр. 359 и сл. ²⁰⁷ См. А. С. Фаминцын. Скоморохи на Руси. М., 1889; Н. К. Пиксанов. Театральный семинарий. Студия по истории русского театра (темы — вопросники — библиография). — «Культура театра», 1921, № 4, стр. 60—63; Русское народное поэтическое творчество, т. I. Очерки по истории русского народного поэтического творчества X — начала XVIII вв. М.—Л., 1953, стр. 342, 351 и сл.; Е. Кузнецов. Из прошлого русской эстрады. М., 1958, стр. 21 и сл.; А. А. Зимин. Скоморохи в памятниках публицистики и народного творчества XVI в. — «Из истории русских литературных отношений XVIII—XX веков». М.—Л., 1959; А. Белкин. Плясцы, гудцы, скоморохи. — «Наука и жизнь», 1971, № 6; его же. Театр скоморохов на Руси. АКД. М., 1971. ²⁰⁸ «Русское народное поэтическое творчество», т. I, стр. 352. ²⁰⁹ П. И. Якушкин. Путевые письма. Соч. СПб., 1884, стр. 242; В. К. Соколова. Русские исторические предания. М., 1970, стр. 61. ²¹⁰ «Русское народное поэтическое творчество», т. I, стр. 352. ²¹¹ Е. Кузнецов. Из прошлого русской эстрады, стр. 25. ²¹² См. об этом М. А. Бахтин. Творчество Франсуа Рабле. М., 1965. ²¹³ «Наука и жизнь», 1971, № 6. ²¹⁴ «Русское народное поэтическое творчество», т. I, стр. 351; «Русская демократическая сатира XVII века», стр. 150. ²¹⁵ В. И. Петухов. Сведения о скоморохах в писцовых, переписных и таможенных книгах XVI—XVII вв. — ТМГИАИ, т. 16. М., 1961 (приведены библиографические данные). ²¹⁶ А. С. Фаминцын. Скоморохи на Руси, стр. 15, 86; Шмидт. Заметки, стр. 260—261. ²¹⁷ «Русское народное поэтическое творчество», т. I, стр. 351 и др.; Корецкий. Закрепощение, стр. 243—244. ²¹⁸ Кузнецов. Блаженные, стр. 348. ²¹⁹ См. об этом Соловьев. История, кн. III, стр. 430—431. ²²⁰ О подробностях событий июля 1546 г. см. Веселовский. Опрични-

на, стр. 261—263; *Альшиц*. Источники, стр. 132—133; *Смирнов*. Очерки, стр. 108—112; *Зимин*. Реформы, стр. 268—271; *Шмидт*. «Выпись», стр. 117—118.

²²¹ РИБ, т. XXXI, стб. 165. ²²² ПСРЛ, т. XIII, стр. 76. ²²³ Псковские летописи, в. 1, стр. 106; *А. Е. Пресняков*. Завещание Василия III. — Сб. Платонову, 1922, стр. 78. ²²⁴ ПИГ, стр. 35. ²²⁵ РИО, т. 59, стр. 228. ²²⁶ *Шмидт*. Казанская война, стр. 236—237. ²²⁷ Интересные данные источников приведены в кн. В. С. Иконникова «Максим Грек и его время» (Киев, 1915, стр. 443 и сл.), в исследованиях советских ученых В. Ф. Ржиги, С. В. Бахрушина, И. И. Смирнова, А. А. Зимина, Н. Е. Носова и др. ²²⁸ *А. В. Чернов*. Образование стрелцкого войска. — ИЗ, т. 38. М., 1951; *его же*. Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв. М., 1954, стр. 82 и сл. ²²⁹ *Зимин*. Краткие летописцы, стр. 22. ²³⁰ *Шмидт*. Казанская война, стр. 247—248.

²³¹ *Бахрушин*. Труды, т. II, стр. 272. ²³² *Герберштейн. Павел Ювий*, стр. 273—274; см. также *Огородников*. О Московии, стр. 9—10. ²³³ Хронографическая летопись, стр. 291; Постниковский летописец, стр. 287. ²³⁴ *Шмидт*. «Выпись», стр. 117—118. ²³⁵ РИБ, т. XXXI, стб. 168. ²³⁶ ЦГАДА, ф. Миллера (199), № 23, л. 3 об. ²³⁷ РИБ, т. XXXI, стб. 167. ²³⁸ ААН, ф. 693, оп. 1, № 199, стр. 36. ²³⁹ Хронографическая летопись, стр. 292. ²⁴⁰ Об экономическом и политическом значении голодных лет в средние века см. *В. Т. Пашуто*. Голодные годы в древней Руси. — ЕАИ за 1962 г. Минск, 1964 (приведены библиографические данные); *Смирнов*. Восстание Болотникова, стр. 71—72.

²⁴¹ ПСРЛ, т. IV, ч. I, в. 3, стр. 619. ²⁴² ПСРЛ, т. XIII, стр. 152; т. XXIX, стр. 51; Постниковский летописец, стр. 287—288; Хронографическая летопись, стр. 291; ПСРЛ, т. IV, ч. I, в. 3, стр. 619; Псковские летописи, в. 1, стр. 112. ²⁴³ ГПБ, собр. Софийской библ. № 1516, л. 55—55 об.; *Жарков*. Московские пожары, стр. 223—224. ²⁴⁴ ГПБ, собр. Софийской библ. № 1516, л. 55—55 об.; *Жарков*. Московские пожары, стр. 224. ²⁴⁵ Постниковский летописец, стр. 287; ПСРЛ, т. XIII, стр. 152. ²⁴⁶ ГПБ, собр. Софийской библ. № 1516, л. 55 об.; *Жарков*. Московские пожары, стр. 224. ²⁴⁷ О Московском посаде и о расположении ремесленных слобод в Москве XVI—XVII вв. см. *П. Гольденберг* и *Б. Гольденберг*. Планировка жилого квартала Москвы XVII, XVIII и XIX вв. М.—Л., 1935, стр. 26 и сл.; «История Москвы», т. I, стр. 118 и сл. (автор С. В. Бахрушин); *Тихомиров*. Россия XVI ст., стр. 66 и сл. ²⁴⁸ Постниковский летописец, стр. 287. ²⁴⁹ Там же, стр. 288. ²⁵⁰ ГПБ, собр. Софийской библ. № 1516, л. 56.

²⁵¹ Хронографическая летопись, стр. 291—292. ²⁵² Псковские летописи в. 1, стр. 112. ²⁵³ *Тихомиров*. Летописные памятники, стр. 220. ²⁵⁴ *Смирнов*. Очерки, стр. 122—123. ²⁵⁵ Псковские летописи, в. 1, стр. 135. ²⁵⁶ Постниковский летописец, стр. 287. ²⁵⁷ *П. П. Смирнов*. Посадские люди, стр. 108. ²⁵⁸ *Амвросий*. История российской иерархии, ч. VI. М., 1815, стр. 418. ²⁵⁹ РИО, т. 59, стр. 345. ²⁶⁰ *Жарков*. Московские пожары, стр. 224.

²⁶¹ Псковские летописи, в. 2, стр. 232; *Жарков*. Московские пожары, стр. 224. ²⁶² Пискаревский летописец, стр. 102. ²⁶³ ГПБ, собр. Софийской библ. № 1516, л. 56; ПСРЛ, т. XXVII, стр. 14. ²⁶⁴ *Тихомиров*. Средневековая Москва, стр. 286. ²⁶⁵ *Кузнецов*. Блаженные, стр. 265 и др. ²⁶⁶ *Смирнов*. Очерки, стр. 121; *Зимин*. Реформы, стр. 295—296. ²⁶⁷ ГБЛ, собр. Беляева № 1510, л. 88. ²⁶⁸ ПСРЛ,

т. XXXI, стр. 131. ²⁶⁹ ПРП, в. 4, стр. 359, 388. ²⁷⁰ ГБЛ, собр. актов Беляева, № 93 (см. *Д. Лебедев*. Собрание историко-юридических актов И. Беляева. М., 1881, стр. 22); *Н. П. Лихачев*. Библиотека, стр. 55.

²⁷¹ ЦГАДА, ф. ГКЭ по Кашире, № 10/5772; *Каштанов*. Перечень № 573. ²⁷² ААЭ, т. I, № 215; Архив Строева, т. I, стр. 290—291.

²⁷³ *Жарков*. Московские пожары, стр. 224. ²⁷⁴ Там же, стр. 225.

²⁷⁵ ПСРЛ, т. XIII, стр. 154; *Зимин*. Краткие летописцы, стр. 16; *его же*. Реформы, стр. 296. ²⁷⁶ ПСРЛ, т. IV, ч. I, в. 3, стр. 620. ²⁷⁷ Там же, стр. 621. ²⁷⁸ *I. Wolff*. Kniiazowie Liteusko-russky. Warszawa, 1895, str. 77—86. ²⁷⁹ ПСРЛ, т. XIII, стр. 375; *Кунцевич*. Сказание о Макарии, стр. 11. ²⁸⁰ *Масса*, стр. 22.

²⁸¹ ПСРЛ, т. XIII, стр. 456. ²⁸² *В. В. Мавродин*. Очерки по истории феодальной Руси. Л., 1949, стр. 158—159. ²⁸³ См. *Н. Я. Новомбергский*. Колдовство в Московской Руси XVII в., 1906; *его же*. Слово и дело государево, т. I. М., 1911; *Л. В. Черепнин*. Из истории древнерусского колдовства XVII в. — «Этнография», 1929, № 2; *С. Лозинский*. История папства, т. I. М., 1934, стр. 162 и др.; *G. Roskoff*. Geschichte des Teufels. Leipzig, 1869; *R. Mandrou*. Magistrats et sorciers en France en XVII-e siècle. Une analyse de psychologie historique. Paris, 1968. ²⁸⁴ Псковские летописи, в. 1, стр. 109; *Носов*. Очерки, стр. 223. ²⁸⁵ ПСРЛ, т. IV, стр. 308; Псковские летописи, в. 2, стр. 232.

²⁸⁶ История Москвы, т. I, стр. 213. ²⁸⁷ *Бахрушин*. Труды, т. II, стр. 77. ²⁸⁸ *Черепнин*. Очерки, стр. 445 и др. ²⁸⁹ См. *Носов*. Очерки, стр. 218—220. ²⁹⁰ ГБЛ. М., 8617, л. 72 об., 73 об. — 74.

²⁹¹ *Смирнов*. Восстание Болотникова, стр. 84—85; «Повести о Гришке Отрепьеве». ²⁹² Псковские летописи, в. 1, стр. 135. ²⁹³ Пискаревский летописец, стр. 80. ²⁹⁴ Хронографическая летопись, стр. 292.

²⁹⁵ РИБ, т. XXXI, сб. 168. ²⁹⁶ *Жарков*. Московские пожары, стр. 225. ²⁹⁷ Там же, стр. 225—226. ²⁹⁸ ПСРЛ, т. XIII, стр. 154. ²⁹⁹ *Татищев*. История, т. VII, стр. 273. ³⁰⁰ Постниковский летописец, стр. 288.

³⁰¹ *Жарков*. Московские пожары, стр. 226. ³⁰² *Кузнецов*. Блаженные, стр. 94, 353. ³⁰³ *М. Н. Тихомиров*. К вопросу о выписи о втором браке царя Василия III. — *Тихомиров*. Исторические связи. ³⁰⁴ *Шмидт*. «Выпись» (приведены библиографические данные); *Казакова*. Очерки, стр. 117—118. ³⁰⁵ Подробнее см. *Шмидт*. Курбский, стр. 368—371.

³⁰⁶ О характере проповедей-поучений в XVI в. см. *Николаевский*. Проповедь. ³⁰⁷ *Смирнов*. Очерки, стр. 125. ³⁰⁸ Там же, стр. 126; *Зимин*. Пересветов, стр. 22—23. ³⁰⁹ *Голохвастов* и *Леонид*. Сильвестр, стр. 12—14; *Зимин*. Пересветов, стр. 50 и сл. (приведены библиографические данные). ³¹⁰ ПСРЛ, т. XIII, стр. 449.

³¹¹ *Жарков*. Московские пожары, стр. 226. ³¹² ПСРЛ, т. XIII, стр. 456. ³¹³ *Смирнов*. Очерки, стр. 123. ³¹⁴ *Бахрушин*. Труды, т. II, стр. 266. ³¹⁵ О причинах нелюбви к Глинским Рюриковичей, Гедиминовичей и представителей старых московских родов см. *Е. А. Белов*. Об историческом значении московского боярства до конца XVII в. — ЖМНП, 1886, № 1, стр. 113. ³¹⁶ См. *Каштанов*. Феодальный иммунитет, стр. 267; *его же*. История, стр. 373. ³¹⁷ См. *Бахрушин*. Труды, т. II, стр. 337, прим. 32. ³¹⁸ *Шмидт*. Россия XVI в., стр. 119—120.

³¹⁹ См. *Д. Н. Альшиц*. Крестоцеловальные записи Владимира Андреевича Старицкого и недошедшее завещание Ивана Грозного. — ИСССР, 1959, № 4. ³²⁰ *Жарков*. Московские пожары, стр. 226.

³²¹ ПСРЛ, т. XXV, стр. 207. ³²² *Тихомиров*. Средневековая Москва, стр. 227. ³²³ АЗР, т. II, № 179; *Смирнов*. Очерки, стр. 128, прим.

25. ³²⁴ ПСРЛ, т. V, стр. 69; Псковские летописи, в. 1, стр. 136; *Тихомиров*. Классовая борьба, стр. 20, 49. ³²⁵ Псковские летописи, в. 2, стр. 270; *Тихомиров*. Классовая борьба, стр. 13. ³²⁶ *Срезневский*. Материалы, т. II, стб. 148. ³²⁷ См. *С. К. Богоявленский*. Состав Московского слободского схода. — Сб. Платонову, 1922. ³²⁸ ПСРЛ, т. X, стр. 176. ³²⁹ Псковские летописи, в. 1, стр. 137. ³³⁰ *М. Кузнецов*. О блаженном Иоанне Большом Колпаке. — ЧОИДР, 1896, кн. 2, смесь, стр. 6.

³³¹ ДАИ, т. I, № 221, стр. 369. ³³² См. «Пословицы русского народа». Сб. В. Даля. М., 1957, стр. 404, 405. ³³³ См., в частности, *Бахрушин*. Труды, т. II (статья «Московское восстание 1648 г.»); *М. Н. Тихомиров*. Соборное Уложение и городские восстания середины XVII в. — Соборное Уложение, стр. 17—18. ³³⁴ См. сб. документов «Восстание 1662 г. в Москве». Составитель В. И. Буганов. М., 1964. ³³⁵ РИБ, т. XIII, стб. 177; *Смирнов*. Восстание Болотникова, стр. 184. ³³⁶ АЛОИИ. Акты Астраханской воеводской избы, № 16. ³³⁷ Акты Московского государства, т. I. СПб., 1890, стр. 164. ³³⁸ АЛОИИ, Коллекция Зинченко, № 91. ³³⁹ *С. А. Белокуров*. Разрядные записи за Смутное время. М., 1907, стр. 5. ³⁴⁰ Там же, стр. 201.

³⁴¹ Действия Нижегородской ученой архивной комиссии, т. XI (б. г.), стр. 3; *Смирнов*. Восстание Болотникова, стр. 364. ³⁴² *Смирнов*. Очерки, стр. 135, прим. 45. ³⁴³ ПСРЛ, т. XIV, стр. 69. ³⁴⁴ Пискаревский летописец, стр. 129. ³⁴⁵ *Смирнов*. Очерки, стр. 130. ³⁴⁶ Там же, стр. 129. ³⁴⁷ *Зимин*. Реформы, стр. 305. ³⁴⁸ О М. Ю. Захарьине см. *Зимин*. Пересветов, стр. 328—330. ³⁴⁹ О родственных связях И. П. Федорова (с Челяднинными и кн. Оболенскими) см. *Веселовский*. Опричнина, стр. 128. ³⁵⁰ *Бычков*. Описание, стр. 140.

³⁵¹ *Штаден*, стр. 79. ³⁵² ПСРЛ, т. IV, ч. I, в. 3; Хронографическая летопись, стр. 292. ³⁵³ *В. Ф. Миллер*. К сказкам об Иване Грозном. — ИОРЯС, т. XIV, кн. 2. СПб., 1909, стр. 102, 103; *его же*. Очерки русской народной словесности, т. II. М., 1910, стр. 367; см. также *А. А. Зимин*. Отголоски событий XVI в. в фольклоре. — ТЛОИИ, в. 7. ³⁵⁴ Хронографическая летопись, стр. 289. ³⁵⁵ ПСРЛ, т. X, стр. 175—176. ³⁵⁶ *Рыбаков*. «Слово о полку Игореве», стр. 109. ³⁵⁷ ГПБ, Толстовское собр., QXVII, 22, л. 76. ³⁵⁸ ЧОИДР, 1883, кн. I, смесь, стр. 11—13 (из рукописей Е. В. Барсова). ³⁵⁹ *Садиков*. Очерки, стр. 32. ³⁶⁰ *Н. А. Добролюбов*. Собр. соч. в 9-ти томах, т. III. М.—Л., 1962, стр. 73.

³⁶¹ *Смирнов*. Очерки, стр. 130. ³⁶² *Середонин*. Флетчер, стр. 191. ³⁶³ *Смирнов*. Восстание Болотникова, стр. 116—117. ³⁶⁴ *Смирнов*. Очерки, стр. 131. ³⁶⁵ *Зимин*. Реформы, стр. 307. ³⁶⁶ См. *Э. Сестан*. Итальянские города в XIV—XVI веках. — «Россия и Италия», стр. 13. ³⁶⁷ ПСРЛ, т. IV, ч. I, в. 3, стр. 621. ³⁶⁸ ПСРЛ, т. XIII, стр. 456. ³⁶⁹ ААЭ, т. II, № 58; *Смирнов*. Восстание Болотникова, стр. 190. ³⁷⁰ *Смирнов*. Очерки, стр. 132—133.

³⁷¹ ПИГ, стр. 35. ³⁷² *Шмидт*. Казанская война, стр. 249. ³⁷³ *Зимин*. Реформы, стр. 306. ³⁷⁴ *Кунцевич*. Казанский летописец, стр. 602; *И. И. Смирнов*. Восточная политика Василия III. — ИЗ, т. 27. М., 1948, стр. 42. ³⁷⁵ Хронографическая летопись, стр. 290; *Шмидт*. Казанская война, стр. 249, 256. ³⁷⁶ *Б. Ф. Поршнев*. Рец. на кн. М. А. Алпатова «Политические идеи французской буржуазной историографии XIX в.». М.—Л., 1949. — ВИ, 1950, № 8, стр. 133. ³⁷⁷ ПСРЛ, т. XIII,

стр. 154, 457. ³⁷⁸ ПСРЛ, т. IV, ч. I, в. 3, стр. 621. ³⁷⁹ Смирнов. Очерки, стр. 134. ³⁸⁰ Макарьевский Стоглавник, стр. 13.

³⁸¹ Смирнов. Очерки, стр. 134. ³⁸² Бахрушин. Труды, т. II, стр. 267; *Альшиц*. Источники, стр. 138; *Зимин*. Реформы, стр. 308—309. ³⁸³ Смирнов. Очерки, стр. 135. ³⁸⁴ *Зимин*. Реформы, стр. 308. ³⁸⁵ Об этой рукописи см. *Валк*. Рукописи Татищева, стр. 38 (приведены библиографические сведения). ³⁸⁶ ГБЛ, Румянцев. собр., № 257, л. 56. ³⁸⁷ *Карамзин*. История, т. VIII, стр. 101. ³⁸⁸ Об амнистии 1598 г. см. *В. И. Корецкий*. Из истории закрепощения крестьян в России в конце XVI—начале XVII в. (к проблеме «заповедных лет» и отмены Юрьева дня). — ИСССР, 1957, № 1, стр. 188. ³⁸⁹ ДРК, стр. 123; РК, стр. 110. ³⁹⁰ Смирнов. Очерки, стр. 135, прим. 46.

³⁹¹ См. *Поршнев*. Феодализм, стр. 411. ³⁹² ДРВ, ч. XX, стр. 34. ³⁹³ ПСРЛ, т. XIII, стр. 151, 453; т. XXIX, стр. 50, 149, 150. ³⁹⁴ ДРК, стр. 121; РК, стр. 108. ³⁹⁵ ДРК, стр. 3; РК, стр. 10. ³⁹⁶ Хронографическая летопись, стр. 392. ³⁹⁷ ПСРЛ, т. XIII, стр. 154, 457; т. XX, стр. 472; т. XXIX, стр. 54; см. также Хронографическая летопись, стр. 292; Пискаревский летописец, стр. 60. ³⁹⁸ ДРК, стр. 3; РК, стр. 11; см. также ДРВ, ч. XIII, стр. 36. ³⁹⁹ РИБ, т. XXXI стб. 168, 169. ⁴⁰⁰ ПСРЛ, т. XIII, стр. 457; Хронографическая летопись, стр. 292.

⁴⁰¹ ДРК, стр. 3; РК, стр. 11. ⁴⁰² *Зимин*. Боярская дума, стр. 59. ⁴⁰³ Псковские летописи, в. 2, стр. 232. О злоупотреблениях Турунта в Пскове см. *Ясинский*. Курбский, стр. 117—118. ⁴⁰⁴ Псковские летописи, в. 2, стр. 232. ⁴⁰⁵ ПСРЛ, т. IV, ч. I, в. 3, стр. 621. ⁴⁰⁶ *Каштанов*. История, стр. 365. ⁴⁰⁷ *Веселовский*. Опричнина, стр. 431. ⁴⁰⁸ *Зимин*. Реформы, стр. 309. ⁴⁰⁹ ПСРЛ, т. XIII, стр. 155, 457; т. XXIX, стр. 55, 153—154. ⁴¹⁰ Хронографическая летопись, стр. 293.

⁴¹¹ *Каштанов*. История, стр. 365. ⁴¹² ПСРЛ, т. XIII, стр. 443; *Зимин*. Боярская дума, стр. 62, прим. 246. ⁴¹³ ЦГАДА, ф. 135, № 195, л. 2; *Зимин*. Боярская дума, стр. 59, прим. 218; *Зимин*. Реформы, стр. 270, прим. 1. ⁴¹⁴ См. *Тихомиров*. Малоизвестные памятники, стр. 84, 85—87; *Полосин*. Очерки, стр. 60—61. ⁴¹⁵ ЦГАДА, ф. ГКЭ по Звенигороду № 15/4689; см. также ф. 1199, оп. 1, № 76, л. 38—38 об. (копийная книга Савво-Сторожевского монастыря XVII в.), № 150, л. 35—35 об.; см. об этом *С. Смирнов*. Историческое описание Саввина Сторожевского монастыря, изд. 3-е. М., 1877, стр. 17; *В. и Г. Холмогоровы*. Исторические материалы для составления церковных летописей Московской епархии, в. 1. Рузская десятина. М., 1881, стр. 125. ⁴¹⁶ ЦГАДА, ф. 135, № 202, 203; СГГД, ч. I, № 165, 166. ⁴¹⁷ ЦГАДА, ф. 1199, оп. 1, № 76, л. 30—31; № 150, л. 31—31 об. ⁴¹⁸ ЦГАДА, ф. ГКЭ по Звенигороду № 16/4690; ф. 1199, оп. 1, № 76, л. 38 об. — 39; № 150, л. 35 об. ⁴¹⁹ *Зимин*. Реформы, стр. 267, прим. 3; стр. 310, прим. 31. ⁴²⁰ ЦГАДА, ф. ГКЭ по Звенигороду № 17/4691.

⁴²¹ См. «Источниковедение», стр. 37—38; *В. С. Библер*. Исторический факт как фрагмент действительности (Логические заметки). — «Источниковедение». ⁴²² РК, стр. 116. ⁴²³ См. *Т. В. Таванец*. Суждение и виды. М., 1953, стр. 102; *А. В. Исаев*. К вопросу о делении суждений по модальности. — «Логико-грамматические очерки». М., 1961. См. также *Н. И. Кондаков*. Логический словарь. М., 1971, стр. 103—105 («Гипотеза») (приведены библиографические данные). ⁴²⁴ *Шмидт*. Россия XVI в., стр. 113; «Города феодальной России», стр. 3 (Предисловие); *А. Л. Хорошкевич*. Основные итоги изучения городов XI—первой половины XVII в. — «Города феодальной России»; *К. Н. Сербина*. Из истории возникновения городов в России XVI в. — «Города

феодалной России»; *А. М. Сахаров*. Российское государство, стр. 84—86; «Россия и Италия». См. также *А. А. Зимин*. Состав русских городов. — ИЗ, т. 52. М., 1955. ⁴²⁵ См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 153. ⁴²⁶ См. *А. Ф. Мартынов*. Коренные изменения Н. Г. Чернышевским «Русской истории» Н. Костомарова (период от середины XVI в. до второй половины XVII в.). — УЗ Липецкого гос. пед. ин-та, т. 1, в. 1, 1956, стр. 31—33, 42. ⁴²⁷ ПСРЛ, т. XIII, стр. 140, 141, 439—440. ⁴²⁸ *Смирнов*. Очерки, стр. 95. ⁴²⁹ Стоглав, стр. 137—138. ⁴³⁰ См. *Яковлев*. Холопство, стр. 26 и сл.

⁴³¹ РИБ, т. XIII, стб. 484; *Е. Н. Кушева*. К истории холопства в конце XVI — начале XVII в. — ИЗ, т. 15. М., 1945, стр. 93. ⁴³² См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 39, стр. 399. ⁴³³ *Зимин*. Пересветов, стр. 183; *Клибанов*. Реформационные движения, стр. 269. ⁴³⁴ Псковские летописи, в. 1, стр. 111; *Бахрушин*. Труды, т. I, стр. 209. ⁴³⁵ Стоглав, стр. 46—47, 226—229, 311. ⁴³⁶ *С. О. Шмидт*. Неизвестные документы XVI в. — ИА, 1961, № 4, стр. 153. ⁴³⁷ ПСРЛ, т. IV, ч. I, в. 3, стр. 624. ⁴³⁸ *П. П. Смирнов*. Посадские люди, т. I, стр. 107. ⁴³⁹ См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 10, стр. 425—426. ⁴⁴⁰ ПСРЛ, т. IV, ч. I, в. 3, стр. 620.

⁴⁴¹ *Каштанов*. Перечень № 549; *его же*. Феодалный иммунитет, стр. 264; *Зимин*. Реформы, стр. 306. ⁴⁴² См. об этом *С. О. Шмидт*. Рецензия на кн. *А. А. Зимины* «Реформы Ивана Грозного». — ВИ, 1962, № 6, стр. 138; *его же*. Московское восстание, стр. 126—127, прим. 63; *Каштанов*. История, стр. 366; *Носов*. Изыскания, стр. 211—212. ⁴⁴³ ПСРЛ, т. XIII, стр. 448, 449. ⁴⁴⁴ См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 30. ⁴⁴⁵ См. *Поршнев*. Феодализм, стр. 313—314. ⁴⁴⁶ См. *R. Mandrou*. Classes et luttes de classes en France au début du XVII siècle. Messina — Firenze, 1965, p. 63 и сл. ⁴⁴⁷ Архив Маркса и Энгельса, т. VI. М., 1939, стр. 64; см. также *Б. Ф. Поршнев*. Исторические интересы Маркса в последние годы его жизни и работа над «Хронологическими выписками». — «Маркс — историк». М., 1968, стр. 415—416. ⁴⁴⁸ См. *А. Д. Люблинская*. О методологии исследования истории народных масс и социальных отношений эпохи абсолютизма. — ТЛОИИ, в. 10, стр. 294 и сл. ⁴⁴⁹ *Смирнов*. Очерки, стр. 136. ⁴⁵⁰ *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Избр. произв. в трех томах. М., 1970, т. 1, стр. 40.

⁴⁵¹ *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 17, стр. 629. ⁴⁵² *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 7, стр. 358. ⁴⁵³ *П. П. Смирнов*. Посадские люди, стр. 109—110; Судебники, стр. 213 и др. ⁴⁵⁴ Хронографическая летопись, стр. 294. ⁴⁵⁵ См. *Ржиза*. Пересветов, стр. 42—44. ⁴⁵⁶ *Шмидт*. Ленин о государственном строе России, стр. 332—333. ⁴⁵⁷ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 30. ⁴⁵⁸ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 379; *Поршнев*. Феодализм, стр. 479 и сл. ⁴⁵⁹ Подробнее см. *Шмидт*. Казанская война, стр. 248 и др. ⁴⁶⁰ *Каштанов*. История, стр. 372.

⁴⁶¹ ПСРЛ, т. XIII, стр. 158, 460. ⁴⁶² *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 179. ⁴⁶³ ЧОИДР, 1848, кн. 2, стр. 20. ⁴⁶⁴ *Заозерский*. Земские соборы, стр. 303. ⁴⁶⁵ *Шмидт*. Ленин о государственном строе России, стр. 334—335. ⁴⁶⁶ Советско-итальянская конференция, стр. 249—250.

Становление земских соборов

¹ С. А. Авалиани. Земские соборы. Литературная история земских соборов, изд. 2-е. Одесса, 1916, стр. 3. ² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 26—31. ³ См. также С. А. Покровский. Фальсификация истории русской политической мысли в современной реакционной буржуазной литературе. М., 1957, стр. 18 и др. ⁴ И. А. Худяков. Древняя Русь. СПб., 1867, стр. 134, 135; см. А. Н. Цамутали. Очерки демократического направления в русской историографии 60—70-х годов XIX в. Л., 1971, стр. 133—134; Эм. Виленская. Худяков. М., 1969, стр. 75—77. ⁵ См. А. М. Сахаров. Работа В. И. Ленина над источниками по русской истории. — ВИ, 1970, № 4, стр. 163—164; С. О. Шмидт. В. И. Ленин — читатель В. О. Ключевского. — ПИОДИ, стр. 356—357, 361. ⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 85. ⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 252, 369, 435 и др. ⁸ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 123; «III съезд РСДРП. Апрель — май 1905 г.» М., 1959, стр. 175, 177—184. ⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 5. ¹⁰ «Вперед» и «Пролетарий», стр. 6. ¹¹ ЦПА ИМЛ, № 1572/26643, л. 31—38. Об этой правке см. Ленинский сборник XXVI, стр. 337. ¹² См. подробнее Шмидт. Ленин о государственном строе России, стр. 340—344; то же на немецком языке в изд.: «W. I. Lenin und die Geschichtswissenschaft». Berlin, 1970, S. 208—211. ¹³ См. Г. Б. Гальперин. Вопросы методологии буржуазной историографии сословной монархии России. — «Вестник ЛГУ», 1965, № 23. Серия экономики, философии и права, в. 4; *его же*. Сословная монархия феодальной России в буржуазной историографии периода империализма. — «Вестник ЛГУ», 1966, № 11. Серия экономики, философии и права, в. 2. ¹⁴ АЛОИИ, ф. 190, д. 8/2, л. 26. Материал этот указан мне В. А. Муравьевым. ¹⁵ Юшков. Сословно-представительная монархия. ¹⁶ ВИ, 1958, № 5. ¹⁷ Зимин. Реформы, стр. 325 и др.; *его же*. Земский собор 1566 г. — ИЗ, т. 71. М., 1961; *его же*. Опричнина, гл. I и V; *его же*. Зарождение соборов; *его же*. Ленин о «московском царстве», стр. 292—293; Копанев. Рукопись Татищева; В. И. Корецкий. Земский собор 1575 г. и поставление Симеона Бекбулатовича «великим князем всеа Руси». — ИА, 1959, № 2 (Введение к публикации); *его же*. Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричнины. — ВИ, 1967, № 5; *его же*. Материалы по истории Земского собора 1575 г. и о поставлении Симеона Бекбулатовича «великим князем всеа Руси» (введение к публикации). — АЕ за 1969 г. М., 1971; С. П. Мордовина. К истории утвержденной грамоты 1598 г. — АЕ за 1968 г. М., 1970; *ее же*. Характер дворянского представительства на земском соборе 1598 года. — ВИ, 1971, № 2; *ее же*. АКД; Носов. Собор примирения; *его же*. Становление сословно-представительных учреждений в России. — АДД. ЛГУ, 1968; *его же*. Исследования, гл. I; Павленко. Земские соборы; Р. Г. Скрынников. Введение опричнины и организация опричного войска в 1565 году. — УЗ ЛГПИ, т. 278. Л., 1965; *его же*. Начало опричнины, стр. 239—244, гл. V; *его же*. Самодержавие и опричнина (Некоторые итоги политического развития России в период опричнины). — ТЛОИИ, в. 8; Смирнов. Очерки, гл. 14 и др.; L. V. Tcherepnine. La rôle des Zemski Sobory en Russie lors de la guerre des Paysans au début du XVII-e siècle. — In

Album Helen Mand Cam (Louvain — Paris, 1960), p. 247—266. — «Études présentées à la Commission Internationale pour l'histoire des assemblées d'États», 23; *его же*. Les relations entre la monarchie et les classes sociales durant la période de la révolte populaire à Moscou et la préparation et l'édition du Nouveau Codé législatif (1648—1649). In Album E. Lousse. (Louvain — Paris. 1962), p. 124—140; *его же*. История представительных и парламентских учреждений в средние века. — «Средние века», в. 34. М., 1971. ¹⁸ Черепнин. Земские соборы. ¹⁹ М. Н. Тихомиров. Псковское восстание 1650 года. М.—Л., 1935; Тихомиров. Классовая борьба. ²⁰ Г. Б. Гальперин. Форма правления Русского централизованного государства XV—XVI веков. Л., 1964, гл. IV; *его же*. Генезис и развитие сословной монархии в России (XV—XVI вв.). — АДД, ЛГУ, 1968; *его же*. Форма правления единого Российского государства в русской политической мысли XV—XVI вв. — «Вестник ЛГУ», 1971, № 11. Серия экономики, философии и права, в. 2.

²¹ Шмидт. АКД; *его же*. Соборы; *его же*. АДД, гл. II; *его же*. К истории соборов; *его же*. «Annali»; *его же*. Les premiers Zemskie sobory; *его же*. Земская реформа; *его же*. Ленин о государственном строе России; то же на немецком языке в изд.: «W. I. Lenin und die Geschichtswissenschaft». Berlin, 1970; *его же*. Выступление по докладом об абсолютизме (Советско-итальянская конференция, стр. 250—251); то же в изд.: «Rassegna Sovietica. Quaderno terzo I. Atti del Convegno degli Storici italiani I sovietici Mosca, Aprile, 1968». Roma, 1969, p. 138—139. ²² Павленко. Земские соборы. ²³ Тихомиров. Классовая борьба, стр. 234. ²⁴ См. новейшие труды советских исследователей, посвященные становлению английского парламента (Е. В. Гутновой), французских представительных учреждений (А. Д. Люблинской, Н. Н. Денисовой — Хачатурян и др.), кортесов (И. С. Пичугиной). ²⁵ ПСРЛ, т. XXXI, стр. 131. ²⁶ Кочин. Материалы, стр. 332. ²⁷ ПСРЛ, т. XII, стр. 225. ²⁸ Например, «соборный список» суда над Исаком Собакой в феврале 1549 г. (Судные списки Максима Грека). ²⁹ И. М. Лихницкий. «Освященный собор» в Москве в XVI—XVII вв. СПб., 1906, стр. 18 и др. ³⁰ СГГид, ч. II, № 229, 236, 239, 242.

³¹ СГГид, ч. II, № 92 и др. ³² СГГид, ч. I, № 175, 177, 182, 189. ³³ G. Stökl. Der Moskauer Zemskiy Sobor. — «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1960, Bd. 8, Hf. 2, S. 166; *его же*. Der Moskauer Landesversammlung. Forschungsproblem und Politisches Zeitbild. — «Historische Forschungen und Problem. Peter Rassow zum 70. Geburtstag». Wiesbaden, 1961, S. 83; Зимин. Опричина, стр. 166. ³⁴ Середонин. Флетчер, стр. 228—233. ³⁵ Макарьевский Стоглавник, стр. 17; Стоглав, стр. 40. ³⁶ Стоглав, стр. 38. ³⁷ Там же, стр. 39—40; Макарьевский Стоглавник, стр. 16—17. ³⁸ ЦГАДА, ф. 181, № 26/34, л. 518—519 (л. 1027 об. — 1028 об. старой нумерации); СГГид, ч. II, № 37. ³⁹ Карамзин. История, т. VIII, прим. 182 и 184. ⁴⁰ Жданов. Соч., стр. 366.

⁴¹ Платонов. Статьи, стр. 201—205; Васенко. Хрущовский список; С. Ф. Платонов. К истории московских земских соборов. СПб., 1905, стр. 15. ⁴² Ключевский. Соч., т. I, стр. 377; т. II, стр. 405, 449; *его же*. Краткое пособие по русской истории, изд. 6-е. М., 1908, стр. 97. ⁴³ Латкин. Земские соборы, стр. 67; G. Stökl. Der Moskauer Zemskiy Sobor, S. 157. ⁴⁴ Ключевский. Соч., т. II, стр. 197, 375—376. ⁴⁵ М. Н. Покровский. Земский собор и парламент. — Сб. «Конституционное государство». СПб., 1905, стр. 440. ⁴⁶ Готье. Земские соборы, стр. 50; Н. П. Павлов-Сильванский. Феодализм в древней Руси. Пг.,

1924, стр. 143; *Ржига*. Пересветов, стр. 48; *Заозерский*. Земские соборы, стр. 305; *М. К. Любавский*. Древняя русская история до конца XVI в. М., 1918, стр. 249; *K. Stählin*. Geschichte Russlands. Berlin — Leipzig, 1923, S. 260—261; *V. Giterman*. Geschichte Russlands. В. I. Hamburg, 1949, S. 161, и другие работы. ⁴⁷ *С. А. Белокуров*. О Посольском приказе. М., 1906, стр. 21. ⁴⁸ *Дьяконов*. Очерки, стр. 482—486. ⁴⁹ ПСРЛ, т. XXII, стр. 528—529; см. Хронографическая летопись, стр. 295—296. ⁵⁰ *Платонов*. Иван Грозный, стр. 62, 61, прим. 1.

⁵¹ *Максимович*. Собор 1549 г., стр. 1—4. ⁵² *С. В. Бахрушин*. Иван Грозный. М., 1945, стр. 21; *его же*. Труды, т. II, стр. 269. ⁵³ *Смирнов*. Очерки, стр. 296. ⁵⁴ Судебники, стр. 190. ⁵⁵ *Носов*. Собор примирения, стр. 13—15; *его же*. Изыскания, стр. 20, 22. ⁵⁶ «Века», сб. 1. Пг., 1924, стр. 180. ⁵⁷ *Тихомиров*. Земские соборы, стр. 7—8. ⁵⁸ *Ржига*. Максим Грек, стр. 78—79; *Юшков*. Сословно-представительная монархия, стр. 43. ⁵⁹ *П. П. Смирнов*. Посадские люди, стр. 112. ⁶⁰ БСЭ, изд. 1, доп. том. «Союз Советских Социалистических Республик». М., 1947, стр. 366.

⁶¹ Хронографическая летопись, стр. 257—258 (Введение к публикации). ⁶² Сб. РИО, т. 59, стр. 269, 302—303, 266. ⁶³ *Носов*. Изыскания, стр. 16. ⁶⁴ ПСРЛ, т. XIII, стр. 157, 459; т. XX, стр. 475. ⁶⁵ *Зимин*. Боярская дума, стр. 59, 63. ⁶⁶ ДРК, стр. 132; РК, стр. 117. ⁶⁷ ДРК, стр. 138; РК, стр. 122; ПСРЛ, т. XIII, стр. 160. ⁶⁸ ДРК, стр. 132; РК, стр. 117—118, 124. ⁶⁹ ДРК, стр. 129, 130, 134, 140; РК, стр. 119, 124; *Максимович*. Собор 1549 г., стр. 3; *А. А. Зимин*. Список наместников Русского государства первой половины XVI в. — АЕ за 1960 г. М., 1962, стр. 35, 40. ⁷⁰ ДРК, стр. 7; РК, стр. 14.

⁷¹ *Зимин*. Боярская дума, стр. 62. ⁷² ДРК, стр. 147; РК, стр. 129; *Зимин*. Боярская дума, стр. 52, прим. 134. ⁷³ ДРК, стр. 140; РК, стр. 124. ⁷⁴ Стоглав, стр. 24; *Макарьевский Стоглавник*, стр. 9. ⁷⁵ Судебники, стр. 189. ⁷⁶ *Макарьевский Стоглавник*, стр. 9, 12, 15; Стоглав, стр. 24 и др. ⁷⁷ *Макарьевский Стоглавник*, стр. 15; Стоглав, стр. 36. ⁷⁸ Стоглав, стр. 38. ⁷⁹ *Макарьевский Стоглавник*, стр. 16; Стоглав, стр. 37—38. ⁸⁰ ААЭ, т. I, № 213; *Г. З. Кунцевич*. Подлинный список о новых чудотворцах к Феодосию архиепископу Новограда и Пскова. — ИОРЯС, т. XV, 1910, кн. 1, стр. 252—257; ПСРЛ, т. IV, ч. I, в. 3, стр. 619 и др.

⁸¹ *В. Васильев*. История канонизации русских святых. М., 1893, стр. 184 и др.; *Е. Е. Голубинский*. История канонизации святых в русской церкви, изд. 2-е. М., 1903, стр. 101 и др. ⁸² См. *Стефанович*. Стоглав, стр. 89. ⁸³ *Макарьевский Стоглавник*, стр. 13; Стоглав, стр. 31—32. ⁸⁴ *Макарьевский Стоглавник*, стр. 14; Стоглав, стр. 33—34. ⁸⁵ РИБ, т. XXXI, стб. 62—63. ⁸⁶ ПИГ, стр. 37. ⁸⁷ РИБ, т. XXXI, стб. 171. ⁸⁸ ПСРЛ, т. XXI, ч. 2, стр. 638. ⁸⁹ *Пл. Васенко*. Составные части «Книги Степенной царского родословия». СПб., 1908, стр. 51. ⁹⁰ *П. Г. Васенко*. «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности, ч. I. СПб., 1904, стр. 235—237; *Кунцевич*. Казанский летописец, стр. 455—456, 529—530, 542—544 и др.

⁹¹ *Смирнов*. Очерки, стр. 158. ⁹² *Д. С. Лихачев*. Человек в литературе, стр. 103. ⁹³ Там же, стр. 99, 101. ⁹⁴ См. *Черепнин*. Историография, стр. 102. ⁹⁵ ПСРЛ, т. XXI, стр. 636—637. ⁹⁶ Там же, стр. 638, прим. «а». ⁹⁷ ПСРЛ, т. XIII, стр. 154, 455; т. XX, стр. 472. ⁹⁸ *Кунце-*

вич. Сказание о Макарии. ⁹⁹ Павленко. Земские соборы, стр. 88.

¹⁰⁰ См. Шмидт. Соборы, стр. 73.

¹⁰¹ Кунцевич. Сказание о Макарии, стр. 11—12. ¹⁰² ПСРЛ, т. XIII, стр. 375; Кунцевич. Сказание о Макарии, стр. 21. ¹⁰³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 496. ¹⁰⁴ Макарьевский Стоглавник, стр. 13; Стоглав, стр. 31. ¹⁰⁵ РИБ, т. XXXI, стлб. 169. ¹⁰⁶ СГГид, ч. I, № 165; ЦГАДА, ф. 135, № 203. ¹⁰⁷ Павленко. Земские соборы, стр. 89, прим. 36. ¹⁰⁸ Там же, стр. 88. ¹⁰⁹ Шмидт. Соборы, стр. 71. ¹¹⁰ Смирнов. Очерки, стр. 289—296.

¹¹¹ Там же, стр. 289, 313, прим. 8. ¹¹² А. Е. Пресняков. Вотчинный режим и крестьянская крепость. — ЛЗАК, т. (I), XXXIV. Л., 1927, стр. 190—191. ¹¹³ Шмидт. Соборы, стр. 73, 83; его же. АДД, стр. 13; его же. Les premiers Zemskie Sobory, p. 500. ¹¹⁴ Его же. «Annapli», p. 251—252, 255. ¹¹⁵ Каптерев. Царь и соборы, стр. 481 и др. ¹¹⁶ ПСРЛ, т. XIII, стр. 157. ¹¹⁷ Судные списки Максима Грека, стр. 84—85, 138—139; см. также Покровский. Сибирская находка, стр. 138. ¹¹⁸ ПСРЛ, т. XIII, стр. 150. ¹¹⁹ Судные списки Максима Грека, стр. 98—99; см. также статью Н. Н. Покровского в этом издании, стр. 53—54. ¹²⁰ ААЭ, т. I, № 223, стр. 213.

¹²¹ О подобных «соборных писаниях» см. АИ, т. I, № 113; ДАИ, т. I, № 22; Николаевский. Проповедь, стр. 370 и др. ¹²² ГБЛ, ф. 310 В. М. Ундольского, № 1326, л. 78 об. Об этом летописце см. Тихомиров. Краткие заметки, стр. 47—48 (№ 40). ¹²³ Шмидт. Челобитенный приказ, стр. 447—448; его же. Адашев, стр. 42. ¹²⁴ Тихомиров. Земские соборы, стр. 7—8. ¹²⁵ Носов. Собор примирения, стр. 37—39; его же. Изыскания, стр. 45—47. ¹²⁶ ПСРЛ, т. XIII, стр. 157; Татищев. История, т. VI, стр. 167. ¹²⁷ Жданов. Соч., стр. 121; Стефанович. Стоглав, стр. 75—76. ¹²⁸ Макарьевский Стоглавник, стр. 17; Стоглав, стр. 39. ¹²⁹ И. И. Смирнов. Судебник 1550 г. — ИЗ, т. 24. М., 1947, стр. 270, 293; Смирнов. Очерки, стр. 312. ¹³⁰ Судебники, стр. 266—267.

¹³¹ Смирнов. Очерки, стр. 372. ¹³² Макарьевский Стоглавник, стр. 17; Стоглав, стр. 39. ¹³³ ОА, стр. 31 (л. 294 об.). ¹³⁴ Судебники, стр. 182. ¹³⁵ Судебники, стр. 181. ¹³⁶ Пискаревский летописец, стр. 65, 159. ¹³⁷ ДРК, стр. 6; РК, стр. 14; ср. ПСРЛ, т. XIII, стр. 160, 462; т. XX, стр. 477; т. XXIX, стр. 59. ¹³⁸ ПСРЛ, т. XIII, стр. 160—161; ДРК, стр. 144; РК, стр. 127. ¹³⁹ Копанев. Рукопись Татищева, стр. 236—237. ¹⁴⁰ ГБЛ, Румянц. собр. № 257, л. 26 об.; «Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея, составленное Александром Востоковым». СПб., 1842, № CCLVII, стр. 362—363; Валк. Рукописи Татищева, стр. 38.

¹⁴¹ БАН, № 16, 12, 12, л. 154; Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, т. 3, в. 1, изд. 2-е. М.—Л., 1959, стр. 356; Татищев. История, т. VII, стр. 198. ¹⁴² См. также Yukio Ito. A Consideration of the 1550 Sudebnik and the Zemskii Sobor I. — «Memoirs of the Faculty of Liberal Arts and Education». Yamanashi University, 1972, N 22. Febr. ¹⁴³ ПРП, в. 4, стр. 230. ¹⁴⁴ Носов. Собор примирения, стр. 42—43; его же. Изыскания, стр. 50—51. ¹⁴⁵ Шмидт. Соборы, стр. 76. ¹⁴⁶ Копанев. Рукопись Татищева, стр. 237, 235. ¹⁴⁷ Там же, стр. 235; С. Н. Валк. «История Российская» В. Н. Татищева в советской историографии. — Татищев. История, т. VII, стр. 19. ¹⁴⁸ Зимин. Реформы, стр. 350, прим. 2. ¹⁴⁹ Павленко. Земские соборы, стр. 87. ¹⁵⁰ Татищев. История, т. VII, стр. 203.

¹⁵¹ Павленко. Земские соборы, стр. 87, прим. 24. ¹⁵² ПСРЛ, т. XIII, стр. 152, 453; т. XXIX, стр. 51. ¹⁵³ Хронографическая летопись,

стр. 292; см. также Постниковский летописец, стр. 287—288.
¹⁵⁴ ПСРЛ, т. IV, ч. I, в. 3, стр. 621. ¹⁵⁵ Самоквасов. Архивный материал, т. 2, ч. 2, стр. 64. ¹⁵⁶ Покровский. Сибирская находка, стр. 133.
¹⁵⁷ Судные списки Максима Грека, стр. 7 (введение). ¹⁵⁸ ГИМ ОПИ, ф. 440, № 5, л. 449. ¹⁵⁹ Хронографическая летопись, стр. 289; Смирнов. Очерки, стр. 99—100. ¹⁶⁰ ПСРЛ, т. XIII, стр. 443—444.

¹⁶¹ Там же, стр. 145, 444. ¹⁶² Копанев. Рукопись Татищева, стр. 237; Копанев, Маньков, Носов. Очерки, стр. 121, прим. 1. ¹⁶³ Смирнов. Очерки, стр. 311, прим. 6. ¹⁶⁴ Татищев. История, т. VII, стр. 198. ¹⁶⁵ Валк. Рукописи Татищева, стр. 37—38. ¹⁶⁶ См. Смирнов. Очерки, стр. 311, прим. 6. ¹⁶⁷ ГПБ, QXVII, № 50, л. 332 об. — 333; Жданов. Соч., стр. 175; ПРП, в. 4, стр. 576. ¹⁶⁸ ОА, стр. 28 (л. 278 об.). ¹⁶⁹ О Туркове см. А. А. Зимин. Рукописи Евфимия Туркова и письмо Марины Турковой. — «Лингвистическое источниковедение». М., 1963, стр. 136—138. ¹⁷⁰ Н. Кононов. Разбор некоторых вопросов, касающихся Стоглава, разд. IV. Как смотреть на отрывок из Стоглава, на который обратил внимание И. Н. Жданов и который говорит не только о церковных предметах, но и о земских делах. — «Богословский вестник», 1904, т. 4, стр. 697, 699.

¹⁷¹ Веселовский. Феодальное землевладение, стр. 92—93. ¹⁷² Смирнов. Очерки, стр. 301 и др.; Носов. Изыскания, стр. 24 и др. ¹⁷³ E. Louisse. Assemblées représentatives et taxation. — «XII Congrès International des Sciences historiques». Rapport. III Commissions. Vienne, 1965, p. 107—108; Н. А. Денисова-Хачатурян. Социально-политические аспекты начальной истории Генеральных штатов во Франции. — «Европа в средние века: экономика, политика, культура» (сб. статей к 80-летию академика С. Д. Сказкина). М., 1972, стр. 174. ¹⁷⁴ Стефанович. Стоглав, стр. 23, 55. ¹⁷⁵ Смирнов. Очерки. Приложение IV. ¹⁷⁶ Зимин. Реформы, стр. 342—344; Буганов. Разрядные книги, стр. 166. ¹⁷⁷ Носов. Изыскания, стр. 37—43. ¹⁷⁸ А. И. Маркевич. К истории войн Московского государства с Казанью. — «Труды IV Археологического съезда в России», т. II. Казань, 1891, стр. 51. ¹⁷⁹ ЦГАДА, ф. 197, портфель 3, № 27. ¹⁸⁰ ГИМ ОР, Синодал. собр. № 962, л. 234.

¹⁸¹ Моисеева. Валаамская беседа, стр. 65, прим. 73. ¹⁸² Носов. Собор примирения, стр. 36; его же. Изыскания, стр. 43. ¹⁸³ Зимин. Военные реформы, стр. 346; его же. Реформы, стр. 337. ¹⁸⁴ См. Срезневский. Материалы, т. II, стб. 812. ¹⁸⁵ Смирнов. Очерки, стр. 487. ¹⁸⁶ ПСРЛ, т. XIII, стр. 460, 461; Казанская история, стр. 85. ¹⁸⁷ ГПБ, Эрмитаж, собр. № 390, л. 178. ¹⁸⁸ Казанская история, стр. 85. ¹⁸⁹ АЛОИИ, ф. 276, оп. 1, д. 43; Г. З. Кунцевич. Малоизвестные записки о казанских походах 1550 и 1552 гг. — ЖМНП, 1898, июль; его же. Два рассказа о походах царя Ивана Васильевича Грозного под Казань в 1550 и 1552 гг. — Приложение к отчету Общества любителей древней письменности. 1898—1899. СПб., 1900. ¹⁹⁰ ПСРЛ, т. XIII, стр. 460, 461; ДРК, стр. 137; РК, стр. 121—122.

¹⁹¹ ПРП, в. 4, стр. 576—577. ¹⁹² ПСРЛ, т. XIII, стр. 460, 461. ¹⁹³ ДРК, стр. 140; РК, стр. 122; Хронографическая летопись, стр. 298. ¹⁹⁴ Копанев. Рукопись Татищева, стр. 237. ¹⁹⁵ Автократов. Речь Грозного, стр. 269, 278. ¹⁹⁶ Я. С. Лурье. Критика источника и вероятность известия. — «Культура древней Руси». М., 1966, стр. 121. ¹⁹⁷ Д. С. Лихачев. Текстология, стр. 331—332. ¹⁹⁸ ДРВ, ч. XX, стр. 4. ¹⁹⁹ Жданов. Соч., стр. 120. ²⁰⁰ Ключевский. Боярская дума, стр. 259.

²⁰¹ Н. П. Лихачев. Происхождение А. Ф. Адашева — любимца

Ивана Грозного. — «Исторический вестник», 1890, май, стр. 382.
²⁰² ЦГАДА, ф. 197. Акты, собранные Малиновским. Портфель 3, № 29. ²⁰³ Шмидт. Адашев, стр. 36; Зимин. Боярская дума, стр. 66.
²⁰⁴ ЖМНП, 1900, № 3. Перепечатана в книге Платонова «Статьи». СПб., 1903, изд. 2-е, 1912. ²⁰⁵ Васенко. Хрущовский список. ²⁰⁶ Там же, стр. 397—399. ²⁰⁷ Платонов. Статьи, стр. 204. ²⁰⁸ Васенко. Хрущовский список, стр. 399. ²⁰⁹ Бахрушин. Труды, т. II, стр. 80.
²¹⁰ А. А. Введенский. Фальсификация документов в Московском государстве XVI—XVII вв. — ПИ, в. 1. М.—Л., 1933, стр. 101—102; его же. Лекции по документальному источниковедению истории СССР. Киев, 1963, стр. 103.
²¹¹ Шмидт. Челобитенный приказ, стр. 446. ²¹² Автократов. Речь Грозного. ²¹³ Веселовский. Опричнина, стр. 238—254. ²¹⁴ Там же, стр. 254. ²¹⁵ Павленко. Земские соборы, стр. 86. ²¹⁶ Тихомиров. Земские соборы, стр. 4—8. ²¹⁷ С. А. Авалиани. Земские соборы. Одесса, 1910, стр. 101. ²¹⁸ Тихомиров. Земские соборы, стр. 5—6. ²¹⁹ Там же, стр. 6. ²²⁰ См. Шмидт. Лицевые летописи, II, стр. 50.
²²¹ В. А. Александров. Памфлет на род Сухотиных (XVII в.). — ИСССР, 1971, № 3. ²²² П. Долгоруков. Российская родословная книга, ч. III. СПб., 1856, стр. 106, 107. ²²³ В. В. Руммель и В. В. Голубцов. Родословный сборник русских дворянских фамилий, т. II. СПб., 1887, стр. 617. ²²⁴ Ржига. Максим Грек, стр. 117—119; стр. 76—78. ²²⁵ «Пересветов», стр. 168. ²²⁶ Зимин. Пересветов, стр. 286—287. ²²⁷ См. Полосин. Очерки, стр. 198. ²²⁸ П. Н. Берков. Книга Ю. И. Масанова «В мире псевдонимов, анонимов и литературных подделок» и проблемы так называемой «литературной собственности». — В кн.: Ю. И. Масанов. В мире псевдонимов, анонимов и литературных подделок. М., 1963, стр. 26—28. ²²⁹ В. Н. Перетц. Краткий очерк методологии русской литературы. Пг., 1922, стр. 76. ²³⁰ С. О. Шмидт. Предания о чудесах при постройке новгородской ропаты. — «Историко-археологический сборник (к 60-летию А. В. Арциховского)». М., 1962, стр. 320.
²³¹ Смирнов. Очерки, стр. 420; см. Б. Н. Флоря. Кормленные грамоты XV—XVI вв. как исторический источник. — АЕ за 1970 г. М., 1971. ²³² Веселовский. Феодалное землевладение, стр. 318; см. ТКДТ, стр. 5—6 (предисловие А. А. Зимина). ²³³ Смирнов. Очерки, стр. 407—408, прим. 1. ²³⁴ Ключевский. Соч. т. VIII, стр. 28—29. ²³⁵ Макарьевский Стоглавник, стр. 16; Стоглав, стр. 19; ПСРЛ, т. XXXI, стр. 131. ²³⁶ Стефанович. Стоглав, стр. 83—89. ²³⁷ И. Беляев. Наказные списки соборного уложения 1551 г. или Стоглава. М., 1863, стр. 23. ²³⁸ Е. Ф. Карский. Славяно-кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 313. ²³⁹ Шмидт. Адашев, стр. 28. ²⁴⁰ Моисеева. Валаамская беседа, стр. 64, прим. 71.
²⁴¹ Макарьевский Стоглавник, стр. 11, 17; Стоглав, стр. 39—40. ²⁴² Веселовский. Феодалное землевладение, стр. 92; ААЭ, т. I, № 222, 228; Каштанов. Перечень. ²⁴³ ААЭ, т. I, № 227; Макарьевский Стоглавник, стр. 105—107; Б. А. Романов. К вопросу о земельной политике Избранной рады. — ИЗ, т. 36. М., 1951; Смирнов. Очерки, стр. 441—445; Моисеева. Валаамская беседа, стр. 77 и сл. ²⁴⁴ ПСРЛ, т. XIII, стр. 464—465; ДРК, стр. 149; РК, стр. 131. ²⁴⁵ ПСРЛ, т. XIII, стр. 223—224. ²⁴⁶ Носов. Изыскания, стр. 72 и сл. ²⁴⁷ Жданов. Соч., стр. 124; Дьяконов. Очерки, стр. 433; Максимович. Собор 1549 г., стр. 4. ²⁴⁸ Бахрушин. Труды, т. II, стр. 273; Зимин. Пересветов,

стр. 99. ²⁴⁹ ПРП, вып. 4, стр. 576—577, 582—584. ²⁵⁰ Веселовский. Феодальное землевладение, стр. 99, прим. 1.

²⁵¹ Тихомиров. Земские соборы, стр. 8—9. ²⁵² См. Зимин. Пере-
светов, стр. 82. ²⁵³ Хронографическая летопись, стр. 297—298; ПСРЛ,
т. XIII, стр. 153, 460—461; т. XXIX, стр. 58. ²⁵⁴ Тихомиров. Земские
соборы, стр. 9. ²⁵⁵ ГПБ, F, IV, 228, л. 60. ²⁵⁶ Казанская история,
стр. 113—118; ПСРЛ, т. XIX, стр. 99, 379; Кунцевич. Казанский лето-
писец, стр. 403 и др. ²⁵⁷ ПСРЛ, т. XIII, стр. 187—188, 485; т. XXIX,
стр. 178, 179. ²⁵⁸ ПСРЛ, т. XIII, стр. 191, 488—489; т. XXIX, стр. 85.
²⁵⁹ ПСРЛ, т. XIII, стр. 197, 494. ²⁶⁰ Там же, стр. 200—201, 497.

²⁶¹ Там же, стр. 203—204, 499—500. ²⁶² Канtereв. Царь и соборы,
стр. 347—353. ²⁶³ ПСРЛ, т. XIII, стр. 228. ²⁶⁴ См. Г. Б. Гальперин.
Сословно-представительная монархия и опричнина в России. — «Вест-
ник ЛГУ», 1967, № 23. Серия экономики, философии и права, в. 4,
стр. 85. ²⁶⁵ См. Шмидт. Россия XVI в., стр. 112—114; К. Н. Сербина.
Из истории возникновения городов в России XVI в. — «Города фео-
дальной России»; Н. Е. Носов. Русский город в XVI столетии (Эко-
номические тенденции и политика). — «Россия и Италия». ²⁶⁶ Коп-
нев, Маньков, Носов. Очерки, стр. 126. ²⁶⁷ Моисеева. Валаамская бе-
седа, стр. 180. ²⁶⁸ РИБ, т. XXXI, стб. 214, 215, 221. ²⁶⁹ Там же,
стб. 243. ²⁷⁰ ТКДТ, стр. 103, 111.

²⁷¹ ПСРЛ, т. XIII, стр. 167, 168, 169. ²⁷² См. М. Худяков. Очерки
по истории Казанского ханства. Казань, 1923, стр. 130. ²⁷³ См.
H. N. Cam, A. Marongui, G. Stökl. Recent Work and Present Views
on the Origin and Development of Representative Assemblies. — «Re-
lazioni del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche», vol. I,
p. 98 (автор этого раздела статьи — Г. Штёкль). ²⁷⁴ Любавский.
Очерк, стр. 222. О понимании современниками представительства в
Польше XVI в. см. K. Górski. Un Livre sur la Théorie de la Représen-
tation en Pologne au XVI-e Siècle. Bruxelles, 1966 (оттиск), (приведе-
на библиография). ²⁷⁵ Р. Ю. Виппер. Общество, государство и куль-
тура на Западе в XVI в. — «Мир божий», стр. 103—104. ²⁷⁶ ПСРЛ,
т. XXV, стр. 286; Тихомиров. Земские соборы, стр. 8. ²⁷⁷ См. В. Т. Па-
шуто. О мнимой соборности древней Руси. — «Критика буржуазных
концепций истории России периода феодализма». М., 1962. ²⁷⁸ Тихо-
миров. Земские соборы, стр. 9. ²⁷⁹ Канtereв. Царь и соборы, стр. 470.
²⁸⁰ G. Stökl. Der Moskauer Landesversammlung, S. 84.

²⁸¹ В. Л. Янин. Проблемы социальной организации Новгородской
республики. — ИСССР, 1970, № 1, стр. 48—51. ²⁸² Ю. К. Бегунов.
«Слово иное» — новонайденное произведение русской публицистики
XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением церкви. — ТОДРЛ,
т. XX. М.—Л., 1964, стр. 351, 356, 360. ²⁸³ Жданов. Соч., стр. 368.
²⁸⁴ Шмидт. АДД, стр. 14; Зимин. Зарождение соборов, стр. 16—17.
²⁸⁵ Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в. — на-
чало XVII в. М., 1955, стр. 358—359. ²⁸⁶ Заозерский. Земские соборы,
стр. 304. ²⁸⁷ Н. Я. Новомбергский. К вопросу о внешней истории Со-
борного Уложения 1649 года. — ИЗ, т. 21. М., 1947, стр. 43. ²⁸⁸ См.
Леонтьев. Приказы; Шмидт. Дьячество. ²⁸⁹ ПРП, в. 4, стр. 155.
²⁹⁰ Готье. Земские соборы, стр. 60.

²⁹¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 346. ²⁹² И. У. Бу-
довниц. Русская публицистика XVI века. М., 1947, стр. 233—234.
²⁹³ Р. Ю. Виппер. Иван Грозный. М.—Л., 1944, стр. 36—37; ²⁹⁴ Чаев.
«Москва — Третий Рим», стр. 16—17. ²⁹⁵ См. Г. Н. Моисеева. Стар-
шая редакция «Писания» митрополита Макария Ивану IV. — ТОДРЛ,

т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 267—268. ²⁹⁶ Подробнее см. *Шмидт*. К истории соборов, стр. 145—147. ²⁹⁷ *Носов*. Изыскания, гл. IV; см. также рецензию на эту книгу: *С. О. Шмидт*. Россия времени Ивана Грозного. — ИСССР, 1971, № 1. ²⁹⁸ ПСРЛ, т. XIII, стр. 267—269; т. XX, стр. 569—571. ²⁹⁹ *А. А. Зимин*. «Приговор» 1555/56 г. и ликвидация системы кормлений в Русском государстве. — ИСССР, 1958, № 1; *его же*. Реформы, стр. 426—436; см. также *Скрынников*. Начало опричнины, стр. 24—25. ³⁰⁰ См. *Зимин*. Реформы, стр. 431.

³⁰¹ ГИМ, ОР, Синодал. собр. № 962, л. 235. ³⁰² *Арциховский*. Миниатюры, стр. 74. ³⁰³ *Павленко*. Земские соборы, стр. 91. ³⁰⁴ См. также *Носов*. Изыскания, стр. 375—376. ³⁰⁵ Описание рукописи см. *А. Викторов*. Собрание рукописей И. Д. Беляева. М., 1881, стр. 3—4; *Тихомиров*. Краткие заметки, стр. 49—50 (№ 42). ³⁰⁶ ГБЛ, Собр. Беляева № 1510, л. 89 об. — 90 об. ³⁰⁷ См. об этом *Л. М. Сухотин*. Иван Грозный до начала опричнины. — Сб. Русского археологического общества в Югославии, т. III. Белград, 1940, стр. 77—78. ³⁰⁸ РИБ, т. XXXI, стб. 225—226, 237. ³⁰⁹ См. *Зимин*. Реформы, стр. 426—431. ³¹⁰ ДРК, стр. 180, 184; РК, стр. 162—163.

³¹¹ *Зимин*. Реформы, стр. 434, 435. ³¹² См. *А. В. Гончуков*. Земские и губные грамоты как источник по истории классовой борьбы в России середины XVI в. — ТМГИАИ, т. 10. М., 1957, стр. 396—397. ³¹³ ГПБ, F IV, № 228, л. 57 (Морозовский летописец); Q № 732, л. 166 (цитируется в ПРП, в. 4, стр. 390); ГБЛ, Собр. Беляева № 1510, л. 87; там же. Музейное собр. № 9476, л. 85; там же. Музейное собр. № 423, л. 121 об. (рукопись указана мне О. Я. Яковлевой). ³¹⁴ *Д. Н. Альшиц*. Древнерусская повесть про царя Ивана Васильевича и купца Харитона Белоулина. — ТОДРЛ, т. XVII, 1961, стр. 258. ³¹⁵ ПРП, в. 4, стр. 369. ³¹⁶ См. *Н. Е. Носов*. Боярская книга 1556 г. — ТЛОИИ, в. 2; *его же*. Изыскания, гл. IV, § 2; *Буганов*. Разрядные книги, стр. 166 и др. ³¹⁷ *Тихомиров*. Малоизвестные памятники, стр. 91. ³¹⁸ См. *Л. В. Черепнин*. Из истории древнерусского колдовства XVII в. — «Этнография», 1929, № 2, стр. 94—95. ³¹⁹ РИБ, т. XXXI, стб. 277. ³²⁰ См. *Полосин*. Очерки (о процессе 1591 г. по поводу смерти царевича Дмитрия в Угличе).

³²¹ РИБ, т. XXXI, стб. 260. ³²² Там же, стб. 263. ³²³ Там же, стб. 261. ³²⁴ Там же, стб. 262—263. ³²⁵ ПСРЛ, т. XIII, стр. 327—328; т. XXIX, стр. 287; *Тихомиров*. Летописные памятники, стр. 224. ³²⁶ РИБ, т. XXXI, стб. 266. ³²⁷ Там же, стб. 264. ³²⁸ *Веселовский*. Опричнина, стр. 104—108. ³²⁹ РИБ, т. XXXI, стб. 267. ³³⁰ ПИГ, стр. 41, 101.

³³¹ РИБ, т. XXXI, стб. 2. ³³² ГБЛ, ф. Ундольского, № 322, л. 12. ³³³ РИБ, т. XXXI, стб. 270—271, 312. ³³⁴ Там же, стб. 270—271. ³³⁵ *Зимин*. Опричнина, стр. 255. ³³⁶ О поручных записях см. *Веселовский*. Опричнина, стр. 99—101, 123 и др.; *Г. Н. Бибиков*. К вопросу о социальном составе опричнины Ивана Грозного. — Труды ГИМ, в. XIV. М., 1941, стр. 7 и сл. ³³⁷ ПИГ, стр. 41—42, 102. ³³⁸ *Костомаров*. Земские соборы, стр. 329—330. ³³⁹ Там же, стр. 330. ³⁴⁰ *Латкин*. Земские соборы, стр. 80—81.

³⁴¹ *Зимин*. Опричнина, стр. 131. ³⁴² *Скрынников*. Начало опричнины, стр. 239, 240. ³⁴³ Там же, стр. 244. ³⁴⁴ *Павленко*. Земские соборы, стр. 92 (прим. 49). ³⁴⁵ *Костомаров*. Земские соборы, стр. 328. ³⁴⁶ УЗ Ленинград. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1965, т. 278. ³⁴⁷ *Скрынников*. Начало опричнины, стр. 242—244. ³⁴⁸ *Павленко*. Зем-

ские соборы, стр. 91—97, 105. ³⁴⁹ ПСРЛ, т. XXIX, стр. 341. ³⁵⁰ ПСРЛ, т. XIII, стр. 391—392; см. также т. XXIX, стр. 341—342.

³⁵¹ Костомаров. Земские соборы, стр. 330. ³⁵² ПСРЛ, т. XIII, стр. 393. ³⁵³ Там же, стр. 392. ³⁵⁴ Там же, стр. 393—395. ³⁵⁵ РИБ, т. XXXI, стб. 319 (о Пимене), стб. 269 (о Левкии). О Левкии см. В. Б. Кобрин. Две жалованные грамоты Чудову монастырю (XVI в.). — ЗОР ГБЛ, в. 25. М., 1962, стр. 300—301. ³⁵⁶ ГИМ ОР, Синод, № 962, л. 585 об. ³⁵⁷ Альшиц. Грозный и приписки, стр. 258—259. ³⁵⁸ Шмидт. Синодальный список; его же. Лицевые летописи, I, стр. 33—34. ³⁵⁹ ПСРЛ, т. XIII, стр. 393, 394. ³⁶⁰ См. также Зимин. Опричнина, стр. 130; Скрынников. Начало опричнины, стр. 238.

³⁶¹ ПСРЛ, т. XIII, стр. 391. ³⁶² ОА, стр. 37. ³⁶³ ПСРЛ, т. XIII, стр. 395. ³⁶⁴ См. А. А. Зимин. Земский собор 1566 г. — ИЗ, т. 71. М., 1962, стр. 229 и сл. ³⁶⁵ ПСРЛ, т. XIII, стр. 402. ³⁶⁶ Там же, стр. 395. ³⁶⁷ Зимин. Опричнина, стр. 175. ³⁶⁸ ПСРЛ, т. XIII, стр. 391. ³⁶⁹ ОА, стр. 43. ³⁷⁰ Д. С. Лихачев. Литературный этикет, стр. 6.

³⁷¹ СГГид, к. 1, № 192; ПСРЛ, т. XIII, стр. 402—403. ³⁷² ПСРЛ, т. XIV, стр. 50; Пискаревский летописец, стр. 101—102. ³⁷³ О соборе 1598 г. см. Тихомиров. Земские соборы, стр. 19—22; Черепнин. Земские соборы, стр. 102—104; С. П. Мордовина. Характер дворянского представительства на земском соборе 1598 года. — ВИ, 1971, № 2; ее же. АКД. ³⁷⁴ РИЖ. Пг., 1922, кн. 8, стр. 12. ³⁷⁵ Там же, стр. 31—32. ³⁷⁶ См. Скрынников. Начало опричнины, стр. 57. ³⁷⁷ РИЖ, кн. 8, стр. 31—32. ³⁷⁸ Штаден, стр. 86. ³⁷⁹ См. об этом РИЖ, кн. 8, стр. 14. ³⁸⁰ Скрынников. Начало опричнины, стр. 241.

³⁸¹ РИЖ, кн. 8, стр. 33—35. ³⁸² Костомаров. Земские соборы, стр. 329. ³⁸³ См. Полосин. Очерки, стр. 215. ³⁸⁴ РИЖ, кн. 8, стр. 27. ³⁸⁵ ГБЛ, Троицкое собр., № 694, л. 107—107 об. ³⁸⁶ А. А. Зимин. Митрополит Филипп и опричнина. — ВИРА, в. 11. М., 1963, стр. 287. ³⁸⁷ Донесение-дневник Полубенского. — Труды X Археологического съезда в Риге в 1896 г., т. III. М., 1900, стр. 33. ³⁸⁸ См. об этом замечание А. И. Малеина (Шлихтинг, стр. 8). ³⁸⁹ ОА, стр. 37. ³⁹⁰ ЧОИДР, 1915, кн. IV, стр. 237, 238.

³⁹¹ Сб. РИО, т. 71, стр. 324, 466. ³⁹² Полосин. Очерки, стр. 149—150. ³⁹³ ГБЛ, Собр. Беляева, № 1510, л. 112 об. — 113. ³⁹⁴ Пискаревский летописец, стр. 76. ³⁹⁵ См. Садилов. Очерки, стр. 18. ³⁹⁶ ПСРЛ, т. XIII, стр. 393. ³⁹⁷ ОА, стр. 49. ³⁹⁸ Об антикрестьянской направленности политики опричнины см. Полосин. Очерки, стр. 184—185; С. М. Каштанов. К изучению опричнины Ивана Грозного. — ИСССР, 1963, № 2; Зимин. Опричнина, гл. IX. ³⁹⁹ Архив Маркса и Энгельса, т. VIII, стр. 404. ⁴⁰⁰ См. В. Б. Кобрин. Источники для изучения численности и истории формирования опричного двора. — АЕ за 1962 г. М., 1963, стр. 121—122.

⁴⁰¹ См. Пресняков. Московское царство, стр. 63. ⁴⁰² Огородников. О Московии, стр. 14, 40. ⁴⁰³ ААЭ, т. I, № 172, стр. 141. ⁴⁰⁴ ЦГАДА, ф. 123, кн. 9, л. 29. ⁴⁰⁵ Щербатов. О повреждении нравов, стр. 61, 62, 65. ⁴⁰⁶ См. Р. Г. Скрынников. Опричная земельная реформа Грозного 1565 г. — ИЗ, т. 70. М., 1961. ⁴⁰⁷ ПСРЛ, т. XIII, стр. 396. ⁴⁰⁸ Веселовский. Опричнина, стр. 145. ⁴⁰⁹ ПСРЛ, т. XIII, стр. 279. ⁴¹⁰ Садилов. Очерки, стр. 83.

⁴¹¹ Штаден, стр. 110. ⁴¹² Л. М. Сухотин. К пересмотру вопроса об опричнине. Белград, 1940, стр. 129. ⁴¹³ Подробнее см. Шмидт. Дьячество, стр. 188 и др. ⁴¹⁴ См. Зимин. Опричнина, стр. 376. ⁴¹⁵ Платонов. Статьи, стр. 198—200. Подробнее см. Садилов. Очерки. ⁴¹⁶ Ар-

хив Маркса и Энгельса, т. IX, стр. 111. ⁴¹⁷ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 356. ⁴¹⁸ Тихомиров. Россия XVI ст., стр. 59. ⁴¹⁹ Об этой грамоте см. С. М. Каштанов. К изучению опричнины Ивана Грозного. — ИСССР, 1963, № 2, стр. 112. ⁴²⁰ Шлихтинг, стр. 17—18.

⁴²¹ Скрынников. Начало опричнины, стр. 242. ⁴²² Пискаревский летописец, стр. 76. ⁴²³ Н. Яницкий. Экономический кризис в Новгородской земле XVI века. Киев, 1915, стр. 35; А. А. Зимин. Хозяйственный кризис 60—70-х годов XVI века и русское крестьянство. — «Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР», сб. 5. М., 1962; Г. Б. Гальперин. Сословно-представительная монархия и опричнина в России. — «Вестник ЛГУ», 1967, № 23. Серия экономики, философии и права, в. 4, стр. 89. ⁴²⁴ ПСРЛ, т. XIII, стр. 382, 383, 386, 387. ⁴²⁵ М. Н. Тихомиров. Новый материал об Иване Грозном. — ТОДРЛ, т. XIV. ⁴²⁶ ПСРЛ, т. XIII, стр. 385—386, 396. ⁴²⁷ Там же, стр. 385. ⁴²⁸ Там же, стр. 388. ⁴²⁹ ДРК, стр. 250—251; РК, стр. 210—211; ПСРЛ, т. XIII, стр. 389; там же, т. XXIX, стр. 339—340; см. также Веселовский. Землевладельцы, стр. 260. ⁴³⁰ Скрынников. Письма Курбского. — ТОДРЛ, т. XVIII, стр. 107 и сл.

⁴³¹ Е. С. Сизов. Датировка росписи Архангельского собора Московского Кремля и историческая основа некоторых ее сюжетов. — «Древнерусское искусство. Искусство XVII века». М.—Л., 1964, стр. 160—174; *его же*. Русские исторические деятели в росписях Архангельского собора и памятники письменности XVI в. — ТОДРЛ, т. XXII. ⁴³² ПСРЛ, т. XIII, стр. 383. ⁴³³ ПИГ, стр. 13. ⁴³⁴ ПСРЛ, т. XIII, стр. 390. ⁴³⁵ Шмидт. Заметки, стр. 261—262. ⁴³⁶ См. Ключевский. Боярская дума, стр. 524; *его же*. Соч., т. 2, стр. 170; Зимин. Опричнина, стр. 120—122; Скрынников. Начало опричнины, стр. 218. ⁴³⁷ Сб. РИО, т. 71, стр. 467—468. ⁴³⁸ ПИГ, стр. 276. ⁴³⁹ Веселовский. Опричнина, стр. 55. ⁴⁴⁰ Зимин. Опричнина, стр. 130 (прим. 1).

⁴⁴¹ Павленко. Земские соборы, стр. 92 (прим. 52). ⁴⁴² Штаден, стр. 85 (*Heinrich von Staden. Aufzeichnungen über der Moskauer Staat. Herausgeg von Fr. Epstein. 2 Auflage. Hamburg, 1964, S. 22*). ⁴⁴³ ГПБ, F IV, № 631, л. 6; Шмидт. К истории соборов, стр. 142—143. ⁴⁴⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 45. См. также Р. Г. Скрынников. Опричный террор. Л., 1969, стр. 160; Д. С. Лихачев. Канон и молитва Ангелу Грозному воеводе Парфения Уродивого (Ивана Грозного). — «Рукописное наследие древней Руси» (по материалам Пушкинского Дома). Л., 1972, стр. 20, прим. 30. ⁴⁴⁵ См. Черепнин. Земские соборы, стр. 98—99. ⁴⁴⁶ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 346. ⁴⁴⁷ См. Н. М. Дружинин. О периодизации истории капиталистических отношений в России. — ВИ, 1951, № 1, стр. 68—69; Смирнов. Очерки, стр. 262; Шмидт. Соборы, стр. 85; Р. Г. Скрынников. Самодержавие и опричнина. — ТЛОИИ, в. 8, стр. 90; А. Я. Аврех. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России. — ИСССР, 1968, № 2, стр. 89; М. П. Павлова-Сильванская. К вопросу об особенностях абсолютизма в России. — ИСССР, 1968, № 4, стр. 75; А. М. Сахаров. Российское государство, стр. 95; Возражения по этому поводу см. в статье: А. А. Зимин. Ленин о «московском царстве», стр. 289—291. ⁴⁴⁸ Зимин. Опричнина, стр. 364 и сл. ⁴⁴⁹ Л. В. Черепнин. Предисловие к изд. ПРП, в. IV, стр. 12. ⁴⁵⁰ См. Смирнов. Очерки, стр. 157; Шмидт. Адашев, стр. 39 и сл.; *его же*. Дьячество; см. также L. Tchérépnine. La réorganisation de l'appareil d'État durant la période de la centralisation politique de

la Russie fin du XV-e et début du XVI-e siècles. — «Annali della Fondazione italiana per la storia amministrativa». Milano, vol. I, 1964; Леонтьев. Приказы; Зимин. Дьяки.

⁴⁵¹ ПСРЛ, т. XIII, стр. 237. ⁴⁵² Штаден, стр. 78—85; Леонтьев. Приказы, стр. 32. ⁴⁵³ Шмидт. Царский архив, стр. 394—397. О деятельности Висковатого см. Леонтьев. Приказы, стр. 146 и сл.; Н. Е. Андреев. Об авторе приписок в лицевых сводах Грозного. — ТОДРЛ, т. XVIII. М.—Л., 1962. ⁴⁵⁴ Местнический справочник, стр. 66 (генеалогический памфлет XVII в. о роде Сукиных). Подробнее см. Шмидт. Дьячество, стр. 185 и сл. См. также Н. П. Лихачев. Родственные связи княжеских фамилий с семьями дьяков. — Изв. Русского генеалогического общества, в. 1. СПб., 1900; Д. Ф. Кобеко. Дьяки Щелкаловы. СПб., 1908. ⁴⁵⁵ ПИГ, стр. 537; РИБ, т. XXXI, стр. 221, 490; см. Смирнов. Очерки, стр. 261. ⁴⁵⁶ Ср. *Hélène Michaud*. La Grande Chancellerie et les écritures royales au XVI-e siècle. Paris, 1967; см. также А. Lefranc. La vie quotidienne au temps de la Renaissance. Paris, 1938, p. 36, 59. ⁴⁵⁷ См. Шмидт. Царский архив, стр. 393—397; его же. К истории составления описей Царского архива XVI века, — АЕ за 1958 г. М., 1960. О термине «печатник» см. Ф. П. Сергеев. Русская дипломатическая терминология XI—XVII вв. Кишинев, 1971, стр. 103. ⁴⁵⁸ ЦГАДА, ф. 135, № 252; СГГид, ч. I, № 200. ⁴⁵⁹ Зимин, Опричина, стр. 131, 255. ⁴⁶⁰ Заозерский. Земские соборы, стр. 306, 308; Веселовский. Феодалное землевладение, стр. 99; см. также М. Szeftel. La participation des Assemblées populaires dans le Gouvernement central de la Russie depuis l'époque kiévienne jusqu'à la fin du XVIII-e siècle. — «Recueils de la Société Jean Bodin pour l'Histoire comparative des Institutions», v. XXV, p. 348.

⁴⁶¹ ЦГАДА, ф. 135, № 239; Шмидт. К истории соборов, стр. 147, 148. ⁴⁶² Мордовина, АКД. ⁴⁶³ Заозерский. Земские соборы, стр. 308—309. ⁴⁶⁴ Судебники, стр. 188. ⁴⁶⁵ Акты Московского государства, т. I. СПб., 1890, стр. 2—5. ⁴⁶⁶ Соловьев. История, кн. IV, стр. 210—211. ⁴⁶⁷ Павленко. Земские соборы, стр. 88, прим. 31. ⁴⁶⁸ Буганов, Корецкий. Летописец, стр. 135, 155. ⁴⁶⁹ ЦГАДА, ф. 79, кн. 14, л. 187—187 об.; ЦГИАУ, ф. 795, № 160, л. 33 об. ⁴⁷⁰ Тихомиров. Земские соборы, стр. 16.

⁴⁷¹ ЦГАДА, ф. 138, оп. 3, № 2, л. 668 об. ⁴⁷² Там же, л. 494 об. ⁴⁷³ Заозерский. Земские соборы, стр. 319, 335. ⁴⁷⁴ См. также М. Т. Белявский. Классы и сословия феодального общества в России в свете ленинского наследия. — «Вестник МГУ», 1970, № 2, стр. 70. ⁴⁷⁵ Горсей, стр. 31; Флетчер, стр. 50; Середонин. Флетчер, стр. 76. ⁴⁷⁶ ОА, стр. 49. ⁴⁷⁷ ПИГ, стр. 142. ⁴⁷⁸ Смирнов. Восстание Болотникова, стр. 83. ⁴⁷⁹ Кунцевич. Сказание о Макарии, стр. 23. ⁴⁸⁰ К. С. Аксаков. Соч., т. I. М., 1861, стр. 164—166. См. об этом Полосин. Очерки, стр. 205—206.

⁴⁸¹ Шлихтинг, стр. 46. ⁴⁸² В. К. Соколова. Русские исторические предания. М., 1970, стр. 55—63. ⁴⁸³ См. В. В. Мавродин. Некоторые вопросы эволюции русского самодержавия в XVII—XVIII вв. — «Вопросы генезиса капитализма в России» (сб. статей). Л., 1960, стр. 79. ⁴⁸⁴ «Вперед» и «Пролетарий», стр. 6. ⁴⁸⁵ См. Ленинский сборник XXVI, стр. 337; см. также Шмидт. Ленин о государственном строе России, стр. 340—345. ⁴⁸⁶ Пушкин. ПСС, стр. 1282. ⁴⁸⁷ Б. А. Каменецкий. Формирование абсолютистской идеологии в Англии XVI века и ее особенности. — ВИ, 1969, № 8, стр. 84; В. В. Штокмар. Идеология английского абсолютизма в письмах Елизаветы Тюдор. — УЗ

ЛГУ. Серия ист. наук, в. 17, 1950; см. также А. Н. Сахаров. Исторические факторы образования русского абсолютизма. — ИСССР, 1971, № 1, стр. 114. ⁴⁸⁸ Черепнин. Земские соборы, стр. 133. ⁴⁸⁹ Советско-итальянская конференция, стр. 250—251.

Местничество и абсолютизм (постановка вопроса)

¹ А. Н. Савин. Местничество при дворе Людовика XIV. — Сб. Ключевскому, стр. 285. ² См. Е. А. Василевская. Терминология местничества и родства. — ТМГИАИ, т. 2. М., 1946. ³ Подробный обзор источников и литературы XVIII—XIX вв. о местничестве см. Маркевич. О местничестве. Труды самого А. И. Маркевича о местничестве перечислены в составленном им списке своих работ, приложенном к очерку И. А. Линниченко «А. И. Маркевич. Биографические воспоминания и список трудов». Одесса, 1904, стр. 25, 32—33. ⁴ Маркевич. История местничества, стр. 587 и др. ⁵ ЖМНП, 1879, № 8. ⁶ Сб. Ключевскому, стр. 277—279. ⁷ Н. И. Костомаров. Собр. соч., т. XII. СПб., 1905, стр. 62 (статья «Начало единодержавия в древней Руси»). ⁸ Ключевский. Соч., т. II, стр. 144, 151—152, 154—156. ⁹ См., напр., Смирнов. Очерки, стр. 399—400. ¹⁰ Веселовский. Землевладельцы (Очерк «Характеристика источников»); «Труды X Археологического съезда в Риге. 1896», т. III. М., 1900, стр. 101.

¹¹ Пушкин. ПСС, стр. 1363. ¹² РИС, т. II. М., 1838, стр. 27. ¹³ Ключевский. Соч., т. II, стр. 153; Дьяконов. Очерки, стр. 296; Веселовский. Землевладельцы, стр. 22 и др.; А. А. Зимин. Источники по истории местничества в XV — первой трети XVI в. — АЕ за 1968 г. М., 1970 (приведены библиографические данные). ¹⁴ См. А. И. Маркевич. Что такое местничество? — ЖМНП, 1879, № 8, стр. 267—268; его же. История местничества, стр. 207; Ключевский. Соч., т. II, стр. 152 и другие работы. ¹⁵ Ключевский. Соч., т. VI, стр. 382. ¹⁶ Литература вопроса указана в изд. АСЭИ, т. III, стр. 335—338 (комментарий И. А. Голубцова). ¹⁷ См. Пресняков. Московское царство, стр. 56 (со ссылкой на мнение В. О. Ключевского). ¹⁸ Огородников. О Московии, стр. 14, 40. ¹⁹ См. Полосин. Очерки, стр. 126. ²⁰ Маркевич. История местничества, стр. 552.

²¹ См. Савва. Московские цари, гл. VII. ²² Маркевич. История местничества, стр. 104 и сл. ²³ Там же, стр. 607; его же. О местничестве, стр. 735. ²⁴ Путешествия послов, стр. 77. ²⁵ См. Н. А. Смирнов. Очерки истории изучения ислама в СССР. М., 1954, стр. 18. ²⁶ А. Крымский. История Туреччины. Київ, 1924, стр. 217—218. ²⁷ Вл. Гордлевский. Государство Сельджукидов Малой Азии. М.—Л., 1941, стр. 74—75, 79, 80, 159. ²⁸ Там же, стр. 89. ²⁹ В. А. Гордлевский. Избр. соч., т. IV. М., 1968, стр. 67. ³⁰ Там же, стр. 64.

³¹ Там же, стр. 56; W. Lamansky. Les Secrets d'état de Venise et les relations de la république à la fin du XV et au XVI siècle avec les grecs, les slaves et les turcs. Spb, 1883, p. 100. ³² В. А. Гордлевский. Избр. соч., т. IV, стр. 69. ³³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 387. ³⁴ В. Г. Белинский. ПСС, т. VII. М., 1955, стр. 57. ³⁵ «Литературное наследство», т. 39—40. М., 1940, стр. 317. ³⁶ Лаппо. Великое княжество Литовское, стр. 234—236; Ф. И. Леонтович. Правоспособность литовско-русской шляхты. — ЖМНП, 1908, № 3—5; М. К. Любавский. О распределении владений и об отношениях между вели-

кими и другими князьями Гедиминова рода в XIV—XV вв. М., 1901; *его же*. К вопросу об организации политических прав православных князей, панов и шляхты в Великом княжестве Литовском до Люблинской унии. — Сб. Ключевскому; *его же*. Очерк, стр. 63—64 и др. ³⁷ *Маркевич*. История местничества, стр. 110, прим. 2. ³⁸ АИ, т. I, № 110; *G. Alef*. The Crisis of the Muscovite aristocracy; a factor in the Growth of Monarchical power — «Forschungen zur Osteuropäischen Geschichte». В. 15. Berlin, 1970, S. 54. ³⁹ АЗР, т. I, № 192, стр. 246. ⁴⁰ ПИГ, стр. 266, 272.

⁴¹ Сб. РИО, т. 71, стр. 806. ⁴² Там же, стр. 468. ⁴³ ЦГАДА, ф. 79, № 11, л. 55 об. — 56 (1579 г.). ⁴⁴ Сб. РИО, т. 59, стр. 452—453. ⁴⁵ ПИГ, стр. 245. ⁴⁶ Там же, стр. 263. ⁴⁷ Там же, стр. 244—245. ⁴⁸ Там же, стр. 253, 672. ⁴⁹ Там же, стр. 247, 255. ⁵⁰ Там же, стр. 247. ⁵¹ Там же, стр. 273. ⁵² Там же, стр. 260—261, 243—246. ⁵³ АЛОИИ, ф. 276, оп. 1, № 171, л. 109—116. ⁵⁴ АЗР, т. IV, № 210, стр. 495. ⁵⁵ Подробнее см. *Тихомиров*. Россия XVI ст., гл. III. ⁵⁶ См. *Пресняков*. Московское царство, стр. 60—61. ⁵⁷ Пискаревский летописец, стр. 53. ⁵⁸ ГПБ, Собр. Софийской библ., № 1516, л. 264. ⁵⁹ ОА (ящик 175), стр. 35. ⁶⁰ *Буганов, Корецкий*. Летописец, стр. 152; ДРВ, ч. VII. М., 1788, стр. 116; *Мордовина*. АКД, стр. 18—19.

⁶¹ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 410—411. ⁶² Там же, стр. 406. ⁶³ *М. Д. Хмыров*. Местничество и разряды. СПб., 1862, стр. 18. ⁶⁴ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 411. ⁶⁵ См. *Забелин*. Домашний быт, стр. 259; *Маркевич*. О местничестве, стр. 885. ⁶⁶ *Зимин*. Реформы, стр. 167. ⁶⁷ См. именные указатели разрядных книг в изданиях ДРК и РК. ⁶⁸ *А. С. Лаппо-Данилевский*. Русская история. Литограф. курс. СПб., 1895, стр. 324; ЛО ААН, ф. 113, оп. 1, № 261. ⁶⁹ См. *Маркевич*. История местничества, стр. 439—440. ⁷⁰ См. *Шмидт*. Россия XVI в., стр. 127—128.

⁷¹ См. *В. Б. Кобрин*. К истории местничества в XVI в. — ИА, 1960, № 1. ⁷² *Мордовина*. АКД, стр. 16. ⁷³ См. *Н. П. Лихачев*. Дьяки (приложения), стр. 16. ⁷⁴ Там же, стр. 94; «Временник МОИДР», кн. 10, стр. 90. ⁷⁵ *Н. П. Лихачев*. Дьяки (приложения), стр. 16. ⁷⁶ РИС, т. II, стр. 308—310. ⁷⁷ *Котошихин*, стр. 23. ⁷⁸ *Н. П. Лихачев*. Дьяки, стр. 388. ⁷⁹ *Маркевич*. История местничества, стр. 195. ⁸⁰ *Веселовский*. Феодальное землевладение, стр. 23.

⁸¹ *В. Н. Бочков*. «Легенды» о выезде дворянских родов. — АЕ за 1969 г. М., 1971, стр. 77; см. также *А. А. Зимин*. Иван Грозный и Симеон Бекбулатович в 1575 г. — «Из истории Татарии», сб. IV. Казань, 1970, стр. 142 и сл. ⁸² *Н. П. Лихачев*. Дьяки, стр. 374. ⁸³ РИС, т. II, стр. 41, 118. ⁸⁴ *М. М. Щербатов*. История Российская, т. V, ч. 3. СПб., 1858, стр. 223. ⁸⁵ *Котошихин*, стр. 27. ⁸⁶ *С. В. Рождественский*. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб., 1897, стр. 225. ⁸⁷ См. об этом *Н. П. Павлов-Сильванский*. Соч., т. I. СПб., 1909, стр. 134. ⁸⁸ РИС, т. II, стр. 269; *Буганов*. Разрядные книги, стр. 118. ⁸⁹ Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Изд. А. Федотов-Чеховский, т. I. Киев, 1860, № 94, стр. 285. ⁹⁰ См. *Веселовский*. Синодик опальных царя Ивана как исторический источник. — ПИ, в. III. М.—Л., 1940, стр. 323.

⁹¹ РИБ, т. XXXI, стб. 183. ⁹² ИА, 1960, № 1, стр. 216. ⁹³ РИС, т. II, стр. 286, 344; *Маркевич*. О местничестве, стр. 477; *его же*. История местничества, стр. 255—256. ⁹⁴ *Маркевич*. О местничестве, стр. 468. ⁹⁵ См. *Яковлев*. Холопство, стр. 315. ⁹⁶ Местнический справочник, стр. 1. ⁹⁷ Судебник царя и великого князя Ивана Васильевича. СПб.,

1768, стр. 129. ⁹⁸ Пушкин. ПСС, стр. 1356. ⁹⁹ Смирнов. Очерки, стр. 402. ¹⁰⁰ См. Ключевский. Соч., т. II, стр. 151.

¹⁰¹ Н. П. Лихачев. Дьяки, стр. 349—350; *его же*. Государев родословец и род Адашевых. СПб., 1897, стр. 7—8. ¹⁰² Веселовский. Землевладельцы, стр. 9—10. ¹⁰³ Там же, стр. 33. ¹⁰⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 413. ¹⁰⁵ См., напр., Пискаревский летописец, стр. 76. ¹⁰⁶ Сб. РИО, т. 71, стр. 409. ¹⁰⁷ ААЭ, т. 1, № 220 (в документе, датированном 20 июля 1548 г.). ¹⁰⁸ ДАИ, т. I, стр. 54. ¹⁰⁹ «Пересветов», стр. 159, 174, 178. ¹¹⁰ Сб. РИО, т. 71, стр. 112.

¹¹¹ I. Huizinga. Le déclin du Moyen age. Paris, 1961 (гл. IV, VII). ¹¹² Носов. Изыскания, стр. 419—420. ¹¹³ Буганов. Разрядные книги, стр. 118. ¹¹⁴ Н. П. Лихачев. Местнические дела 1563—1605 гг. СПб., 104, стр. 51. ¹¹⁵ Сб. РИО, т. 71, стр. 471. ¹¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 407. ¹¹⁷ См. статью Н. А. Казаковой «Европейской страны короли». — ТЛОИИ, в. 7, стр. 418—426. ¹¹⁸ АЛОИИ, ф. 276, оп. 1, № 171, л. 108. ¹¹⁹ М. Д. Каган. Повесть о двух посольствах. — «Пересветов», стр. 360—361. ¹²⁰ Сб. РИО, т. 38, стр. 337; В. А. Коляда. Заметки о статейных списках русских посольств в Англии XVI — начала XVII в. — Конференция МГИАИ, в. 1, стр. 80.

¹²¹ Сб. РИО, т. 71, стр. 415. ¹²² ПИГ, стр. 194. ¹²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 403. ¹²⁴ Ключевский. Соч., т. VIII, стр. 300. ¹²⁵ ПИГ, стр. 263. ¹²⁶ Ключевский. Соч., т. VIII, стр. 298. ¹²⁷ Д. С. Лихачев. Человек в литературе, гл. 6; *его же*. Литературный этикет. ¹²⁸ А. Я. Гуревич. Социальная психология и история. Источниковедческий аспект. — «Источниковедение», стр. 424—425. ¹²⁹ Ю. М. Лотман. Статьи по типологии культуры. Тарту, 1970, стр. 20. ¹³⁰ Пушкин. ПСС, стр. 1160—1161.

¹³¹ См. В. И. Буганов. Послание Ивана Грозного 1573 г. — ИА, 1962, № 3, стр. 223; ср. Маркевич. История местничества, стр. 419. ¹³² СГГиД, ч. II, № 141, стр. 299. ¹³³ РИБ, т. XXXI, стлб. 281. ¹³⁴ Скрынников. Начало опричнины, стр. 241. ¹³⁵ АЗР, т. II, стр. 341, 343; И. Б. Греков. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963, стр. 290. ¹³⁶ Ж. и К. Виллар. Формирование французской нации (X — начало XIX в.). Пер. с франц. М., 1957, стр. 89—90; R. Mandrou. La France aux XVII^e et XVIII^e siècles. Paris, 1967, p. 148—149. ¹³⁷ ПИГ, стр. 10, 54. ¹³⁸ Там же, стр. 209. ¹³⁹ Там же, стр. 210; Шмидт. Заметки, стр. 258. ¹⁴⁰ Середонин. Флетчер, стр. 83.

¹⁴¹ Шмидт. Документы XVI в., стр. 155. ¹⁴² См. М. А. Дьяконов. Власть московских государей. СПб., 1889, гл. 5; Савва. Московские цари, гл. IV, VII; Чаев. «Москва — Третий Рим», стр. 14—15; Н. Schaefer. Moskau das dritte Rom. Hamburg, 1929; Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955, стр. 136 и др. ¹⁴³ Н. В. Шелгунов. Соч., т. 1. СПб., стр. 288, 292. ¹⁴⁴ Сб. РИО, т. 71, стр. 110. ¹⁴⁵ Флетчер, стр. 30. ¹⁴⁶ См. А. Е. Пресняков. Московское государство XVI—XVII веков. — «Книга для чтения по истории народов СССР» (т. I), ред. В. Викторов и А. Пресняков. Харьков, 1930, стр. 33. ¹⁴⁷ ПИГ, стр. 270. ¹⁴⁸ Ключевский. Соч., т. VI, стр. 370. ¹⁴⁹ Шлихтинг, стр. 23. ¹⁵⁰ ГПБ, Эрмитажное собр. № 390, л. 326 об. ¹⁵¹ РИС, т. II, стр. 20, 309; Маркевич. История местничества, стр. 437—438, 464. ¹⁵² См. С. К. Богоявленский. Допрос царем Иоанном Грозным русских пленников, вышедших из Крыма. — ЧОИДР, 1912, кн. 4. ¹⁵³ Садилов. Очерки, стр. 534; ПИГ, стр. 567. ¹⁵⁴ А. И. Гер-

цен. Собр. соч. в 30-ти томах, т. VII. М., 1956, стр. 192. ¹⁵⁵ См. *Зимин*. Военные реформы; *Смирнов*. Очерки, стр. 399—406, 489—495. ¹⁵⁶ *Д. Н. Альшиц*. Разрядная книга московских государей XVI в. — ПИ, в. VI. М., 1958, стр. 135—136. ¹⁵⁷ *Маркевич*. История местничества, стр. 355. ¹⁵⁸ *Садилов*. Очерки, стр. 76. ¹⁵⁹ *Кобрин*. Опричный двор, стр. 76. ¹⁶⁰ «Синбирский сборник». М., 1845, стр. 81; *Садилов*. Очерки, стр. 76.

¹⁶¹ РИС, т. II, стр. 116; т. V, стр. 66; *Кобрин*. Опричный двор, стр. 32. ¹⁶² ОА, стр. 43 (ящик 223). ¹⁶³ Челобитье Вас. Зюзина на Фед. Нагова. РИС, сб. V; *С. М. Соловьев*. О местничестве. — «Московский сборник», 1847, стр. 273. ¹⁶⁴ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 153. ¹⁶⁵ *Котошихин*, стр. 23. ¹⁶⁶ *Маркевич*. История местничества, стр. 309 и др.; *Ключевский*. Соч., т. VIII, стр. 54. ¹⁶⁷ «Дворцовые разряды», т. I. СПб., 1850, стр. 109—115; *А. П. Барсуков*. Род Шереметевых, кн. 2. СПб., 1882, стр. 355—356. ¹⁶⁸ СГГид, ч. II, № 199, 200, стр. 394—402. ¹⁶⁹ *В. И. Малышев*. Новый список «Слова Даниила Заточника». — ТОДРЛ, т. VI, стр. 194, 196. ¹⁷⁰ Подробнее см *А. А. Новосельский*. Правящие группы в служилом «городе» XVII в. — УЗ РАНИОН, т. 5. М., 1928, стр. 315—335.

¹⁷¹ *Маркевич*. История местничества, стр. 506—507; см. *его же*. О местничестве, стр. 34—40. ¹⁷² *Ключевский*. Боярская дума, гл. X. ¹⁷³ См. *Дж. М. Тревельян*. Социальная история Англии (пер. с англ.). М., 1959, стр. 146; *R. Mandrou*. Introduction, p. 148 и сл. ¹⁷⁴ См. *Веселовский*. Землевладельцы, стр. 13. ¹⁷⁵ ГИМ, ОР, собр. Уварова, № 1514, л. 218 об.; АЛОИИ, ф. 131, оп. 1, № 22, стр. 93. См. примеры у *С. Б. Веселовского* в кн. «Землевладельцы», стр. 13—14. ¹⁷⁶ ГПБ, Эрмитажное собр., № 392. ¹⁷⁷ *Н. П. Лихачев*. Дьяки, стр. 96—97, прим. 2. ¹⁷⁸ ГИМ, ОР, собр. Уварова, № 593. См. Описание П. М. Строева (собр. И. Н. Царского, № 715) и Леонида. ¹⁷⁹ *Котошихин*, стр. 43—47. ¹⁸⁰ Там же, стр. 6.

¹⁸¹ *Забелин*. Домашний быт. ¹⁸² СГГид, ч. IV, № 130. ¹⁸³ *Веселовский*. Опричина, стр. 243. ¹⁸⁴ *Чернов*. Вооруженные силы Русского государства в XV—XVI вв. М., 1954, стр. 193. ¹⁸⁵ *Маркевич*. О местничестве, гл. 1. ¹⁸⁶ СГГид, ч. IV, № 152, стр. 461. ¹⁸⁷ *Веселовский*. Землевладельцы, стр. 14. ¹⁸⁸ *Е. Е. Замысловский*. Царствование Федора Алексеевича. СПб., 1873, стр. XII; *Ключевский*. Боярская дума, стр. 525. ¹⁸⁹ См. *Зимин*. Боярская дума, стр. 41. ¹⁹⁰ Опубликовано *М. А. Оболенским* в «Архиве Историко-юридических сведений», изд. Н. В. Калачовым, т. I. СПб., 1850, отд. 2.

¹⁹¹ *Маркевич*. О местничестве, стр. 707—708. ¹⁹² *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 121. ¹⁹³ *Маркевич*. О местничестве, стр. 73 и сл. ¹⁹⁴ *Н. Г. Устрялов*. История Петра Великого, т. VI. СПб., 1858, стр. 492; *Маркевич*. О местничестве, стр. 124. ¹⁹⁵ *С. В. Вознесенский*. Дворянская реакция после смерти Петра Великого. — «Русское прошлое», сб. 2. Пг., 1923, стр. 31. ¹⁹⁶ Архив кн. Ф. А. Куракина, т. IV. Саратов, 1893, стр. 116. ¹⁹⁷ *А. С. Пушкин*. ПСС, в девяти томах, т. IX. М., 1937, стр. 698. ¹⁹⁸ *Соловьев*. История, т. X, стр. 211. ¹⁹⁹ «Русская поэзия». Под ред. С. А. Венгерова, т. I, в. 1. СПб., 1897, стр. 22, 24. ²⁰⁰ *Г. А. Гуковский*. Русская литература XVIII в. М., 1939, стр. 53. ²⁰¹ АЛОИИ, ф. 36, оп. 1, д. 445, л. 51 об. — 52. ²⁰² *Шербаков*. О повреждении нравов, стр. 44 и сл. ²⁰³ *М. В. Ломоносов*. ПСС, т. 8. М.—Л., 1959, стр. 349. ²⁰⁴ *Б. Б. Кафенгауз*. А. Н. Радищев об истории России. — УЗ МГУ, в. 156. М., 1952, стр. 73. ²⁰⁵ *А. С. Пушкин*. ПСС в 9-ти томах, т. IX. М., 1937, стр. 700. ²⁰⁶ *Б. В. Томашевский*.

Историзм Пушкина. — УЗ ЛГУ № 173. Л., 1954, стр. 77 и сл. ²⁰⁷ *Пушкин*. ПСС, стр. 1362 (пер. с франц.). ²⁰⁸ *Пушкин*. ПСС, стр. 1293. ²⁰⁹ Архив кн. Ф. А. Куракина, т. I. Саратов, 1890, стр. 64.

Послесловие

¹ Б. Ф. Поршнев. Мыслима ли история одной страны? — «Историческая наука и некоторые проблемы современности». Сб. статей. М., 1969. ² А. А. Губер. Выступление при обсуждении доклада Б. Ф. Поршнева. — Там же, стр. 321. ³ Подробнее см. С. О. Шмидт. К изучению аграрной истории России XVI века. — ВИ, 1968, № 5, стр. 27—28. ⁴ См. Л. В. Данилова. Исторические условия развития русской народности в период образования и укрепления централизованного государства в России. — «Вопросы формирования русской народности и нации». Сб. статей. М., 1958, стр. 136—138; Н. М. Дружинин. Социально-экономические условия образования русской буржуазной нации. — Там же, стр. 196. ⁵ См. С. Д. Сказкин. Выступление на симпозиуме по аграрной истории Восточной Европы. — ЕАИ за 1958 г., стр. 142; И. Г. Рознер. Антифеодальные государственные образования в России и на Украине XVI—XVIII вв. — ВИ, 1970, № 8. ⁶ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 326. ⁷ См. Е. С. Компан. В. И. Ленин о классах, сословиях и классовой борьбе в феодальном обществе. — «В. И. Ленин и историческая наука»; М. Т. Белявский. Классы и сословия феодального общества в России в свете ленинского наследия. — «Вестник МГУ», 1970, № 2. ⁸ М. Н. Тихомиров. Отзыв на докторскую диссертацию М. Т. Белявского «Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева». — С. О. Шмидт. Памяти учителя (материалы к научной биографии М. Н. Тихомирова). — АЕ за 1965 г. М., 1966, стр. 22. ⁹ С. Д. Сказкин. Основные проблемы так называемого «второго издания крепостничества» в Средней и Восточной Европе. — ВИ, 1958, № 2, стр. 97. ¹⁰ Подробнее см. Шмидт. Дьячество.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 57. ¹² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 252. ¹³ «Россия и Италия», стр. 9—68, 264—354. ¹⁴ Mandrou. Introduction. ¹⁵ F. Braudel. La Méditerranée et le Monde Méditerranéen à l'époque de Philippe II, vol. II. Paris, 1966, p. 29 и сл. (приведены библиографические данные); см. также М. Беренго и Ф. Диас. Дворянство и администрация в Италии в эпоху Ренессанса. Формирование современной бюрократии. Доклад на XIII Всемирном конгрессе историков (в Москве). М., 1970. ¹⁶ R. Doucet. Les institutions de la France au XVI-e siècle, vol. I—II. Paris, 1948 (приведены библиографические данные); Helene Michaud. La Grande Chancellerie et les écritures royales au XVI-e siècle. Paris, 1967. ¹⁷ См. дискуссионные материалы об абсолютизме: обсуждение темы «Абсолютизм в Западной Европе и России». — «Советско-итальянская конференция»; А. Н. Чистозвонов. Некоторые аспекты генезиса абсолютизма. — ВИ, 1968, № 5; материалы дискуссии об абсолютизме в России. — ИСССР, 1968, № 2, 4, 5; 1969, № 1, 3, 6; 1970, № 1, 4; 1971, № 1, 2, 3, 4; 1972, № 4. ¹⁸ См. ст. «Абсолютизм» в 1-м изд. БСЭ (автор — М. Н. Покровский). ¹⁹ Л. В. Черепнин. К вопросу о складывании абсолютной монархии в России XVI—XVIII вв. — «Советско-итальянская конференция», стр. 17. ²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 387.

²¹ «Советско-итальянская конференция», стр. 250—251.

Список принятых сокращений

- ААН — Архив Академии наук СССР
 ААЭ — «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею», т. I—IV. СПб., 1836—1838
- «Абсолютизм» «Абсолютизм в России XVII—XVIII вв.» Сб. статей к 70-летию... Б. Б. Кафенгауза. М., 1964
- Автократов. Речь Грозного — В. Н. Автократов. «Речь Ивана Грозного 1550 года» как политический памфлет конца XVII века. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955
- АДД — Автореферат докторской диссертации
 Адрианова-Перетц. Очерки — В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси. М.—Л., 1947
- АЕ — «Археографический ежегодник»
 АЗР — «Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией» в 5-ти томах. СПб., 1846—1853
- ЛИ — «Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией» в 5-ти томах. СПб., 1841—1843
- АКД — Автореферат кандидатской диссертации
 АЛОИИ — Архив ЛОИИ
 Альшиц. Грозный и приписки — Д. Н. Альшиц. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени. — ИЗ, т. 23, 1947
- Альшиц. Источники — Д. Н. Альшиц. Источники и характер редакционной работы Ивана Грозного над историей своего царствования. — Труды отдела рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, т. I(IV). Л., 1957
- Архив Строева — Архив П. М. Строева, т. I. Акты 1400—1598 гг. — РИБ, т. XXXII. СПб., 1915
- Арциховский. Миниатюры — А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944
- АСЭИ — «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.», т. I—III. М., 1952—1958—1964
- АЮ — «Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства». СПб., 1838
- АЮБ — «Акты, относящиеся до юридического быта древней России», т. 1—3. СПб., 1857—1864—1884

- БАИ**
Бахрушин. Труды,
 т. I, II
БСЭ
Буганов. Разрядные
 книги
Буганов, Корецкий.
 Летописец
Буслаев. Очерки,
 т. I, II
Бычков. Описание
ВА
Валк. Рукописи Та-
 тищева
Васенко. Хрущовский
 список
Веселовский. Земле-
 владельцы
Веселовский. Оприч-
 нина
Веселовский. Феодаль-
 ное землевладение
ВИ
ВИД
ВИРА
 «Вперед» и «Пролет-
 тарий»
ГБЛ
Герберштейн. Павел
Иовий
ГИМ
ГИМ ОПИ
- Рукописный отдел Библиотеки Академии наук СССР
 — *С. В. Бахрушин. Научные труды, т. I* (М., 1952); т. II (М., 1954)
 — Большая Советская Энциклопедия
 — *В. И. Буганов. Разрядные книги послед-*
 ней четверти XV — начала XVII вв. М., 1962
 — *В. И. Буганов, В. И. Корецкий. Неизве-*
 стный московский летописец XVII века из Музейного собрания ГБЛ. — ЗОР ГБЛ, в. 32. М., 1971
 — *Ф. И. Буслаев. Исторические очерки рус-*
 ской народной словесности и искусства, т. I (Народная русская поэзия); т. II (Древнерусская народная литература и искусство). СПб., 1861
 — *А. Ф. Бычков. Описание церковно-славян-*
 ских и русских рукописей имп. Публичной библиотеки, ч. I. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников. СПб., 1882
 — «Вопросы архивоведения»
 — *С. Н. Валк. О составе рукописей седь-*
 мого тома «Истории Российской» В. Н. Татищева. — В кн.: *Татищев. История* Российская, т. VII. Л., 1968
 — *П. Г. Васенко. Хрущовский список Сте-*
 пенной книги и известие о Земском со-
 боре 1550 года. — ЖМНП, 1908, апрель
 — *С. Б. Веселовский. Исследования по ис-*
 тории класса служилых землевладель-
 цев. М., 1969
 — *С. Б. Веселовский. Исследования по ис-*
 тории опричнины. М., 1963
 — *С. Б. Веселовский. Феодальное земле-*
 владение в Северо-Восточной Руси, т. I. М.—Л., 1947
 — «Вопросы истории»
 — «Вспомогательные исторические дисци-
 плины» (сборник статей)
 — «Вопросы истории религии и атеизма»
 — «Вперед» и «Пролетарий» — первые боль-
 шевистские газеты, в. 4. М., 1924
 — Отдел рукописей Государственной биб-
 лотеки СССР им. В. И. Ленина
 — *Сигизмунд Герберштейн. Записки о мо-*
 сковитских делах. *Павел Иовий Ново-*
комский. Книга о московитском посоль-
 стве. Пер., введ. и прим. А. И. Малеина. СПб., 1908
 — Государственный Исторический музей
 — Отдел письменных источников ГИМ

- ГИМ ОР** — Отдел рукописей и старопечатных книг ГИМ
- Голохвастов и Леонид. Сильвестр** — «Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. Исследование, начатое Д. П. Голохвастовым и dokonченное архимандритом Леонидом». М., 1874
- «Города феодальной России» Горсей** — «Города феодальной России». Сб. статей памяти Н. В. Устюгова. М., 1966
— «Записки о Московии XVI в. сэра Дж. Горсея». Пер. Н. А. Белозерской с предисл. Н. И. Костомарова. СПб., 1909
- Готье. Земские соборы** — Ю. В. Готье. Первые земские соборы и их происхождение. — «Научное слово», 1903, № 3
- ГПБ** — Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
- ДАИ** — «Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией» в 12-ти томах. Сб., 1846—1869
- ДДГ** — «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.». Подг. к печ. Л. В. Черепнин. М.—Л., 1950
- ДРВ** — «Древняя российская вивлиофика» в 20-ти частях. СПб., 1788—1791
- ДРК** — П. Н. Милюков. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901
- Дьяконов. Очерки** — М. А. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя древней Руси, изд. 3. СПб., 1910
- ЕАИ** — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы»
- Жарков. Московские пожары** — А. И. Жарков. К истории московских пожаров 1547 г. — ИА, 1962, № 3
- Жданов. Соч.** — Сочинения И. Н. Жданова, т. I. СПб., 1904
- ЖМНП** — «Журнал Министерства народного просвещения»
- Забелин. Домашний быт** — И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., ч. I. М., 1862
- Заозерский. Земские соборы** — А. И. Заозерский. К вопросу о составе и значении земских соборов. — ЖМНП, 1909, май — июнь
- Зимин. Боярская дума** — А. А. Зимин. Состав Боярской думы в XV—XVI веках. — АЕ за 1957 г., М., 1958
- Зимин. Военные реформы** — А. А. Зимин. К истории военных реформ 50-х годов XVI в. — ИЗ, т. 55, 1956
- Зимин. Дьяки** — А. А. Зимин. Дьяческий аппарат в Рос-

- син второй половины XV — первой трети XVI в. — ИЗ, т. 87, 1971
- Зимин. Зарождение соборов* — А. А. Зимин. Зарождение земских соборов. — В кн.: «Вопросы историографии и источниковедения», сб. IV, УЗ Казанского пед. ин-та, в. LXXI. Казань, 1969
- Зимин. Краткие летописцы* — А. А. Зимин. Краткие летописцы XV—XVI вв. — «Исторический архив», т. V. М., 1950
- Зимин. Ленин о «московском царстве»* — А. А. Зимин. В. И. Ленин о «московском царстве» и черты феодальной раздробленности в политическом строе России XVI века. — В сб.: «Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма». М., 1970
- Зимин. Опричнина* — А. А. Зимин. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964
- Зимин. Пересветов* — А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958
- Зимин. Реформы* — А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории середины XVI века. М., 1960
- ЗОР ГБЛ — «Записки Отдела рукописей» Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина
- ИА — «Исторический архив» (журнал)
- ИЗ — «Исторические записки»
- ИОИФ — «Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии»
- ИОЛЯ — «Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка»
- ИОРЯС — «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук»
- ИСССР — «История СССР» (журнал)
- «История Москвы», т. I — «История Москвы», т. I. М., 1952
- «Источниковедение» — «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы». Сб. статей. М., 1969
- Казакова. Очерки* — Н. А. Казакова. Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI века. Л., 1970
- Казанская история* — Казанская история. Подг. Г. Н. Моисеева. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1954
- Каптерев. Царь и соборы* — Н. Ф. Каптерев. Царь и московские соборы XVI и XVII столетий. — «Богословский вестник», 1906, т. 3
- Карамзин. История* — Н. М. Карамзин. История государства Российского. СПб., 1816—1829
- Каштанов. История* — С. М. Каштанов. Социально-политиче-

- ская история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967
- Каштанов. Очерки* — С. М. Каштанов. Очерки русской дипломатии. М., 1970
- Каштанов. Перечень* — С. М. Каштанов. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века. — АЕ за 1957 г. М., 1958; АЕ за 1960 г. М., 1962
- Каштанов. Феодальный иммунитет* — С. М. Каштанов. Феодальный иммунитет в годы боярского правления (1538—1548 гг.). — ИЗ, т. 66, 1970
- Клибанов. Реформационные движения* — А. И. Клибанов. Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI вв. М., 1960
- Ключевский. Боярская дума* — В. О. Ключевский. Боярская дума древней Руси. Пг., 1919
- Ключевский. Соч.* — В. О. Ключевский. Соч., т. I (М., 1956), II (М., 1957), IV (М., 1958), VI (М., 1959), VIII (М., 1959)
- Кобрин. Опричный двор* — В. Б. Кобрин. Состав опричного двора Ивана Грозного. — АЕ за 1959 г. М., 1960
- [Конрад]. «Литературные памятники»* — [Н. И. Конрад]. От редколлегии. (Статья в издании «Литературные памятники. Итоги и перспективы серии». М., 1967.)
- Конференция МГИАИ* — «Материалы научной студенческой конференции МГИАИ», май 1970, в. 1. «Источниковедение истории СССР», в. 2. «Источниковедение историографии» (ротапринт)
- Копанев, Маньков, Носов. Очерки* — А. И. Копанев, А. Г. Маньков, Н. Е. Носов. Очерки истории СССР. Конец XV — начало XVII вв. Л., 1957
- Копанев. Рукопись Татищева* — А. И. Копанев. Об одной рукописи, принадлежащей В. Н. Татищеву. — «Труды Библиотеки АН и Фундаментальной библиотеки общественных наук», т. II. М.—Л., 1955
- Корецкий. Закрепощение* — В. И. Корецкий. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России. М., 1970
- Косминский. Историография* — Е. А. Косминский. Историография средних веков. М., 1963
- Костомаров. Земские соборы* — Н. И. Костомаров. Старинные земские соборы. — В кн.: Н. Костомаров. Исторические монографии и исследования, т. 19. СПб., 1887
- Котошихин* — Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906
- Кочин. Материалы* — «Материалы для терминологического словаря древней России». Сост. Г. Е. Кочин. Под ред. Б. Д. Грекова. М.—Л., 1937
- Кузнецов. Блаженные* — И. И. Кузнецов. Святые Блаженные Василий и Иоанн Христа ради московские чудотворцы. М., [б. г.]

- «Культура древней Руси» — «Культура древней Руси» (сб. статей к 40-летию научной деятельности Н. Н. Воронина). М., 1966.
- Кунцевич. Казанский летописец* — *Г. З. Кунцевич. История о Казанском царстве или Казанский летописец.* — ЛЗАК, в. 16. СПб., 1905
- Кунцевич. Сказание о Макарии* — *Г. З. Кунцевич. Сказание о последних днях жизни митрополита Макария (15 сентября 1563 — 15 декабря 1563 года).* СПб., 1910 (ПДПИ, СЛХХVI в., приложение)
- Ланно. Великое княжество Литовское* — *И. И. Ланно. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569—1586). Опыт исследования политического и общественного строя,* т. I. СПб., 1901
- Латкин. Земские соборы* — *В. Латкин. Земские соборы древней Руси, их история и организация сравнительно с западноевропейскими представителями учреждениями.* СПб., 1885
- ЛГПИ — Ленинградский Государственный педагогический институт им. А. И. Герцена
- В. И. Ленин и историческая наука* — «В. И. Ленин и историческая наука». М., 1968
- Леонтьев. Приказы* — *А. К. Леонтьев. Образование приказной системы управления в Русском государстве. Из истории создания центрального государственного аппарата в конце XV — первой половине XVI в. М., 1961*
- ЛЗАК — «Летопись занятий Археографической комиссии»
- Д. С. Лихачев. Летописи* — *Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение.* М.—Л., 1947
- Д. С. Лихачев. Литературный этикет* — *Д. С. Лихачев. Литературный этикет древней Руси.* — ТОДРЛ, т. XVII, 1961
- Д. С. Лихачев. Текстология* — *Д. С. Лихачев. Текстология (на материалах русской литературы X—XVII вв.).* М.—Л., 1962
- Д. С. Лихачев. Человек в литературе* — *Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси.* М., 1970
- Н. П. Лихачев. Библиотека* — *Н. П. Лихачев. Библиотека и архив московских государей в XVI столетии.* СПб., 1894
- Н. П. Лихачев. Дьяки* — *Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI века.* СПб., 1888
- ЛО — Ленинградское отделение
- ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории АН СССР
- Любавский. Очерк* — *М. К. Любавский. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно,* изд. 2. М., 1915

- Люблинская. Концепция абсолютизма* — *А. Д. Люблинская. Новейшая буржуазная концепция абсолютной монархии.* — ТЛОИИ, в. 3
- Макарьевский Стоглавник* — *Макарьевский Стоглавник.* — Труды Новгород. губ. ученой архивной комиссии, в. 1, 1912
- Максимович. Собор 1549 г.* — *Е. Максимович. Церковно-земский собор 1549 г.* — «Записки Русского научного института в Белграде», в. 9, 1933
- Маркевич. История местничества* — *А. И. Маркевич. История местничества в Московском государстве в XV—XVII вв.* Одесса, 1888
- Маркевич. О местничестве* — *А. И. Маркевич. О местничестве, ч. I. Русская историография в отношении к местничеству.* Киев, 1879
- Масса* — *Исаак Масса. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937*
- МГИАИ* — *Московский государственный историко-архивный институт*
- МОИДР* — *Московское общество истории древностей российских*
- Моисеева. Валаамская беседа* — *Г. Н. Моисеева. Валаамская беседа — памятник русской публицистики середины XVI века. М.—Л., 1958*
- Мордовина. АКД* — *С. П. Мордовина. Земский собор 1598 года. Источники. Характер представительства. АКД. МГИАИ, 1971*
- Местнический справочник* — *Местнический справочник XVII века, изд. Ю. В. Татищевым. Вильна, 1910*
- Насонов. История летописания* — *А. Н. Насонов. История русского летописания XI — начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969*
- «Начальный этап»* — *«Начальный этап формирования русского национального языка». Сб. статей. Л., 1961*
- Николаевский. Проповедь* — *П. В. Николаевский. Русская проповедь в XV—XVI вв.* — ЖМНП, 1868, февраль
- «Новое о прошлом»* — *«Новое о прошлом нашей страны». [Сб.] Памяти академика М. Н. Тихомирова. М., 1967*
- Носов. Изыскания* — *Н. Е. Носов. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969*
- Носов. Очерки* — *Н. Е. Носов. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М.—Л., 1957*
- Носов. Собор примирения* — *Н. Е. Носов. Собор «примирения» 1549 года и вопросы местного управления (на перепутье к земским реформам).* — ТЛОИИ, в. 8
- ОА* — *«Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года». Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960*

- Огородников. О Московии** — *В. Огородников. О Московии второй половины XVI века.* — ЧОИДР, 1913, кн. II
- Описание собр. Уварова** — *Леонид (архимандрит). Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова, ч. I—IV.* М., 1893—1894
- ОР** — Отдел рукописей
- Павленко. Земские соборы** — *Н. И. Павленко. К истории земских соборов XVI века.* — ВИ, 1968, № 5
- ПДПИ** — «Памятники древней письменности и искусства»
- ПДРВ** — «Продолжение Древней Российской вивлиофики»
- «Пересветов»** — «Сочинения И. Пересветова». Подг. текст А. А. Зимин. Под ред. Д. С. Лихачева. М.—Л., 1956
- ПИ** — «Проблемы источниковедения»
- ПИГ** — «Послания Ивана Грозного». Подг. текст Д. С. Лихачев и Я. С. Лурье. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1951
- ПИОДИ** — «Проблемы истории общественного движения и историографии». [Сб.] К семидесятилетию академика Миллицы Васильевны Нечкиной. М., 1971
- ПИРС** — «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». Сб. статей к 70-летию академика М. Н. Тихомирова. М., 1963
- ПИДО** — «Проблемы истории докапиталистических обществ»
- Пискаревский летописец** — «Пискаревский летописец». Подг. к печ. О. А. Яковлева. — В кн.: «Материалы по истории СССР», т. II. М., 1955
- Платонов. Иван Грозный** — *С. Ф. Платонов. Иван Грозный.* Пг., 1923
- Платонов. Статьи** — *С. Ф. Платонов. Статьи по русской истории, изд. 2.* СПб., 1912
- Покровский. Сибирская находка** — *Н. Н. Покровский. Сибирская находка (новое о Максиме Греке).* — ВИ, 1969, № 11
- Полосин. Очерки** — *И. И. Полосин. Социально-политическая история России XVI — начала XVII вв.* М., 1963
- Поршнев. Феодализм** — *Б. Ф. Поршнев. Феодализм и народные массы.* М., 1964
- Постниковский летописец** — *М. Н. Тихомиров. Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533—1547 гг.* — ИЗ, т. 46, 1954
- Пресняков. Московское царство** — *А. Е. Пресняков. Московское царство. Общий очерк.* Пг., 1918
- Пресняков. Царственная книга** — *А. Е. Пресняков. Царственная книга, ее состав и происхождение.* СПб., 1893

- ПРП, в. 4 — «Памятники русского права», в. 4. М., 1956
- Псковские летописи — «Псковские летописи», в. 1. Подг. к печ. А. Н. Насонов. М.—Л., 1941; в. 2. Под ред. А. Н. Насонова. М., 1955
- ПСРЛ — «Полное собрание русских летописей»
- Путешествия послов — «Путешествия русских послов XVI—XVII вв.» Под ред. Д. С. Лихачева. М.—Л., 1954
- Пушкин. ПСС — А. С. Пушкин. — Полное собрание сочинений в одном томе. М., 1949
- РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
- Ржига. Максим Грек — В. Ф. Ржига. Опыты по истории русской публицистики XVI века. Максим Грек как публицист. — ТОДРЛ, т. I. Л., 1934
- Ржига. Пересветов — В. Ф. Ржига. И. С. Пересветов — публицист XVI века. М., 1908
- РИБ — «Русская историческая библиотека», издаваемая Археографической комиссией
- РИБ, т. XXXI — Соч. князя Курбского, т. I. СПб., 1914
- РИЖ — «Русский исторический журнал»
- РИО — «Сборник Русского исторического общества»
- РИС — «Русский исторический сборник»
- РК — «Разрядная книга 1475—1598 гг.». Подг. к печ. В. И. Буганов. М., 1966
- «Россия и Италия» — Россия и Италия. Материалы IV Конференции советских и итальянских историков. Рим. 1969. Русский и итальянский средневековый город. Русско-итальянские отношения в 1900—1914 гг. М., 1972
- Рыбаков. Древняя Русь — Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963
- Рыбаков. «Слово о полку Игореве» — Б. А. Рыбаков. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971
- СА — «Советские архивы».
- Савва. Московские цари — В. Савва. Московские цари и византийские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901
- Савва. Посольский приказ — В. И. Савва. О Посольском приказе в XVI в. Харьков, 1917
- Садиков. Очерки — П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1951
- Самоковасов. Архивный материал — Д. Я. Самоковасов. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского государства XV—XVII вв., т. 1—2. М., 1905—1909

- Сахаров. Российское государство** — *А. М. Сахаров. Образование и развитие Российского государства в XIV—XVII вв.* М., 1969
- Сб. Ключевскому** — Сб. статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому. М., 1909
- Сб. Любавскому** — Сб. статей в честь Матвея Кузьмича Любавского. Пг., 1917
- Сб. Платонову, 1911** — Сб. статей, посвященных С. Ф. Платонову. СПб., 1911
- Сб. Платонову, 1922** — Сб. статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922
- Сб. Соболевскому** — Сб. ОРЯС АН СССР, т. CI, № 3. Сб. статей в честь академика А. И. Соболевского. Л., 1928
- СГГид** — «Собрание Государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел», ч. I. М., 1813; ч. II (М., 1819); ч. IV (М., 1828)
- Середонин. Флетчер** — *С. М. Середонин. Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe Common Wealth» как исторический источник.* СПб., 1891
- СИЭ** — Советская историческая энциклопедия
- Скрынников. Начало опричнины** — *Р. Г. Скрынников. Начало опричнины.* Л., 1966
- Скрынников. Письма Курбского** — *Р. Г. Скрынников. Курбский и его письма в Псково-Печерский монастырь.* — ТОДРЛ., т. XVIII. М.—Л., 1962
- «Славяне и Русь»** — *Славяне и Русь (к шестидесятилетию академика Бориса Александровича Рыбакова).* М., 1968
- Смирнов. Восстание Болотникова** — *И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, 1606—1607, изд. 2, доп.* М., 1951
- Смирнов. Очерки** — *И. И. Смирнов. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века.* М.—Л., 1958
- П. П. Смирнов. Посадские люди** — *П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века, т. I.* М.—Л., 1947
- Соборное Уложение** — *М. Н. Тихомиров и П. П. Епифанов. Соборное Уложение 1649 года.* М., 1961
- Советско-итальянская конференция** — *Документы советско-итальянской конференции историков (8—10 апреля 1968 года).* М., 1970
- Соловьев. История** — *С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. III и IV.* М., 1960; кн. X. М., 1963
- Срезневский. Материалы** — *И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I—III.* СПб., 1893—1903 (фототипическое переиздание. М., 1963)
- Стефанович. Стоглав** — *Д. Стефанович. О Стоглаве. Его происхождение, редакция и состав.* СПб., 1909

- Стоглав — Стоглав. Издание Кожанчикова. СПб., 1863
- Судебники — «Судебники XV—XVI веков», под. ред. Б. Д. Грекова. М.—Л., 1952
- Судные списки Максима Грека — Судные списки Максима Грека и Исака Собаки. Подг. Н. Н. Покровской. Под ред. С. О. Шмидта. М., 1971
- Татищев. История — В. Н. Татищев. История Российская в 7-ми томах, т. VI (Л., 1966); т. VII (Л., 1968)
- Тихомиров. Земские соборы — М. Н. Тихомиров. Сословно-представительные учреждения (земские соборы) в России XVI века. — ВИ, 1958, № 5
- Тихомиров. Исторические связи — М. Н. Тихомиров. Исторические связи России со славянскими странами. М., 1969
- Тихомиров. Источниковедение — М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР, в. 1. С древнейшего времени до конца XVIII века. М., 1962
- Тихомиров. Классовая борьба — М. Н. Тихомиров. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969
- Тихомиров. Краткие заметки — М. Н. Тихомиров. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962
- Тихомиров. Летописные памятники — М. Н. Тихомиров. Малоизвестные летописные памятники. — «Исторический архив», т. VII. М., 1951
- Тихомиров. Малоизвестные памятники — М. Н. Тихомиров. Малоизвестные летописные памятники XVI в. — ИЗ, т. 10, 1941
- Тихомиров. Россия XVI ст. — М. Н. Тихомиров. Россия в XVI столетии. М., 1962
- Тихомиров. Русская культура — М. Н. Тихомиров. Русская культура X—XVIII веков. М., 1968
- Тихомиров. Средневековая Москва — М. Н. Тихомиров. Средневековая Москва в XIV—XV веках. М., 1957
- ТКДТ — «Тысячная книга 1550 г. и Дворцовая тетрадь 50-х годов XVI в.». Подг. к печ. А. А. Зимин. М., 1950
- ТЛОИИ, в. 2 — Труды ЛОИИ, в. 2. «Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII веков». М.—Л., 1960
- ТЛОИИ, в. 3 — Труды ЛОИИ, в. 3. «Критика новейшей буржуазной историографии». М.—Л., 1961
- ТЛОИИ, в. 5 — Труды ЛОИИ, в. 5. «Вопросы историографии и источниковедения истории СССР». М.—Л., 1963
- ТЛОИИ, в. 7 — Труды ЛОИИ, в. 7. «Исследования по отечественному источниковедению». Сб. статей, посвященных 75-летию профессора С. Н. Валка. М.—Л., 1964
- ТЛОИИ, в. 8 — Труды ЛОИИ, в. 8. «Внутренняя полити-

- ка царизма (середина XVI — начало XX в.)». Л., 1967
- ТЛОИИ, в. 9 — Труды ЛОИИ, в. 9. «Крестьянство и классовая борьба в феодальной России». Сб. статей памяти Ивана Ивановича Смирнова. Л., 1967
- ТЛОИИ, в. 10 — Труды ЛОИИ, в. 10. «Критика новейшей буржуазной историографии». Л., 1967
- ТЛОИИ, в. 12 — Труды ЛОИИ, в. 12. «Исследования по социально-политической истории России». Сб. статей памяти Бориса Александровича Романова. Л., 1971
- ТМГИАИ — «Труды Московского государственного историко-архивного института»
- ТОДРЛ — «Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР». Л., 1934 — М.—Л., 1971
- УЗ — «Ученые записки»
- Флетчер — Флетчер. О государстве Русском. Пер. с англ., изд. 3. СПб., 1906
- Хронографическая летопись — С. О. Шмидт. Продолжение Хронографа редакции 1512 года. — «Исторический архив», т. VII. М., 1951
- ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
- ЦГИАУ — Центральный государственный исторический архив УССР в Киеве
- ЦПА ИМЛ — Центральный Партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
- Чаев. «Москва — Третий Рим» — Н. С. Чаев. Теория «Москва — Третий Рим» в политической практике Московского правительства XVI века. — ИЗ, т. 17, 1945
- Черепнин. Архивы I, II — Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 1. М.—Л., 1946; ч. 2. М.—Л., 1951
- Черепнин. Земские соборы — Л. В. Черепнин. Земские соборы и утверждение абсолютизма в России. — В кн.: «Абсолютизм»
- Черепнин. Историография — Л. В. Черепнин. Русская историография до XIX в. Курс лекций. М., 1957
- Черепнин. Очерки — Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках (очерки социально-экономической и политической истории Руси). М., 1960
- ЧОИДР — Чтения Общества истории и древностей российских при Московском университете
- Шлихтинг — Новое известие о России времени Ивана Грозного. «Сказание» Альберта Шлихтинга. Пер. А. И. Малеина, изд. 2. Л., 1934
- Шмидт. Адашев — С. О. Шмидт. Правительственная дея-

- Шмидт. АДД* — тельность А. Ф. Адашева. — УЗ МГУ, в. 167. М., 1954
— С. О. Шмидт. Исследования социально-политической истории России XVI века. АДД. М (Институт истории АН СССР), 1964
- Шмидт. АКД* — С. О. Шмидт. Правительственная деятельность А. Ф. Адашева и восточная политика Русского государства в середине XVI столетия. АКД. МГУ, 1949
- Шмидт. «Выпись»* — С. О. Шмидт. О времени составления «Выписи», о втором браке Василия III. — «Новое о прошлом»
- Шмидт. Документы XVI в.* — С. О. Шмидт. Неизвестные документы XVI в. — ИА, 1961, № 4
- Шмидт. Дьячество* — С. О. Шмидт. О дьячестве в России середины XVI в. — ПИРС
- Шмидт. Заметки* — С. О. Шмидт. Заметки о языке посланий Ивана Грозного. — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958
- Шмидт. Земская реформа* — С. О. Шмидт. К истории Земской реформы (Собор 1555/56 г.). — В кн.: «Города феодальной России»
- Шмидт. Казанская война* — С. О. Шмидт. Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545—1549). — ТМГИАИ, т. 6. М., 1954
- Шмидт. К истории соборов* — С. О. Шмидт. К истории соборов XVI в. — ИЗ, т. 76, 1964
- Шмидт. Курбский* — С. О. Шмидт. К изучению «Истории» князя Курбского (о поучении попа Сильвестра). — «Славяне и Русь»
- Шмидт. Ленин о государственном строе России* — С. О. Шмидт. В. И. Ленин о государственном строе России XVI—XVIII вв. (о методике изучения материалов по теме). — В кн. «В. И. Ленин и историческая наука». М., 1968
- Шмидт. Лицевые летописи, I, II* — С. О. Шмидт. Когда и почему редактировались лицевые летописи времени Ивана Грозного. — СА, 1966, № 1, 2
- Шмидт. Миниатюры* — С. О. Шмидт. Миниатюры Царственной книги как источник по истории Московского восстания 1547 г. — ПИ, в. V. М., 1956
- Шмидт. Московское восстание* — С. О. Шмидт. О Московском восстании 1547 г. — ТЛОИИ, в. 9
- Шмидт. Проблемы источниковедения* — С. О. Шмидт. Современные проблемы источниковедения. — В кн.: «Источниковедение»
- Шмидт. Россия XVI в.* — С. О. Шмидт. Вопросы истории России XVI века в новой исторической литературе. — В кн.: «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР». М., 1962

- Шмидт. Синодальный список* — *С. О. Шмидт. Заметки о Синодальном списке Лицевого летописного свода. — В кн.: «Культура древней Руси»*
- Шмидт. Соборы* — *С. О. Шмидт. Соборы середины XVI века. — ИСССР, 1960, № 4*
- Шмидт. Тучковы* — *С. О. Шмидт. Новое о Тучковых (Тучковы. Максим Грек. Курбский). — ТЛОИИ, в. 12*
- Шмидт. Царский архив* — *С. О. Шмидт. К истории Царского архива середины XVI в. — ТМГИАИ, т. 11. М., 1958*
- Шмидт. Челобитенный приказ* — *С. О. Шмидт. Челобитенный приказ в середине XVI столетия. — ИОИФ, т. VII, в. 5. М., 1950*
- Штаден* — *Генрих Штаден. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника (пер. И. И. Полосина). Л., 1925*
- Щербатов. О повреждении нравов* — *М. М. Щербатов. О повреждении нравов в России. М., 1906*
- Юшков. Сословно-представительная монархия* — *С. В. Юшков. К вопросу о сословно-представительной монархии в России. — «Советское государство и право», 1950, № 10*
- Яковлев. Холопство* — *А. И. Яковлев. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. М.—Л., 1943*
- Ясинский. Курбский* — *А. Н. Ясинский. Сочинения князя Курбского как исторический материал. Киев, 1889*
- «Annali»* — *S. Schmidt. Les premiers Zemski Sobory de l'Etat russe. — «Annali della Fondazione italiana per la storia amministrativa», vol. 2. Milano, 1965*
- Donnert. Zur russischen Literatur* — *E. Donnert. Zur russischen Literatur und Geschichtsschreibung in der 2. Hälfte des 16. Jahrhunderts. — ZS. Bd. XV, 1970, Hf. 6*
- Mandrou. Introduction* — *Robert Mandrou. Introduction à la France moderne. Essai de psychologie historique 1500—1640. Paris, 1961*
- Schmidt. Les premiers Zemskie sobory* — *S. O. Schmidt. Les premiers Zemskie Sobory de l'Etat russe a la lumière des recherches Soviétiques les plus récentes. — «Cahiers du Monde russe et soviétique». Paris, 1965, vol. VI, N 4*
- ZS* — *«Zeitschrift für Slawistik»*

Указатель имен исторических деятелей (по XVIII век)

- Абдул Латыф (хан казанский) 163
- Адашев А. Ф. 22, 39, 66, 107, 135, 143, 144, 154, 161, 170, 171, 174—177, 197, 198, 208—211, 231, 248
- Адашева А. А. 176
- Адашевы 284
- Акакий (епископ тверской) 153
- Александр Невский 290
- Алексей (митрополит) 149, 239
- Алексей Михайлович (царь) 73
- Алексей Петрович (царевич) 303
- Алферьев (Олферьев) Р. В. 280, 287
- Аманак (татарский князь) 100
- Анастасия Романовна (царица) 28, 76, 80, 169, 184, 208, 223, 286
- Андрей (духовник Ивана IV) 187, 241
- Андрей Боголюбский 97
- Андрей Иванович (князь Старицкий) 107, 146
- Афанасий (Афонасий) (митрополит) 213, 214, 215, 221, 222, 225—227, 229, 235, 237, 241, 244
- Бармин Ф. 52, 54, 60—62, 88, 96
- Басманов А. Д. 221, 229, 283
- Басмановы 240, 283
- Баторий (Обатур) Стефан 36, 252, 253, 258
- Безнин-Нащокин М. А. 95, 295
- Белеутовы 281
- Бельские 55, 90, 294
- Бельский Б. Я. 93, 280
- Бельский Д. Ф. 27, 140
- Бельский И. Д. 27, 110, 221, 222, 228, 249, 274, 275, 279, 294
- Бельский С. Ф. 290
- Берсень-Беклемишев И. Н. 231
- Болотников И. И. 93, 99
- Борис Федорович (Годунов) 81, 84, 87, 94, 98, 102, 258, 297
- Борисов В. 192
- Булгаков Ф. А. 140
- Булгаков Ю. М. 140
- Бутурлин И. 299
- Василий Блаженный 16, 23, 24, 72, 82, 86, 146
- Василий Грязной см. Грязной В. Г.
- Василий III Иванович 39, 41, 75, 76, 81, 86, 89, 163, 180, 223
- Васильев А. 214, 222
- Васьян (Васснан) Бесный 209
- Васьян Муромцев 241
- Вельяминов И. 280
- Вельяминов М. А. 295
- Вельяминовы 94, 280
- Висковатый И. М. 118, 222, 247, 248
- Владимир Андреевич (князь Старицкий) 48, 140, 146, 158, 184, 186, 200, 241, 291
- Владимир Мономах 119, 223
- Владимир I Святославович 290, 291
- Владислав (сын короля польского) 252, 297
- Волынский А. П. 134, 304
- Воронцов В. М. 75
- Воронцов И. Ф. 82
- Воронцов Федор Семенович 59, 75
- Воронцов Фока Семенович 100
- Воронцовы 55, 75, 90, 288
- Воротынские 276, 281
- Воротынский А. И. 281
- Воротынский М. И. 249, 251, 274, 275, 279, 293, 295
- Всеволод Большое Гнездо 89
- Вяземский В. Г. 295
- Вяземский И. М. 281
- Вяземский-Долгой А. И. 221, 295
- Гедиминовичи 271, 273, 275, 284, 290, 291, 293, 294

- Генрих VIII (Тюдор) 102
 Герасимов Д. 77, 270
 Герберштейн С. 271
 Гермоген (патриарх) 99, 131
 Глинская Анна 32, 33, 54, 75, 78, 84, 88, 91, 100, 103—106
 Глинская Елена 41, 75, 146
 Глинские 23, 28, 29, 32, 41, 50, 54, 55, 61, 75, 80, 83, 87, 90, 97—101, 105, 106, 108, 114, 115, 151
 Глинский В. Л. 29
 Глинский М. В. 22, 28, 33, 40, 54, 75, 78, 88, 91, 100—106, 108, 140, 150
 Глинский М. Л. 29, 92
 Глинский Ю. В. 22, 23, 28, 29, 31—33, 35, 40, 45—48, 54—56, 58, 59, 61, 62, 64, 65, 67, 68, 75, 89, 91, 94, 96—98, 103, 105, 112, 113, 117, 149, 151
 Годуновы 94
 Голицын В. В. 301
 Голицын В. Ю. 294
 Голицын Д. М. 288
 Голицыны 304
 Головин И. И. 176
 Головин И. П. 176
 Горбатые 223, 279
 Горбатов А. Б. 75, 140, 216, 223, 224, 232, 290
 Горсей Дж. 33, 255, 256, 280
 Грязной В. Г. 242, 288, 294
 Губин Б. 27
 Даниил (митрополит) 231
 Даниил Заточник 36, 297
 Джовио Паоло см. Иовий Павел
 Дмитрий Иванович (царевич) 94
 Долгорукие 304
 Долгоруков Я. Ф. 303
 Дорогобужский И. И. 78
 Евфимий Турков см. Турков Е. И.
 Екатерина II 259
 Елена (дочь Ивана III) 172
 Елизавета I (Тюдор) 72, 257
 Ермолай Еразм 76, 204, 208
 Жидмонт см. Сигизмунд III
 Жолкевский Ст. 297
 Замыцкой В. Т. 139
 Заруцкий И. М. 93
 Засекин 287
 Засецкий С. 139
 Захарьина А. Р. см. Анастасия Романовна
 Захарьин Г. Ю. 54, 60, 95
 Захарьин М. Ю. 95
 Захарьины 89, 90, 297
 Зиновий Отенский 71
 Иван III Васильевич 5, 163, 172, 191, 192, 274, 275
 Иван IV Васильевич Грозный 5, 8, 9, 13—15, 22, 23, 25—42, 48, 50—52, 54—56, 58, 59, 61, 64—67, 69—73, 75, 76, 78, 79—83, 85—89, 91, 96, 98, 100—103, 105—108, 110, 113, 114, 118, 119, 121, 122, 127, 132—164, 166—174, 176—182, 183—188, 195, 196, 200, 202, 204—251, 253, 255—259, 271, 273, 274, 277, 280, 281, 284, 286, 288, 289, 291—297, 302, 311
 Иван Иванович (царевич) 221, 227, 237, 256, 297
 Игорь Ольгович (киевский князь) 97
 Иннокентий I (папа римский) 210
 Иоаким (патриарх) 301
 Иоанн Большой Колпак 92
 Иоанн Златоуст 209, 210, 211
 Иоасаф (митрополит) 110
 Иовий Павел (Паоло Джовио) 77, 231, 270
 Иона (митрополит) 149, 210, 239
 Исак Собака 149, 153, 156
 Кантемир А. Д. 304
 Катырев А. И. 295
 Квашнин В. А. 280
 Квашнины 280
 Кишка С. П. 139
 Колтовские 173
 Колтовский С. С. 172
 Комаевский Я. Ю. 139
 Константин Всеволодович (князь) 191
 Константин (император византийский) 176

Корнилий (игумен) 30
Котошихин Г. К. 260, 263, 281,
282, 300
Крузе Э. 211, 212, 220, 222—226,
229, 230, 232, 237, 244
Кубенские 75
Кубенский И. И. 75, 90
Кубенский М. И. 82, 291
Куракин Б. И. 303, 306
Куракин Д. А. 295
Куракин Ф. С. 294
Курбские 40
Курбский А. М. 9, 15, 26, 31,
33—42, 54—56, 66, 69, 75, 76,
78, 85—88, 100, 103, 104, 133,
135, 143, 146, 149, 168, 171,
172, 175, 176, 189, 190, 204—
206, 208—211, 216, 218, 223,
224, 232, 234, 239—244, 246,
249, 271, 274, 280, 283, 285,
290, 291, 295, 297
Курлятев Нил 277
Ласкиревы 284
Левкий (архимандрит) 215, 216,
230
Лжедимитрий I 93, 94, 97
Ломоносов М. В. 305
Лыковы 299
Людовик XI 311
Людовик XIV 261, 263
Магмет-салтан см. Мехмед
(Мухамед) II
Максим Грек 39, 76, 153, 161,
176
Макарий (митрополит) 22, 24—
26, 31, 52, 55, 61, 69, 77, 83,
85—92, 105—107, 112, 118,
134, 136, 140—145, 148—151,
153, 156, 161, 162, 164—169,
179, 181, 183, 186, 187, 194—
196, 200, 202, 205, 206, 209,
217, 231, 239, 258, 286
Марина Мнишек 93
Мария Темрюковна (царица)
221, 227, 229, 239
Масса И. 83
Матов Ф. 93
Мехмед (Мухамед) II 176, 272,
286
Микулинский 279
Минин (Захарьев-Сухорук)
К. М. 276

Митрофан (патриарх константи-
нопольский) 37, 38
Михаил (епископ рязанский)
153
Михаил Александрович (князь)
92
Михаил Темрюкович (князь)
228
Михаил Федорович (царь) 128
Мишурин Ф. М. 46
Моклоков Ф. Н. 26, 27
Моклоков (Губин) Я. Н. 26
Морозов Б. И. 84, 106
Морозов И. Г. 140
Морозовы-Мещаниновы 299
Мстиславские 294
Мстиславский И. Ф. 221, 222,
228, 274, 275, 294
Нагге 84
Нагой Ф. М. 54, 60, 95, 107
Никандр (игумен) 153
Никон (патриарх) 193
Нифонт (архимандрит) 153
Оболенский Немой Д. И. 105
Овчинин-Оболенский Д. Ф. 237
Овчинин-Оболенский Ф. И. 78
Овчинины-Оболенские 95
Ольга (княгиня) 304
Огарев Ф. 139
Одерборн П. 177, 224, 258
Одоевский Д. С. 295
Острожский Я. 273
Очины-Плещеевы 299
Палецкий Д. Ф. 27, 103, 140
Панин Н. И. 305
Пеньков И. Д. 279
Пересветов И. С. 9, 32, 76, 110,
176, 177, 208, 271, 272, 286,
297, 311
Петр (митрополит) 149, 213,
239
Петр I 5, 121, 172, 178, 265, 273,
302, 303, 306, 311
Петр II 304
Пимен (архиепископ новгород-
ский) 92, 215, 216, 222, 230
Плещеевы 283
Пожарские 283
Пожарский Д. М. 271, 281, 294
Полевы 299
Полубенский А. 225

Постник Губин см. Мокло-
ков Ф. Н.

Потемкин Г. А. 231

Приимков А. В. 283

Прозоровские 291, 299

Прозоровский В. И. 240

Пронские 108

Пронский Д. Д. 140

Пронский И. Д. 107

Пронский С. И. 107

Пронский (Турунтай) И. И. 22,
81, 104—108, 150—151

Путила Михайлов 214

Радищев А. Н. 305

Разин С. Т. 297

Романовы 128, 260, 280, 300

Ромодановские 299

Ромодановский Ф. Ю. 302

Ромодановский-Стародубский
271

Ростовский С. В. 248, 274

Рублев Андрей 93

Рюриковичи 271, 273, 275, 279,
283, 284, 291, 292, 294, 297

Сабуровы 94

Савва (епископ крутицкий) 153,
169

Салтыков Л. А. 221

Сапега 240

Сафа Гирей (хан казанский)
139, 140

Серебряный В. С. 105

Сигизмунд I 27, 76

Сигизмунд II Август 139, 227,
239, 240, 274, 288

Сигизмунд III 276, 288

Силин Д. 93

Сильвестр (протопоп) 31, 39,
40, 42, 66, 69, 87, 143, 144,
149, 150, 208—211, 231

Симеон Бекбулатович 33, 255,
296

Сицкий-Ярославский 271

Скопин-Шуйский Ф. И. 52, 54,
60, 61, 88, 95, 107

Собакин С. 93

Старицкие 95

Старицкий А. И. см. Андрей
Иванович

Старицкий В. А. см. Владимир
Андреевич

Сукин Б. И. 75

Сукин Мисаил 209

Сукин С. 104

Сулейман Законодатель 271

Сулешев Ю. Е. 296

Сухотины 175

Таубе И. 211, 212, 220, 222—
226, 229, 230, 232, 237, 244

Тверские (князья) 290

Телятевский П. И. 295

Темкин-Ростовский Ю. И. 54,
60, 95

Терентий (протопоп) 93

Тетерин Т. 249

Тимофеев И. 69

Тимур (Тимур-Аксак) 31

Тохтамыш 91

Траханиотовы 284

Третьяков Ф. И. 240

Трифон (епископ суздальский)
153

Трубецкой Б. 78

Трубецкой Т. Р. 294

Турков Е. И. 163, 165—167, 179,
183

Турунтай-Пронский см. Прон-
ский (Турунтай) И. И.

Тучков М. В. 27

Тучковы 40

Тюдоры 230, 311

Ульяна Дмитриевна (жена кня-
зя Юрия Васильевича) 103

Урусов П. 296

Федор см. Бармин Ф.

Федор Алексеевич (царь) 302

Федор Иванович (царь) 87, 204,
221, 227, 237, 277, 290

Федоров И. П. 52, 54—55, 60,
61, 80, 88, 95—96, 223, 243,
249, 274

Феллинг З. 226, 227

Феодосий (архиепископ новго-
родский) 153, 163, 182

Феодосий (епископ коломен-
ский) 153

Феодосий Косой 71, 111

Феофил (патриарх александ-
рийский) 210

Филипп (митрополит) 211, 224,
249

Филофей (архимандрит) 107

Флетчер Дж. 71, 72, 98, 132,
256, 271, 280, 290, 291, 293

Хабаров И. И. 140
Хворостинин И. Ф. 35
Хованские 301
Ходкевич Г. 243, 274, 275, 293
Хрущов А. Ф. 66, 134
Хрущова З. С. 176
Хрущовы 173, 176

Чеботов И. Я. 221
Чевкин-Дурново И. А. 172
Чеглоков В. 139
Челищев Ф. И. 139
Черкасов И. А. 67, 78
Челяднины 223
Чижов В. 107, 108
Чюлков Т. 93

Шах-Али (Шигалей) 181, 189
Шереметев И. П. 296
Шереметевы 289
Шибанов В. 241
Шеин В. Д. 140
Шлихтинг А. 237, 259
Штаден Г. 222, 233, 244, 248
Шувалов П. И. 231
Шуйские 55, 75, 89, 90, 95, 105,
106, 110

Шуйский А. М. 95, 97, 108, 161
Шуйский В. И. (Василий IV)
94, 290
Шуйский И. М. 140
Шуйский И. П. 294
Шуйский Н. П. 84—85
Шуйский П. И. 105, 106
Шуйский-Скопин см. Скопин-
Шуйский Ф. И.

Щелкалов А. Я. 95, 258
Щелкалов В. Я. 280
Щенятев П. М. 140
Щенятевы 290
Щербатов М. М. 46, 56, 231,
281, 305

Юрий Васильевич (князь) 22,
85, 103, 118, 150—151, 169,
200, 206, 217
Юрий Иванович (князь Дми-
тровский) 146
Юрьев Д. Р. 107, 108

Ясманов Г. 139

Оглавление

Введение

5—11

Начало Московского царства

**Критический обзор известий
о восстании 1547 г.**

14—75

Летописи

16—30

Иван Грозный о восстании

30—36

**Курбский о событиях
лета 1547 г.**

36—42

**Царственная книга
(вставки, миниатюры)**

42—66

Поздние известия

66—75

«Смятение» в Москве.

Июнь 1547 г.

75—119

Становление «земских соборов»

120—261

**Соборы конца 1540-х —
начала 1550-х годов**

133—196

**Соборы середины 1550-х —
начала 1560-х годов**

196—208

Собор 1560 г.

208—211

Собор кануна опричнины

211—246

Местничество и абсолютизм (постановка вопроса)

262—307

Послесловие

308—311

Источники и литература

312—339

Список принятых сокращений

340—353

Указатель имен

354—358

Шмидт С. О.

Ш 73 Становление российского самодержавства (Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного). М., «Мысль», 1973.

359 с. с илл.

События середины XVI в. — важнейший этап в процессе формирования централизованного государства в России, годы начала Московского царства. Книга посвящена в основном политической организации русского общества того времени. Характеризуются «смятение» в Москве в 1547 г. и отражение этих событий в публицистике, история становления земских соборов, практика и идеология местничества. Явления эти рассматриваются в тесной взаимосвязи с другими факторами внутренней и внешней политики и идеологии Российского государства.

Работа построена на обширных архивных и литературных источниках.

Ш $\frac{0164-018}{004(01)-73}$ 125—72

9 (С) 13

Шмидт,
Сигурд Оттович

СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО САМОДЕРЖАВСТВА

Редактор *Г. И. Пылаева*
Младший редактор *В. М. Кузнецова*
Оформление художника *А. Б. Боброва*
Художественный редактор *А. А. Брантман*
Технический редактор *Ж. М. Конобеева*
Корректор *Л. М. Чигина*

Сдано в набор 28 июня 1972 г. Подписано в печать 11 декабря 1972 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂, № 2. Усл. печатных листов 18,9. Учетно-издательских листов 21,15. Тираж 8000 экз. А 04681. Цена 1 р. 43 к. Заказ № 949.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, Центр, Красная ул., 1/3.

Исследование
социально-политической
истории времени
Ивана Грозного





составил

СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО
САМОДЕРЖАВСТВА

